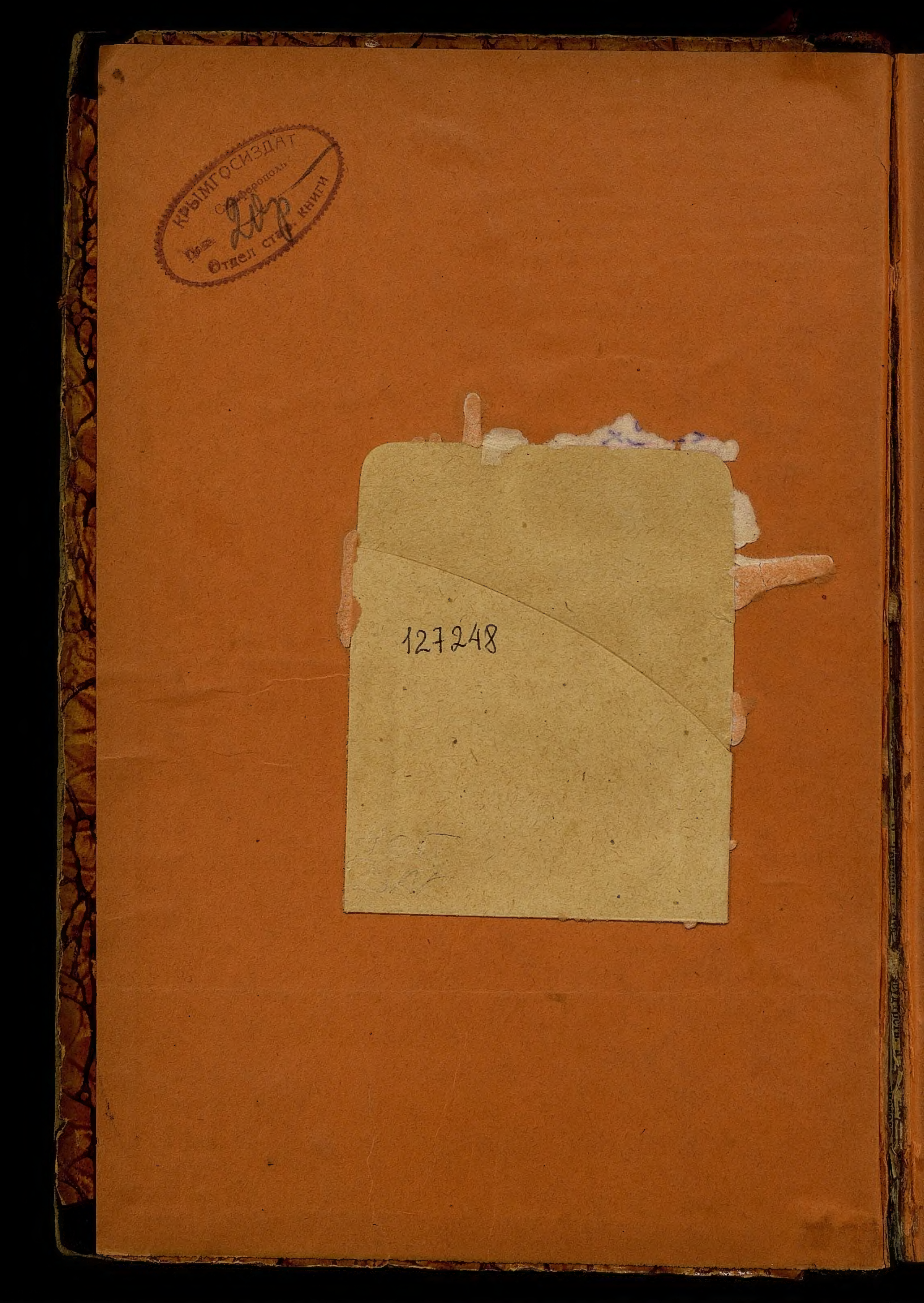
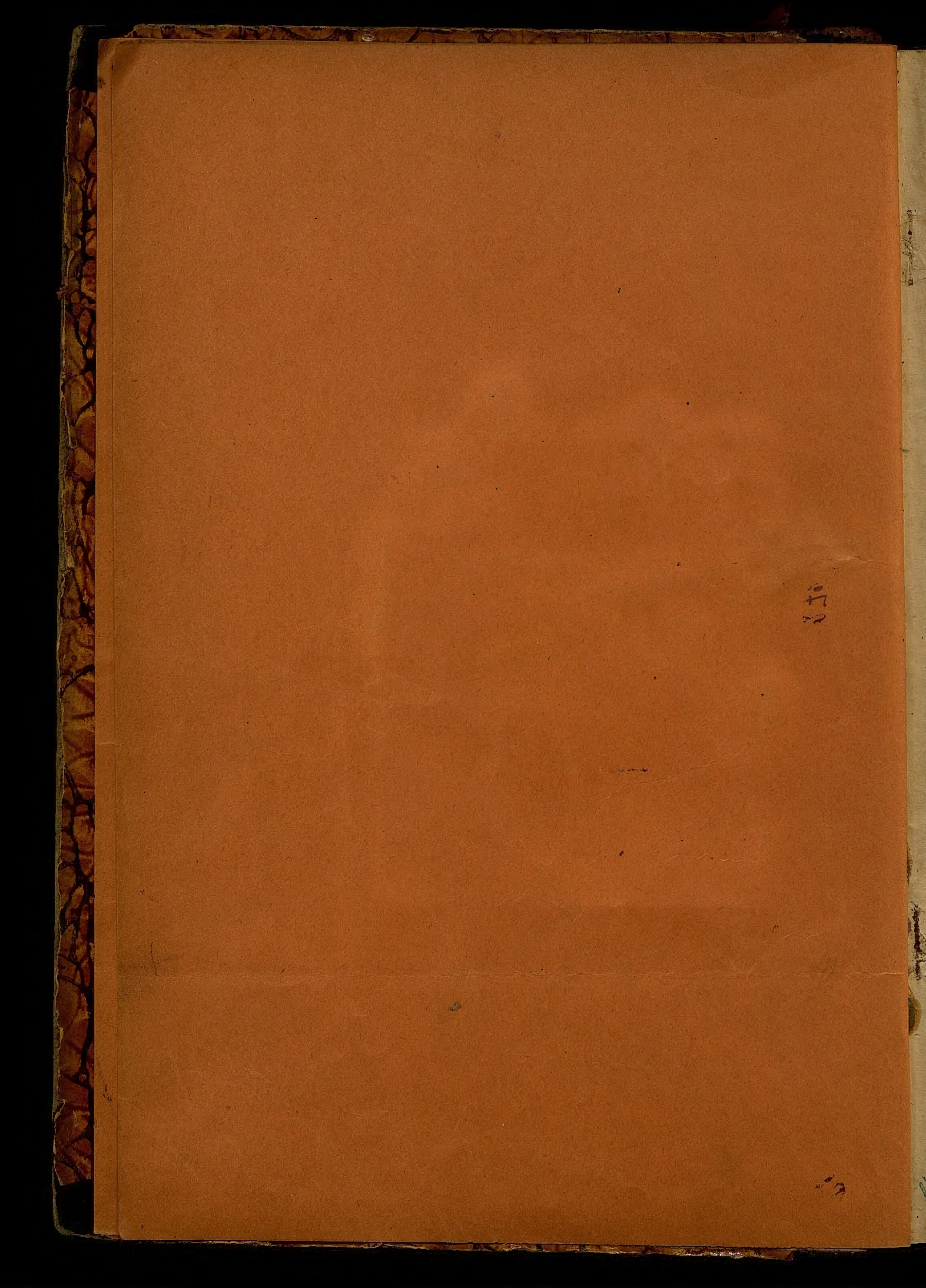

КРЫМГОСИЗДАТ
Отдел
книги
127248

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

КУРСЪ ПРОФ. Д. И. БАГАЛѢЯ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ПО ЕГО ЛЕКЦІЯМЪ.

Часть 1-я — до половины XIII ст.

(домонгольскій періодъ.)

Изданіе Филологическаго Отдѣла Общества взаимопомощи студентовъ Харьковскаго Университета.

Типо-Литографія С. Иванченко,

Харьковъ, Костюринскій пер. 2.

1909 г.

П. Н—совъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Общія историческія понятія.

Различіе между элементарнымъ и научнымъ курсомъ исторіи. Элементарныя историческія свѣдѣнія даетъ средняя школа—гимназія. Въ университетѣ излагается исторія, какъ наука. Но въ чемъ же заключается разница между исторіей, какъ предметомъ, преподаваемымъ въ низшей и средней школѣ, и исторіей, какъ научной дисциплиной? Этотъ вопросъ я считаю полезнымъ выяснить, прежде чѣмъ приступить къ изложенію русской исторіи, какъ науки. Нужно знать, что можетъ дать историческая наука въ ея полномъ объемѣ и современномъ развитіи. Провести демаркаціонную линію между элементарнымъ и научнымъ методомъ необходимо еще и потому, что и въ практикѣ, и въ теоріи оба метода нерѣдко отождествляются: съ одной стороны въ средней школѣ попадаются такіе учителя (и часто лучшіе), которые ведутъ свое преподаваніе по образцу университетскаго, а съ другой—и въ педагогической литературѣ слышатся голоса, защищающіе такую систему. И даже въ настоящее время среди русскихъ историковъ-педагоговъ мы замѣчаемъ два теченія, два взгляда, какъ бы взаимно другъ друга исключающіе. Представителемъ одного является педагогъ Я. Г. Гуревичъ, другого—проф. И. М. Гревсъ.

По мнѣнію Гуревича, исторія, какъ наука, представляетъ существенныя отличія отъ исторіи, какъ учебнаго предмета, и по цѣли своей, и по объему, и по критической оцѣнкѣ матеріала. Первая ставитъ своей цѣлью изслѣдовать законы, по которымъ совершаются явленія политической и культурной жизни народовъ, вторая же даетъ свѣдѣнія о важнѣйшихъ событіяхъ прошлаго, чтобы объяснить настоящее и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовать умственному и нравственному развитію учащихся. Первая имѣетъ всегда одну, неизмѣнную цѣль, коренящуюся въ самой сущности предмета; вторая же, преслѣдуя, главнымъ образомъ, педагогическіе интересы, видоизмѣняетъ подъ вліяніемъ ихъ и свои частныя задачи, тѣмъ болѣе, что должна считаться съ такими важными факторами, какъ возрастъ и степень развитія учениковъ. Первая представляетъ критическое изслѣдованіе матеріала, почерпаемаго изъ первоисточниковъ; вторая въ лучшемъ случаѣ можетъ дать только понятіе объ этой критикѣ источниковъ, не входя при этомъ въ сущность критической работы. Первая, ставя своею цѣлью раскрытіе народнаго самосознанія, слѣдитъ за историческимъ процессомъ жизни всего человѣчества; вторая же, указывая на общій ходъ въ развитіи человѣчества и на взаимную связь народовъ, останавливается только на главнѣйшихъ моментахъ, и то въ исторіи болѣе

важныхъ національностей. Первая изслѣдуетъ всѣ стороны исторической жизни народовъ, въ томъ числѣ и высшія проявленія человѣческаго духа—науку, философію, литературу, искусство; вторая должна по необходимости ограничиваться только тѣми необходимыми явленіями, которыя доступны пониманію учащихся, должна дѣлать изъ безграничнаго запаса фактовъ очень ограниченный выборъ и только постепенно вводить въ преподаваніе болѣе сложный и трудный матеріалъ.

Проф. Гревсъ, возражая Гуревичу, заявляетъ наоборотъ, что между исторіей, какъ наукой, и исторіей, какъ учебнымъ предметомъ, нѣтъ существенной разницы. „Исторія, гдѣ бы она ни преподавалась, для кого бы она ни писалась, имѣетъ одну цѣль—изученіе всемірно-историческаго процесса; различіе между той и другой не принципіальное, а количественное, и должно выражаться въ выборѣ подходящаго матеріала и въ спеціальныхъ пріемахъ его изложенія, сообразно съ развитіемъ учащихся“. Только научное изложеніе въ школѣ можетъ имѣть и педагогическое значеніе; только оно даетъ матеріалъ для развитія міровоззрѣнія и формальныхъ способностей—памяти, воображенія и мышленія. Такая постановка дѣла, конечно, потребуетъ отъ преподавателя основательныхъ научныхъ познаній, которыя при этомъ должны постоянно освѣжаться. Такимъ образомъ, необходимо болѣе близкое общеніе между наукой и преподавателями исторіи: при коллективныхъ усиліяхъ ученыхъ историковъ и педагоговъ возможно будетъ усовершенствовать элементарные методы преподаванія.

Спрашивается, какъ же примирить эти, повидимому, непримиримые взгляды? Намъ кажется, однако, что въ пропасти, которая отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга, есть нѣкоторый мостикъ. Въ самомъ дѣлѣ, Гуревичъ, настойчиво подчеркивающій разницу между научнымъ и элементарнымъ методами преподаванія исторіи, въ то же самое время говоритъ, что „всѣ данныя и взгляды, сообщаемые въ курсѣ среднихъ учебныхъ заведеній, отнюдь не должны противорѣчить даннымъ и взглядамъ, выработаннымъ исторической наукой, а напротивъ, должны совпадать съ ними“. Г. же Гревсъ, высказывая мысль, что между исторіей, какъ наукой, и исторіей какъ учебнымъ предметомъ, нѣтъ принципіальной разницы, въ то же самое время хочетъ, чтобы для средней школы выбирался матеріалъ, доступный возрасту и развитію учащихся, чтобы онъ излагался сообразно педагогическимъ требованіямъ, т. е. другими словами, онъ соглашается съ основнымъ положеніемъ Гуревича. Но разъ мы допустимъ (а не допустить невозможно) необходимость примѣняться къ возрасту и развитію учащихся, мы тѣмъ самымъ создаемъ и особое содержаніе, и особое изложеніе исторіи, какъ учебнаго предмета. Она не должна стоять въ противорѣчіи съ данными и выводами исторіи, какъ науки (въ этомъ совершенно правъ

г Гревсъ), но между той и другой будетъ огромная, существенная, принципіальная, а далеко не одна только количественная разница и въ матеріалѣ, и въ способѣ его обработки, и въ способѣ его изложенія. Глубокая разница между той и другой зависитъ отъ того, что для научнаго пониманія исторіи необходимо такое высокое развитіе формальныхъ способностей, какого нѣтъ и не можетъ быть въ общей массѣ учащихся; но этого мало: сверхъ того, требуется еще и значительный уровень матеріальнаго развитія этихъ способностей т. е., запасъ идей и понятій о жизни вообще и о жизни человѣка въ частности; а сколь несовершенны понятія о сложныхъ явленіяхъ современной жизни въ юношескомъ возрастѣ! Установивъ принципіальную разницу между научной и элементарной исторіей, мы перейдемъ теперь къ характеристикѣ исторіи, какъ науки.

Исторія, какъ наука. Понятіе объ исторіи не оставалось неизмѣннымъ: наоборотъ, оно постепенно расширялось въ связи съ развитіемъ самой науки. Между стариннымъ взглядомъ на исторію, какъ на повѣствованіе о достопримѣчательныхъ событіяхъ, и современнымъ ея опредѣленіемъ (развитіе всемірно историческаго процесса) цѣлая пропасть: въ первомъ случаѣ исторія могла превратиться (и, дѣйствительно, превратилась) въ какую-то кунсткамеру рѣдкостей; во второмъ она обнимаетъ всю совокупность историческихъ явленій жизни—политической и культурной, даетъ понятіе о переходѣ отъ болѣе простыхъ формъ жизни къ болѣе сложнымъ, о движеніи всемірно историческаго процесса. Для народовъ древняго классическаго міра, для великихъ историковъ, создавшихъ исторію (Ѳукидида, Полибія, Геродота) она не была наукой, а искусствомъ, и служила, главнымъ образомъ, для возбужденія патріотическаго, нравственнаго или эстетическаго чувства. Въ средніе вѣка исторія, можно сказать, превратилась въ лѣтопись, въ которой видное мѣсто занимали баснословные, чудесные разсказы. Эпоха реформаціи снова выдвинула на первый планъ древніе историческіе образцы, а XVIII-й вѣкъ привнесъ въ историческую науку чрезвычайно важный философскій элементъ, создалъ философію исторіи, которая ставитъ своею цѣлью философское, проникнутое объединяющей и руководящей идеей разсмотрѣніе сложныхъ и разнообразныхъ явленій всемірной исторіи; своимъ абстрактнымъ характеромъ она отличается отъ исторіи, которая даетъ ей только матеріалъ въ видѣ своихъ обобщеній. Теперь предметомъ особеннаго вниманія стало объясненіе историческихъ явленій, общаго хода историческаго процесса. Въ концѣ XVIII вѣка является историческая критика, которая составляетъ драгоцѣннѣйшее достояніе исторіографіи XIX—XX столѣтія.

Историческая критика. И мы съ удовольствіемъ должны отмѣтить тотъ фактъ, что родоначальникомъ исторической критики, этого кра-

угольнаго камня въ новѣйшихъ успѣхахъ исторической науки, былъ изслѣдователь главнаго источника древне-русской исторіи—лѣтописи, приписываемой Нестору, русскій академикъ и нѣмецкій ученый историкъ Августъ Людвигъ Шлецеръ. Даже нѣмцы начинаютъ новый періодъ своей исторіографіи со Шлецера; для русской же исторической науки его „Несторъ" былъ образцомъ, которому подражало все послѣдующее поколѣніе до Карамзина и Погодина включительно. Въ своихъ работахъ Шлецеръ стоялъ на раціональной, строго научной точкѣ зрѣнія: онъ возставалъ противъ теократическаго пониманія историческаго процесса, ничего не принималъ на вѣру, не довѣрялъ никакимъ авторитетамъ, стремясь къ одной только истинѣ. Я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести его слова, выясняющія высокое назначеніе историка. „Prima lex historiae" писалъ онъ, „ne quid falsi dicat". „Писатель, по его словамъ, это непризнанный, неоплачиваемый слуга гражданскаго общества, добровольный совѣтникъ народа. Если другіе чиновники всегда сохраняютъ свою власть, хотя бы и потеряли разумъ, то писатель силенъ лишь тогда, когда разсудокъ при немъ; страшны не писатели, не журналисты, которые вносятъ свѣтъ въ мрачныя области ханжества, нетерпимости, тайнаго порабощенія, но страшна публичность, которую они вызываютъ". Дѣло Шлецера продолжали великіе германскіе историки Нибуръ и Ранке, родоначальники исторической школы на основахъ скептицизма и исторической критики. Историческая критика направлена на изслѣдованіе источниковъ, на опредѣленіе ихъ достовѣрности и дѣлится на низшую критику и на высшую. 1-я опредѣляетъ подлинность источника, время, мѣсто его написанія и личность автора, 2-я касается достовѣрности разсказа—могъ ли знать авторъ то, что описывалъ, искрененъ ли онъ въ своихъ показаніяхъ. Но кромѣ этой формальной критики, есть еще реальная, направленная на разборъ достовѣрности самихъ событій и опирающаяся уже, главнымъ образомъ, на условіяхъ исторической возможности того или другого факта. Пріемы исторической критики, вообще говоря, просты и элементарны: въ основѣ ихъ лежитъ здравый смыслъ; но, кромѣ того, новѣйшая исторіографія выработала еще цѣлый рядъ спеціальныхъ правилъ, которыми долженъ руководствоваться всякій современный изслѣдователь (избѣгать апріорныхъ заключеній, основывать свой выводъ на источникахъ первой руки, изучать труды предшественниковъ, но не принимать на вѣру ихъ заключеній, сопоставлять разныя свидѣтельства объ одномъ и томъ же событіи, но отдавать предпочтеніе не количеству, а качеству источниковъ.)

Относительное значеніе историческихъ свидѣтельствъ. Необходимость строгой исторической критики вызывается еще самимъ характеромъ историческихъ свидѣтельствъ. Въ этомъ отношеніи существуетъ зна-

чительная разница между естествоиспытателемъ и историкомъ: первый пользуется опытомъ т. е., матеріаломъ, доступнымъ его непосредственному наблюденію, второй долженъ основываться на показаніяхъ другихъ лицъ, которыя въ свою очередь нерѣдко заимствуютъ свои разсказы изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Но и очевидцу не легко бываетъ въ точности представить извѣстное событіе. Ничто такъ не рѣдко, какъ буквально точный разсказъ—говоритъ Гумбольдтъ. Извѣстно, что никогда нѣсколько очевидцевъ не сообщаютъ объ одномъ и томъ же фактѣ совершенно одинаковыхъ извѣстій, и при томъ даже тогда, когда каждый изъ нихъ будетъ вполнѣ добросовѣстенъ и правдивъ; и это потому, что такая разница лежитъ въ самой психологіи разсказчика: у каждаго свой уголъ зрѣнія, своя сфера наблюденія и, наконецъ свой стиль, языкъ для передачи впечатлѣній; даже самое наивное простодушіе не можетъ намъ гарантировать однообразіе въ повѣствованіи. Извѣстенъ анекдотъ о Вальтерѣ Раллеѣ, который былъ заключенъ въ Тоуэрскую тюрьму и отъ скуки вздумалъ писать всеобщую исторію. Между тѣмъ въ тюрьмѣ произошло одно событіе, привлекшее всеобщее вниманіе; Раллей, пожелавъ его изслѣдовать, сталъ расспрашивать очевидцевъ и былъ пораженъ противорѣчивостью ихъ показаній. Тогда онъ отказался отъ намѣренія писать исторію. Въ этомъ убѣждаютъ насъ и многочисленные факты, касающіеся разнаго рода источниковъ—лѣтописей, мемуаровъ, даже актовъ и грамотъ, не говоря уже о генеалогическихъ таблицахъ, выводящихъ, напримѣръ, фамилію Разумовскихъ отъ дворянъ Рожинскихъ. Вообще миѳическій элементъ играетъ видную роль въ исторической наукѣ: только мало по малу удается вытѣснять его оттуда или отводить ему настоящее мѣсто среди памятниковъ народнаго поэтическаго творчества. Только теперь, на основаніи изслѣдованій Зибеля, мы убѣдились, что главными дѣятелями перваго крестоваго похода были папа Урбанъ II и Боемундъ Тарентскій, а между тѣмъ и до сихъ поръ въ учебникахъ царятъ Петръ пустынникъ и Готфридъ Бульонскій. Извѣстно также, что сага о Вильгельмѣ Теллѣ была занесена въ Швейцарію изъ сѣверной Германіи послѣ самого событія, а между тѣмъ она превратилась въ одинъ изъ догматовъ историческихъ вѣрованій швейцарскаго народа. Поэзія, нужно сказать, несмотря на свое коренное отличіе отъ исторіи, не рѣдко вторгается въ область этой послѣдней.

Отсутствіе свободы научнаго изслѣдованія. Историку въ своей дѣятельности приходится считаться и съ чисто внѣшними препятствіями, стѣсняющими его въ работѣ и нарушающими, поэтому, основное право его свободу научнаго изслѣдованія. Соображенія и мотивы, ничего общаго съ наукой неимѣющіе, вторгаются въ чуждую имъ область, въ область научнаго изслѣдованія, гдѣ не должно быть мѣста принужденію и

насилію. Петръ Великій въ этомъ вопросѣ стоялъ на правильной точкѣ зрѣнія, что мы знаемъ на основаніи одного факта изъ его царствованія. Бужинскій оставилъ безъ перевода одно мѣсто, показавшееся ему неудобнымъ, въ книгѣ Пуффендорфа о политическомъ состояніи европейскихъ государствъ, но получилъ за это умолчаніе строгій выговоръ отъ государя. Подозрительное мѣсто гласило слѣдующее: „Зазорны же русскіе и невоздержательны суть, свирѣпы и кровожаждущи человѣци, въ вещахъ благополучныхъ безчинно и нестерпимою гордостью возносятся, въ противныхъ же вещахъ—низложеннаго ума и сокрушеннаго; ко прибыли и лихвѣ, хитростію собираемой, никакой же народъ паче удобенъ есть. Рабскій народъ рабски смиряется и жестокостью власти воздержатися въ повиновеніи любятъ и яко же всѣ игры въ бояхъ и ранахъ у нихъ состоятся, такожъ и бичей и плетей у нихъ частое есть употребленіе“. Въ 1733 году послѣдовалъ указъ Анны Іоанновны о сожженіи книги о жизни Остермана, Миниха и Бирона, вышедшей за границей. Елизавета Петровна издала указъ о присылкѣ книгъ „съ извѣстными именами“, чтобы замести всякіе слѣды царствованія Іоанна VI-го Антоновича. Заслуживаетъ вниманія прямо невѣроятный, а между тѣмъ имѣвшій мѣсто въ дѣйствительности фактъ именно, запрещеніе Синодомъ Миллеру печатать Сибирскія лѣтописи, „ибо въ нихъ—по мнѣнію Синода, находятся не малое число лжей, басней, чудесъ и церковныхъ вещей, которыя никакого имовѣрства не токмо недостойны, но и противны регламенту Академіи, въ которомъ именно, запрещается академикамъ и профессорамъ никоимъ образомъ не мѣшаться въ дѣла, касающіяся до закона“. Запрещеніе Академіи печатать лѣтописи было вызвано такими же мотивами. „Разсуждаемо было въ Синодѣ, что въ Академіи затѣваютъ исторіи печатать, въ чемъ бумагу и прочій коштъ терять будутъ напрасно, понеже въ оныхъ книгахъ писано лжи явственныя, отчего въ народѣ можетъ произойти не безъ соблазна“. Къ царствованію Екатерины II-й относится гоненіе за литературную дѣятельность на Радищева и Новикова. Подвигаясь далѣе къ нашему времени мы не встѣчаемъ недостатка въ фактахъ этого порядка. Въ XIX вѣкѣ достаточно указать на разгромъ Петербургскаго и Казанскаго Университета въ царствованіе Александра I-го (Руничъ, Магницкій), на затрудненія, испытанныя Пушкинымъ при изученіи Пугачевщины и т. д. Диссертація Костомарова, посвященная вопросу о церковной уніи въ Юго-западной Руси, подверглась даже сожженію. Въ Казани подъ редакціей одного профессора была переведена на русскій языкъ восточная рукопись о Магометѣ, при чемъ цензура потребовала, чтобы слово „пророкъ“ въ ней было замѣнено „лжепророкомъ“. Трудъ Бильбасова объ Екатеринѣ II-й долженъ былъ по цензурнымъ условіямъ выйти заграницей. Благодаря тѣмъ же условіямъ

русское общество ничего не знало о насильственной смерти Павла I-го, такъ какъ объ этомъ событіи молчала оффиціальная наука, и мемуары объ этой эпохѣ появились у насъ въ недавнее время Только лишь въ наше время былъ открытъ для научной разработки, и то не безусловно, архивъ Департамента Полиціи, на основаніи документовъ котораго написалъ нѣсколько любопытныхъ монографій г. Лемке.

Вспомогательныя знанія. Понятное дѣло, что историки должны употребить массу усилій для полученія достовѣрныхъ фактовъ, должны пользоваться въ широкихъ размѣрахъ такъ называемыми вспомогательными знаніями, куда входятъ археологія съ ея отдѣлами—палеографіей, дипломатикой, сфрагистикой, геральдикой и нумизматикой, генеалогія, хронологія, историческая географія, этнографія, библіографія и наконецъ, даже естественныя науки (геологія, химія и т. д.) Всѣ эти вспомогательныя знанія служатъ косвеннымъ пособіемъ для установленія точныхъ историческихъ фактовъ.

Воспроизведеніе фактовъ. Но сами по себѣ факты не составляютъ еще исторіи: это только матеріалъ для нея; это—члены, кости, мускулы, органы исторіи; а если исторія есть общественный организмъ, то еще нужно знать жизнь этого организма т. е. сцѣпленіе фактовъ, причинную связь между ними. И лѣтопись можетъ давать точные факты, но она еще не исторія, потому что лишена прагматизма. Въ умѣніи отыскивать причинную связь событій и явленій культурно-экономической жизни заключается главное достоинство современнаго изслѣдователя—историка, которому при этомъ приходится имѣть дѣло не съ чистымъ матеріаломъ, а съ отраженіемъ его въ чувствахъ наблюдателя; такимъ образомъ, онъ видитъ не самый фактъ, а только преломленный и отраженный лучъ отъ него. Къ счастью, сущность человѣческой природы одна и таже, и на этомъ основывается возможность корректива. На помощь изслѣдователямъ приходитъ такъ называемый сравнительный методъ, при которомъ сопоставляются разныя формы человѣческаго общежитія, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ ихъ существованія; такимъ образомъ, иной разъ на основаніи аналогіи можно восполнить то, о чемъ молчатъ прямыя свидѣтельства, въ особенности, если къ этому сравнительному методу мы присоединимъ еще чисто историческій, т. е. опредѣлимъ различныя общественныя формы въ ихъ послѣдовательномъ развитіи у одного и того же народа. Въ изслѣдованіи отдѣльныхъ явленій и въ обобщеніи фактовъ важную роль играютъ гипотезы, въ особенности, если ими пользуются съ должной осторожностью.

Культурный элементъ въ исторіи. Между тѣмъ содержаніе исторіи все-болѣе и болѣе расширялось: къ обозрѣнію политическихъ событій

присоединялось все больше и больше культурнаго элемента, въ концѣ концовъ изъ этого выросла отдѣльная отрасль человѣческаго знанія —исторія культуры, претендующая на полную независимость отъ исторіи, явился даже антагонизмъ между защитниками чисто историческаго и культурнаго направленія въ исторіи. Мы лично стоимъ за привнесеніе въ исторію культурнаго элемента въ возможно широкихъ размѣрахъ; мы полагаемъ, что въ ней имѣютъ полное право гражданства явленія и экономической, и соціальной жизни, и умственнаго и нравственнаго прогресса общества. Но едва ли только тутъ есть какая-нибудь почва для антагонизма. Пусть изслѣдуются не только высшія проявленія человѣческаго духа: литература, наука, философія, искусство, но и факты, касающіеся домашней жизни, обстановки; съ тѣхъ поръ какъ наша наука рѣшилась давать исторію не однихъ государствъ, а и народовъ, все это въ нашихъ глазахъ пріобрѣло большую цѣну—лишь бы только въ концѣ концовъ изъ всего этого матеріала можно было сдѣлать грандіозную историческую картину, на которой ярко и выпукло, но непремѣнно съ должной перспективой было-бы изображено все прошлое извѣстнаго народа: и его политическая исторія, и его соціально-экономическій бытъ, и наука, и искусство, и литература, и религія, и нравственность. Но, именно, во имя исторической перспективы мы возстаемъ противъ исключительнаго преобладанія той или иной стороны жизни; съ этой точки зрѣнія намъ представляются односторонними и требованія теоретиковъ экономическаго матеріализма.

Теорія экономическаго матеріализма. Увлеченіе соціально-экономической стороной историческаго процесса нашло себѣ яркое выраженіе въ особомъ философскомъ построеніи исторіи—глубоко монистическомъ по существу—такъ называемомъ экономическомъ или діалектическомъ матеріализмѣ. Направленіе это было обосновано и формулировано творцами научнаго соціализма—Карломъ Марксомъ Фридрихомъ Энгельсомъ и ихъ послѣдователемъ Каутскимъ. Послѣдователи этой школы все многообразіе явленій историческаго процесса объясняютъ, исходя изъ анализа экономическихъ отношеній и принципа діалектическаго развитія, установленнаго Гегелемъ. Въ общественномъ производствѣ своей жизни, говоритъ Марксъ, люди наталкиваются на необходимыя, отъ ихъ воли независящія отношенія отношенія производства, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной степени развитія ихъ матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ отношеній производства составляетъ экономическую структуру общества, реальную основу, на которой возвышается юридическая и политическая надстройка. Такимъ образомъ—право, религія и философія, словомъ, вся идеологическая надстройка по терминологіи марксизма—базируется на экономической

основѣ, съ чѣмъ, конечно, согласиться невозможно. Необходимо замѣтить, что изъ среды марксистовъ нашлись такіе, которые сочли нужнымъ внести нѣкоторыя добавленія и поправки въ матеріалистическое пониманіе исторіи, отводя большее мѣсто въ немъ идеологической сторонѣ, ибо въ дѣйствительности идеи съ большимъ основаніемъ могутъ быть признаны основой историческаго процесса, чѣмъ экономика.

Искусство въ исторіи. Искусство играетъ важную роль въ исторіи, потому что эта послѣдняя сама является въ одномъ отношеніи искусствомъ (въ дѣлѣ изложенія). Тенъ говоритъ: „въ историкѣ есть критикъ, который провѣряетъ факты, ученый, который собираетъ ихъ, философъ, который ихъ поясняетъ, но всѣ они должны быть скрыты за художникомъ, который повѣствуетъ. Искусство завершаетъ науку, какъ цвѣтъ растенія. „Художественность въ историкѣ состоитъ въ умѣньи представить живо и образно эпоху, что обусловливается глубокимъ изученіемъ матеріала и природнымъ дарованіемъ историка“. Къ сожалѣнію, очень немногіе изъ историковъ обладали и художественнымъ талантомъ, и такія лица, какъ Гиббонъ, Маколей, Тьери, Тэнъ, Костомаровъ все таки представляютъ исключеніе, а не общее правило. Тѣмъ не менѣе для всякаго историка обязательна переспектива въ исторической картинѣ, т. е. опредѣленіе болѣе существеннаго и менѣе важнаго.

Психологія въ исторіи. Исторія имѣетъ дѣло съ психологіей индивидуальной и съ психологіей народной. Первая даетъ ключъ къ разгадкѣ характеровъ отдѣльныхъ историческихъ дѣятелей, вторая пытается достигнуть той же цѣли по отношенію къ націямъ. Какъ біографія отдѣльной личности основывается на законахъ индивидуальной психологіи, такъ исторія—эта біографія человѣчества—должна получать свое объясненіе въ народной психологіи. Характеръ играетъ такую же важную роль въ объясненіи всякаго историческаго событія, какъ и внѣшнія условія дѣятельности личности.

Историческіе законы. Реакція противъ поклоненія героямъ въ исторіи привела къ обезличенію историческихъ факторовъ, къ попыткѣ указать общіе законы историческаго развитія. Но возможны ли историческіе законы въ точномъ смыслѣ этого слова? Нѣтъ! Законъ есть выраженіе постояннаго отношенія между двумя одновременными или послѣдовательными явленіями; для того, чтобы открыть его, необходимо имѣть рядъ повторяющихся въ неизмѣнной связи однородныхъ явленій. А между тѣмъ исторія есть процессъ, состоящій изъ послѣдовательной смѣны явленій, которыя даются намъ въ данной совокупности только одинъ разъ; историческіе факты не повторяются: они вполнѣ индивидуальны. Слѣдовательно, историческіе законы — это химера. Закономѣрными элементами оказываются въ исторіи соціологическій и психологическій; поэтому можно и нужно говорить о законахъ соціо-

логіи, но не исторіи. Всѣ науки, какъ системы понятій, говорятъ о родахъ, одна исторія—объ индивидуумахъ; первыя имѣютъ въ виду, что есть всегда, одна исторія—то, что было разъ и чего ужъ нѣтъ. Никогда путемъ эмпирическаго обобщенія мы не создадимъ историческаго закона: это будетъ только обобщеніе, касающееся извѣстнаго народа; а чтобы вывести общій законъ, необходимо, именно, устранить мысленно все, что дѣлаетъ несходною исторію націй т. е. національную исторію. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы ходъ исторіи не былъ подчиненъ закону причинности; законъ причинности въ такомъ смыслѣ дѣйствуетъ въ исторіи, но онъ не фаталенъ для каждой отдѣльной личности: эта послѣдняя можетъ итти и противъ установившагося теченія, ибо въ мірѣ человѣческомъ, въ противоположность природѣ, дѣйствуетъ свобода воли. Къ числу такихъ главнѣйшихъ историческихъ законовъ въ относительномъ значеніи этого слова нужно отнести: 1) причинность историческихъ явленій, 2) ихъ неповторяемость, 3) прогрессъ и 4) единство исторіи. Вѣра въ прогрессивное развитіе человѣческихъ обществъ, основанная на лучшихъ чувствахъ человѣка, находитъ себѣ оправданіе въ общемъ ходѣ историческаго процесса. Исторія, разсматриваемая въ небольшихъ пространствахъ времени, представляется однообразной; обнимаемая въ большихъ періодахъ, она представляетъ картину колебаній—акцій и реакцій; созерцаемая въ цѣломъ, въ обширномъ теченіи вѣковъ и народовъ, она заключаетъ въ себѣ основную идею прогресса. Въ такомъ же видѣ исторія является предъ нами съ характеромъ единства, универсальности, который совмѣщается съ принципомъ національныхъ особенностей.

Субъективизмъ и объективизмъ въ исторіи. Но спрашивается, возможно-ли вполнѣ объективное изображеніе историческаго прошлаго? Извѣстно, что и въ Европѣ, и у насъ существуютъ двѣ историческія школы—субъективныхъ и объективныхъ историковъ. Устранить совершенно субъективный элементъ изъ исторіи не возможно; образъ прошедшаго дважды преломляется: во 1-хъ въ самихъ свидѣтельствахъ, а во 2-хъ въ личности историка. Но необходимо стремиться къ объективности; оцѣнка историка должна быть всестороннимъ изслѣдованіемъ явленія. Оцѣнку эту мы должны дѣлать на основаніи мѣрки прошлаго времени, а не современныхъ воззрѣній. Но нельзя отрицать вліянія на историковъ такихъ факторовъ, какъ національность, характеръ эпохи, религіозныя и политическіе воззрѣнія и т. п.

Значеніе исторіи. Такимъ образомъ, историческая истина всегда имѣетъ не абсолютный, а относительный характеръ; но это нисколько не мѣшаетъ исторіи: съ одной стороны мы удовлетворяемся и этимъ относительнымъ знаніемъ (и не въ одной исторіи, а и въ другихъ наукахъ), а съ другой—въ немъ лежитъ залогъ его постояннаго про-

гресса; мы, по выраженію украинскаго философа Г. С. Сковороды, только ловимъ птицу—истину, которая отъ насъ постоянно удаляется и въ этомъ величайшая привлекательность изслѣдованія истины: если бы она дана была намъ въ готовомъ окончательномъ видѣ, мы бы почувствовали апатію и скуку. На этомъ основано то высокое наслажденіе, которое даетъ историку-спеціалисту самостоятельный творческій процессъ; оно близко подходитъ къ радости, доставляемой поэтическимъ творчествомъ. И подобное состояніе доступно всякому, вступившему на путь самостоятельныхъ историческихъ розысканій, какъ бы сухи и скучны они не казались постороннимъ. Такова субъективная психологическая сторона въ занятіяхъ исторіей; объективную же необходимость подобныхъ работъ едва ли нужно доказывать: успѣхи исторіи, какъ науки, прямо зависятъ отъ разработки ея частей. Но нужно изучать исторію не съ одними спеціальными, а и съ общеобразовательными цѣлями; первое можетъ привлечь немногихъ, второе доступно всѣмъ. Исторія, изучаемая съ этой точки зрѣнія, развиваетъ прежде всего наши формальныя способности. Она даетъ намъ научное мышленіе, которое необходимо не только ученому, но и всякому образованному человѣку; человѣкъ, привыкшій пользоваться пріемами историческаго мышленія, будетъ правильнѣй судить и о современности, чѣмъ тотъ, кто не получилъ дисциплины ума, сообщаемой историческимъ образованіемъ. Во-вторыхъ, исторія даетъ и реальную пищу нашему уму: она расширяетъ нашъ кругозоръ, міросозерцаніе, даетъ ключъ къ пониманію современности, къ сознательному, а не безучастному отношенію къ ней. Она обогащаетъ нашъ умъ культурными и общественными идеями, заключающими въ себѣ принципы, которыми жили и продолжаютъ жить историческіе народы. XIX вѣкъ можно характеризовать, именно, господствомъ исторіи и исторической точки зрѣнія. Не говоря уже о самомъ содержаніи исторіи, которое чрезвычайно расширилось, историческое изученіе было примѣнено и къ языку, и къ народному хозяйству, и къ другимъ сферамъ культурной и спеціальной жизни и имѣло важныя послѣдованія. Въ результатѣ его явилась важная философская идея, которою можетъ гордиться XIX вѣкъ—идея органическаго развитія, прогресса человѣческихъ обществъ. Идейное богатство исторіи имѣетъ наибольшее значеніе въ общеобразовательномъ отношеніи и съ этой точки зрѣнія культурно-соціальная исторія важнѣе внѣшней, политической. Но общество состоитъ изъ индивидуумовъ, которые одни только думаютъ, чувствуютъ, желаютъ, дѣйствуютъ—слѣдовательно, за формами жизни мы не должны забывать человѣка: отсюда—гуманитарная точка зрѣнія, которая можетъ имѣть огромное, воспитательное значеніе. Она въ соединеніи съ идеей

прогресса можетъ спасти насъ отъ страшной общественной язвы—разъѣдающаго насъ пессимизма.

Какъ общая исторія, такъ и мѣстная—занята изученіемъ историческаго процесса человѣческаго общежитія. Но между ними есть и различіе. Всеобщая исторія, прагматически, въ послѣдовательной смѣнѣ историческихъ явленій изображаетъ жизнь народовъ, наибольшіе успѣхи, достигнутые ими въ развитіи общежитія, и исторіи каждаго народа отводитъ мѣсто постольку, поскольку онъ принималъ участіе въ этой послѣдовательной и совокупной работѣ человѣчества надъ устройствомъ и улучшеніемъ своей жизни. Мѣстная исторія стѣсняетъ свой кругозоръ самимъ предметомъ изученія: она изучаетъ процессъ развитія одного народа, какъ отдѣльной этнографической особи, и имѣетъ поэтому, возможность остановиться на немъ подробнѣе, выяснить всѣ стороны жизни даннаго народа. Изученіе мѣстной исторіи имѣетъ и практическое значеніе. Историческія параллели, примѣры и справки изъ прошлаго часто помогаютъ намъ разобраться въ запутанныхъ ситуаціяхъ современности и избѣжать непростительныхъ ошибокъ. Исторія нашего народа, научно воспроизведенная—по мѣткому выраженію пр. В. О. Ключевскаго—становится приходо-расходной его книгой, по которой подсчитываются недочеты его прошлаго.

Изучая русскую исторію, мы будемъ разсматривать, главнымъ образомъ, государственный строй и культурную жизнь русскаго общества въ послѣдовательно смѣнявшіе другъ друга періоды нашей исторіи. Такимъ образомъ, предметомъ нашего изученія будетъ служить, главнымъ образомъ, смѣна культуръ въ русской исторической жизни.

Литература: Иконниковъ, „Опытъ русской исторіографіи". Карѣевъ, „Объ общемъ значеніи историческаго образованія, часть 1-я, „Историческ. Обозр." VII, Ключевскій, „Курсъ русской исторіи", часть 1-я, лекц. 1-я и 2-я. Карѣевъ, „Основные вопросы философіи исторіи". Д. И. Багалѣй, „Элементарная методика исторіи", (Сб. харьк. ист. фил. общ., т. VI).

Доисторическій бытъ населенія русской территоріи.

Значеніе археологіи. Прежде исторію народа начинали обыкновенно излагать съ того момента, когда о немъ появились письменныя извѣстія, когда онъ выступалъ на историческую арену въ качествѣ этнографической единицы, стоящей на извѣстной ступени гражданственности. Пользуясь одними письменными источниками, историческая наука должна поневолѣ суживать кругъ своихъ задачъ, исключая изъ области своего изученія весь тотъ огромный періодъ до-исторической жизни человѣчества, единственными свидѣтелями котораго остались

вещественные памятники. При такомъ пробѣлѣ въ историческомъ знаніи, если бы мы игнорировали вещественные памятники, мы не были бы въ состояніи прослѣдить развитіе человѣческой культуры отъ первобытныхъ стадій ея до того момента, когда къ нашимъ услугамъ являются письменные источники, отъ эпохи дикости до эпохи цивилизаціи—по терминологіи Моргана. Но роль археологіи не прекращается и съ появленіемъ письменныхъ источниковъ: и тогда приходится обращаться къ изученію вещественныхъ памятниковъ, такъ какъ письменныя свѣдѣнія часто малочисленны, неопредѣленны и бѣдны по содержанію. Сами по себѣ вещественные памятники мертвы и представляютъ только основы для научнаго изученія; археологія съ помощью извѣстныхъ методовъ, выполняетъ эту задачу. и тогда памятники прошлаго даютъ намъ цѣнный матеріалъ для познанія человѣческой культуры въ различныя стадіи ея эволюціоннаго развитія. На помощь археологіи въ выполненіи этой задачи приходятъ науки: сравнительная этнографія, лингвистическая палеонтологія, антропологія и др. Значеніе до-исторической археологіи громадно: благодаря только ей одной мы можемъ представить себѣ матеріальный бытъ и даже духовное развитіе человѣчества на первобытныхъ стадіяхъ культуры. При помощи однихъ письменныхъ источниковъ мы можемъ начать исторію Россіи не ранѣе какъ съ IV в. по Р. X.—мы имѣемъ здѣсь въ виду исторію восточныхъ славянъ. Между тѣмъ на нашей территоріи съ незапамятныхъ временъ жили различные народы; о нѣкоторыхъ изъ нихъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній, кромѣ вещественныхъ памятниковъ, и здѣсь, слѣдовательно, благодарняя почва для археологическаго изученія. Поэтому и мы, приступая къ изложенію общаго курса русской исторіи, должны предварительно остановиться на культурѣ древнѣйшихъ насельниковъ нашей территоріи и прослѣдить ея развитіе вплоть до эпохи славяно-русской.

Время появленія человѣка на землѣ опредѣляется при помощи геологіи и палеонтологіи. Слѣды существованія человѣка, несомнѣнно, встрѣчаются въ такъ называемую диллювіальную (ледниковую) эпоху четвертичнаго періода. Существуетъ мнѣніе, что человѣкъ уже существовалъ и въ пліоценовую формацію третичнаго періода, такъ какъ тогда уже климатическія условія благопріятствовали его появленію, и въ то время жили родственныя съ ними животныя. Появленіе человѣка въ эту эпоху являетсяв вполнѣ допустимымъ; à priori, мы не можемъ принять этого мнѣнія лишь потому, что доказательства, приводимыя его защитниками, нельзя признать совершенно убѣдительными, Попытки опредѣлить хронологически древность человѣка не привели къ надежнымъ результатамъ.

До-историческій бытъ человѣчества по характеру вещественныхъ

памятниковъ со времени норвежскаго археолога Томсена принято дѣлить на три періода: каменный, бронзовый и желѣзный. Относительно этихъ періодовъ необходимо замѣтить слѣдующее: они наступали не одновременно у всѣхъ народовъ, а сообразно ходу ихъ культурнаго развитія, и продолжались поэтому не одинаковое количество времени; переходъ изъ одного періода въ другой происходилъ, конечно, не скачками, не внезапно, а постепенно. Установленные въ до-исторической археологіи періоды различаются преобладаніемъ извѣстнаго рода вещественныхъ памятниковъ, а не исключительной принадлежностью ихъ къ одному роду.

Итакъ, мы застаемъ человѣка въ четвертичный періодъ. Изъ окружающей его фауны отмѣтимъ болѣе крупные и характерные ея виды: таковы мамонтъ, пещерный медвѣдь, пещерная гіена, пещерный левъ, носорогъ, гигантскій олень и четвертичная лошадь, послѣдняя, конечно, въ дикомъ состояніи. По способу обработки матеріала каменный вѣкъ принято дѣлить на двѣ эпохи: палеолитическую и неолитическую. Изъ находокъ первой эпохи въ Зап. Европѣ нужно отмѣтить знаменитые остатки „неандертальскаго“ человѣка, названные такъ по пещерѣ, гдѣ они были найдены. Черепъ отличается рѣзкими аномальными признаками—сильно покатымъ лбомъ и выдающимися надбровными дугами, что указываетъ на низкое физическое развитіе племени, къ которому онъ принадлежалъ. Древность этихъ остатковъ, не смотря на отсутствіе при нихъ человѣческихъ издѣлій, съ большимъ вѣроятіемъ относятъ къ четвертичному періоду.

Каменный вѣкъ—палеолитическая эпоха. Нѣкоторые западно-европейскіе ученые (Ворсо, Гревинкъ) высказывали мысль, что въ Россіи, вслѣдствіе болѣе суроваго климата, человѣкъ появился гораздо позже, чѣмъ въ Зап. Европѣ, и потому одновременное существованіе его съ мамонтомъ и носорогомъ не можетъ быть доказано. Но вскорѣ послѣдовавшія находки показали ошибочность этого утвержденія. Возлѣ с. Гонцовъ (Лубенск. уѣзда, Полтавской губ.), въ диллювіальномъ слоѣ были найдены кремневыя орудія, обожженныя кости разныхъ животныхъ, въ томъ числѣ и мамонта. Болѣе важна для доказательства существованія въ Россіи палеолитической эпохи находка у с. Карачарова (Муромскаго уѣзда, Владимірской губ.): здѣсь въ 1877 году гр. Уваровымъ были найдены кости мамонта и 525 каменныхъ орудій. По древности на первомъ мѣстѣ нужно поставить находку (г. Хвойка) въ 1893 г. при раскопкахъ въ Кіевѣ на Кирилловской улицѣ: по костямъ мамонта, кускамъ и стволамъ деревьевъ смолистыхъ породъ первобытной формы нужно допустить существованіе здѣсь до-историческаго человѣка еще въ междуледниковую эпоху. Среди находокъ каменнаго вѣка изслѣдователи различаютъ *мастерскія* и *стоянки*; какъ тѣ, такъ

и другія характеризуются находимыми въ нихъ каменными орудіями. Для стоянокъ, какъ для временныхъ пребываній человѣка, требовалась мѣстность, удовлетворяющая этимъ условіямъ, для мастерскихъ нужна была мѣстность, обильная кремнемъ, какъ матеріаломъ для приготовленія орудій. Большею частію стоянки и мастерскія встрѣчаются вмѣстѣ и лишь изрѣдка отдѣльно. Примѣромъ стоянки можетъ служить Карачаровская, а какъ на мастерскую можно указать на открытую Штукенбергомъ въ Мезенскомъ уѣздѣ, Архангельской губ., гдѣ въ изобиліи найдены разсѣянные обломки и осколки неудавшихся орудій, а также и готовыя орудія. Орудія въ этой мастерской отбиты изъ сѣроватаго кремня. Ихъ можно свести только къ двумъ родамъ орудій: ножамъ и скребкамъ.

Теперь на основаніи находокъ попытаемся изобразить бытъ человѣка палеолитической эпохи. Прежде всего нужно сказать, что палеолитическій человѣкъ, извѣстный наукѣ, ушелъ далеко впередъ въ культурномъ отношеніи отъ первобытнаго человѣка въ собственномъ значеніи этого слова. Орудія въ эту эпоху дѣлались изъ разныхъ каменныхъ породъ, но наиболѣе изъ кремня, вслѣдствіе его повсемѣстной распространенности и сравнительно легкой обработки. Первоначальная обработка получалась путемъ отбиванія, какъ результатъ обработки; при находкахъ часто попадаются такъ называемыя ядрища, имѣющія форму конуса съ замѣтными гранями. Осколки насаживались на древко и такимъ образомъ получался прототипъ наконечниковъ для стрѣлъ и копій. Другимъ матеріаломъ для приготовленія орудій служили кости животныхъ. Орудія палеолитической эпохи, по ихъ характернымъ признакамъ, можно свести къ 5 главнымъ группамъ. Это будутъ: ножи, скребки для оскребанія мяса животныхъ отъ костей, наконечники, молотъ и клинъ, употреблявшійся для рубки мяса и раскалыванія костей. Кости и бивни мамонта употреблялись вмѣсто теперешнихъ обуховъ и палицъ, просверленные звѣриные зубы—для ловли рыбы. Главнымъ занятіемъ и средствомъ для существованія первобытнаго человѣка были охота и рыбная ловля. Окруженный сильными животными мамонтовой фауны человѣкъ постоянно долженъ былъ вести съ ними борьбу за существованіе. Небольшихъ животныхъ онъ поражалъ кремневымъ копьемъ, стрѣлой или молотомъ; чтобы одолѣть крупныхъ животныхъ, нужны были соединенныя усилія первобытныхъ людей, которые прибѣгали здѣсь къ хитрости: выслѣдивъ животное, они загоняли его въ яму, озеро или трясину, гдѣ и убивали. Разведеніе домашнихъ животныхъ было тогда совершенно неизвѣстно. Пищей служили—мясо и рыба; особеннымъ лакомствомъ считался костный мозгъ. Вѣроятно, пищей служили и растительные продукты, въ дикомъ состояніи. Мясо употреблялось въ пищу большею

частію въ сыромъ видѣ, хотя встрѣчающіяся обожженныя кости свидѣтельствуютъ, что первобытный человѣкъ умѣлъ и поджаривать его. Жилищами для человѣка въ ту эпоху служили естественныя пещеры; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы находили очагъ и культурные слои, гдѣ попадаются отбивныя орудія, расколотыя кости, просверленные зубы и др. предметы. Изъ пещеръ этой эпохи въ Россіи наиболѣе извѣстны—Алтайскія пещеры въ Кѣлецкой губ., изслѣдованныя Завишей и Нижнеудинская пещера. Человѣкъ палеолитической эпохи сдѣлалъ уже важныя завоеванія въ культурномъ отношеніи: открылъ способъ добыванія огня и научился дѣлать каменныя орудія. Объ открытіи огня можно высказывать лишь предположенія: человѣкъ могъ получить его, при обработкѣ каменныхъ орудій и черезъ треніе. У первобытнаго человѣка палеолитической эпохи, несмотря на суровый образъ жизни, было стремленіе къ украшенію и чувство изящнаго, что свидѣтельствуетъ объ его духовномъ развитіи. Занятый борьбой за существованіе, человѣкъ находилъ все таки время для изготовленія предметовъ украшенія. Предметами украшеній служили: привѣски изъ просверленныхъ зубовъ пещернаго медвѣдя, костяныя бусы въ видѣ столбиковъ и др. Кромѣ того, палеолитическій человѣкъ достигъ нѣкоторыхъ успѣховъ въ рѣзьбѣ на кости и камнѣ. Такимъ образомъ, еще въ этотъ періодъ было положено начало орнаментальному искусству и фигурному. Нѣкоторыя костяныя издѣлія украшены полосками, расположенными симметрическими и параллельными группами. Входя съ окружающей природой въ соприкосновеніе, человѣкъ старался запечатлѣть нѣкоторыя картины ея въ изображеніяхъ; конечно, попытки эти были несовершенны, но онѣ для насъ тѣмъ цѣнны, что свидѣтельствуютъ о первоначальной стадіи съ развитіи искусства. На одной кости изображено дерево въ горизонтальномъ положеніи, а за нимъ какія-то перпендикулярныя полосы—нѣкоторые видятъ въ этомъ попытку начертить хижину. Звѣрей, съ которыми человѣку постоянно приходилось сталкиваться, онъ научился изображать довольно реально: въ Мадленской пещерѣ во Франціи найдено мастерское изображеніе мамонта на кости, а г. Хвойкомъ въ Кіевѣ на Кирилловской улицѣ открыта бивня мамонта съ изображеніемъ какого-то щитоноснаго животнаго въ видѣ черепахи, птичьей головы и ладьи. Такимъ образомъ, у первобытнаго человѣка мы замѣчаемъ сознательное отношеніе къ окружающему и извѣстное эстетическое чувство. Сдѣлать заключеніе о духовномъ развитіи его, на основаніи вещественныхъ памятниковъ, довольно затруднительно.

Переходная эпоха каменнаго вѣка. Нѣкоторые изслѣдователи (Мортильє и др.) проводятъ рѣзкое различіе между эпохой палеолитической и неолитической. По ихъ мнѣнію, неолитическая эпоха по высотѣ

культурнаго развитія настолько стоитъ выше палеолитической, что не могла развиться изъ нея эволюціоннымъ путемъ: она была принесена въ Европу новымъ населеніемъ, при чемъ оно не застало уже на мѣстѣ прежняго, которое исчезло до появленія неолитическаго человѣка— вѣроятнѣе всего, ушло за мамонтомъ, оленемъ, носорогомъ и др. животными вслѣдствіе перемѣны климата куда-то на сѣверъ. Такимъ образомъ, между палеолитической и неолитической эпохами нѣтъ никакой связи, а замѣчается перерывъ (hiatus). Но болѣе глубокое изученіе первобытной культуры показываетъ, что такое предположеніе не является логически необходимымъ, и мы имѣемъ полную возможность объяснить развитіе неолитической культуры изъ палеолитической. Конечно, перемѣна наступила не сразу, а путемъ продолжительной эволюціи, поэтому нѣкоторые археологи между палеолитической и неолитической эпохами вставляютъ еще *переходную*, къ разсмотрѣнію которой мы сейчасъ и переходимъ.

Переходная эпоха. Уже въ Иркутской стоянкѣ, открытой въ 1871 г. и относящейся къ концу палеолитической эпохи, можно видѣть слѣды зарожденія новой культуры: предметы изъ камня и кости (шары, кольца и др.) достигли значительной степени совершенства въ обработкѣ; кромѣ того, здѣсь мы находимъ вещи, вовсе неизвѣстныя по другимъ находкамъ; это—куски обожженной глины и глиняныхъ предметовъ въ видѣ четырехграннаго наконечника и призмы. По мнѣнію гр. Уварова эти находки свидѣтельствуютъ о неудавшейся попыткѣ къ открытію гончарнаго искусства, которое слѣдуетъ пріурочить къ переходной эпохѣ. Первоначально для хозяйственныхъ надобностей человѣкъ пользовался готовымъ матеріаломъ, какъ-то: раковинами, черепами животныхъ, орѣховыми скорлупами и т. п. Глина благодаря своимъ свойствамъ—(пластичности) была удобнымъ матеріаломъ для изготовленія сосудовъ. Сосуды доисторическій человѣкъ дѣлалъ прямо отъ руки безъ помощи гончарнаго круга. Сначала для этой цѣли употребляли натуральную глину, далѣе съ примѣсями различныхъ веществъ: песку, раковинъ и каменныхъ породъ, чтобы придать керамическимъ издѣліямъ извѣстную прочность. Волосовская стоянка и Плехановскій боръ въ Окскомъ бассейнѣ представляютъ дальнѣйшій этапъ въ развитіи культуры переходной эпохи: для приготовленія орудій употребляются болѣе мягкія породы камня сравнительно съ кремнемъ, острые края шлифуются, сверленіе слабо развито; оно производилось посредствомъ долбленія кремневымъ остріемъ. Среди шлифованныхъ орудій особенно любопытны здѣсь ясные слѣды пиленья камней; изъ костяныхъ издѣлій нужно отмѣтить шлифованныя различнымъ образомъ орудія, употреблявшіяся, вѣроятно, для проведенія узоровъ на глиняныхъ сосудахъ, и крючки для уженья рыбы. Въ качествѣ пред-

метовъ для украшенія служили привѣски изъ шиферныхъ плитокъ и тонкія костяныя пластинки. Глиняные сосуды отличаются разнообразіемъ своихъ формъ; обычная—чаша съ кругловатымъ дномъ и широкимъ отверстіемъ. Они не такъ хрупки, какъ въ началѣ переходной эпохи; ушки и ручки замѣняются у нихъ дырками. Узоръ изъ ямочекъ является у нихъ основнымъ мотивомъ орнамента; подражаній растеніямъ и животнымъ не встрѣчается.

Особенностью Плехановской стоянки служатъ кучи кухонныхъ остатковъ; по нимъ мы заключаемъ, что пищею для человѣка служили рѣчныя раковины и рыба, которая варилась въ сосудахъ на угляхъ.

Отличительнымъ признакомъ переходной эпохи служатъ также искусственныя пещеры; такія пещеры въ 1876 году были открыты нынѣ покойнымъ В. Б. Антоновичемъ въ лесѣ у Кирилловскаго монастыря въ Кіевѣ и въ другихъ мѣстахъ вдоль по теченію Днѣпра (въ пространствѣ между Вышгородомъ и Терехтемировымъ ихъ насчитано болѣе 50). Пещеры представляютъ собою длинные сводообразные корридоры до $2^1/_2$ арш. высотою и $1^1/_2$ арш. шириною; на полу нѣкоторыхъ пещеръ были найдены кухонные остатки, состоящіе изъ раковинъ, костей млекопитающихъ и рыбъ; встрѣчаются кости быковъ, свиней и лошадей, но незначительное количество ихъ заставляетъ предполагать, что онѣ принадлежатъ не домашнимъ животнымъ, а дикимъ, убитымъ на охотѣ. По осколкамъ глиняныхъ сосудовъ и орудіямъ, изготовленнымъ изъ мягкой каменной породы—краснаго желѣзняка, эти пещеры слѣдуетъ относить къ переходной эпохѣ. Въ переходную эпоху жилищами для человѣка продолжали служить и естественныя пещеры, большое количество которыхъ открылъ на южномъ берегу Крыма и описалъ Г. Мережковскій. Въ 1878—82 г.г. при устройствѣ Сясьскаго канала на побережьи Ладожскаго озера пр. Иностранцевымъ обнаружены были ясные и подробные слѣды каменнаго вѣка переходной эпохи. Въ торфяномъ слоѣ были найдены кости человѣка, животныхъ и издѣлія изъ камня и кости. Судя по костямъ животныхъ—тюленя, сѣвернаго оленя, лося, кабана, зубра, бураго медвѣдя, домашней собаки и др., мы видимъ, что современная до-историческому человѣку на побережьи Ладожскаго озера фауна была болѣе близка къ настоящей, чѣмъ въ эпоху палеолита. Домашнихъ животныхъ въ прирученномъ состояніи не было, кромѣ собаки 2 породъ, одна изъ которыхъ въ честь изслѣдователя получила въ наукѣ названіе „canis Inostranzewi“; собака и тогда являлась дѣятельнымъ помощникомъ человѣка въ его жизни. Каменныя орудія были найдены 2 родовъ: отбивныя и шлифованныя; это будутъ: скребки, наконечники стрѣлъ, долота, топора, рубила, долбни, точила; изъ предметовъ для украшенія встрѣчаются тоненькія пластинки и кольца. Найдено также громадное количество

костяныхъ и роговыхъ издѣлій—кости съ различными заостреніями съ одной или обоихъ сторонъ, ножи-скребки, иглы, шила, дротики, гарпуны и лопаты, а также особыя издѣлія, въ которыхъ нѣкоторые склонны видѣть амулеты. Цѣлыхъ глиняныхъ сосудовъ не найдено; сосуды были большихъ размѣровъ, плохо обожжены, украшены орнаментомъ.

У первобытнаго человѣка на берегу Ладожскаго озера мы замѣчаемъ стремленіе къ силуэтному изображенію окружающихъ животныхъ: на нѣкоторыхъ костяныхъ предметахъ мы находимъ изображеніе тюленя и собаки. Для каменныхъ орудій нашъ первобытный человѣкъ любилъ употреблять сланцевыя породы, которыя благодаря своей мягкости наиболѣе пригодны для шлифовки и сверленія.

Неолитическая эпоха. Сверленіе и шлифовка служатъ главными отличительными признаками наступленія новой эпохи каменнаго вѣка—*неолитической;* съ зачатками этихъ искусствъ мы познакомились еще при разсмотрѣніи переходной эпохи, но расцвѣтъ ихъ относится къ неолитической. Первоначально шлифовка была частичной и распространялась только на остріе орудія, а затѣмъ уже стала захватывать все орудіе. Полировка производилась посредствомъ точильныхъ камней, большею частію песчаника. Въ началѣ человѣкъ сверлилъ лишь костяныя издѣлія, какъ наиболѣе податливыя. На каменныхъ орудіяхъ сверленіе замѣнялось долбленіемъ кремневымъ осколкомъ съ двухъ сторонъ, отчего на предметѣ получались двѣ воронки. Затѣмъ сверленіе производилось посредствомъ влажнаго песка и вращенія дерева или рога. Одно время полагали, при видѣ искуснаго сверленія, что это искусство относится къ бронзовому вѣку, такъ какъ требуетъ употребленія бронзоваго цилиндра и вообще металлическаго, но впослѣдствіи на опытѣ было доказано, что оно доступно и для неолитическаго человѣка при его орудіяхъ. Со сверленіемъ связано и умѣніе украшать каменныя орудія особыми изваяніями, что также характеризуетъ эпоху неолита; такіе памятники найдены были пока лишь на сѣверѣ Россіи, напр., Архангельскій топоръ, заканчивающійся съ одной стороны звѣриною головою. Матеріалъ для изготовленія орудій въ неолитическую эпоху значительно расширяется вслѣдствіе употребленія новыхъ болѣе мягкихъ породъ. Отдѣльную группу составляютъ каменныя орудія изъ нефрита; въ виду того, что въ Европѣ залежей этого матеріала до сихъ поръ не найдено, нѣкоторые ученые высказываютъ мнѣніе, что всѣ они принесены изъ Азіи; другіе же настаиваютъ на ихъ мѣстномъ происхожденіи, полагая, что залежи нефрита могутъ найтись и въ Европѣ. Въ Россіи нефритовыя орудія попадаются въ Сибири. Подъ вліяніемъ новыхъ жизненныхъ потребностей появляются неизвѣстныя прежде орудія: сѣкиры, мотыки, желобчатыя долота, зернотерки (находка г. Хвой-

ка при раскопкахъ землянокъ въ Приднѣпровьи), кинжалы и длинныя копья. Гончарное искусство въ неолитическую эпоху достигаетъ значительнаго совершенства какъ въ отношеніи улучшенія матеріала, такъ и орнаментики на сосудахъ. Сосуды вырабатывались или отъ руки или на устойчивыхъ основахъ, но все еще безъ гончарнаго круга, который появляется лишь съ наступленіемъ металлическаго вѣка въ скиѳо-сарматскій періодъ нашей исторіи. Характерные сосуды неолитической керамики слѣдующіе: корчаги, горшки, чаши, тарелки, кружки, сосуды загадочнаго характера: бездонные, двойные и одиночные, служившіе, вѣроятно, для цѣлей культа, а не хозяйственныхъ надобностей; изъ сосудовъ техническаго назначенія можно указать—пряслa и ткацкіе грузики, а музыкальнаго—свистки. Для нанесенія орнамента неолитическій человѣкъ пользовался нитью, веревочкой, тесьмой, рогожей, сѣткой, заостренной костью и др. Въ русской до-исторической керамикѣ устанавливаютъ 8 семействъ орнамента эпохи неолита, какъ-то: печатный, чеканный, точенный и др.

Неолитическая эпоха характеризуется въ отношеніи фауны исчезновеніемъ большихъ животныхъ эпохи палеолита, изъ которыхъ удержались только сѣверный олень, зубръ и туръ. Человѣкъ принужденъ былъ обезпечивать себѣ пропитаніе тѣмъ, что ловилъ животныхъ и заботился о размноженіи ихъ въ цѣлыя стада. Раньше всего была приручена собака, затѣмъ уже быки, овцы и свиньи; лошадь въ то время была сравнительно рѣдка. Такимъ образомъ, въ неолитическую эпоху появляются домашнія животныя и скотоводство. Охота и рыбная ловля продолжали оставаться главнымъ занятіемъ человѣка, хотя уже и не исключительнымъ. Обуглившіяся зерна хлѣбныхъ растеній, находимыя въ свайныхъ постройкахъ, а также ручныя мельницы и плоскіе камни для раздавливанія зеренъ (зернотерки) въ стоянкахъ и поселеніяхъ неолитической эпохи свидѣтельствуютъ о существованіи въ эту эпоху земледѣлія. Другое важное явленіе неолитической эпохи составляетъ открытіе обработки волокнистыхъ веществъ: ткани приготовлялись или посредствомъ простого плетенія руками или съ помощью примитивнаго ткацкаго станка; о существованіи этого искусства въ эпоху неолита свидѣтельствуютъ находки глиняныхъ пряслицъ. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ шерстяныя ткани преобладали на сѣверѣ Европы, льняныя въ южной Германіи.

Памятниками неолитической эпохи являются также стоянки и мастерскія. Раіонъ ихъ распространенія очень великъ; онѣ встрѣчаются на всемъ протяженіи Европейской Россіи отъ Бѣлаго моря до Чернаго, отъ Балтійскаго—до Уральскихъ горъ; въ Сибири стоянки тянутся съ запада на востокъ, отъ Уральскихъ горъ до Тихаго океана. Изъ стоянокъ укажемъ слѣдующія: у Никольской слободки противъ

Кіева (Черниговской гу.), обширная стоянка около с. Збранокъ (Волынской губ.), у с. Пекарей, (Черкас. у., Кіевской губ.) и мн. др.; въ нашей губерніи извѣстны слѣдующія: около с. Хухры (Ахтыр. уѣзда) и с. Кочетка, тянущаяся на разстояніи 10—15 вер. по берегу Сѣверскаго Донца и др. Стоянки въ то же время являются въ большинствѣ случаевъ и мастерскими, какъ мы уже имѣли случай указывать.

Жилищами человѣка въ неолитическую эпоху, кромѣ пещеръ, служили такъ называемыя культурныя ямы, надъ которыми на поверхности были хижины. Въ настоящее время онѣ засыпаны землею, пепломъ, кухонными отбросами; иногда въ нихъ попадаются человѣческія кости и даже цѣлые скелеты, поэтому ихъ сначала считали за погребенія. Теперь преобладаетъ мнѣніе, что онѣ представляютъ собою остатки жилья и погребенія вмѣстѣ. Къ поселеніямъ неолитической эпохи относятся городища—доисторическія укрѣпленія, защищенныя валомъ и сдѣланныя изъ земли или камня вокругъ мѣста, которое нуждалось въ защитѣ. Въ виду того, что городища сохранились и отъ временъ историческихъ, не легко отличить неолитическія городища отъ остальныхъ видовъ ихъ. Нерѣдко въ пластахъ земли городища мы находимъ остатки какъ неолитическихъ, такъ и позднѣйшихъ эпохъ, что свидѣтельствуетъ объ обитаемости городища въ разныя культурныя эпохи, начиная съ эпохи неолита. Культурныя ямы и городища разбросаны по всей Европѣ; у насъ, въ Россіи, ямы встрѣчаются возлѣ Кіева и въ среднемъ Приднѣпровьѣ; сельбища съ остатками пепла неолитической эпохи были найдены возлѣ Казани. Изъ городищъ упомянемъ о Дьяковскомъ возлѣ Москвы, въ нижнихъ слояхъ котораго найдены каменные и костяные предметы; наиболѣе часто встрѣчаются неолитическія городища въ западной Волыни. И въ неолитическую эпоху человѣкъ не забывалъ, конечно, удовлетворять своей врожденной наклонности къ изящному, объ этомъ свидѣтельствуетъ развитіе орнаментики, достигавшей иногда высокой степени совершенства; изъ предметовъ украшенія впервые появляются подвѣски изъ янтаря, доставлявшагося путемъ торговли изъ Сѣвернаго и Балтійскаго морей; глиняные статуэтки, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, указываютъ на существованіе искусства ваянія.

Въ области духовной культуры въ неолитическую эпоху мы замѣчаемъ не менѣе важную перемѣну въ сравненіи съ палеолитомъ—мы здѣсь имѣемъ въ виду факты погребальнаго обряда; а это обстоятельство указываетъ на цѣлую эволюцію въ области идей, связанныхъ со смертью, матеріальнымъ и духовнымъ существомъ человѣка. Обрядъ погребенія нужно признать за отличительный признакъ неолитической эпохи; онъ предполагаетъ также существованіе религіозныхъ представленій, хотя бы въ зачаточной формѣ. Гр. Уваровъ считалъ отсут-

ствіе насыпей характернымъ признакомъ неолитическихъ гробницъ, судя по открытымъ имъ пяти могиламъ въ Валосовской стоянкѣ недалеко отъ г. Мурома. Костяки лежали тутъ на боку по направленію отъ сѣвера къ югу, съ одной рукой, подложенной подъ голову, надъ головой въ слоѣ угля находился сосудъ съ пепломъ, звѣриными костями и кремневымъ наконечникомъ изящной отдѣлки. Раскопки гр. Бобринскаго возлѣ м. Смѣлы (Кіевской губ.) показываютъ, что къ неолитической эпохѣ относятся и курганныя погребенія. Могилы каменнаго вѣка, конечно, неолитической эпохи, Кіевской губ. пр. В. Б. Антоновичъ раздѣляетъ на 3 вида: 1) курганы со скелетами въ вытянутомъ положеніи, иногда обернутыми въ древесную кору, 2) плоскія могилы съ погребеніемъ въ каменныхъ ящикахъ (кистахъ), довольно рѣдкія, 3) большіе курганы, содержащіе по нѣскольку скелетовъ въ скорченномъ положеніи; къ этому виду и относятся курганы возлѣ м. Смѣлы. Характерной чертой этого вида погребенія является окрашиваніе костяковъ краснымъ веществомъ минеральнаго происхожденія, присутствіе каменныхъ топоровъ и низанныхъ костяныхъ украшеній (въ с. Кобриновѣ Кіевской губ. было найдено 12 могилъ съ 15 костяками, скорченными, окрашенными красной краской, обращенными лицомъ внизъ). Къ неолитической эпохѣ относится также любопытный обычай трепанаціи череповъ, имѣвшій, вѣроятно, религіозное значеніе; встрѣчается онъ въ курганахъ возлѣ м. Смѣлы, въ городищѣ на Княжей горѣ и въ другихъ мѣстахъ. Въ концѣ неолитической эпохи на сѣверѣ Европы возникаетъ обрядъ трупосожженія: трупы сожигали на кострахъ, а пепелъ клали въ могилу просто кучкой или въ сосудахъ, вмѣстѣ съ покойникомъ въ могилу клали орудія и ставили сосуды. Въ Россіи новый погребальный обрядъ неолитической эпохи встрѣчается въ Кіевской губ., Бессарабіи, Подоліи, Екатеринославской губ., Харьковской губ (около с. Будъ и х. Березовки Ахтырскаго уѣзда) и въ др. мѣстахъ.

Начало эпохи неолита приблизительно опредѣляется за 5000—7000 лѣтъ до нашей эры, ея конецъ—за 1000 лѣтъ до нашей. Говоря о неолитической эпохѣ, нельзя обойти молчаніемъ раскопокъ г. Хвойка въ среднемъ Приднѣпровьѣ и пр. фонъ-Штерна въ Бессарабіи, установившихъ существованіе оригинальной неолитической культуры. Эта такъ называемая *Трипольская* культура, представляющая сходство съ Микенской имѣла обширное распространеніе: слѣды ея встрѣчаются, начиная отъ Черниговской губ. въ области Десны, далѣе въ Кіевской губ. въ бассейнѣ Днѣпра, въ смежныхъ частяхъ Херсонской губ., проходятъ черезъ Подольскую губ., отсюда идутъ на западъ въ Галицію, а на югъ—въ Бессарабію и далѣе въ славянскія земли Балканскаго полуострова и въ Румынію. Раскопки Хвойка въ самомъ Кіевѣ

по Кирилловской ул. и среднемъ Приднѣпровьѣ (м.м. Стайкахъ, Жуковцахъ, Трипольѣ, Веремьѣ и др.) познакомили ученый міръ съ характерными чертами этой своеобразной неолитической культуры. Всѣ находки относятся къ 2 видамъ сооруженій—землянкамъ и глинянымъ площадкамъ. Землянки представляютъ собою подземное сооруженіе, служившее жилищемъ для неолитическаго человѣка; ихъ можно сравнить съ культурными ямами, о которыхъ мы уже говорили. Находимые въ нихъ предметы и кухонные остатки позволяютъ нарисовать картину матеріальной, отчасти и духовной культуры ихъ обитателей. Вещи хозяйственнаго характера, находимыя въ землянкахъ, какъ-то: пряслицы, зернотерки и ткацкіе челноки, свидѣтельствуютъ о занятіяхъ жителей. Населеніе землянокъ, судя по этимъ находкамъ, было знакомо съ земледѣліемъ и ткацкимъ искусствомъ. На занятіе земледѣліемъ указываютъ также зерна обуглившейся пшеницы, проса, ячменя и конопли и примѣсь мякины къ обмазкѣ стѣнъ. На днѣ землянки находится очагъ, наполненный золою, смѣшанною съ пищевыми остатками. Содержаніе этихъ остатковъ знакомитъ насъ съ питаніемъ жителей землянокъ. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимали растворчатыя раковины, затѣмъ мясо четвероногихъ животныхъ—оленя, дикой козы, дикаго кабана и бобра, а также и домашнихъ—лошади и коровы, сравнительно рѣже встрѣчаются кости рыбы и птицъ. Въ нѣкоторыхъ землянкахъ были найдены конгломераты въ видѣ лепешекъ, представлявшіе остатки пищи первобытнаго человѣка, превратившіеся благодаря химическому процессу изъ органическихъ веществъ въ минеральныя. Изъ издѣлій костяныхъ и каменныхъ первое мѣсто по количеству и качеству занимаютъ костяныя; каменныя неискусно отбиты и отшлифованы. Гончарное искусство, въ началѣ стоявшее на низкой ступени развитія, впослѣдствіи достигаетъ значительнаго совершенства. По черепкамъ, находимымъ въ землянкахъ, можно прослѣдить это развитіе; отъ черепковъ изъ плохого матеріала и съ слабымъ обжогомъ мы переходимъ къ черепкамъ, значительно превосходящимъ первые въ указанныхъ отношеніяхъ и украшеннымъ орнаментомъ.

Глиняныя площадки относятся къ совершенно другому виду сооруженій, чѣмъ землянки. Судя по замѣтно обдуманному выбору мѣстности для ихъ постройки, системѣ ихъ расположенія, разнообразію ихъ инвентаря, мы заключаемъ, что нѣтъ возможности провести аналогію между ними и землянками и что, поэтому, назначеніе ихъ должно быть совершенно другое. Площадки располагались обыкновенно на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ, на югѣ примыкавшихъ къ водѣ. Расположеніе и содержаніе площадокъ показываетъ, что онѣ не были жилыми помѣщеніями, а погребальными сооруженіями и мѣстами для совершенія различныхъ религіозныхъ обрядовъ. Эти могильные памят-

ники, повидимому, часто реставрировались путемъ обмазки и окраски, а также періодически посѣщались родственниками, приносившими сюда съ собою сосуды ритуальнаго характера и пищевыя вещества. Погребеніе совершалось посредствомъ сожженія, происходившаго или на мѣстѣ или въ спеціальномъ помѣщеніи. Кости клали въ сосудъ или оставлялись на полу площадокъ. По инвентарю площадокъ, ихъ изслѣдователь г. Хвойко различаетъ 2 типа культуры, каждый изъ которыхъ характеризуется различными керамическими издѣліями и другими признаками.

Изъ разнообразныхъ сосудовъ, встрѣчающихся въ площадкахъ, упомянемъ о слѣдующихъ: двойные биноклеобразные сосуды, украшенные бороздчатымъ орнаментомъ, шарообразные и плошкообразные сосуды, поверхность которыхъ покрыта коричневой краской и грушевидные сосуды съ небольшимъ отверстіемъ въ верхней части, украшенные спиральнымъ орнаментомъ.

Оригинальною особенностью Трипольской культуры являются глиняныя статуэтки, свидѣтельствующія о развитіи искусства и художественныхъ способностей человѣка неолитической эпохи, если только онѣ не были привозными. Изъ находокъ этого рода упомянемъ о статуэткѣ изъ темнокрасной глины, представляющей собою женскую фигуру, трехугольное лицо которой, крючковатый носъ и близко поставленные глаза—придаютъ всей физіономіи сходство съ совой; о фигурѣ изъ черной глины, изображающей человѣческую голову съ обозначеніемъ глазъ и носа, о глиняной женской статуэткѣ, покрытой коричневой краской, въ сидячемъ положеніи, съ сложенными на груди руками и горизонтально вытянутыми ногами и др. Какъ площадки, такъ и землянки принадлежатъ, надо судить, одному народу, но относятся къ различнымъ періодамъ его жизни. Аналогичныя находки были сдѣланы пр. фонъ-Штерномъ въ м. Петренахъ Бессарабск. области; имъ были изслѣдованы лишь однѣ площадки, такъ какъ землянокъ не было обнаружено, хотя пр. Штернъ не сомнѣвался въ ихъ существованіи. Эти площадки должны быть разсматриваемы не какъ остатки поселенія, но какъ мѣста для трупосожженія и жертвоприношенія. Сожженіе труповъ, вѣроятно, происходило не въ самомъ погребальномъ сооруженіи; остатки пепла и костей тщательно собирались въ урну, которая ставилась въ усыпальницѣ. Въ площадкахъ, кромѣ урнъ, находились другіе сосуды; урну окружали маленькіе сосуды, наполненные золой, остатками костей животныхъ или просомъ. Кромѣ того, на землѣ встрѣчаются каменные молотки и топоры, ножи, пилы изъ кремня и др. предметы. Петренская культура не знаетъ еще гончарнаго круга, но сосуды обожженны хорошо. По характеру исполненія можно различать три группы сосудовъ: 1) сосуды безъ всякаго укра-

шенія, 2) сосуды со вдавленной орнаментикой, которые—въ противоположность сосудамъ Трипольской культуры—встрѣчаются очень рѣдко, 3) сосуды, украшенные декоративной росписью; послѣдній видъ сосудовъ въ Петренскихъ раскопкахъ является преобладающимъ и представляетъ характерную особенность этой культуры. Живопись выполняется большею частію одной краской: черной или фіолето-коричневой, рѣже двумя красками: красной и черной. По разнообразію формъ сосуды Петренской культуры уступаютъ Трипольскимъ. Декоративная роспись Петренскихъ сосудовъ заставляетъ исправить господствующее въ наукѣ мнѣніе, что отдѣлка сосудовъ каменнаго вѣка въ Европѣ вращалось исключительно въ геометрическихъ формахъ въ противоположность росписнымъ сосудамъ въ культурныхъ странахъ Евфрата и Тигра, гдѣ мотивы декораціи были заимствованы изъ органическаго міра. На Петренскихъ сосудахъ мы впервые въ неолитической культурѣ Европы замѣчаемъ попытку украсить оставшіяся свободными послѣ геометрической орнаментировки мѣста образами органическаго міра. Мы встрѣчаемъ изображенія человѣческихъ лицъ—послѣднія не вполнѣ удачныя. На болѣе высокой ступени стоитъ изображеніе животныхъ: лошади или осла, козы и собаки, послѣдняя изображена во время бѣга. Въ тѣсной связи съ керамикой стоитъ и глиняная пластика; укажемъ на два фрагмента глиняныхъ идоловъ: одинъ представляетъ нижнюю часть какой то фигуры, другой—верхнюю часть тѣла съ грудными сосцами и двумя отверстіями въ плечахъ. Часто попадаются также изображенія быковъ съ большими, далеко расходящимися рогами.

По находкамъ хлѣбныхъ породъ, костямъ домашнихъ животныхъ нужно допустить, что жители, соорудившіе площадки, перешли къ осѣдлой жизни и занимались земледѣліемъ, конечно, примитивнымъ. Важнѣйшими домашними животными были: овца, коза, свинья, крупный рогатый скотъ, и можетъ быть, лошадь.

Населеніе первоначально знало обрядъ трупоположенія, а потомъ уже перешло къ трупосожженію; пережитки первобытнаго погребальнаго обряда можно видѣть въ обычаѣ класть вмѣстѣ съ урнами и пепломъ въ усыпальницу оружіе и предметы домашняго обихода.

Петренская и Трипольская культура, очевидно, одного происхожденія, но въ хронологическомъ отношеніи Трипольскую можно относить къ немного болѣе раннему періоду, чѣмъ Петренскую. По поводу происхожденія Трипольской культуры высказывалось мнѣніе, что въ ней слѣдуетъ видѣть отраженіе Микенской культуры. Однако, то обстоятельство, что неолитическое населеніе. строившее площадки, не знало еще бронзы, а все оружіе и орудія приготовляло изъ камня и кости, дѣлаетъ эту гипотезу, по мнѣнію пр. Штерна, болѣе

чѣмъ сомнительной. Внимательное изученіе образцовъ Петренской и Трипольской керамики показываетъ всю несостоятельность теоріи заимствованія; наоборотъ, въ мотивахъ Петренской росписи пр. Штернъ видитъ какъ бы преддверіе, прототипъ Микенской вазовой живописи; ее можно датировать 3-мъ тысячелѣтіемъ до Р. Х. Въ Петренской и Трипольской культурахъ мы должны видѣть, по его мнѣнію, созданіе индо-европейскаго населенія, достигшаго въ Дунайско-Днѣпровской области осѣдлой жизни и положившаго здѣсь начало той культурѣ, между прочимъ, и художественной керамикѣ, которая такъ пышно расцвѣла на греческой почвѣ. Такимъ образомъ, мы должны искать разгадки Микенской культуры по мнѣнію пр. Штерна, въ Петренско-Трипольской, а не на оборотъ. Добровольно или подъ напоромъ другой народной волны въ концѣ неолитической эпохи, племена, создавшія Трипольско-Петренскую культуру, покинули свое мѣстожительство и въ своемъ стремленіи съ сѣвера на югъ заселили берега Малой Азіи, острова Эгейскаго моря и собственно Грецію. Въ концѣ неолита прекращается, поэтому росписная керамика на югѣ Россіи и не существуетъ уже въ бронзовомъ и желѣзномъ вѣкахъ, а начинается на греческой почвѣ, куда она перешла вмѣстѣ съ населеніемъ, ее создавшимъ. Таково мнѣніе проф. Штерна о неолитической культурѣ въ области Дуная и Днѣпра; оно затрогиваетъ чрезвычайно важные вопросы и даетъ имъ извѣстное рѣшеніе, правильность котораго должна будетъ подтвердить или отвергнуть археологическая наука *въ будущемъ.*

Свайныя постройки и мегалитическія сооруженія. Къ неолитической эпохѣ въ Западной Европѣ относятся такъ называемыя свайныя постройки и мегалитическія сооруженія. Наиболѣе изслѣдованы свайныя постройки въ Швейцаріи, поэтому мы и воспользуемся ими, какъ типическимъ примѣромъ. Свайныя постройки открыты были въ Швейцарскихъ озерахъ. Въ 1854 году уровень воды въ озерахъ былъ очень низокъ; благодаря этому на днѣ озера обнажился цѣлый рядъ свай, тамъ же были найдены каменныя и костяныя орудія, кости животныхъ и нѣкоторые другіе предметы. Дальнѣйшія изслѣдованія привели къ мысли, что на этихъ сваяхъ держалась нѣкогда деревянная настилка и на ней строились хижины изъ плетня или досокъ, а сверху обмазывались глиною или смолою. На одномъ свайномъ сооруженіи могло помѣщаться много хижинъ въ видѣ цѣлаго селенія. Съ берегомъ они сообщались посредствомъ челноковъ и мостовъ, которые можно было по желанію разобрать. Всѣ открытыя доселѣ свайныя постройки истреблены пожаромъ, благодаря которому сохранилось, впрочемъ, множество такихъ предметовъ въ обугленномъ видѣ, которые безъ этого никогда бы не дошли до насъ.

Житель свайныхъ построекъ разводитъ нѣкоторые виды хлѣб-

ныхъ растеній и волокнистыхъ, причемъ изъ послѣднихъ онъ приготовляетъ одежду. Пища его является болѣе разнообразной, чѣмъ неолитическаго человѣка другихъ мѣстъ: онъ сушитъ себѣ на зиму яблоки и груши, питается мясомъ оленей, быковъ и свиней и, главнымъ образомъ, рыбой. Въ свайныхъ постройкахъ мы встрѣчаемъ и домашнихъ животныхъ—собаку, козъ, овецъ, крупный рогатый скотъ. Самое происхожденіе свайныхъ построекъ нужно поставить въ связь съ обиліемъ возлѣ нихъ рыбы, но кромѣ этого удобства въ свайныхъ постройкахъ тогдашніе люди расчитывали найти себѣ защиту отъ людей—враговъ. Можно даже полагать, что свайныя постройки были такими мѣстами, куда уходили временно для того, чтобы защитить себя отъ нападеній. Во всякомъ случаѣ озерные обитатели находились въ тѣсной связи съ берегомъ; на это между прочимъ указываетъ то обстоятельство, что при раскопкахъ свайныхъ построекъ не попадались человѣческія кости; очевидно, погребеніе происходило на сушѣ. Возникновеніе свайныхъ построекъ относится къ неолитической эпохѣ, но онѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продолжали существовать въ теченіе бронзоваго и даже желѣзнаго вѣковъ. Прежде озерныя жилища считали явленіемъ мѣстнымъ, думали, что кромѣ свайныхъ построекъ въ Швейцарскихъ озерахъ: Невшательскомъ, Цюрихскомъ и др.—ихъ болѣе нигдѣ не существуетъ, но теперь нужно отказаться отъ этого мнѣнія, такъ какъ свайныя постройки открыты чуть не во всѣхъ странахъ Западной Европы. У насъ въ Россіи онѣ были найдены въ Припятскихъ болотахъ Полѣсья, у истоковъ Березины и въ другихъ мѣстахъ.

Мегалитическіе памятники, относимые къ неолитической эхохѣ, существовали и въ послѣдующее время. Они дѣлятся на нѣсколько видовъ. *Менгиры* или стоячіе камни представляютъ собой простѣйшій видъ мегалитовъ—большія глыбы камней, водруженныхъ въ видѣ обелисковъ въ вертикальномъ положеніи. Сооружались они, повидимому, надъ могилами въ качествѣ надгробныхъ памятниковъ, хотя слѣдовъ погребенія подъ ними замѣтить не удалось. Сооруженія изъ камней, расположенныхъ въ видѣ круга, называются *кромлехами*. Менгиры, въ особенности, многочислены во Франціи, въ Россіи они встрѣчаются въ южныхъ губерніяхъ: Волынской, Подольской и Херсонской; кромлехи—въ Англіи—въ Россіи ихъ не найдено. *Дольмены* представляютъ собою искусственные камеры изъ грубо обтесанныхъ каменныхъ плитъ, находящіяся или просто подъ открытымъ небомъ или подъ земляною насыпью. Форма дольменовъ различна. Въ археологической наукѣ принято теперь мнѣніе, что дольмены представляютъ собою гробницы, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ ничего не найдено, такъ какъ они часто подвергались разграбленіямъ. Дольмены, покрытые землею, сохранились лучше, и въ нихъ мы нахо-

димъ человѣческіе костяки въ сидячемъ или лежачемъ положеніи, кости животныхъ, сосуды и др. предметы. Сосуды, находимые въ дольменахъ, отличаются хорошей обработкой: форма ихъ красива, обжигъ также хорошъ. Начало дольменовъ относится къ каменному вѣку, но въ дольменахъ, покрытыхъ землею, почти всегда попадаются металлическіе предметы. Дольмены встрѣчаются по всей Западной Европѣ, классической страной ихъ является Франція; въ Россіи они встрѣчаются на Кавказѣ, въ Крыму—Байдарской долинѣ и кое-гдѣ въ Польшѣ.

Мѣдно-бронзовый вѣкъ. Еще римскій поэтъ Лукреціи въ своей поэмѣ „De rerum natura" высказалъ мнѣніе, раздѣляемое теперь наукой, что человѣчество до желѣзнаго вѣка прошло двѣ другихъ культурныхъ эпохи развитія; въ первой изъ нихъ оружіемъ служили дубины и камни, а во второй—мѣдь.

„Arma antiqua manus, ungues dentesque fuerunt
Et lapides et item siluarum fragmina rami...
Posterius ferri vis est aerisque reperta,
Sed prior aeris erat, quam ferri cognitus usus
Quo facilis magis est natura et copia maior".

За каменнымъ вѣкомъ наступаетъ металлическій, который въ свою очередь дѣлится на два періода: бронзовый и желѣзный. Каменныя орудія не сразу вышли изъ употребленія, и намъ нерѣдко приходится встрѣчать металлическія орудія наряду съ каменными; то же нужно сказать и относительно наступленія желѣзнаго вѣка. Мы должны снова повторить, что эпохи культуръ—мѣдной, бронзовой и желѣзной, опредѣляются не исключительнымъ господствомъ этихъ металловъ, а преобладаніемъ ихъ въ употребленіи.

Какимъ образомъ произошло открытіе металловъ, мы, конечно, не знаемъ, но, по всей вѣроятности, оно было дѣломъ случая. Это открытіе было неожиданнымъ поворотомъ въ развитіи культуры и способствовало ея дальнѣйшему осложненію. Изъ четырехъ металловъ, играющихъ наиболѣе важную роль въ развитіи культуры: золота, мѣди, бронзы и желѣза, самыми древними по времени открытія являются первые два. Изъ драгоцѣнныхъ металловъ прежде всего стало извѣстно золото. Серебро дѣлается извѣстнымъ позже золота. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ и то обстоятельство, что оно рѣдко встрѣчается въ Европѣ въ самородномъ видѣ, чаще же всего въ видѣ рудъ и наиболѣе богатыя мѣстонахожденія серебра въ Европѣ въ до-историческія времена вовсе не были извѣстны. Свинецъ сдѣлался извѣстнымъ въ Европѣ, одновременно съ серебромъ, такъ какъ въ рудахъ серебро обыкновенно сопровождается свинцомъ. Благодаря своимъ свойствамъ—окисляемости, мягкости онъ не получилъ боль-

ного распространенія. Свинецъ попадается въ находкахъ желѣзнаго и бронзоваго вѣка въ качествѣ матеріала для украшеній. Точно также употребленіе олова въ до-исторической культурѣ было не обширно: оно шло, главнымъ образомъ, на украшенія. Главное же примѣненіе оно нашло въ себѣ въ качествѣ одной изъ составныхъ частей бронзы. Для уясненія вопроса о происхожденіи бронзовой культуры важно знать, гдѣ находились въ до-историческое время главныя мѣстонахожденія олова. Оказывается, что въ древности были извѣстны въ Европѣ рудники въ Британіи, испанскіе же рудники по своей незначительности могутъ не итти въ счетъ.

Раздѣленіе до-историческихъ временъ на три культурныхъ періода: каменный, бронзовый и желѣзный, предложенное Томсеномъ, въ общемъ и до-нынѣ сохраняетъ свою силу. Но въ виду того, что нѣкоторые народы отъ камня непосредственно переходили къ желѣзу, эту классификацію нельзя считать необходимой для культурнаго развитія каждаго народа въ отдѣльности. Кромѣ того въ это раздѣленіе необходимо внести нисколько ему не противорѣчащее дополненіе, а именно вставить между бронзовымъ и каменнымъ вѣками промежуточную такъ называемую *мѣдную* эпоху. Существованіе самостоятельной эпохи мѣди въ нѣкоторыхъ странахъ является вполнѣ допустимымъ; мы считаемъ совершенно естественнымъ, если человѣкъ тамъ, гдѣ мѣдь была для него доступнѣе, началъ изготовлять изъ нея орудія, прежде чѣмъ дойти до познанія и употребленія сплава мѣди и олова. Существованіе особой мѣдной эпохи доказано для Венгріи, австрійскихъ и швейцарскихъ свайныхъ построекъ, для части Франціи и Испаніи. Въ восточной Европѣ была также эпоха мѣди, со слѣдами которой мы встрѣчаемся какъ въ Европейской Россіи, такъ и за Ураломъ во всей Сибири. Такъ называемые „чудскіе курганы", встрѣчающіеся въ большомъ числѣ отъ Самарской и Оренбургской губ. по всей Западно-Сибирской равнинѣ, содержатъ множество мѣдныхъ издѣлій. Матеріалъ для этихъ издѣлій доставляли „чудскія копи" въ южномъ Уралѣ и Алтаѣ. Мѣдь добывалась въ нихъ при помощи каменныхъ орудій или мѣдныхъ кирокъ и мотыкъ изъ оленьяго рога; слѣды древней разработки мѣдныхъ рудниковъ попадаются также въ Бахмутскомъ и Славяносербскомъ уѣздахъ Екатеринославской губ. Въ среднемъ Приднѣпровьѣ матеріаломъ для самыхъ раннихъ металлическихъ издѣлій является не бронза, а чистая мѣдь, какъ показываютъ раскопки площадокъ. Изъ мѣдныхъ орудій чаще всего встрѣчаются топорики, небольшіе серпы, долота, гораздо рѣже—мѣдные наконечники копій; мѣдныя орудія распространялись очень медленно, сами постепенно совершенствуясь въ своей выдѣлкѣ. Такимъ образомъ, мы не видимъ въ культурѣ никакого рѣзкаго переворота связаннаго съ

появленіемъ мѣди. Мѣдныя орудія проникли въ Приднѣпровье, очевидно изъ юго-восточной Венгріи, куда тянется область распространенія площадокъ.

Бронзовая культура ввела въ жизненный обиходъ помимо новаго матеріала, сразу завоевавшаго себѣ широкое поле примѣненія по своимъ прекраснымъ качествамъ, новые предметы, въ предыдущую эпоху вовсе неизвѣстные, поэтому она является важнымъ этапомъ въ культурномъ развитіи человѣчества, Невольно является вопросъ, откуда и какимъ образомъ появилась эта культура въ Европѣ? На этотъ счетъ было высказано нѣсколько мнѣній: расходясь между собою въ опредѣленіи источника бронзовой культуры, они сходятся въ одномъ, что она не мѣстнаго европейскаго происхожденія, а занесена со стороны. По мнѣнію Нидерле, она возникла въ глубинѣ Азіи и оттуда проникла въ Европу тремя путями: 1) черезъ Средиземное море, 2) черезъ Черное море и 3) мимо Каспійскаго моря черезъ Россію въ сѣверныя страны. Главнымъ двигателемъ въ распространеніи бронзовой культуры въ сѣверныя страны была торговля янтаремъ, которая въ эту эпоху достигла своего наибольшаго расцвѣта. Янтарь, добывавшійся на Балтійскомъ побережьѣ, доставлялся на югъ, а въ обмѣнъ на янтарь на сѣверъ шли бронза и золото. Переходя къ разсмотрѣнію характерныхъ издѣлій бронзоваго вѣка, мы должны отмѣтить два вида ихъ: кованные и литые, при чемъ первые встрѣчаются въ Европѣ сравнительно рѣдко. Большого совершенства достигъ въ бронзовый вѣкъ ножъ, какъ необходимый предметъ въ хозяйствѣ. Сначала ножи дѣлались безъ ручекъ и прикрѣплялись къ деревяннымъ ручкамъ, впослѣдствіи стали дѣлать ножъ съ ручкой цѣликомъ изъ бронзы; на ручкахъ мы находимъ геометрическую орнаментику и изображенія органическаго міра птицъ, животныхъ и т. д. Первое мѣсто, какъ по количеству экземпляровъ, такъ и по разнообразію типовъ, занимаетъ топоръ, называемый *кельтомъ*. Наконечники копій и стрѣлъ встрѣчаются со втулкой и безъ втулки; особый видъ бронзовыхъ стрѣлъ представляютъ трехперыя стрѣлы. Новый видъ оружія представляетъ собою мечъ; наиболѣе древніе мечи имѣютъ обоюдоострый клинокъ. Въ концѣ бронзоваго вѣкз замѣчается характерное явленіе—бронзовый клинокъ замѣняется желѣзнымъ, рукоятка же еще долгое время изготовляется изъ бронзы. Въ бронзовый вѣкъ появляются щиты и шлемы, послѣдніе, впрочемъ, въ концѣ его. Богатое поле для примѣненія нашла себѣ бронза въ качествѣ матеріала для украшенія; для этой цѣли ее продолжали употреблять и въ желѣзную эпоху. Изъ предметовъ украшеній бронзоваго вѣка отмѣтимъ: браслеты, серьги, булавки, пряжки, діадемы и др. Бронзовые сосуды попадаются сравнительно рѣдко, при чемъ всѣ они сбиты гвоздями, но не спаяны, такъ какъ спайка не была еще извѣстна. Встрѣчаются

еще находки въ различныхъ мѣстностяхъ западной Европы, содержащія большое количество бронзовыхъ издѣлій и называемыя поэтому кладами. Большая часть ихъ была, вѣроятно, зарыта въ землю странствующими торговцами, которые занимались литейнымъ дѣломъ или сбытомъ готовыхъ вещей, въ особенности въ началѣ бронзоваго вѣка, когда бронза доставлялась въ среднюю Европу изъ восточныхъ и южныхъ странъ или въ видѣ готовыхъ издѣлій, или въ слиткахъ.

Раскопки Шлимана во второмъ слоѣ Трои показываютъ намъ, что мы имѣемъ передъ собой городъ бронзоваго вѣка, гдѣ желѣза не было найдено, орудія и оружіе были только изъ бронзы и камня. Инвентарь находокъ составляютъ плоскіе топоры, долота, копья, кинжалы, стрѣлы и др. Глиняные сосуды сдѣланы отъ руки безъ гончарнаго круга, который еще не былъ извѣстенъ. Вообще, гончарное искусство было слабо развито; сосуды сдѣланы изъ плохо промытой и обожженной глины. На бокахъ или на горлышкѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ находятся грубыя изображенія человѣческаго лица, женскихъ грудей и другихъ частей тѣла. Въ Микенскихъ гробницахъ, открытыхъ тѣмъ же Шлиманомъ, среди массы золотыхъ и серебряныхъ вещей были найдены бронзовые предметы, но желѣзо и бронзовыя фибулы отсутствуютъ совершенно.

Относительно погребальнаго обряда слѣдуетъ отмѣтить, что въ бронзовый вѣкъ чаще всего было трупосожженіе.

Оставивъ разсмотрѣніе бронзовой культуры въ другихъ странахъ Европы, перейдемъ прямо къ Россіи. Теоретически мы должны допустить существованіе *бронзоваго вѣка въ Россіи,* если вспомнимъ, что для бронзовой культуры открывался сюда широкій доступъ: она могла проникать съ Востока черезъ Средиземное море, изъ малой Азіи черезъ Черное море или мимо сѣвернаго берега Каспійскаго моря, черезъ Уралъ. Между тѣмъ находокъ бронзоваго вѣка въ Европейской Россіи можно указать очень немного. По мнѣнію В. Б. Антоновича, въ большей части Россіи желѣзная культура непосредственно слѣдовала за неолитической. Въ южной Россіи, благодаря ея оживленнымъ сношеніямъ съ южной Европой и Азіатскимъ востокомъ, эпоха бронзы, если и утвердилась, какъ показываютъ нѣкоторыя находки, то на короткое время, чтобы уступить мѣсто желѣзной. Литейная мастерская съ каменными формами бронзы была найдена возлѣ Бѣлой Церкви въ Кіевской губ., кромѣ того формы для отливки бронзовыхъ орудій были открыты въ нѣкоторыхъ селахъ Кіевской губ., въ Александрійскомъ уѣздѣ Херсонской губ. и возлѣ Днѣпровскихъ пороговъ. Очевидно, отрицать совершенно существованіе бронзоваго вѣка въ Россіи нѣтъ основаній, но его нельзя также распространять на все обширное пространство нашей родины. Существованіе его, несомнѣнно,

можно констатировать въ Новороссійскомъ краѣ, Сибири и Средней Азіи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ восточной Россіи и, въ особенности, на Кавказѣ. Въ Новороссіи къ бронзовому вѣку можно относить, напримѣръ, три кургана: Безщасну могилу возлѣ дер. Ново-Григорьевки, Довгу могилу возлѣ м. Александрополя (Екатерин. губ.) и курганъ „Гермесову Близницу" въ послѣднемъ было найдено большое количество скорченныхъ костяковъ въ разныхъ положеніяхъ съ предметами изъ камня, кости и бронзы. Извѣстно также нахожденіе бронзовыхъ орудій—топоровъ, серповъ и др. возлѣ г. Херсона и въ Екатеринославскомъ уѣздѣ. Въ восточной Россіи (Приуральскомъ краѣ), Сибири и средней Азіи мы скорѣе имѣемъ дѣло съ *мѣдно-бронзовой культурой,* а не чисто бронзовой. Бронзовыя орудія Сибири указываютъ на значительную высоту, которой достигла здѣсь эта культура. Изъ орудій встрѣчаются топоры 2 типовъ: копья листовидной формы, серпы и стрѣлы характерной двухлепестной формы. Характерной особенностью бронзовой культуры Сибири нужно признать звѣриный стиль, господствующій въ орнаментикѣ издѣлій. Къ бронзовому вѣку относятся нѣкоторые Приуральскія могильники: этимъ путемъ черезъ Уралъ шелъ янтарь изъ Балтійскаго побережья къ Каспійскому морю и далѣе на югъ, а взамѣнъ проникала бронза. По богатству и разнообразію бронзовыхъ издѣлій на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Ананьинскій могильникъ близъ г. Елабуги и Кобанскій могильникъ въ сѣверномъ Кавказѣ. Въ Ананьинскомъ могильникѣ найдено значительное количество погребеній то въ скорченномъ, то въ вытянутомъ положеніи; вещи же, находимыя при нихъ, однородны: изъ предметовъ оружія укажемъ на кельты, кинжалы и кирки, изъ предметовъ украшенія слѣдуетъ упомянуть о бронзовыхъ шейныхъ гривнахъ, браслетахъ, цѣпочкахъ, перстняхъ и бляхахъ. Желѣзные кинжалы съ бронзовой рукояткой показываютъ, что могильникъ относится къ концу бронзоваго вѣка.

Въ Кобанскомъ могильникѣ на Кавказѣ также найдено было значительное количество погребеній. Могильникъ этотъ по характеру бронзовыхъ издѣлій, по замѣтному греко-римскому вліянію относится къ позднѣйшей эпохѣ—къ концу бронзоваго вѣка. Предметы вооруженія сводятся къ двумъ типамъ: топорамъ и короткимъ мечамъ; вещи эти отличаются изящной отдѣлкой. Топоры украшены варварской рѣзьбой или въ видѣ геометрическаго орнамента или животнаго—изображеніями оленей, барсовъ, лошадей, рыбъ и т. п. Рукоятки мечей орнаментируются лишь въ томъ случаѣ, когда они сдѣланы изъ массивной бронзы. Фибулы составляютъ непремѣнную принадлежность мужского и женскаго убора. Число фибулъ въ могилахъ доходитъ отъ 1 до 6-ти; преобладающей является форма лука, тетиву котораго

образуетъ игла. Онѣ употреблялись для всякаго рода застежекъ на одеждахъ; украшеніемъ на нихъ служитъ геометрическій орнаментъ. Оригинальнымъ предметомъ Кобанскаго некрополя являются большія бронзовыя пластинки съ крючками для укрѣпленія, которые служили украшеніемъ пояса. Орнаментика на нихъ тождественна съ украшеніями топоровъ. Выдаются по своимъ крупнымъ размѣрамъ головныя булавки, употреблявшіяся для погребальнаго варварскаго убора.

Желѣзный вѣкъ. За бронзовымъ вѣкомъ слѣдуетъ *желѣзный*, который составляетъ послѣднюю стадію до-исторической культуры. Желѣзный вѣкъ начинается съ того времени, когда люди научились добывать желѣзо изъ руды и приготовлять изъ него предметы посредствомъ ковки.

Происхожденіе европейской желѣзной культуры—не мѣстнаго характера, а восточнаго, какъ и бронзовой. На востокѣ желѣзо появилось гораздо раньше, чѣмъ въ Европѣ.

Если мы вспомнимъ объ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ, которыя велись между Востокомъ и южной Европой сначала финикіянами, потомъ карійцами и греками, мы поймемъ, что и знакомствомъ съ желѣзомъ Европа обязана тому же Востоку. Справедливость этого мнѣнія какъ нельзя лучше подтверждаетъ то обстоятельство, что желѣзо раньше всего появляется въ странахъ, лежащихъ близко къ Востоку.

Первоначальный періодъ желѣзнаго вѣка носитъ названіе *Галльштатской* культуры по имени могильника въ верхней Австріи; она принадлежитъ преимущественно той территоріи, гдѣ главными носителями ея были иллирійскія племена, поэтому и центръ тяжести культуры желѣзнаго вѣка находился въ Иллиріи.

Въ Галльштатскомъ могильникѣ, изслѣдованія котораго производились въ теченіе 40 лѣтъ (1846—1885) и по которому лучше всего можно ознакомиться съ этой культурой, было вскрыто до 2000 могилъ. Въ нихъ мы встрѣчаемъ два похоронныхъ обряда: трупоположеніе и трупосожженіе и при томъ почти въ одинаковомъ количествѣ. Оружіе частью бронзовое, частью желѣзное; кинжалы еще сохраняютъ бронзовую рукоятку. Особенность составляютъ большіе желѣзные ножи; встрѣчаются также желѣзные топоры и наконечники копій. Гораздо разнообразнѣе украшенія; на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить фибулы двухъ типовъ: очкообразныя и дугообразныя, сдѣланные изъ проволоки. Интересны фибулы, дужка которыхъ сдѣлана въ видѣ копья.

Золото въ Галльштатскихъ находкахъ—рѣдко, серебро совершенно отсутствуетъ. Какъ мы видѣли, въ Галльштатской культурѣ желѣзо существуетъ одновременно съ бронзой, которая преимущественно

идетъ на изготовленіе предметовъ украшеній; желѣзо продолжаетъ постепенно распространяться и вытѣснять бронзу, и въ позднѣйшіе періоды желѣзнаго вѣка всѣ орудія и оружіе выдѣлываются изъ желѣза; кромѣ того необходимо еще отмѣтить характерный признакъ Галльштатской культуры; это—присутствіе стекла и янтарныхъ украшеній. Въ Галльштатскомъ могильникѣ было найдено много янтарныхъ и стеклянныхъ ожерелій изъ цвѣтныхъ бусъ. Колыбелью стеклянаго производства были Египетъ и Финикія, откуда стекло черезъ Адріатическое море и сѣверную Италію доставлялись въ Европу.

Въ теченіе ранней эпохи желѣзнаго вѣка мы имѣемъ дѣло преимущественно съ вліяніемъ Востока на развитіе культуры въ средней, западной и сѣверной Европѣ. Конецъ ранней эпохи желѣзнаго вѣка обозначается двумя вліяніями—источникъ одного—Галлія, другого—Италія. Въ этихъ двухъ странахъ желѣзная культура достигла своего расцвѣта и заняла въ теченіе короткаго времени почти всю Европу, кромѣ сѣверныхъ и восточныхъ ея частей. Колыбелью Галльштатской культуры была нынѣшняя Франція, проводникомъ—галльское племя. Какъ мы сказали, она не возникла здѣсь самостоятельно, но за то развивалась вполнѣ своеобразно; ей предшествовала бронзовая культура. Гальская культура обнаружена первоначально на берегу Невшательскаго озера въ Швейцаріи. По мѣсту ея находки—la tène (мель) всей культурѣ усвоено названіе *латенской*. Она отмѣчается своимъ рѣзко выраженнымъ военнымъ характеромъ: на первый планъ выступаетъ изготовленіе оружія и орудій изъ желѣза и стали, предметы украшеній на второмъ планѣ, но и они уже отличаются новымъ стилемъ. Латенское мѣстонахожденіе представляло собою стоянку и военный складъ Оружіе здѣсь найдено почти исключительно желѣзное. Мечи отличаются отъ мечей Галльштатской и бронзовой культуры своимъ длиннымъ клинкомъ, вполнѣ ровнымъ лезвіемъ, клинокъ вверху оканчивается стержнемъ. Многочисленны наконечники копій со втулкой, копья съ короткимъ тупымъ остріемъ. Домашнія орудія представлены топорами съ отверстіемъ для топорища, серпами, косами, ножницами, молотами, пилами, щипцами и долотами; въ первый разъ въ латенской культурѣ встрѣчаются изъ предметовъ конской сбруи—шпоры. Украшеній оказывается немного; изъ нихъ наиболѣе замѣчательны бронзовыя и желѣзныя фибулы. Латенская фибула имѣетъ дугообразную форму, сдѣлана изъ одного куска проволоки съ перообразнымъ завиткомъ пяткой, заворачивающейся къ дужкѣ; въ древнѣйшихъ фибулахъ пятка не соединена съ дужкой, въ позднѣйшихъ онѣ соединяются уже совершенно. Шейныя гривны, браслеты и перстни сдѣланы изъ листового металла и отличаются простотою рисунка. Для латенской культуры характерны браслеты, поверхность которыхъ укра-

шена выпуклостями въ подражаніе бусамъ. Въ керамикѣ замѣтно начало употребленія гончарнаго круга; на сосудахъ и оружіи орнаментація состоитъ изъ варварски стилизованныхъ растительныхъ и животныхъ мотивовъ. Если мы прибавимъ къ этому, что въ латенскую эпоху появляется въ Европѣ эмаль, которая была извѣстна въ Ассиріи еще въ глубокой древности и производство которой сдѣлалось домашнимъ въ Галліи и Британніи, то мы исчерпаемъ всѣ характерные признаки латенской культуры. Латенская культура быстро распространилась по всей средней Европѣ: мы встрѣчаемся со слѣдами ея въ Британніи, на Балканскомъ полуостровѣ.

На смѣну латенской культуры пришла *римская*, которая и продолжалась почти до эпохи великаго переселенія народовъ. Римская имперія, распространяя свои завоеванія въ Европѣ за Альпы въ Галліи и Германіи до самаго Дуная и даже за Дунаемъ, подчиняла завоеванныя страны своему культурному вліянію. Носителями этой культуры являлись римскіе легіоны, которые, охраняя цѣлость имперіи, поселялись въ заграничныхъ провинціяхъ. Римское правительство не преслѣдовало сознательно культурныхъ цѣлей: его задачей было укрѣпить свою власть въ пріобрѣтенной странѣ, поддержать авторитетъ римскаго могущества и разъединить интересы побѣжденныхъ, поселяя между ними антагонизмъ. Для цѣлей обороны римское правительство устраивало прекрасныя дороги, сооружало великолѣпные мосты, строило сильныя крѣпости. Оно упорно отказывалось давать право римскаго гражданства провинціаламъ и дало его лишь тогда, когда провинціи были въ достаточной степени романизованы. Тѣмъ не менѣе процессъ романизаціи провинцій протекалъ очень быстро: главную роль въ немъ сыграли римскіе легіоны и колонисты. Вступая въ непосредственныя сношенія съ туземцами, они создали своеобразную культуру, которой усвоено названіе провинціальной римской культуры. Такъ называютъ ее въ отличіе отъ собственно римской, италійской культуры, которая послужила ея основой. Къ этой основѣ присоединились мѣстные культурные элементы, а отъ ихъ соединенія съ италійскими образовалась римская провинціальная культура. Съ памятниками этой культуры мы встрѣчаемся прежде всего въ странахъ, которые въ теченіе продолжительнаго времени были римскими провинціями, какъ, напримѣръ, въ Британніи, Испаніи, Галліи, Реціи, Панноніи и др. Особенно успѣшно пошла романизація въ Галліи, Испаніи и Британніи, гдѣ черезъ нѣсколько сотенъ лѣтъ національная самостоятельность была совершенно подорвана: населеніе быстро усвоило чужой языкъ, нравы и обычаи. Въ прочихъ европейскихъ провинціяхъ и, въ особенности, на Дунаѣ романизація коснулась, главнымъ образомъ, матеріальной культуры, языкъ же и обычаи сохрани-

лись почти въ первоначальномъ видѣ. Изъ памятниковъ римской культуры необходимо упомянуть прежде всего о гробницахъ, встрѣчающихся повсюду, гдѣ распространялось римское вліяніе. Въ римскихъ гробницахъ мы находимъ два способа погребенія: трупосожженіе въ первые вѣка нашей эры, а затѣмъ трупоположеніе. Гробницы перваго рода представляютъ собою или ямы, куда пепелъ прямо высыпался или помѣщался въ урнѣ, или каменныя, досчатыя камеры. Гробницы второго рода представляютъ собою саркофаги изъ камня или обожженной глины. Вмѣстѣ съ покойниками находится оружіе римскаго типа, состоявшее изъ шлема, панцыря, наголенниковъ, большого четыреугольнаго щита, копья и короткаго широкаго меча; кромѣ того стеклянные и глиняные сосуды, сдѣланные на гончарномъ кругѣ и хорошо обожженные, большею частію краснаго цвѣта. Фибулы римскаго типа литыя изъ плохой бронзы; дужка и игла ихъ уже не приготовляются изъ одного куска металла.

Русскія древности желѣзнаго вѣка нельзя классифицировать примѣнительно къ западно-европейскимъ памятникамъ, потому что въ Россіи съ давнихъ временъ дѣйствовали различныя вліянія: съ Чернаго моря шли греческое и финикійское, съ Кавказа и Каспійскаго моря—иранское и ассирійское, съ Урала—сибирскія вліянія. Кромѣ того, не слѣдуетъ выпускать изъ виду того обстоятельства, что культурное развитіе въ южной Россіи протекало болѣе ускореннымъ темпомъ, чѣмъ въ сѣверной. Въ то время, какъ на сѣверѣ продолжался каменный вѣкъ, въ южной Россіи было уже въ употребленіи желѣзо. Проф. Самоквасовъ дѣлитъ древности Россіи по ихъ характернымъ признакамъ на 5 эпохъ: 1) киммерійскую, соотвѣтствующую каменному и бронзовому вѣкамъ, 2) скиѳскую отъ VI в. до Р. Х. по I в. нашей эры, 3) сарматскую отъ I до V в., 4) славянскую отъ VI до XI в. и 5) половецко-татарскую. Классификація эта вызвала сильныя возраженія: нѣкоторые, напримѣръ, считали ошибочнымъ давать чисто историческія названія археологическимъ періодамъ и предлагали замѣнить ихъ археологическими. Въ настоящее время считается общепринятой классификація русскихъ древностей предложенная гр. Толстымъ и Кондаковымъ. По этой классификаціи различаются: 1) древности классическія, 2) скиѳо-сарматскія, 3) эпохи великаго переселенія народовъ и 4) славяно-русскія и тюркскія. За начало желѣзной культуры можно принять дату, предлагаемую проф. фонъ-Штерномъ—именно 1000 лѣтъ до Р. Х. По обще-принятому мнѣнію, обитателей южной Россіи—скиѳовъ—познакомили съ желѣзомъ греки. Поэтому и ранній періодъ у насъ желѣзной культуры носитъ названіе скиѳской культуры или скиѳо-сарматской.

Литература: Нидерле, Человѣчество въ до-историческія времена.

Мортилье, До-историческая жизнь, 1903 г.; Леббокъ, До-историческія времена; Гр. Уваровъ, Археологія Россіи. Каменный вѣкъ; Иностранцевъ, До-историческій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера; Хвойко, Каменный вѣкъ средняго Приднѣпровья (Труды XI Археолог. Съѣзда т. I, стр. 736—812); Ханенко, Древности Поднѣпровья вып. I; Проф. фонъ-Штернъ, Доисторическая греческая культура на югѣ Россіи (Труды XIII Археол. Съѣзда т. I, стр. 9—96); Проф. Самоквасовъ, „Могилы русской земли" и „Статья объ основаніяхъ хронол. классификаціи могильныхъ древностей"; Спицынъ, Археологическія развѣдки (справочная книжка). Масса матеріала помѣщена въ Трудахъ 14 Археологическихъ Съѣздовъ и Отчетахъ Императ. Археологической Ком. Можно отмѣтить также три печатные курса по Археологіи вообще и русской въ частности: 1) Проф. Н. И. Веселовскаго „Первобытный человѣкъ"; пр.-доц. Данилевича „Очеркъ русскихъ древностей" (читанный на Высшихъ Женскихъ Курсахъ въ Кіевѣ) и В. А. Городцова „Первобытная Археологія" (курсъ лекцій, читанный въ Московскомъ Археол. Институтѣ).

Эллинскій міръ на Черноморскомъ побережьи.

Черное море послѣ восхитительныхъ видовъ Ѳракійскаго Босфора, Эгейскаго моря и Геллеспонта производило тяжелое, гнетущее впечатлѣніе на обитателей греческаго міра. Частыя и сильныя бури, дѣлающіе плаваніе по немъ не безопаснымъ, густые туманы, сѣверные вѣтры, отсутствіе хорошихъ гаваней и острововъ—все это говорило не въ пользу его и давало грекамъ полное право называть его ἄξενος—негостепріимнымъ. Несмотря на эти отрицательныя качества Понта, на слагавшуюся о немъ дурную славу—избѣгнуть страшной опасности, говорили греки, все одно, что выйти живымъ изъ середины Понта—уже съ очень отдаленныхъ временъ эллины стремятся въ это море, плаваютъ по немъ и даже поселяются на непривѣтливыхъ берегахъ его. И странное дѣло, всѣ отрицательныя качества Понта какъ бы стушевались, отошли на второй планъ передъ положительными и въ умѣ грека представленіе о Понтѣ стало связываться съ представленіемъ о привѣтливомъ гостепріимномъ (εὔξεινος) морѣ и Понтъ Эвксинскій становится обычнымъ названіемъ Чернаго моря. Понтъ Эвксинскій впервые былъ, такъ сказать, открытъ малоазійскими греками и побережье его сдѣлалось у нихъ излюбленной территоріей для насажденія культуры. Малоазійскіе греки до персидскихъ войнъ въ культурно-политическомъ отношеніи шли во главѣ всего эллинскаго міра: они быстрѣе своихъ соплеменниковъ въ метрополіи перешли отъ монархіи черезъ тиранію къ демократіи, они же поло-

жили начало наукѣ, философіи и поэзіи. Узкіе предѣлы Эгейскаго моря не могли ихъ удовлетворять; бодрый духъ предпріимчивости и пытливости увлекалъ ихъ на сѣверъ и западъ, а по ихъ стопамъ. по проторенным ими дорогамъ, шли ихъ европейскіе собратья. Если не принимать во вниманіе миѳа объ Аргонавтахъ, то все таки уже въ Гомеровскихъ поэмахъ и у Гезіода мы найдемъ слѣды знакомства эллиновъ съ сѣверными берегами и странами Чернаго моря; въ упоминаемыхъ въ Иліадѣ „доителяхъ кобылицъ, млекоѣдахъ" нельзя не признать скиѳовъ. Существуетъ мнѣніе, что до грековъ были хорошо знакомы съ водами Понта и его берегами карійцы и финикіяне, которые завязали здѣсь торговыя сношенія; но нужно сказать, что слѣды этихъ сношеній ничтожны и они лежатъ за предѣлами исторіи, въ историческое же время мы застаемъ Черноморскую торговлю въ рукахъ грековъ. Приманкой, которая влекла эллиновъ изъ ихъ прекрасной родины на суровые берега Понта, была торговля—сила, „сослужившая человѣчеству—по словамъ акад. Латышева—великія службы, послужившая причиной множества великихъ изобрѣтеній и открытій". Привлекаемые матеріальными выгодами на берега Понта, греки брали на себя и культурную миссію, распространяя сѣмена греческой цивилизаціи на непочатой почвѣ. Древніе писатели ясно указываютъ на чрезвычайно важное значеніе Понта и прилегающихъ къ нему странъ. Отсюда предметами вывоза служили скотъ—главнымъ образомъ изъ сѣвернаго побережья Понта,—рабы изъ Ѳракіи, строевой лѣсъ, мѣха, шкуры, шерсть, льняныя и пеньковыя ткани, медъ и воскъ—преимущественно изъ верхней Ѳракіи и Скиѳіи, рыба и хлѣбъ. Ловля рыбы и заготовленіе ея въ прокъ разными способами составляло одинъ изъ важнѣйшихъ промысловъ жителей припонтійскихъ городовъ. Относительно широкаго развитія хлѣбопашества достаточно указать, что въ IV вѣкѣ Босѳорскій хлѣбъ составлялъ половину хлѣбнаго привоза въ Аттику. По извѣстію Полибія, хлѣбъ иногда служилъ и предметомъ ввоза въ припонтійскія страны; вѣроятно онъ здѣсь имѣлъ въ виду восточное и южное побережья. Не нужно забывать, что тяжелыя политическія условія сильно отзывались и на земледѣліи. Изъ Греціи доставлялись сюда: вино, главнымъ образомъ изъ острововъ—Хіоса, Ѳасоса и Родоса, оливковое масло, расписная глиняная посуда изъ Аѳинъ, Коринѳа и Эгины, матеріи и, наконецъ произведенія искусства и предметы роскоши.

Колонизаціонная дѣятельность на берегахъ Эвксинскаго Понта принадлежитъ двумъ греческимъ государствамъ: Мегарамъ въ Европѣ и Милету въ малой Азіи. Мегарамъ въ 1-ой половинѣ VII вѣка до Р. Х., принадлежали на берегахъ Понта города: Халкедонъ и Византія. Однако, милетскія колоніи превосходили Мегарскія и своимъ

Древнейшія сношенія съ Кавказомъ воспоминается в образе Язона, кот. отправился получить руно на кор. Арго; ему помогает Медея. Также рассказывается о [illegible] и таврах, — которая приносит иностранцев в жертву Деве, у нее жрица Ифигения, д. Агамемн. она спасла своего брата Ореста и его друга Пилада. [illegible] стенами [illegible], Мегары, Кор., [illegible] [illegible] ἄξενος

числомъ, и значеніемъ. Въ древности Милету приписывали основаніе 80 колоній. Первыя попытки основанія колоній относятся къ началу VIII вѣка до Р. Х., а особенной интенсивности достигаетъ милетская колонизація въ VII—VI вѣкахъ, благодаря серьезнымъ внѣшнимъ и внутреннимъ неурядицамъ, переживаемымъ республикой. Колоніи основывались или въ такихъ пунктахъ, которые были уже заселены туземцами, миролюбиво встрѣтившими грековъ, или образовались изъ факторій, торговыхъ станцій, которыя первоначально были занимаемы лишь во время навигаціи, а затѣмъ, благодаря постепенному наплыву новыхъ поселенцевъ, обратились въ цѣлые города. Въ большинствѣ, случаевъ основаніе греческихъ колоній на чужой территоріи на Понтійскомъ побережьи происходило мирнымъ путемъ, безъ насильственнаго образа дѣйствій. Высокое превосходство греческой культуры и умѣнье грековъ сдѣлаться для варваровъ необходимыми способствовали этому явленію. При высылкѣ колоніи метрополія—въ данномъ случаѣ Милетъ—давала лишь ограниченное количество гражданъ, которые составляли ядро предпріятія, остальные участники набирались изъ другихъ городовъ и состояли главнымъ образомъ изъ бѣдняковъ и лицъ недовольныхъ соціальнымъ строемъ на родинѣ. Хронологическія даты ни въ коемъ случаѣ не могутъ точно опредѣлить время первоначальнаго основанія колоній: они указываютъ уже на ихъ окончательное образованіе. Наиболѣе важными изъ колоній сѣвернаго побережья Эвксинскаго Понта являются—Ольвія, Пантикапея и Херсонесъ. Основаніе Ольвіи, вѣрнѣе ея окончательное сформированіе, относится къ 645/4 году до Р. Х. Она была расположена на правомъ берегу Буга около теперешняго села Парутина-Ильинскаго. Середина V вѣка была временемъ наибольшаго расцвѣта Ольвіи въ культурномъ и экономическомъ отношеніи. Далѣе наступаютъ годы упадка, вызванные движеніемъ сарматскихъ ордъ и другихъ варваровъ, отъ которыхъ городу приходилось откупаться подарками, въ крайнемъ случаѣ вести борьбу. Во второй половинѣ І-го вѣка до Р. Х. Ольвія подверглась страшному разгрому со стороны Гетовъ, отъ котораго „торжище Борисѳенитовъ“ не было уже въ состояніи оправиться. Ольвія возродилась изъ подъ пепла, но не могла залѣчить нанесенной ей тяжкой раны: городъ занималъ только незначительную часть прежней территоріи, торговля его упала, само населеніе представляло уже смѣсь варварскаго и греческаго элементовъ. Полная опасности жизнь вслѣдствіе великаго переселенія народовъ оказалось не подъ силу ослабѣвшему городу и въ концѣ II вѣка по Р. Х. она признала свою зависимость отъ Рима. Свѣдѣнія о ней мы еще находимъ во 2 четверти III вѣка; вѣроятно, вскорѣ она погибла совершенно.

Пантикапея находилась на мѣстѣ теперешней Керчи; основаніе

ея относится къ срединѣ VI в. до Р. Х. Изъ старшаго члена союза греческихъ городовъ, Пантикапея стала столицей обширнаго Босѳорскаго царства, занимавшаго оба берега Босѳора Киммерійскаго и простиравшагося до Кавказскихъ горъ. Главнымъ предметомъ вывоза въ Аттику изъ Босѳорскаго царства былъ хлѣбъ и рыба. На многихъ монетахъ мы встрѣчаемъ изображеніе хлѣбнаго колоса, надъ которымъ стоитъ грифонъ съ дротикомъ въ зубахъ; иногда колосъ замѣняется рыбой. Торговля босѳорцевъ съ варварами велась главнымъ образомъ въ двухъ пунктахъ—въ Танаидѣ и въ окрестностяхъ Фанагоріи. Во II в. до Р. Х. Босѳоръ, не будучи въ состояніи выдерживать натиска варваровъ, отдался сначала подъ протекцію царя Митридата Понтійскаго, а затѣмъ призналъ его непосредственную власть послѣ неудачнаго возстанія. Послѣ паденія Митридата, онъ призналъ надъ собою протекторатъ Рима. Значеніе его съ этихъ поръ окончательно падаетъ. Въ V вѣкѣ, послѣ Р. Х. мы видимъ его подъ властью гунновъ, въ VI вѣкѣ.—Византіи, наконецъ, въ X вѣкѣ—подъ властью Хазаръ. Херсонесъ—около нынѣшняго Севастополя былъ основанъ въ VI вѣка выходцами изъ Понтійской Гераклеи. Онъ находился въ торговыхъ сношеніяхъ съ городами Понта, Пропонтиды и Эгейскаго моря. Въ началѣ Херсонесъ былъ самостоятельной республикой; въ концѣ II в. передъ Р. Х. призналъ надъ собою протекцію Митридата. Послѣ паденія Митридата принадлежалъ къ Босѳорскому царству подъ главенствомъ Рима, затѣмъ онъ дѣлается автономной республикой, номинально подчиняясь Римской власти. Въ VI вѣкѣ по Р. Х. мы видимъ его подъ властью Византіи, въ VII вѣкѣ—Хозаръ, въ VIII вѣкѣ—снова Византіи. Съ упадкомъ Византіи и переходомъ Черноморской торговли въ руки генуэзцевъ, Херсонесъ теряетъ всякое значеніе.

На примѣрѣ Ольвіи мы, благодаря обильному эпиграфическому матеріалу, можемъ ознакомиться съ государственнымъ строемъ колоній. Греческіе поселенцы, несмотря на свое пребываніе въ странѣ варваровъ вдали отъ метрополіи, постоянно сохраняли отпечатокъ культуры, принесенной изъ родины; свѣтъ эллинизма продолжалъ горѣть у нихъ почти также ровно, какъ и въ Элладѣ—это прежде всего сказалось въ ихъ государственномъ строѣ.

Населеніе Ольвіи состояло изъ рабовъ, иностранцевъ и гражданъ. Контингентъ рабовъ главнымъ образомъ составляли скиѳы и др. сосѣдніе варвары, пріобрѣтенные покупкою или взятые въ плѣнъ. Граждане другихъ городовъ, жившіе въ Ольвіи ради торговыхъ или другихъ какихъ либо цѣлей, составляли разрядъ иностранцевъ, которые пользовались всевозможными льготами, какія признавало возможнымъ предоставить иностранцамъ греческое международное право. Относительно

Ольвійскаго гражданства мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ свѣдѣній, всѣ ли граждане были равноправны или знатные имѣли какое-либо преимущество, имѣлъ ли значеніе имущественный цензъ и т. п. Вопросъ объ Ольвійской конституціи не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній: уже самые ранніе эпиграфическіе памятники свидѣтельствуютъ о существованіи въ ней демократической формы правленія, которая господствовала до самаго конца существованія Ольвіи, несмотря на всѣ невзгоды. Замѣтный аристократическій элементъ появляется, вѣроятно, послѣ возстановленія города, сильно пострадавшаго отъ гетскаго погрома, и, въ особенности, выступаетъ въ римскую эпоху. Верховная власть народа осуществлялась въ Ольвіи посредствомъ народнаго собранія и совѣта. Совѣтъ имѣлъ исключительно пробулевтическое значеніе т. е., занимался предварительнымъ обсужденіемъ предложеній, шедшихъ на разсмотрѣніе и утвержденіе народа. О количествѣ членовъ совѣта, о способѣ ихъ избранія и т. п. мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Не знаемъ мы также, занимался ли совѣтъ текущими дѣлами въ полномъ составѣ или для этой цѣли избиралась особая коммиссія. Главнымъ органомъ демократическаго правленія было, какъ мы уже сказали, народное собраніе. Повидимому, въ немъ участвовали всѣ граждане, безъ различія степени ихъ родовитости. Оно вѣдало всѣми отраслями государственнаго управленія. Оно сосредоточивало въ своихъ рукахъ руководство внѣшней и внутренней политикой и заботилось также объ общественной безопасности; оно старалось урегулировать отношенія къ сосѣднимъ варварамъ, всячески избѣгая осложненій, а въ случаѣ опасности оно принимало всѣ мѣры къ оборонѣ города. Въ спеціальныхъ собраніяхъ избирались должностныя лица посредствомъ подыманія рукъ. Народное собраніе имѣло верховный надзоръ надъ государственнымъ хозяйствомъ: именно, издавало обязательныя постановленія относительно продажи и купли золота и серебра, уничтожало въ крайнихъ случаяхъ долговыя обязательства, вводило новые налоги, сдавало на откупъ взиманіе государственныхъ доходовъ и расходовъ и т. п. Оно же награждало отдѣльныхъ гражданъ, оказавшихъ важныя услуги родному городу. Награды, назначаемыя собраніемъ, были очень разнообразны. Самою общею, хотя и недостаточною наградою считалось выраженіе похвалы отъ имени совѣта и народа. Обычною наградою былъ золотой вѣнокъ; въ древнія времена его давали за всякую выдающуюся заслугу, въ позднѣйшіе времена вѣнокъ сдѣлался выраженіемъ признательности города къ государственному дѣятелю послѣ его смерти. Далѣе по степени важности слѣдовала постановка портрета дѣятеля въ какомъ-либо публичномъ мѣстѣ; высшей наградой считалась постановка статуи дѣятеля на государственный счетъ. Далѣе слѣдуетъ упомянуть о погребеніи на общественный

счетъ и о титулѣ „отца города", подносимомъ въ знакъ благодарности гражданами. Однимъ изъ наиболѣе выдающихся гражданъ Ольвіи является Протогенъ, заслуги котораго подробно описаны въ декретѣ города. Главныя заслуги его заключались въ щедрой матеріальной поддержкѣ городу во время бѣдствій III вѣка.

Верховными магистратами въ Ольвіи, какъ и вообще въ греческомъ государствѣ—городѣ, были архонты. Они составляли ежегодно смѣнявшуюся коллегію изъ 5 лицъ. Кругъ обязанностей ихъ былъ очень широкъ и касался почти всѣхъ сторонъ государственнаго быта Ольвіи. Они созывали народное собраніе, завѣдывали дипломатическими сношеніями и нѣкоторыми отраслями финансоваго управленія, монетнымъ дѣломъ и принимали участіе въ государственномъ культѣ. Стратеги составляли коллегію изъ 6 лицъ, ежегодно избиравшихся посредствомъ хиротоніи; въ ихъ рукахъ находилось высшее военное управленіе. Финансами завѣдывали: верховный распорядитель — въ родѣ теперешняго министра финансовъ и 2 коллегіи — коллегія — 9 и коллегія — 7. Это была, безъ сомнѣнія, важная, почетная, но въ тоже время и отвѣтственная должность; избирался онъ на годъ, но съ правомъ неоднократнаго избранія. Коллегія 9-ти завѣдывала, повидимому, государственной казной, а коллегія — 7 — священной казной. Кромѣ того, какъ видно изъ декрета въ честь Протогена, существовала особая должность — ὁ ἐπιμήνιος — лицо, на обязанности котораго лежало быть посредникомъ между заимодавцами и должниками; нельзя только рѣшить, была ли эта должность постоянной или экстраординарной. Городскую полицію составляли — агораномы и астиномы. Агораномы представляли собою коллегію изъ 5 членовъ, одинъ изъ которыхъ состоялъ во главѣ ея; избирались они на одинъ годъ. Они наблюдали за устройствомъ рынка и порядкомъ на немъ. Функціи астиномовъ не вполнѣ ясны: среди другихъ обязанностей они имѣли надзоръ надъ горшечнымъ промысломъ и гарантировали своими подписями доброкачественность товаровъ; число астиномовъ намъ неизвѣстно.

Данныя археологическія. Отъ этихъ богатыхъ греческихъ городовъ на Понтійскомъ побережьѣ остались свидѣтелями ихъ минувшей жизни главнымъ образомъ гробницы. Но и онѣ имѣютъ для насъ большое значеніе, потому что помогаютъ намъ возстановить бытъ греческихъ колонистовъ. Важное значеніе этихъ памятниковъ еще болѣе станетъ для насъ яснымъ, если мы вспомнимъ, какъ смотрѣли греки на почесть погребальную. По ихъ представленію, тѣни умершихъ обрѣтали покой въ томъ случаѣ если останки покойника предавались должному погребенію. Не было для эллина болѣе ужасной мысли—какъ остаться безъ погребенія. Погребенія скрыты подъ могильными курганами, которые во множе-

ствѣ находятся возлѣ Керчи, по обоимъ берегамъ Босфора на Таманскомъ полуостровѣ и тянутся до Темрюка и Кубани. Большая часть греческихъ и греко-римскихъ кургановъ относится къ періоду времени отъ V вѣка до Р. Х. до II вѣка послѣ Р. Х. Греческія гробницы на Понтійскомъ побережьѣ бываютъ двухъ типовъ: курганы со склепами и катакомбы. Греческіе курганы насыпаны изъ земли надъ склепомъ, состоящимъ изъ одной или нѣсколькихъ камеръ: для женщинъ, рабовъ; нѣкоторые курганы имѣютъ плитняковый фундаментъ. Катакомбы вырубливались въ скалистыхъ склонахъ горъ или въ позднѣйшую эпоху выкапывались подъ землею; входы въ погребальныя камеры катакомбъ устраивались въ видѣ галлереи. Катакомбы во множествѣ встрѣчаются въ Керчи по склонамъ Митридатовой горы, въ Херсонесѣ и въ окрестностяхъ древней Фанагоріи. Большинство катакомбъ относится ко II—III вѣкамъ послѣ Р. Х. и даетъ предметы грубаго ремесленнаго производства; въ этомъ отношеніи онѣ уступаютъ склепнымъ погребеніямъ. Историческій интересъ въ нихъ представляетъ фресковая живопись по стѣнамъ камеръ. Фрески эти разнообразнаго содержанія: однѣ представляютъ сцены изъ военнаго быта, другія изъ семейной жизни и миѳологіи. Въ Босѳорскихъ могилахъ ясно и определенно устанавливается погребальный обрядъ трупоположенія; можно дѣлать предположеніе и о существованіи трупосожженія, но въ этомъ нельзя быть вполнѣ увѣреннымъ, такъ какъ встрѣчаемыя иногда пепловыя урны могутъ представлять остатки тризнищъ, въ которыхъ иногда попадаются кости жертвенныхъ животныхъ. Содержаніе гробницъ заключается въ предметахъ погребальнаго ритуала и житейской обстановки умершаго. Предметы перваго рода состоятъ или изъ одной мѣдной монетки въ зубахъ покойника—такъ называемой монеты Харона, или изъ множества разнообразныхъ вещей. Необходимо при этомъ замѣтить, что весьма многіе гробницы были еще въ древности расхищены грабителями и много цѣнныхъ вещей безслѣдно погибло для науки. Приступимъ теперь къ описанію инвентаря греческихъ могилъ.

Въ нѣкоторыхъ гробницахъ деревяные саркофаги украшены гипсовыми масками вакхическаго характера или золотыми фигурками, имѣвшими, вѣроятно, назначеніе сохранять покойника отъ злыхъ духовъ. Обиліе драгоцѣнныхъ предметовъ изъ золота вообще составляетъ характерную особенность греческихъ могилъ въ южной Россіи, гдѣ пристрастіемъ къ золотымъ украшеніямъ отличались не одни греки, но и варварскія племена. Обычнымъ убранствомъ головы покойника были золотые вѣнки; нѣкоторые изъ нихъ сдѣланы въ подражаніе вѣтвямъ гирляндамъ и листьямъ деревьевъ лавровыхъ и масличнымъ. Они отличаются иногда высоко-художественной работой. Въ курганѣ

близъ Павловской баттареи въ Керчи головнымъ уборомъ служила золотая ажурныя шапка варварскаго типа. О женскихъ головныхъ уборахъ мы можемъ судить по раскопкамъ въ „Большой Близницѣ"; здѣсь найдено пышное головное украшеніе, представляющее золотую корону-кокошникъ; на пластинкахъ ея изображены сцены изъ борьбы грифовъ съ варварами изъ-за золота; кромѣ того, найдено золотое украшеніе, сдѣланное, въ подражаніе завитой прическѣ. Эти украшенія относятся къ IV вѣку до Р. Х. и принадлежатъ, вѣроятно, царицѣ. Самымъ роскошнымъ головнымъ уборомъ была діадема. Въ Артюховскомъ курганѣ близъ древней Фанагоріи найдена была золотая діадема вѣсомъ въ 36 золотниковъ, состоящая изъ трехъ кусковъ, соединенныхъ шарнирами; внутренность діадемы заполнена черной смолой; обручъ украшенъ сирійскими гранатами, изъ которыхъ въ серединѣ діадемы устроенъ большой символическій узелъ. По времени изготовленія ее относятъ къ III вѣку до Р. Х. Серьги въ древности носили и мужчины; но, конечно, наиболѣе изящныя и дорогія находятся въ женскихъ могилахъ. Босѳорскія серьги бываютъ самыхъ разнообразныхъ типовъ: начиная отъ простого кольца и кончая изображеніями растеній и животныхъ. Матеріаломъ для изготовленія серегъ служатъ—золото, серебро и драгоцѣнные камни. Иныя серьги по своему вѣсу не могли уже носиться въ ушахъ, а прикрѣплялись къ головному убору. Простѣйшимъ видомъ этихъ ушныхъ подвѣсокъ были кольца съ розетками, болѣе сложнымъ—серьги, къ которымъ подвѣшивались различные фигурки. Ожерелье носилось только восточными эллинами, но не западными. Въ простѣйшемъ видѣ оно представляетъ собою шейное кольцо, которое въ позднѣйшее время на Руси называлось гривной. Ожерелье жрицы Деметры изъ „Большой Близницы" сдѣлано изъ золота, по краямъ украшено львиными головами; на фризѣ его изображена сцена изъ сельской жизни. Браслеты въ греческихъ колоніяхъ Понта носили мужчины и женщины. Золотой браслетъ изъ „Большой Близницы" состоитъ изъ двойного витого кольца, кончающагося изображеніемъ львицъ. Важное значеніе для исторіи греческаго искусства имѣютъ разные камни и перстни, относящіеся къ III—IV вѣку до Р. Х.—самому цвѣтущему періоду его. Особенно любопытны изображенія на нихъ мѣстныхъ типовъ природы и человѣка. На одномъ перстнѣ изъ кургана Юзъ-Обскаго хребта изображенъ летящій журавль; на другомъ мы находимъ изображеніе скиѳа, разсматривающаго стрѣлу. Другой типъ рѣзныхъ камней такой художественной отдѣлки представляютъ цилиндры. Родина ихъ на востокѣ, гдѣ они служили печатями. Цилиндры, находимые въ Босѳорскихъ могилахъ, частью восточной работы, частью мѣстной.

Драгоцѣнными образцами древне-греческихъ вышивокъ являются

для насъ куски женской одежды IV—II вѣка до Р. Х. изъ Павловскаго кургана. Матеріи большею честью раскрашивались, другія же еще украшались вышивкою. На матеріи изъ Павловскаго кургана разноцвѣтными нитками вышиты изображеніе амазонки и растительный орнаментъ. Одежды и погребальные пелены часто украшались нашитыми на нихъ золотыми бляшками съ разнообразными изображеніями.

Керамическія издѣлія въ Босѳорѣ относятся къ особому стилю, извѣстному подъ названіемъ „коринѳскаго" или „финикійскаго", появившемуся въ VII и VI вѣкахъ до Р. Х. Керамика этого типа состоитъ изъ расписныхъ сосудовъ, украшенныхъ орнаментомъ и изображеніями органическаго міра. На красномъ фонѣ силуэты фигуръ рисовали черной краской, затѣмъ сосудъ покрывали лакомъ и тогда уже на фигуры накладывались другія краски: бѣлая, коричневая и фіолетовая; сюжеты брались изъ частной жизни и миѳологіи. Расписные сосуды частью привозились изъ Аѳинъ, частью приготовлялись на мѣстѣ. Съ начала IV вѣка наблюдается измѣненіе стиля живописи: черною краскою покрываютъ фонъ, а фигуры рисуютъ красной краской. Типы сосудовъ разнообразны: для черпанья и разливанья вина служили фіалы. Художественнымъ исполненіемъ отличаются ритоны, имѣющіе обычную форму турьихъ роговъ; въ женскомъ туалетѣ употребляются, въ качествѣ тазовъ, лутеріоны, для храненія мазей и маслъ—леканы, алевастры и др. Живопись на нѣкоторыхъ сосудахъ отличается высокой степенью совершенства. Въ IV вѣкѣ мастера, не довольствуясь одною живописью, присоединяютъ къ ней пластическій рельефъ; рельефно изображаютъ обыкновенно главныя фигуры. Примѣромъ сосудовъ съ рельефными фигурами можетъ служить извѣстный Ксенофантовъ сосудъ, найденный близъ Керчи; на немъ изображена охота 12 варваровъ (персовъ) на кабановъ, лосей и грифовъ. Со II столѣтія до Р. Х. появляется посуда, отдѣлываемая рельефомъ и покрытая черной или красной глазурью. Металлическое производство перешло и въ греческія колоніи на Понтійскомъ побережьи. Изъ предметовъ этого рода слѣдуетъ упомянуть о серебряномъ ритонѣ большихъ размѣровъ изъ „Семибратняго" кургана на Кубани, украшенномъ восточнымъ орнаментомъ. Стеклянные сосуды начинаютъ попадаться въ греческихъ гробницахъ въ значительномъ количествѣ во II вѣкѣ до Р. Х., но все таки тогда они являются еще предметомъ роскоши; въ римскій же періодъ въ I и II вѣкѣ по Р. Х. стеклянная посуда заступаетъ мѣсто глиняной во всеобщемъ употребленіи. Украшенія стеклянной посуды состоятъ изъ припаянныхъ къ поверхности узоровъ матоваго или цвѣтного стекла.

Спеціальной принадлежностью погребальной обстановки на всемъ

пространствѣ греческаго міра были терракотовыя статуэтки изъ жженной глины. Статуэтки Босѳора уступаютъ въ художественномъ отношеніи статуэткамъ другихъ греческихъ земель, но все же онѣ имѣютъ для археолога и и историка большое значеніе. Терракоты находятъ въ различныхъ древнихъ храмахъ и въ гробницахъ. Въ могилахъ IV и III вѣковъ до Р. Х. терракотовыя статуэтки клались по одной или по двѣ, со II вѣка онѣ встрѣчаются уже рѣдко, а въ I и II вѣкѣ по Р. Х. появляется особый типъ ихъ—статуэтки уродцевъ и гротесковъ. Сообразно представленіямъ грековъ о загробномъ мірѣ терракоты имѣли своею задачею дать наглядное изображеніе жизненной обстановки и были такимъ образомъ пластическимъ воплощеніемъ сокровенныхъ надеждъ человѣка, которыя онъ уносилъ съ собою въ загробный міръ. Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе неясностей представленій грековъ о загробной жизни, статуэтки религіознаго характера уступаютъ мѣсто образамъ реальнымъ, которыми полна человѣческая жизнь. Изъ области религіозныхъ представленій, которыя нашли себѣ выраженіе въ изображеніяхъ божествъ—Астарты, Гермеса, Афродиты, Діониса и Эротовъ, въ реальную обстановку повседневной жизни переносятъ насъ многочисленныя терракоты, изображающія комическихъ актеровъ; онѣ отличаются высокимъ юморомъ и скабрезнымъ характеромъ. Къ этимъ балаганнымъ типамъ относятся многочисленныя статуэтки карликовъ безобразнаго вида, шутовъ и уродовъ. Одна статуэтка, изображаетъ, напримѣръ, раба-педагога, по виду варвара, съ ребенкомъ въ рукахъ, приведеннаго въ отчаяніе дѣтскимъ крикомъ. Цѣлая коллекція такихъ комическихъ статуэтокъ была найдена въ „Большой Близницѣ“; эти статуэтки въ могилахъ, по вѣрованіямъ древнихъ, служили охранительными амулетами противъ подземныхъ демоновъ. Многочисленную группу представляютъ также терракоты, представляющія сцены изъ женской и дѣтской жизни. Женщина изображена въ своей домашней обстановкѣ за обычными занятіями: она то приводитъ въ порядокъ свой туалетъ, то играетъ въ мячъ или на музыкальныхъ инструментахъ, то гуляетъ, наконецъ, въ городѣ съ покупками; нѣкоторыя статуэтки носятъ романическій характеръ: напримѣръ, эроты нашептываютъ на ухо дѣвушкѣ любовныя мечты. Дѣти представлены играющими въ мячъ, въ кости, съ собаками, зайцами, козами и птичками, изображены борящимися другъ съ другомъ, катающимися въ телѣжкѣ, верхомъ на гусѣ или козлѣ и т. п. Въ могилахъ первыхъ вѣковъ по Р. Х. попадаются во множествѣ фигурки грубой работы уродовъ и каррикатурныхъ типовъ: лица напоминаютъ хари ряженыхъ съ безобразными членами тѣла и уродливыми головными уборами. Большая часть этихъ фигуръ представляетъ собою маріонетокъ, которыя приводились въ движеніе посредствомъ нитокъ. На этомъ мы заканчиваемъ описаніе ин-

вентаря древне-греческихъ погребеній на Понтійскомъ побережьѣ. Говоря о скиѳо-сарматскомъ періодѣ, мы въ сущности опять будемъ имѣть дѣло съ произведеніями греческаго искусства и промышленности, только расчитанными на вкусъ и потребности варваровъ.

Литература вопроса: В. В. Латышева, Изслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ г. Ольвіи; Иловайскаго, Разысканія о началѣ Руси; Кондакова и Толстого, Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. I. Древности южной Россіи (изд. Импер. Археологич. Ком.) №№ 6, 7, 8, 9, 12, 17, 19, 23, 24); Кулаковскаго, Прошлое Тавриды; Изв. Импер. Археологич. Ком. вып. 13-й (Раскопки въ Ольвіи Фармаковскаго) и др. выпуски того-же изданія. Памятники христ. Херсоннеса (изд. предпр. гр. Уваровой); здѣсь въ 3-мъ выпускѣ „Очерки по исторіи Херсонеса въ VI—X в. по Р. Х.“ Шестакова.

Скиѳосарматскіе народы въ южнорусскихъ степяхъ.

Скиѳскій вопросъ. Въ предыдущемъ изложеніи, говоря о греческой колонизаціи на берегахъ Эвксинскаго Понта, мы упоминали о той культурной роли, которую она играла среди туземнаго скиѳскаго населенія. Теперь намъ предстоитъ поближе ознакомиться съ бытомъ обитателей нашихъ южно-русскихъ степей, насколько позволяютъ это сдѣлать историческія и археологическія данныя. Скиѳскій вопросъ, т. е. вопросъ о племенномъ происхожденіи скиѳовъ, ихъ появленіи въ Европѣ и культурѣ, имѣетъ въ настоящее время обширную литературу. Такъ какъ главнымъ письменнымъ источникомъ о скиѳахъ является безсмертный трудъ отца исторіи Геродота, то естественно главною задачею изслѣдователей явилось провѣрить сообщаемыя имъ свѣдѣнія, дать имъ то или иное освѣщеніе. Однимъ изъ кардинальныхъ вопросовъ изслѣдованія о скиѳахъ является вопросъ объ ихъ племенномъ происхожденіи. Необходимо здѣсь замѣтить, что до появленія скиѳовъ въ черноморскихъ степяхъ жили еще Киммерійцы. Вѣроятно, что греческіе колонисты не застали уже этой народности, вытѣсненной изъ своихъ мѣстъ скиѳами. Опредѣлить въ точности національность скиѳовъ довольно трудно; съ наибольшимъ вѣроятіемъ можно причислить на основаніи дошедшихъ до насъ скиѳскихъ словъ ихъ къ арійцамъ. Какъ на разновидность арійской теоріи, слѣдуетъ указать на попытку рѣшенія этого вопроса нѣкоторыми русскими учеными (Самоквасовъ, Иловайскій, Забѣлинъ), которые отожествляютъ скиѳовъ со славянами, съ чѣмъ однако согласиться невозможно. Къ письменнымъ свѣдѣніямъ о скиѳахъ, находимымъ у древнихъ писателей, присоединился сравнительно въ недавнее время, археологическій матеріалъ, бросающій свѣтъ на многія стороны ихъ жизни. При этомъ необходимо замѣтить, что въ виду сходства типа и образа жизни скиѳовъ и сар-

матовъ (послѣдніе перешли въ Европу изъ Азіи и уже во время Геродота жили между Дономъ и Кавказомъ, а въ IV—III вѣкахъ до Р. Х. появились въ Черноморскихъ степяхъ, во II вѣкѣ оттѣсняютъ уже скиѳовъ) мы не имѣемъ точныхъ данныхъ для различенія ихъ вещественныхъ памятниковъ и похоронныхъ обрядовъ, а потому даемъ этимъ древностямъ общее наименованіе скиѳо-сарматскихъ. Археологическія изслѣдованія доказали важное значеніе скиѳо-сарматскихъ древностей для изученія послѣдовательнаго хода развитія искусства. Находки въ средней Азіи и Сибири показали несомнѣнную связь и сходство между мѣстными и скиѳо-сарматскими древностями: вещи погребальнаго человѣческаго и конскаго убора и также характерный животный орнаментъ доказываютъ связь скиѳо-сарматскаго стиля съ варварскимъ стилемъ эпохи великаго переселенія народовъ. Оригинальныя самобытныя черты скиѳскаго стиля не остались безъ вліянія и на славянское искусство; въ убранствѣ славянъ мы находимъ типы скиѳскихъ предметовъ, равно какъ и въ формахъ керамическихъ издѣлій. Такимъ образомъ, сравнительное изученіе скиѳо-сарматскихъ памятниковъ устанавливаетъ ихъ несомнѣнную связь со стилемъ эпохи великаго переселенія народовъ и славянщины.

Территорія и населеніе. Скиѳія, по словамъ Геродота, представляетъ собою четыреугольникъ, двѣ стороны котораго примыкаютъ къ морю. Въ странѣ Скиѳовъ текутъ слѣдующія рѣки: Истръ (Дунай), Борисѳенъ (Днѣпръ), Гипанисъ (Бугъ), Тирасъ (Днѣстръ), Танаисъ (Донъ), Герросъ (Конка или Самара), Пантикаписъ и Гипакирисъ; при чемъ мѣстоположеніе послѣднихъ рѣкъ остается для насъ загадочнымъ. Скиѳія была населена племенами, изъ которыхъ одни вели осѣдлый, другія—кочевой образъ жизни. Племена эти слѣдующія: Каллипиды—полугреческій народъ, занимавшій оба берега Буга, жили, примѣняясь къ нынѣшней топографіи, въ западной части Херсонской губерніи. Къ сѣверу отъ нихъ жили Алазоны въ томъ мѣстѣ, гдѣ Днѣстръ близко подходитъ къ Бугу т. е. въ нынѣшней Подольской губерніи; далѣе пространство до сѣверныхъ границъ Скиѳіи занимаютъ Скиѳы—пахари—южную часть Волынской и Кіевской губерній, они сѣяли хлѣбъ для продажи, а не только для собственнаго употребленія. Въ восточной части Херсонской, а можетъ быть и въ Кіевской губерніи жили Скиѳы—земледѣльцы; между Пантикаписомъ и Герросомъ жили Скиѳы—кочевники. Если за рѣку Герросъ принимать рѣку Конку, то ихъ страну можно опредѣлить какъ сѣверо-западную часть Таврической губерніи, на югѣ она доходила до Таврическихъ горъ. Наконецъ, самое сильное и многочисленное племя—скиѳы царскіе—жили между Герросомъ, Азовскимъ моремъ и Танаисомъ до сѣверныхъ границъ Скиѳіи. Весьма вѣроятно, что Геродотъ употребляетъ терминъ „скиѳскій“ въ поли-

тическомъ смыслѣ, и скиѳы не были этнографически цѣльнымъ народомъ. Скиѳы дѣлились на группу западныхъ и восточныхъ племенъ, изъ которыхъ западные стояли на болѣе высокой ступени культурнаго развитія; восточныя племена не были этнографически чистыми: среди нихъ были финскіе или монгольскіе элементы.

О религіи скиѳовъ мы имѣемъ самые скудныя данныя, которыя представляютъ ее намъ уже въ сложившемся видѣ, не указывая процесса ея развитія. Очевидно, она прошла такой же путь развитія, какъ и другія религіозныя представленія древнихъ народовъ: отъ первоначальнаго поклоненія небу и землѣ, олицетворенію силъ и явленій природы въ отдѣльныхъ божествахъ. Изъ божествъ скиѳскихъ намъ, по описанію Геродота, извѣстны слѣдующія: Табити—богиня очага и семейнаго благополучія—соотвѣтствуетъ греческой Гистіи; Папей—божество неба—соотвѣтствуетъ греческому Зевесу; Апія, какъ у грековъ Гея, была богиней плодородія и земледѣлія. Кромѣ того, скиѳы чтили Ойтосура, бога солнца, свѣта (греческій Аполлонъ) и богиню Артимпазу (греческая Афродита) и Ѳамимазада (греческій Посейдонъ); опредѣлить ближе значеніе послѣднихъ божествъ нѣтъ возможности. По словамъ Геродота, скиѳы поклонялись еще Гераклу и Арею—скиѳскихъ названій этихъ божествъ онъ не сообщаетъ. Религія скиѳовъ стоитъ ближе всего къ иранской, хотя нѣкоторыми чертами напоминаетъ и древне германскую. Въ связи съ религіозными представленіями стояли идольчики, въ небольшомъ количествѣ найденные въ скиѳскихъ могилахъ, и символы на знаменахъ (левъ и свинья). Отдѣльнаго класса жрецовъ для исполненія религіозныхъ обрядовъ у скиѳовъ не существовало: скиѳы сами удовлетворяли свои религіозныя потребности, преимущественно этимъ занимались старшіе въ родѣ. Жертвоприношенія совершались слѣдующимъ образомъ: ноги жертвеннаго животнаго связывали веревкой и дергали за нее такъ, что животное падало, въ это время громко произносили имя божества, которому приносили жертву, затѣмъ животное удавливали петлей, сдирали съ него кожу, жарили, а лучшую часть мяса и внутренностей бросали въ даръ божеству. Въ жертву чаще всего приносили коней. Совершенно иной характеръ носятъ обряды, совершаемые въ честь Арея. Въ честь этого бога было воздвигнуто сооруженіе изъ хвороста съ четыреугольной площадкой на верху: на самой вершинѣ насыпи былъ воткнутъ желѣзный мечъ, служившій прообразомъ Арея. Этому богу приносились въ жертву не только домашнія животныя и лошади въ большомъ количествѣ, но даже и люди изъ числа плѣнныхъ по одному отъ каждой сотни. Ихъ убивали надъ сосудомъ, куда стекала кровь, кровь эту выливали на мечъ, затѣмъ отъ труповъ отрѣзывали правую руку и правое плечо и бро-

сали ихъ высоко въ воздухъ; части эти оставались лежать тамъ, гдѣ упали. При отсутствіи жрецовъ у скиѳовъ существовали предсказатели, которые занимались гаданіемъ по прутикамъ лозы. Когда заболѣвалъ царь, они обязаны были указать на того или другого скиѳа, виновника болѣзни царя вслѣдствіе нарушенія клятвы царскимъ очагомъ. Они указывали на виновника; его приводили къ царю для допроса, обвиняемый, конечно, оправдывался въ возводимомъ на него преступленіи. Призывали другихъ предсказателей; если новые предсказатели подтверждали обвиненіе, то обвиняемому рубили голову, если же оправдывали, то смерти подвергались первые предсказатели особымъ способомъ: ихъ связанныхъ клали на кучу хвороста въ телѣгу, запряженную быками, затѣмъ хворостъ зажигали и они погибали въ пламени.

Обычаи. Обычаи скиѳовъ, какъ народа, стоявшаго еще на той ступени культурнаго развитія, когда общество обходится безъ писанныхъ законовъ, представляютъ высокій научный интересъ не только мѣстный, но и обще-европейскій. Къ сожалѣнію, мы располагаемъ о нихъ крайне недостаточными свѣдѣніями и имѣющимися мы обязаны большею частью Геродоту. Необходимо имѣть при этомъ въ виду, что, говоря объ обычаяхъ скиѳовъ, Геродотъ разумѣетъ повидимому восточныя племена ихъ—скиѳовъ-кочевниковъ. Скиѳы были воинственнымъ народомъ, и война составляла ихъ любимое занятіе. На войнѣ они отличались большою жестокостью: по словамъ Геродота, они пили даже кровь перваго убитаго врага. Головы убитыхъ враговъ скиѳъ или имѣлъ обыкновеніе отрубывать и приносить царю для доказательства своей доблести, что давало ему право на часть добычи, или скальпировалъ ихъ, какъ это дѣлали еще недавно сѣверо-американскіе индѣйцы. Снятая съ головы врага кожа привѣшивалась въ видѣ украшенія къ уздѣ коня. Нѣкоторые скиѳы выдѣлывали изъ человѣческой кожи плащи и чехлы для колчановъ, а изъ череповъ приготовляли чаши. Среди скиѳовъ былъ распространенъ обычай побратимства, сопровождаемый клятвеннымъ договоромъ. Обрядъ совершался такимъ образомъ: въ глиняный сосудъ, наполненный виномъ, лица, вступающія въ побратимство, примѣшивали свою кровь, сдѣлавъ уколъ на своемъ тѣлѣ, затѣмъ въ смѣсь погружали мечъ, стрѣлы, сѣкиру и дротикъ, произносили заклинанія и пили смѣсь какъ сами, такъ и присутствующіе при церемоніи свидѣтели. На одной пластинѣ изъ Куль-обской могилы изображены два скиѳа, которые обнявшись одной рукой, въ другой держатъ ритонъ, какъ бы готовясь изъ него выпить.

Погребальные обряды скиѳовъ имѣютъ сходство съ погребальными обрядами другихъ древнихъ народовъ; нѣкоторыя первобытныя черты, замѣчаемыя въ нихъ, объясняются тѣмъ консерватизмомъ, какимъ вооб-

ще отличаются древніе народы въ воззрѣніяхъ на загробную жизнь. Погребальные обряды скиѳовъ свидѣтельствуютъ, что они представляли себѣ загробную жизнь не иначе, какъ при совмѣстномъ существованіи тѣла и души, при чемъ въ загробномъ мірѣ, по вѣрованію скиѳовъ, будутъ существовать такіе же отношенія, какъ и на землѣ. Геродотъ повѣствуетъ о похоронахъ царей и простыхъ скиѳовъ. По смерти простого скиѳа, родственники его, говоритъ онъ, кладутъ въ телѣгу трупъ покойника и возятъ по всѣмъ друзьямъ въ теченіе 40 дней; друзья устраиваютъ погребальный пиръ, въ время котораго не забываютъ и умершаго, кладя передъ нимъ пищу, а затѣмъ предаютъ тѣло погребенію. Съ несравненно большимъ великолѣпіемъ обставлены были похороны царя. Тотчасъ послѣ смерти царя въ странѣ Герросъ начинали рыть могилу. Эта мѣстность служила царскимъ кладбищемъ; ее слѣдуетъ предполагать въ Екатеринославской губерніи около пороговъ, нѣсколько сѣвернѣе рѣки Конки. Тѣло царя бальзамировали: обмазывали воскомъ, вынимали внутренности и наполняли разными благовонными травами. Затѣмъ тѣло царя возили отъ одного племени къ другому. Подданные при встрѣчѣ съ процессіей такъ же, какъ и царскіе скиѳы, въ знакъ печали обрѣзывали себѣ кончики ушей, царапали лицо и руки, брили волосы и присоединялись къ шествію. Наконецъ, шествіе вступало въ страну Герросъ, гдѣ въ приготовленной могилѣ и происходило погребеніе. Подлѣ царя хоронили одну изъ его наложницъ умерщвленную посредствомъ удушенія, а такъ же его виночерпія, конюха, повара, служителя и глашатая, лошадей, по отборной штукѣ всякаго скота, кромѣ того, въ могилу клали лучшую часть имущества и золотые сосуды; надъ погребеніемъ насыпали курганъ, который старались воздвигнуть какъ можно выше. По истеченіи года на царской могилѣ удавливали 50 лучшихъ слугъ и столько же лошадей, выпувъ внутренности, набивали трупы соломой и зашивали, затѣмъ устраивали на могилѣ нужное количество деревянныхъ станковъ, укрѣпленныхъ на столбахъ, на нихъ надѣвали лошадей, на которыхъ сажали мертвыхъ всадниковъ, и укрѣпляли острыми кольями, чтобы тѣла держались въ вертикальномъ положеніи.

Какъ для очищенія послѣ погребенія, такъ вообще и для омовенія тѣла скиѳы употребляли бани: входили въ войлочную палатку и бросали льняныя сѣмена на раскаленные камни; сильные пары, выдѣляющіеся изъ нихъ, доставляли имъ большое удовольствіе и замѣняли омовеніе, такъ какъ они не обмывали себѣ тѣло водою. Скиѳы, жившіе по сосѣдству съ греческими колонистами, не могли, конечно, остаться внѣ культурнаго вліянія послѣднихъ. Періодъ времени съ V по III вѣкъ до Р. Х. отличается развитіемъ мирныхъ торговыхъ сношеній между скиѳами и греками, что не замедлило принести свои

плоды. Уже Геродотъ упоминаетъ о скиѳскомъ племени Каллипидахъ, которыхъ онъ называетъ Эллинами—скиѳами; здѣсь сказалось культурное вліяніе Ольвіи: торговыя сношенія приводили къ родственнымъ связямъ, а благодаря имъ распространялось дѣйствіе высшей культуры. Этому какъ будто противорѣчитъ утвержденіе Геродота, что скиѳы избѣгаютъ заимствованія чужеземныхъ обычаевъ, но здѣсь онъ, повидимому, имѣетъ въ виду, какъ и всегда, царскихъ скиѳовъ. Національная исключительность, конечно, была сильна и иногда поклонники греческой культуры принуждены были платиться жизнью. Борьбу старыхъ началъ съ новыми Геродотъ изображаетъ въ исторіи Анахарсиса и Скила. Анахарсисъ, возвратившись изъ путешествія на родину, отправился въ Гилею (лѣсистая мѣстность на лѣвой сторонѣ Днѣпровскаго лимана) и совершилъ, исполняя обѣщаніе, въ честь матери боговъ, полное празднество. Царь Савлій, извѣщенный объ этомъ, убилъ Анахарсиса стрѣлою изъ лука. Такая же трагическая судьба постигла и Скила. Онъ былъ сыномъ царя отъ гречанки, которая научила его греческому языку и письму. Сдѣлавшись послѣ смерти отца царемъ, онъ явно сталъ высказывать расположеніе къ эллинскому образу жизни. Нерѣдко, явившись со свитою въ Ольвію, онъ оставлялъ спутниковъ въ предмѣстьи, а самъ отправлялся въ городъ, надѣвалъ греческую одежду и велъ жизнь настоящаго эллина; наконецъ, онъ сталъ даже принимать участіе въ культѣ вакхическихъ мистерій. Когда объ этомъ сдѣлалось извѣстнымъ скиѳамъ, то они взбунтовались противъ него и поставили царемъ его брата; Скилъ бѣжалъ, но былъ выданъ брату, который велѣлъ его казнить.

Происхожденіе. О происхожденіи скиѳовъ Геродотъ сообщаетъ три легенды.

По одной изъ нихъ въ землѣ скиѳовъ, бывшей безлюдной пустыней, родился первый человѣкъ Таргитай отъ Зевса и дочери рѣки Борисѳена. У него было три сына: Липоксаисъ, Арпоксаисъ и Колаксаисъ. Послѣдній сумѣлъ овладѣть золотымъ плугомъ, ярмомъ, сѣкирой и чашей, упавшими съ неба, а потому и сталъ царемъ. Скиѳы называли себя сколотами, а греки прозвали ихъ скиѳами. По другой легендѣ изъ греческаго источника скиѳы произошли отъ младшаго сына Геракла и Ехидны по имени Скиѳа, который, какъ сумѣвшій натянуть лукъ, оставленный Геракломъ, остался жить въ странѣ, а два другіе брата были изгнаны матерью, какъ неспособные обращаться съ этимъ оружіемъ. По третьей легендѣ, которой наиболѣе довѣряетъ самъ Геродотъ, кочевые скиѳы, жившіе въ Азіи, тѣснимые Массагетами, перешли Араксъ (Сыръ-Дарья) и вторглись въ Киммерійскую землю, жители которой бѣжали въ Малую Азію. Это объясненіе переселенія скиѳовъ въ Европу имѣетъ извѣстную степень вѣроятности, и его

можно относить ко 2-й половинѣ VII вѣка до Р. X. Въ IV вѣкѣ появляются въ Черноморскихъ степяхъ Сарматы (Сарматы также арійскаго происхожденія и этнографическая близость ихъ со скиѳами подтверждается Геродотомъ и археологическими данными), вытѣсняютъ царскихъ скиѳовъ изъ области и во II вѣкѣ скиѳы уже окончательно подчиняются сарматамъ. Въ I вѣкѣ по Р. X. прежнія границы Скиѳіи и прежняя группировка племенъ совершенно измѣнились, и мы находимъ цѣлый рядъ новыхъ прежде неизвѣстныхъ народовъ. Подъ вліяніемъ непрерывнаго народнаго потока, изливающагося въ предѣлы древней Скиѳіи, западно-скиѳскія племена, вѣроятно, были отодвинуты на сѣверъ и сѣверо-западъ, а восточно-скиѳскія частью перебиты, частью распались на мелкія группы и вошли въ составъ новыхъ народностей. Въ это время названіе Скиѳіи имѣетъ у греческихъ писателей вполнѣ географическое, собирательное значеніе, равно какъ и названіе Сарматіи у римскихъ авторовъ.

Относительно количества населенія въ древней Скиѳіи мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; Геродотъ говоритъ, что на этотъ счетъ существуетъ два мнѣнія: одно объ его многочисленности, другое—объ его малочисленности. Племя царскихъ скиѳовъ было, по словамъ Геродота, самымъ могущественнымъ и многочисленнымъ и считало остальныхъ скиѳовъ своими рабами. Государственный строй у скиѳовъ носилъ характеръ деспотической монархіи: цари рѣшали всѣ дѣла по своей волѣ. Одновременно было нѣсколько царей.

Археологическія данныя. Скиѳо-сарматскія древности заключаются въ погребальныхъ памятникахъ—курганахъ, и территорія ихъ распространенія весьма обширна: они разсѣяны отъ устьевъ Дуная и Днѣпра, вверхъ по Бугу, по Днѣпру и его притокамъ до Смѣлы и Роменъ (Полтавской губ.), по Таврическому полуострову, по Дону и берегамъ Азовскаго моря, по Кубани и ея притокамъ до Каспійскаго моря. Нужно замѣтить, что въ означеніи времени возведенія могилъ ученые, основываясь на стилѣ и техникѣ издѣлій, нерѣдко расходятся между собою на нѣсколько столѣтій. Разграбленіе многихъ могилъ какъ въ древности, такъ и въ наше время тяжело отозвалось на плодотворности научныхъ изслѣдованій и лишило насъ возможности прійти къ болѣе основательнымъ результатамъ. Главнѣйшіе скиѳо-сарматскіе курганы слѣдующіе: Куль-обская могила въ 6 верстахъ отъ Керчи, открытая въ 1831 году, Чертомлыцкая могила въ 20 верстахъ отъ м. Никополя (Екатеринославской губ.), раскопанная Забѣлинымъ въ 1862 году—сооруженіе ея относится къ I—II вѣку до Р. X., Цимбалова могила въ Мелитопольскомъ уѣздѣ (Таврической губ.), изслѣдованная Забѣлинымъ въ 1876—8 г., Луговая близъ с. Александрополя Екатеринославскаго уѣзда, изслѣдованная Терещенкомъ и Люценкомъ въ

1851—5 г.г., и относимая ко II вѣку до Р. Х., Каменная—по дорогѣ изъ Никополя въ Екатеринославъ, раскопанная въ 1861 году, курганы у х. Геремесова въ 50 верстахъ къ Юго-Востоку отъ Луговой могилы, раскопанные Забѣлинымъ въ 1859 году, и курганы „Семь братьевъ“ въ Темрюкскомъ уѣздѣ (Кубанской обл.), изслѣдованные въ 1875—г.г., барономъ Тизенгаузеномъ. Кромѣ того, скиѳскіе курганы открыты были въ Роменскомъ уѣздѣ (Полтавской губ.), гг. Мазараки и Самоквасовымъ, близъ м. Смѣлы въ Кіевской губ. гр. А. Бобринскимъ, въ м. Рыжановкѣ Звенигородскаго уѣзда той же губ., а также въ Васильковскомъ уѣздѣ—курганъ „Перепятиха“, раскопанный Иванишевымъ въ 1845 г. Въ Харьковской губерніи скиѳско-сарматскія древности были открыты г. Зарѣцкимъ въ Богодуховскомъ уѣздѣ, въ 188—9 г.г., мною и Е. В. Данилевичемъ въ Валковскомъ уѣздѣ; онѣ представляютъ интересъ для опредѣленія сѣверо-восточнаго пограничья скиѳскаго четырехугольника.

Древне-скиѳскія могилы по характеру погребеній можно раздѣлить на нѣсколько категорій: во 1-хъ бѣднаго класса, или отдѣльныя небольшія родовыя; въ этихъ могилахъ находятъ лишь мѣдныя копья и грубые глиняные горшки; ко 2-му разряду относятся могилы знатныхъ богатыхъ воиновъ. Утварь и оружіе богаты и разнообразны, здѣсь мы встрѣчаемъ изъ оружія—брони, копья, а изъ утвари—греческія амфоры, алевастры и кувшинчики; рѣзкимъ отличіемъ отъ могилъ бѣднаго класса служитъ здѣсь погребеніе коня съ уборомъ. Въ могилу вмѣстѣ съ господиномъ клались его любимые кони, можетъ быть, также колесница со значками, оружіе и многочисленная утварь; самымъ пышнымъ и богатымъ была 3-я категорія заключавшая царскіе гробницы. Гробницу для царя рыли глубже всѣхъ остальныхъ, стѣны ея обмазывали бѣлой глиной, снабжали ее большимъ количествомъ катакомбъ, а надъ гробницей насыпали огромный курганъ, высокій и крутой, который по высотѣ значительно превосходилъ могилы другихъ разрядовъ. Такъ, напримѣръ, Чертомлыцкій курганъ имѣетъ въ діаметрѣ 54 саж. и 9 саж. высоты, Александропольскій въ діаметрѣ—150 саж., высоты—10 саж. Царскіе курганы обыкновенно оканчиваются площадкой; насыпи ихъ укрѣплены особыми каменными сооруженіями—цоколями. Форма гробницъ этихъ кургановъ всегда бываетъ четыреугольной. Катакомбъ въ нихъ бываетъ нѣсколько—отъ 1 до 5; онѣ или непосредственно соединяются съ гробницей или сообщаются съ нею посредствомъ галлереи. Вмѣстѣ съ царемъ погребали слугъ въ пышныхъ одеждахъ и лучшую часть его утвари и имущества; этимъ обычаемъ объясняется обиліе золота въ царскихъ могилахъ: въ одной катакомбѣ Александропольской могилы найдено, напримѣръ, до 700 золотыхъ бляшекъ. Предметы украшенія и утвари располагались по

катакомбамъ: мечи втыкались въ полъ или въ стѣну, ткани развѣшивались, сосуды ставились на землю; иногда нѣкоторые предметы прятались въ сундуки. Колесницу на которой везли царскій трупъ, или спускали въ гробницу и помѣщали въ одной изъ катакомбъ, или закапывали въ самой насыпи. Вмѣстѣ съ царемъ въ катакомбѣ помѣщали его задушенную наложницу, остальные спутники въ другой міръ помѣщались въ другихъ катакомбахъ. Костяки лежали прямо на землѣ или на подстилкѣ. На нѣкоторыхъ царскихъ могилахъ, напримѣръ,—на Чертомлыцкой и Александропольской, были каменныя бабы. Находятся ли онѣ въ какой-либо связи съ самими скиѳскими могилами, при современномъ состояніи нашихъ знаній мы не можемъ рѣшить. Скорѣе можно высказаться за отсутствіе такой связи, тѣмъ болѣе, что Геродотъ ничего не сообщаетъ намъ объ этомъ обычаѣ.

Теперь познакомимся съ устройствомъ двухъ выдающихся скиѳскихъ могилъ: Куль-обской и Чертомлыцкой. Гробница первой могилы имѣетъ квадратную форму съ крышей и состоитъ изъ каменныхъ плитъ. Она раздѣлялась собственно на 2 части. Въ одной части помѣщался саркофагъ скиѳскосарматскаго царя, рядомъ съ нимъ, очевидно, саркофагъ его жены. Во время раскопокъ былъ открытъ только первый саркофагъ, второй же не сохранился въ цѣломъ видѣ: отъ него мы имѣемъ лишь остатки—ручки, ножки и т. д. Саркофаги изъ кипарисоваго дерева. Саркофагъ царя раздѣлялся на двѣ части: первая часть заключала въ себѣ остовъ царя, а другая служила складомъ его оружія. Скиѳскій царь былъ погребенъ здѣсь съ различнаго рода драгоцѣнностями. Стѣнки гробницы были всѣ увѣшаны дорогими платьями, которыя, конечно, всѣ истлѣли и отъ которыхъ остались только металлическія части. На головѣ царя уцѣлѣла, однако, войлочная шапка въ видѣ башлыка, унизанная различнаго рода драгоцѣнностями. Здѣсь былъ найденъ типичный скиѳскій мечъ съ рукояткой, обложенной золотомъ, съ надписью. Особенно много было найдено въ гробницѣ золотыхъ и электровыхъ бляшекъ различной формы. Среди другихъ предметовъ здѣсь оказалось 4 амфоры греческаго типа и знаменитая электровая (смѣсь золота и серебра) Куль-обская ваза. Въ юго-западномъ углу гробницы былъ погребенъ конь—ясное подтвержденіе свидѣтельста Геродота о конскомъ погребеніи. На полу вдоль южной стѣны головою къ конскому погребенію лежалъ скелетъ, вѣроятно, раба—конюха. По срединѣ гробницы на землѣ лежалъ скелетъ царицы, головою на югъ; на головѣ ея была электровая діадема, на шеѣ золотое сканное монисто съ привѣсками и золотая гривна, на рукахъ золотые браслеты съ изображеніемъ охоты грифовъ на оленей. Что касается Чертомлыцкой могилы, то ея планъ представляется гораздо болѣе сложнымъ и запутаннымъ,

главнымъ образомъ потому, что эта могила подверглась опустошеніямъ грабителей. Нужно сказать, что это предположеніе находитъ себѣ полное подтвержденіе, такъ какъ въ одной изъ камеръ былъ найденъ трупъ грабителя, павшаго жертвою обвала. Ограбленіе Чертомлыцкой могилы относится еще ко времени, очень близкому къ эпохѣ скиѳскихъ царствъ. Я не буду останавливаться на деталяхъ устройства могилы. Въ чертѣ разграбленія находится центральная камера, въ которой погребена жена, повидимому, Чертомлыцкаго владыки. Къ центральной камерѣ по угламъ примыкали 4 другія, кромѣ того, въ отдѣленіи находились еще 3 конскія и 2 человѣческія могилы. Въ коррилорѣ этой могилы, между прочимъ, была найдена знаменитая Чертомлыцкая серебряная ваза, находящаяся нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Бытъ скиѳовъ по курганнымъ раскопкамъ. Переходя къ описанію быта скиѳовъ по курганнымъ раскопкамъ, мы должны сказать, что скиѳы по своему культурному развитію стояли на рубежѣ варварскихъ и цивилизованныхъ народовъ. Говоря о бытѣ скиѳскихъ племенъ, нужно различать племена западныя и восточныя. Первыя вели осѣдлый образъ жизни, вторыя—кочевой; это различіе существеннымъ образомъ отразилось на ихъ культурномъ состояніи. Почти все рельефы, найденные въ могилахъ восточной Скиѳіи, рисуютъ намъ кочевой бытъ въ его различныхъ проявленіяхъ: на Чертомлыцкой вазѣ изображены сцены прирученія коней. Другіе памятники рисуютъ намъ военную жизнь скиѳовъ: таковы Куль-обская ваза и ножны Чертомлыцкаго меча. Занятія скиѳовъ соотвѣтствовали ихъ образу жизни; восточные скиѳы занимались скотоводствомъ и охотой. Стада у скиѳовъ состояли изъ лошадей, овецъ, воловъ. Конь былъ лучшимъ товарищемъ и другомъ скиѳа въ его кочевой жизни. О значеніи коня для древняго скиѳа лучше всего свидѣтельствуютъ раскопки: кони погребены или въ самой гробницѣ съ хозяиномъ или отдѣльно, при чемъ ихъ остовы украшены богатыми золотыми или серебряными уборами. О существованіи овцеводства у восточныхъ скиѳовъ мы можемъ судить лишь по раскопкамъ: овечьи кости были найдены въ бронзовыхъ котлахъ Куль-обской и Цимбаловой могилъ. Другимъ важнымъ занятіемъ восточныхъ скиѳовъ была охота. На бляшкахъ мы находимъ изображеніе скиѳа верхомъ съ дротикомъ въ рукахъ, охотящагося за зайцемъ. Кромѣ того, скиѳы охотились на кабановъ и оленей, о чемъ свидѣтельствуютъ находки кабаньихъ клыковъ. На вазѣ, найденной между Дономъ и Кубанью, изображены сцены охоты на кабановъ и оленей: скиѳъ съ копьемъ въ рукахъ ожидаетъ бросающагося на него кабана, въ другомъ мѣстѣ 3 всадника преслѣдуютъ убѣгающихъ оленей. Для охоты, кромѣ оружія, скиѳы пользовались и собаками.

Западные скиѳы, въ качествѣ осѣдлаго народа занимались земледѣліемъ, рыболовствомъ, пчеловодствомъ и лишь отчасти скотоводствомъ. Верхнею одеждою скиѳовъ былъ кафтанъ, безрукавка и рубашка. Кафтанъ по покрою напоминалъ русскій армякъ. Онъ былъ, какъ показываетъ изображеніе скиѳовъ на Куль-обскихъ золотыхъ пластинкахъ, коротокъ, съ узкими рукавами, косыми полами, болѣе длинными спереди, чѣмъ сзади. Нѣкоторые кафтаны по краямъ были опушены мѣхомъ, какъ это мы видимъ у скиѳа, изображеннаго на Чертомлыцкой вазѣ. Рубахи выдѣлывались, повидимому, изъ шерсти; онѣ не доходили до колѣнъ и были снабженыузкими рукавами. Существенной частью скиѳской одежды былъ поясъ. Онъ большею частію выдѣлывался изъ кожи, снабжался прорѣзями и пряжкой. На поясѣ скиѳы носили мѣшокъ со стрѣлами, лукъ и мечъ. Извѣстіе Геродота о чашахъ, которые скиѳы будто бы носили у пояса, пока не подтверждается рельефными изображеніями. Штаны были двоякаго рода: узкія изъ кожи и широкія изъ матеріи; изображенія ихъ мы находимъ на Куль-обскихъ бляшкахъ и Чертомлыцкой вазѣ. Обувью у скиѳовъ служили кожанные полусапожки, перевязанные 2-мя ремнями. Низшіе классы ходили или вовсе безъ головного убора или носили башлыкъ, царь же носилъ уборъ въ родѣ повязки или мѣховую шапку. Башлыки выдѣлывались изъ кожи и верблюжьей шерсти. Какъ видно изъ древнихъ рельефовъ на Куль-обской вазѣ или на пластинкѣ Чертомлыцкаго меча, башлыкъ состоялъ изъ нѣсколькихъ сшитыхъ вмѣстѣ косыхъ кусковъ, при чемъ одинъ изъ нихъ закрывалъ затылокъ и спускался на спину. Цари носили повязку, какъ знакъ высшаго достоинства, иногда даже поверхъ шапки. Шапки дѣлались изъ матеріи, кожи и металла, а внизу опушивались мѣхомъ, какъ, напримѣръ, золотая діадема въ видѣ митры, найденная на остовѣ Куль-обскаго царя. Женщины носили головной уборъ въ родѣ кокошника. Женская одежда состояла изъ длиннаго покрывала, длинной одежды до самыхъ ногъ съ длинными узкими рукавами, сверхъ него въ накидку носилась другая довольно толстая одежда, похожая на халатъ. Какъ мужская, такъ и женская одежда украшалась нашитыми на нее бляшками, количество которыхъ, а равно и матеріалъ зависѣли отъ знатности погребеннаго лица. На одеждѣ Куль-обскаго царя было навѣшено до 266 золотыхъ бляшекъ, содержащихъ въ себѣ 2 фунта 32 золотника золота, на платьѣ Куль-обской царицы было 474 бляшки вѣсомъ въ $3^1/_2$ фунта, а на платьѣ Чертомлыцкой царицы 106 бляшекъ. Бляшки имѣютъ очень разнообразную форму: круглую, четыреугольную, овальную и т. д. Кромѣ бляшекъ, украшеніемъ одежды служили металлическія или стекляныя бусы, трубочки съ каемками, пуговки—цѣльныя и половинчатыя, привѣски и бубенчики. Количество этихъ украшеній на одеждѣ неопредѣленно;

пуговокъ, трубочекъ и пластинокъ вообще употреблялось немного. Скиөы носили также украшенія въ ушахъ, на шеѣ и рукахъ въ видѣ серегъ, шейныхъ обручей, браслетовъ и колецъ. Серьги носили мужчины и женщины съ тою только разницею, что мужчины носили одну серьгу въ правомъ ухѣ. Мужскія серьги были простого устройства. Болѣе сложнаго устройства были женскія серьги: серьги Чертомлыцкой царицы представляли собою золотое кольцо, къ которому было привѣшено 7 золотыхъ пуговицъ. Шейные обручи носили мужчины и женщины, принадлежащіе къ богатому классу. Они состояли изъ круглой металлической проволоки, оканчивающейся по краямъ какими-либо украшеніями. Матеріалъ ихъ былъ разнообразенъ. Золотой обручъ Куль-обскаго царя вѣсилъ 1 фунтъ 12 золотниковъ. На концахъ Куль-обскаго обруча находились литыя изображенія скиөовъ, сидящихъ на коняхъ, а на концахъ женскихъ обручей Куль-обской и Чертомлыцкой царицъ были изображенія львовъ. На пальцахъ и рукахъ скиөы-мужчины и женщины—носили кольца и браслеты. Чаще всего кольца приготовлялись изъ золота, хотя очень рѣдко встрѣчаются кольца изъ серебра, желѣза, кости и мѣди.

Вооруженіе скиөовъ, какъ народа воинственнаго, состояло изъ копья, ножа или кинжала, меча, топора, дротика, лука со стрѣлами, щита и латъ, о которыхъ мы получаемъ больше всего свѣдѣній, благодаря археологическимъ даннымъ. Копье состояло изъ 2 частей: древка и наконечника. Чаще всего наконечникъ дѣлался изъ желѣза, рѣже изъ мѣди или бронзы; по формѣ своей онъ напоминалъ длинный и узкій листъ съ ребрами по срединѣ. Лезвіе меча всегда дѣлалось изъ желѣза, ручки и ножны—изъ золота, желѣза, кости и другого матеріала, даже дерева. Мечъ носили знатные скиөы, а не простые воины, такъ какъ они находятся въ богатыхъ могилахъ, а не бѣдныхъ. Топоры служили оружіемъ наступательнымъ, а не метательнымъ. Очень распространеннымъ оружіемъ былъ лукъ со стрѣлами. Лукъ дѣлался изъ дерева. Стрѣлы приготовлялись изъ разнообразнаго матеріала: мѣди, желѣза, бронзы, кости; древнѣйшими надо считать мѣдные стрѣлы. Также разнообразна и форма ихъ: трехгранная, зубчатая, круглая и т. д. Древко бывало деревянное и тростниковое. Колчанъ выдѣлывался изъ кожи или дерева, иногда желѣза. Оборонительнымъ оружіемъ у скиөовъ служили щитъ и латы. Остатки щита найдены въ Куль-обской могилѣ. Латы и панцыри выдѣлывались, главнымъ образомъ, изъ желѣза, иногда изъ бронзы; составляющіе ихъ металлическія пластинки прикрѣплялись къ кожѣ или къ холсту. По формѣ пластинки обыкновенно походили на чешуи.

Бытовые предметы и предметы украшеній отличались очень большимъ разнообразіемъ и иногда изяществомъ отдѣлки, но среди этихъ

предметовъ, носившихъ на себѣ слѣды вліянія греческаго искусства, мы можемъ отмѣтить и предметы, которые составляли, несомнѣнно, принадлежность своеобразной, оригинальной скиѳской культуры. Среди этихъ предметовъ мы должны отмѣтить бронзовые или мѣдные скиѳскіе сосуды на довольно высокихъ ножкахъ, иногда украшенные сверху рельефными фигурами: барана, овцы, а иногда просто орнаментомъ. Это, очевидно, и есть тѣ самые котлы, въ которыхъ, какъ говоритъ Геродотъ, скиѳы варили мясо жертвенныхъ животныхъ. Въ настоящее время въ разныхъ музеяхъ Россіи имѣется значительное количество такихъ скиѳскихъ котловъ.

Но, конечно, болѣе важными являются тѣ предметы, которые носятъ на себѣ печать греческаго вліянія. Эти предметы относятся съ одной стороны къ утвари, съ другой къ предметамъ украшенія. Среди утвари нужно различать разнообразныя формы и виды глиняныхъ сосудовъ. И среди этихъ глиняныхъ сосудовъ мы замѣчаемъ разницу между сосудами греческаго и скиѳскаго типа. Къ числу греческихъ сосудовъ относятся, между прочимъ, разныя вазы—амфоры (особая ваза, которая привозилась для вина обыкновенно изъ различныхъ греческихъ острововъ и часть этихъ сосудовъ между прочимъ, носитъ на себѣ греческое клеймо). Греческое вліяніе проникло далеко вглубь Скиѳіи, гдѣ и распространялись греческія издѣлія; мною въ одномъ скиѳскомъ курганѣ въ Валковскомъ уѣздѣ у с. Алексѣевки была найдена амфора съ греческимъ клеймомъ. Среди предметовъ украшенія особую группу составляютъ бронзовыя иногда позолоченныя зеркала. Въ Приднѣпровьѣ зеркала бываютъ 3 типовъ: 1) съ ручками, прикрѣпленными къ диску, 2)—къ центру диска и 3) съ ушками вмѣсто ручекъ. Изъ предметовъ утвари необходимо еще упомянуть о ритонѣ, сосудѣ изъ оленьяго рога, употреблявшемся для черпанія жидкости. Въ качествѣ предметовъ конскаго убора употреблялись сѣдла и уздечки, которыя украшались пластинками и бляхами. Для похоронъ употреблялись колесницы или телѣги.

Къ числу памятниковъ, носящихъ яркую печать греческаго вліянія, нужно отнести нѣсколько костяныхъ пластинокъ, гдѣ изображаются сцены изъ эллинской жизни и миѳологіи. На одной пластинкѣ изображенъ судъ Париса, на другой—бѣгъ греческой колесницы. Обѣ пластины изъ Куль-обскаго кургана. На одной бляхѣ Александропольскаго кургана мы видимъ чудное изображеніе греческой богини Аѳины. Мы имѣемъ еще цѣлый рядъ другихъ изображеній, но среди нихъ, несомнѣнно, на 1-мъ планѣ нужно поставить золотую пластинку изъ Чертомлыцкаго кургана Она покрыта рельефнымъ изображеніемъ, рисующимъ въ яркихъ чертахъ національную греческую жизнь. По обычнымъ пріемамъ греческаго искусства эта пластинка изображаетъ какъ

будто 2 этажа, и то, что происходитъ въ верхнемъ этажѣ, является результатомъ той сцены, которая изображена въ нижнемъ этажѣ. Въ нижнемъ этажѣ происходитъ слѣдующее: съ одной стороны налѣво мы видимъ фигуры нѣсколькихъ женщинъ, которыя сидятъ внутри греческаго дома и прислушиваются къ тому, что происходитъ въ сосѣднемъ помѣщеніи. Особенно ярко изображена одна изъ женскихъ фигуръ—средняя, на лицѣ которой написано необыкновенное волненіе, а въ сосѣднемъ помѣщеніи, которое представляетъ уже открытый греческій дворикъ, мы находимъ группу изъ трехъ лицъ, которыя мирно бесѣдуютъ другъ съ другомъ; на краю мужчина равнодушно выслушиваетъ, что говорятъ остальные. Впереди идетъ женщина съ ребенкомъ и съ очень печальнымъ видомъ. На верху мы видимъ слѣдующую сцену: среднее центральное мѣсто занято фигурами, изъ которыхъ одна изображаетъ юношу-грека въ греческомъ одѣяніи, который съ кинжаломъ въ рукѣ бросается на дѣвушку или женщину, отъ него убѣгающую. Двѣ другія фигуры принимаютъ въ этомъ участіе: онѣ удерживаютъ этого юношу отъ его покушенія. На лѣвой, мы видимъ сцены совершенно мирнаго характера: фигуру мужчины, который обучаетъ натягивать лукъ маленькаго мальчика, передъ нимъ стоящаго. Инымъ характеромъ отличаются изображенія, которыми украшены Чертомлыцкая и Куль-обская вазы. Чертомлыцкая ваза имѣетъ форму амфоры и была предназначена, вѣроятно, для храненія вина; внутри ея шейки вдѣлано мелкое ситечко, а въ нижней части придѣлано 3 носика: два въ видѣ львиныхъ головокъ, а одинъ—лошадиной[1]). Вся эта ваза по фризу украшена изображеніями, которыя въ своей совокупности представляютъ нѣчто цѣльное и единое. На Чертомлыцкой вазѣ мы видимъ высоко-художественное изображеніе сценъ изъ скиѳской жизни, хотя и исполненное грекомъ. На нижней части этого фриза изображены: на первомъ планѣ двѣ лошади—кобылицы, которыя мирно пасутся на травѣ. Съ правой стороны изображенъ скиѳъ, который желаетъ, очевидно, удержать за узду быстро убѣгающую отъ него степную лошадь, онъ припалъ на одно колѣно къ землѣ, руки его растянуты и, очевидно, въ этихъ вытянутыхъ рукахъ онъ держитъ узду, которой старается удержать лошадь. Точно такого же характера и другая фигура на лѣвой сторонѣ этого фриза, гдѣ другой скиѳъ также, присѣвши на корточки, старается удержать быстро бѣгущаго коня. На противоположной сторонѣ, наоборотъ, очевидно, прирученный скиѳскій конь. Таковъ цѣлый рядъ изображеній, находящихся на Чертомлыцкой вазѣ, и представляющихъ историческій и художественный интересъ. Здѣсь мы видимъ изображенія скиѳовъ въ ихъ одѣяніи. Изображенія сдѣланы художественно,

[1]) Она относится къ концу IV и началу III вѣка до Р. Х.

ярко вычерчены всѣ детали. Они всѣ изображены съ длинными волосами, при чемъ волосы впереди подстрижены въ скобку; они одѣты въ панталоны и полусапожки. Несомнѣнно, что эти скиѳы по характеру изображенія не напоминаютъ тѣхъ каменныхъ бабъ Монгольскаго типа, которыя разсѣяны въ различныхъ мѣстахъ южной Россіи, въ нихъ ярко выраженъ арійскій типъ. Огромный интересъ въ художественномъ отношеніи представляетъ также такъ называемая Куль-обская электровая ваза[2]). Здѣсь мы видимъ греческое искусство въ лучшемъ расцвѣтѣ его. Съ лѣвой стороны на ней изображена такая сцена: пейзажемъ является степь, эта степь покрыта травой; затѣмъ мы видимъ возвышеніе изъ земли, на которомъ усѣлся скиѳскій царь; особенностью его костюма является золотая повязка или діадема, которой стянуты его волосы; его, очевидно, страшнымъ образомъ интересуетъ то, что сообщаетъ ему другой скиѳъ, сидящій передъ нимъ на корточкахъ; онъ приложилъ ко лбу копье; очевидно передъ царемъ, лазутчикъ, который дѣлаетъ докладъ своему повелителю о томъ, что онъ видѣлъ въ степи. Но еще болѣе интересны двѣ другія группы, которыя идутъ налѣво. Одна изъ нихъ представляетъ собою сцену, такъ сказать, врачебнаго быта древнихъ скиѳовъ. Изображенъ больной скиѳъ; можно ясно даже видѣть характеръ его болѣзни: у него страшно болитъ зубъ. И вотъ, его больной зубъ выдергиваетъ скиѳъ-врачъ. Сцена полна необыкновенной жизненности. Вы видите, какъ этотъ врачъ вдвинулъ въ ротъ своего паціента правую руку для того, чтобы ощупать прежде всего больной зубъ. Паціенту чрезвычайно больно, и онъ, конечно, совершенно безсознательно схватился отъ боли за правую руку своего врача и сильно ее сжалъ. Лицо врача изображаетъ полнѣйшее вниманіе. Наконецъ, послѣдняя группа изображаетъ также сцену врачебнаго быта: сидятъ двѣ фигуры скиѳовъ, одинъ, очевидно, имѣетъ больную ногу, а другой скиѳскій врачъ перевязываетъ эту ногу. И мы ясно видимъ здѣсь, какимъ способомъ происходила эта перевязка: больная нога заматывается узкою тесьмою. Скиѳы, живя по сосѣдству съ греками, для удовлетворенія своихъ потребностей, постепенно возраставшихъ по мѣрѣ ознакомленія съ высшей культурой, пользовались предметами греческой работы. Греческое искусство, приходя имъ на помощь, сумѣло приспособиться къ художественному вкусу варваровъ и создать произведенія, въ высокой степени цѣнныя для насъ въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ, фактъ существованія греческихъ колоній на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря не прошелъ безслѣдно для туземнаго населенія и проявился въ цѣлой массѣ памятниковъ греческаго дѣла. Рядомъ съ этимъ

---

[2]) Она отнсится къ II—I вѣку до Р. Х.

мы имѣемъ два памятника національной скиѳо-сарматской культуры. Предметы эти замѣчательны тѣмъ, что на нихъ мы находимъ имена мастеровъ, ихъ изготовившихъ, написанныя по гречески, хотя сами имена варварскія, скиѳскія. На пластинкѣ стоитъ надпись Порнахо (Πόρναχο), а на сосудѣ—Ксебантурула сдѣлалъ (Ξηβαντουρούλας ἐποίησεν). На концѣ пластинки находится изображеніе львиной головы, а на фризѣ 5 животныхъ, однообразная композиція которыхъ для приданія рисунку особой выразительности и страстности характеризуетъ варварварское искусство. За скиѳскія издѣлія мы должны признать и серебряныя вазы Куль-обской могилы, а также цѣлый рядъ пластинокъ и бляшекъ. Специфическимъ признакомъ скиѳскаго стиля является пестрая орнаментація золотыхъ и бронзовыхъ издѣлій драгоцѣнными камнями и цвѣтными стеклами: въ орнаментикѣ преобладаетъ звѣриный орнаментъ, въ техникѣ рисунка замѣчается пристрастіе къ рѣзко обозначеннымъ сухимъ контурамъ и энергичный пошибъ, въ противуположность выдержанному, изящному греческому стилю. По этимъ признакамъ скиѳо-сарматскій стиль долженъ быть отнесенъ къ такъ называемому варварскому искусству, которое шло изъ средней Азіи и Сибири и въ свою очередь въ эпоху великаго переселенія народовъ достигло значительнаго развитія подъ вліяніемъ персидскаго искусства, въ особенности въ Сассанидскую эпоху.

Памятники эпохи великаго переселенія народовъ въ Россіи. Теперь мы подошли къ тому переходному этапу, который отдѣляетъ бытъ и культуру скиѳо-сарматскую (отъ VII вѣка до Р. Х. по II—III вѣкъ послѣ Р. Х.) отъ славяно-русской; эта эпоха продолжается съ III по VII вѣкъ послѣ Р. Х. Эпоха великаго переселенія народовъ отразилась существеннымъ образомъ въ бытѣ и культурѣ населенія, занимавшаго въ ту пору нашу территорію. Мы постараемся опредѣлить основной характеръ этой новой эпохи—такъ называемый варварскій стиль въ искусствѣ—и затѣмъ посмотримъ, какъ она выразилась у тѣхъ народовъ, которые въ это время обитаютъ на русской территоріи. Нѣтъ сомнѣнія, что скиѳо-сарматскій міръ продолжалъ существовать и въ послѣдующее время; исторія не знаетъ случаевъ полнаго вымиранія какихъ-нибудь народовъ. Разница между скиѳосарматскимъ періодомъ и періодомъ великаго переселенія народовъ состоитъ въ томъ, что въ III вѣкѣ на сцену въ исторіи является свѣжій германскій элементъ въ видѣ такъ называемыхъ готовъ; они появляются тутъ въ III вѣкѣ и получаютъ огромное политическое значеніе, создаютъ даже особое готское царство. Въ IV вѣкѣ далѣе являются гунны—конгломератъ самыхъ разнообразныхъ народовъ. Какъже отразились жизнь и бытъ этихъ народовъ въ тѣхъ памятникахъ, которые мы находимъ на русской территоріи и которые могутъ быть

отнесены къ этому періоду? Основныя черты памятниковъ этой эпохи, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ: вмѣсто красоты формъ, въ которой нашло свое яркое выраженіе греческое искусство, мы находимъ уже стремленіе къ подробностямъ изображенія, къ орнаментаціи.

Здѣсь мы видимъ стилизацію животныхъ, изображеніе ихъ является въ видѣ деталей, въ видѣ украшеній. Далѣе мы встрѣчаемся теперь съ украшеніями изъ эмали различнаго цвѣта и вида, а также съ инкрустаціями изъ камня или стекла, встрѣчается также геометрическій орнаментъ, состоящій изъ концентрическихъ круговъ, завитковъ и спиралей. Вотъ основныя черты варварскаго искусства, которыя отразились въ памятникахъ эпохи великаго переселенія народовъ. Родиной этого варварскаго стиля нужно признать Среднюю Азію, гдѣ были на лицо всѣ благопріятныя условія для его возникновенія и процвѣтанія; тамъ было много золота и драгоцѣнныхъ камней, тамъ скоплялись несмѣтныя богатства и царствовала сказочная роскошь, о которой говорятъ намъ древніе и средне-вѣковые писатели. Этому обстоятельству благопріятствовали естественныя природныя богатства страны, обширная торговля и удачныя войны. Варварское искусство распространилось по всейСибири и проникло въ южную Россію нѣсколькими путями: черезъ Кавказъ и черезъ Черное и Каспійское море. Оно пришло въ южную Россію какъ благодаря мирнымъ торговымъ сношеніямъ, такъ и благодаря тѣмъ народамъ, которые изъ равнинъ Средней Азіи широкой волной вторгались въ припонтійскія степи и приносили съ собою искусство и привычки своей родины. Къ древностямъ великаго переселенія народовъ въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ и Сибири относятся многіе памятники. Въ 1885 г. близъ Самарканда проф. Веселовскимъ было раскопано Афрозіабское городище, гдѣ найдено множество золотыхъ вещей, составляющихъ принадлежность конскаго убора. Курганы, тянущіеся по всей средней Азіи и Западной Сибири до верховьевъ рѣки Енисея, даютъ картину погребенія съ богатымъ инвентаремъ—вещами изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней. Орнаментъ въ нихъ состоитъ изъ стилизованныхъ и фантастическихъ фигуръ животныхъ. Древности эпохи великаго переселенія народовъ не относятся, конечно, къ какой-нибудь единой этнографической группѣ, а наоборотъ принадлежатъ къ самымъ различнымъ народамъ въ этнографическомъ отношеніи. Варварское искусство, перейдя въ южную Россію, подверглось въ свою очередь другимъ культурнымъ вліяніямъ, и въ результатѣ этихъ вліяній образовалось нѣсколько стилей, смѣнявшихъ другъ друга въ теченіе всей эпохи переселенія народовъ. На родинѣ варварскаго искусства, въ средней Азіи, происходили также перемѣны: вслѣдствіе благопріятныхъ условій искусство достигло вдругъ пышнаго расцвѣта, и этотъ подъемъ отражался и

въ нашихъ древностяхъ этой эпохи. Археологическая наука, говоря объ отраженіи эпохи переселенія народовъ въ древностяхъ южной Россіи, различаетъ стили: римскій, готскій, иначе называемый германскимъ и др. Термины эти нужно понимать въ томъ смыслѣ, что въ основѣ этихъ стилей лежитъ все же варварское искусство, которое однако въ соединеніи съ римскимъ вліяніемъ даетъ римскій, а въ соединеніи съ готскимъ или германскимъ вообще—готскій стиль. Кромѣ памятниковъ римскаго и готскаго стиля, къ древностямъ переселенія народовъ относятся памятники Персидскаго (сассанидскаго) искусства, достигшаго блестящаго развитія въ VII вѣкѣ по Р. Х., до завоеванія ново-персидскаго царства мусульманами. *Сюда же относитса хронологически, (но не этнографически)*, самые древніе изъ памятниковъ славянскихъ, находимыхъ на той же русской территоріи. Сюда относятся и памятники кочевническіе, полукочевого и полуосѣдлаго быта (такъ называемый Верхне-Салтовскій могильникъ).

Въ предѣлахъ Кіевской, Полтавской и Харьковской губерній мы находимъ слѣды этихъ кочевническихъ погребеній. Въ Кіевской губерніи были найдены погребенія, отличающіяся характерной особенностью: здѣсь погребался наѣздникъ съ конемъ въ одной и той же могилѣ. Картина погребенія такова: въ головахъ кочевника лежитъ скелетъ его лошади съ желѣзными удилами въ зубахъ. Инвентарь погребальный состоитъ изъ предметовъ вооруженія, именно: кривой сабли, копья, лука и колчана; изъ предметовъ украшенія встрѣчаются серьги изъ золотой или бронзовой проволоки. Въ той же Кіевской губерніи было обнаружено кочевническое погребеніе, гдѣ покойникъ лежалъ въ деревянномъ гробу, сколоченномъ желѣзными гвоздями, головою на сѣверъ; онъ былъ въ желѣзной кольчугѣ, на головѣ имѣлъ желѣзный шлемъ, а на лицѣ—желѣзную маску. Возлѣ покойника находились желѣзная сабля и 5 такихъ же наконечниковъ. Голова лошади съ удилами въ зубахъ находилась на разстояніи 4 арш. отъ центра кургана.

Чрезвычайно характернымъ является полукочевническое полуосѣдлое погребеніе, въ предѣлахъ Харьковской губерніи, а именно, знаменитый Салтовскій могильникъ, открытый народнымъ учителемъ г. Бабенко и изслѣдованный потомъ Покровскимъ, мною и Трифильевымъ. Салтовскій могильникъ заинтересовалъ весь археологическій русскій міръ. Дѣйствительно, результаты изслѣдованія этого могильника оказались въ высшей степени интересными, если вспомнить, что мы имѣли крайне скудный матеріалъ для характеристики типовъ кочевническаго погребенія. Этотъ могильникъ находится недалеко отъ Салтовскаго городища у села Верхняго-Салтова. Онъ былъ открытъ случайнымъ образомъ: весеннія воды, размывающія возвышенности

образуютъ овраги, въ стѣнахъ которыхъ были обнаружены засыпанные землею корридоры. Могильный корридоръ легко обнаруживался и расчищался. Полъ этихъ проходовъ спускался къ погребальнымъ камерамъ или наклонно, или круто. Вслѣдъ за корридорами открываются погребальныя камеры или катакомбы. Катакомбы значительно выше корридоровъ: въ послѣднихъ можно было пробраться только согнувшись или ползкомъ, а въ катакомбахъ можно уже сидѣть и даже немного привстать. Катакомбы не сообщаются другъ съ другомъ. Обрядъ погребенія въ нихъ состоитъ въ коллективномъ трупоположеніи. Въ каждой изъ катакомбъ встрѣчается погребеніе одного, двухъ, трехъ и даже четырехъ покойниковъ. Въ одной камерѣ погребались и мужчины, и женщины, и дѣти. Скелеты лежатъ въ вытянутомъ положеніи—ногами по направленію къ выходу или поперекъ катакомбы (послѣднюю форму нужно признать господствующей). Чрезвычайно оригинальную и даже трогательную картину представляютъ покойники, руки которыхъ соединены какъ бы въ дружескомъ пожатіи. Очевидно, между этими людьми была какая-то нравственная связь, можетъ быть, семейная или родственная. При одной катакомбѣ было открыто торжественное погребеніе коня, котораго поставили, удушили и потомъ уже сложили всѣ уборы у его ногъ. Конскій уборъ отличался богатствомъ: здѣсь было найдено особое серебряное украшеніе въ формѣ чашечекъ тюльпана; затѣмъ было открыто много бляшекъ, составляющихъ принадлежность убора. Въ катакомбахъ обыкновенно находится довольно значительный похоронный инвентарь, состоящій изъ оружія, украшеній и сосудовъ. Оружіе представлено саблями, топорами, кинжалами и ножами. Сабли прямыя съ незначительнымъ изгибомъ на концѣ. Оконечность сабли и ручка иногда обложены серебромъ. Найдено было нѣсколько сабель, согнутыхъ въ 2 перегиба. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ какимъ-то ритуальнымъ обычаемъ. Короткіе кинжалы и ножи попадаются въ большомъ количествѣ. Салтовскіе глиняные сосуды по качеству своего производства стоятъ гораздо выше мѣстныхъ скиѳскихъ сосудовъ. На ихъ днищахъ находятся различныя клейма. Больше всего найдено разнообразныхъ украшеній преимущественно изъ бронзы, но также изъ серебра и, въ видѣ исключенія, изъ золота. Къ украшеніямъ относятся бусы, бляшки, бубенчики, браслеты, перстни, пуговки, подвѣски и зеркала. Бусы стеклянныя, изъ сердолика, смальты и янтаря. Костюмы украшались всевозможными бляшками. Очевидно, народъ, оставившій намъ могильникъ, любилъ металлическія нашивки на одеждахъ. Въ нашемъ университетскомъ музеѣ въ числѣ предметовъ изъ Салтовскихъ раскопокъ находится полный наборъ изъ серебряныхъ бляшекъ отъ пояса. Нѣкоторыя бляшки орнаментированы различнаго рода изображеніями.

Особенно много въ катакомбахъ бубенчиковъ 2 видовъ: одни изъ нихъ литые, другіе штампованные; одни издаютъ звонъ, другіе нѣтъ. Бубенчики служили украшеніемъ не только для лошадей, но и для людей. Серьги по своему характеру относятся къ варварскому половецкому типу. Это серебряныя или золотыя проволоки, къ которымъ прикрѣплена подвѣска въ видѣ пирамидки изъ шариковъ. Наконецъ, въ видѣ украшенія являются во всѣхъ погребеніяхъ монетки, но что это не были знаки мѣновой стоимости, видно изъ того, что онѣ имѣли дырочку для нанизыванія или привѣшиванія къ какому-нибудь костюму. Браслеты изъ бронзовой проволоки простой формы. Перстни встрѣчаются бронзовые, серебряные или изъ бѣлаго сплава. Зеркала—бронзовыя круглыя съ 1 или двумя ушками на обратной сторонѣ; они принадлежатъ къ такъ называемому Комунтскому типу. Упомянутыя нами монетки, служившія въ качествѣ украшеній, чрезвычайно важны для опредѣленія времени этого могильника. Наибольшее количество ихъ относится къ VIII—IX вѣку по Р. Х. На основаніи этого мы можемъ предположить, что расцвѣтъ Верхняго Салтова относится къ VIII—IX вѣку; но еще интереснѣе, что инвентарь этого могильника и ритуальное погребеніе оказались совершенно аналогичными съ могильниками сѣвернаго Кавказа, какъ, напримѣръ, Чми, Кумбульта, и др. Предметы вооруженія и украшенія, какъ, напримѣръ, зеркала, монеты, бляшки, сосуды—совершенно идентичны. Аналогію погребенія и инвентаря первый отмѣтилъ А. М. Покровскій, а затѣмъ обстоятельно выяснилъ въ своемъ рефератѣ г. Бабенко на XIV Археологическомъ съѣздѣ въ г. Черниговѣ. Такимъ образомъ, устанавливается фактъ тѣсной культурной связи между могильниками сѣвернаго Кавказа и Верхне-Салтовскимъ. Если пойти дальше въ область предположеній, если сдѣлать попытку установить, къ какому народу могъ принадлежать этотъ могильникъ, то является мысль о той Хозаріи, которой Сѣверяне, Поляне и Древляне уплачивали дань, которая имѣла могущественный городъ Саркелъ. Населеніе ея было полуосѣдлое и полукочевое; у хозаръ были города, была уже городская жизнь; но съ другой стороны даже населеніе столицы уходило на кочевья. Кромѣ того, подъ могущественной эгидою царства Хозарскаго могли существовать отдѣльныя гнѣзда славяно-русскихъ поселеній. Такимъ образомъ, можно предполагать, что и тотъ городъ, который былъ у Салтовскаго могильника и остаткомъ котораго является нынѣшнее Салтовское городище, представляетъ изъ себя одинъ изъ городовъ старой Хозаріи. А что здѣсь былъ городъ, мы имѣемъ документальное доказательство. Въ Московскомъ архивѣ министерства Юстиціи мнѣ удалось найти одинъ документъ XVII вѣка о поселеніи здѣсь черкасъ, т. е. выходцевъ-малороссіянъ. Оказывается, что эти черкасы, по словамъ московскаго

воеводы, поселились на старомъ Салтовскомъ городищѣ, „гдѣ былъ прежъ сего каменный городъ“. Существованіе этого каменнаго города только и можетъ быть отнесено къ до-монгольскому періоду. То обстоятельство, что наша лѣтопись не сообщаетъ о немъ свѣдѣній, не должно приводить насъ въ смущеніе: вѣдь лѣтопись не представляетъ изъ себя географическаго источника. Не могъ этотъ городъ возникнуть въ періодъ татарскаго владычества на томъ основаніи, что татары не были строителями городовъ. Владиміръ Мономахъ встрѣчалъ, какъ извѣстно, города въ половецкихъ степяхъ, а эти-то степи и были территоріей Хозаріи. Онъ встрѣчалъ въ этихъ городахъ полу-половецкое, полу-русское населеніе; можетъ быть, и городъ Салтовъ представлялъ одинъ изъ такихъ пограничныхъ хозарскихъ городовъ и въ немъ было значительное населеніе. При этой гипотезѣ понятно, почему, именно, культура этого населенія отличается гораздо болѣе высокимъ характеромъ, чѣмъ та бѣдная культура, которая характеризуетъ собой настоящихъ насельниковъ степей—печенѣговъ, торковъ, половцевъ. Если это населеніе имѣло большіе города, то оно должно было имѣть болѣе цѣнные предметы бытовой обстановки, больше богатствъ и т. п. Что касается характера этихъ предметовъ, то онъ въ большей степени склоняется къ характеру тюркскому, чѣмъ къ славяно-русскому. Господство предметовъ конскаго убора скорѣе указываетъ на тюрковъ, чѣмъ на славяно-руссовъ. Могильникъ, подобный Верхне-Салтовскому, былъ обнаруженъ г. Городцовымъ въ предѣлахъ той же Харьковской губерніи, въ Изюмскомъ уѣздѣ, около хутора Зливки на берегахъ двухъ озеръ. Погребеніе здѣсь совершалось въ грунтовыхъ ямахъ, гдѣ покойники лежали на спинѣ съ вытянутыми ногами. Глиняные сосуды большею частію дѣлались на гончарномъ кругу и снабжены клеймами, одинаковыми съ Салтовскими. Сосуды, а равно и прочія вещи совершенно тождественны съ Верхне-Салтовскими, хотя бѣднѣе ихъ.

Къ эпохѣ великаго переселенія народовъ относится уже и начало древностей *славянскаго типа*. Таковы, напримѣръ, поля погребенія, открытыя г. Хвойко при селѣ Черняковѣ Кіевской губерніи и напоминающія столь распространенныя поля погребальныхъ урнъ въ Западной Европѣ. Но этого мало: необходимо установить нѣкоторую связь и преемственность между древностями славянскими и скиѳо-сарматскими—въ убранствѣ славянъ повторяются формы скиѳскихъ шейныхъ гривенъ, подвѣсокъ, пряжекъ, бубенчиковъ, бусъ; открывается сходство въ гончарныхъ издѣліяхъ—замѣчаемъ и у славянъ шарообразныя низкія формы сосудовъ, узоры изъ точекъ и волнообразныхъ линій.

Литература: Латышевъ, Извѣстія классическихъ писателей о Кав-

казѣ и Скиѳіи вып. I; Надеждинъ, Геродотова Скиѳія (Зап. Од. общ., I); Древности Геродотовой Скиѳіи, I, II (Изд. Имп. Археол. Ком. съ атласомъ); Забѣлинъ, Исторія русской жизни, I; Bonnell, Beiträge zur Alterthumskunde Russlands, I; Мищенко, Не въ мѣру строгій судъ надъ Геродотомъ (предисловіе ко II т. перевода Геродота); Лаппо-Данилевскій, Скиѳскія древности Спб. 1887; Толстой и Кондаковъ, Русскія древности въ памятникахъ искусства вып. II—III; гр. Бобринскій, Курганы и случайныя археологическія находки близъ м. Смѣлы т. I—III; Ханенко, Древности Приднѣпровья, II—IV; пр. Багалѣй, Раскопки кургановъ въ Валковскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ Харьковской губ.; Данилевичъ, Раскопка кургановъ ок. хутора Покровскаго Валковск. уѣзда; Покровскій, Верхне-Салтовскій могильникъ (въ Трудахъ XII и XIII Арх. съѣздовъ).

Природа страны.

Особенности русской территоріи и ихъ вліяніе на исторію народа. Природа всегда играла выдающуюся роль въ жизни человѣчества. Взаимоотношеніе природы и человѣка характеризуется тѣмъ, что или человѣкъ подчиняется въ той или иной мѣрѣ природѣ, или наоборотъ, онъ подчиняетъ себѣ въ той или иной степени природу. Вся эволюція въ исторіи человѣчества, въ этомъ послѣднемъ смыслѣ слова, заключается въ постоянномъ увеличеніи власти человѣка надъ природой. Конечно, эти общія соображенія примѣнимы и къ нашей русской исторіи. Какое же вліяніе оказала природа нашей страны на ея исторію? Сравнивая русскую природу съ природою Западно-Европейскихъ странъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что между ними существуетъ весьма существенная разница. Въ то время какъ государства, основанныя въ Западной Европѣ, заключены какъ бы въ особыя отдѣльныя своеобразныя территоріи, вся территорія Россіи, на которой образовалось Русское государство, съ перваго взгляда по сравненію съ Западной Европой представляется единой, цѣльной, однообразной. Итакъ, тамъ разнообразіе, у насъ единообразіе. Далѣе стоитъ обратить вниманіе на береговую линію Западной Европы и Россіи для того, чтобы убѣдиться въ разницѣ и въ этомъ отношеніи. Въ то время какъ въ Западной Европѣ 1 миля берегового пространства приходится на 30 кв. миль общей территоріи, у насъ она приходится на 41 кв. милю, а въ Азіи даже на 100. Вся русская территорія представляетъ какъ бы одну огромную площадь, равняющуюся 90000 кв. милямъ. Для того, чтобы понять значеніе этой цифры, достаточно вспомнить, что она заключаетъ въ себѣ девять территорій Франціи. Если мы обратимся къ климату и климатическимъ условіямъ, то должны будемъ отмѣтить у насъ также одну

своебразную черту различія. Правда, Россія занимаетъ огромное пространство съ сѣвера на югъ—съ 44°—по 70° сѣверной широты, заключаетъ въ себѣ нѣсколько поясовъ, начиная отъ арктическаго и переходя къ холодному, умѣренному и теплому, но существуетъ одна особенность въ этихъ климатическихъ поясахъ. Особенность заключается въ томъ, что мѣстности, стоящія на одной и той же широтѣ, но на разной долготѣ имѣютъ неодинаковую среднюю годовую температуру; чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ зима становится холоднѣе и различіе въ зимнемъ холодѣ по долготѣ перевѣшиваетъ иногда разницу въ лѣтнемъ теплѣ по широтѣ. Годовая температура Оренбурга почти одинакова съ Петербургской, потому, что онъ на 25° восточнѣе Петербурга, хотя въ тоже время южнѣе его на 8°; зимніе мѣсяцы въ Оренбургѣ холоднѣе, чѣмъ даже въ Архангельскѣ. Русская территорія представляла изъ себя дно моря, которое было въ ледниковый періодъ, затѣмъ ушло, и, такимъ образомъ, на почвѣ этого моря образовались эти наносные слои, которые составляютъ почву Россіи. Этимъ и объясняется, почему въ самой южной части этого моря мы видимъ солончаки и тонкій слой чернозема, въ южной Россіи—глубокій черноземъ, а въ средней Россіи—супесокъ и суглинокъ. Если мы обратимся къ рѣкамъ, то и здѣсь мы найдемъ нѣкоторыя особенности, какъ въ ихъ образованіи, такъ и въ ихъ теченіи и направленіи. Въ Россійской низменности мы найдемъ одинъ какъ бы общій гидрографическій узелъ, изъ котораго вытекаютъ всѣ главнѣйшія ея рѣки—это Алаунская возвышенность и Валдайскія горы, откуда берутъ начало Волга, Западная Двина и Днѣпръ. Паденіе рѣчныхъ горизонтовъ оказывается незначительнымъ и этимъ объясняется огромная линія нашихъ рѣчныхъ бассейновъ и широта, и разнообразіе ихъ, чего мы не встрѣчаемъ въ рѣкахъ западной Европы. Медленно и плавно текутъ эти рѣки, въ противуположность быстрымъ и бурнымъ рѣкамъ горныхъ областей западной Европы. Рѣки—это земныя артеріи: куда онѣ текутъ, туда направляется и жизнь народнаго организма. Слѣдовательно, направленіе нашихъ рѣкъ создало и направленіе нашей исторической жизни. Древнее населеніе должно было селиться вдоль рѣкъ, этихъ единственныхъ и естественныхъ тогдашнихъ путей сообщенія. Итакъ, изъ этой общей характеристики мы должны вывести заключеніе, что природа русской территоріи способствовала созданію здѣсь единаго государства. Но необходимо ввести существенный коррективъ въ только что сказанное. Несмотря на видимое единство природы и однообразіе поверхности, мы можемъ подмѣтить въ русской территоріи какъ-бы двѣ оригинальныя части, другъ на друга непохожія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, что вся русская равнина дѣлится въ настоящее время на двѣ полосы: на центральную полосу—лѣсовъ и

на южную полосу — степей. Слѣдовательно, лѣсъ и степь это были два основанія нашей исторической жизни. Чрезвычайно важнымъ, такимъ образомъ, является вопросъ о томъ, насколько степь и русскій лѣсъ являются исконной особенностью нашей территоріи. Степь была всегда степью, и хотя имѣются многія историческія свидѣтельства о томъ, что эта степная полоса въ прежнее время имѣла все таки коекакіе лѣса, и лѣса въ ней было значительно больше, чѣмъ теперь, но это отнюдь не опровергаетъ общаго положенія, что въ степяхъ встрѣчался лѣсъ только въ видѣ оазисовъ, въ противуположность лѣсной полосѣ, гдѣ этотъ лѣсъ, въ настоящее время составляющій 40% территоріи, въ прежнее время, конечно, занималъ значительно большее пространство. Письменныя свидѣтельства, относящіяся къ историческому періоду, даже свидѣтельства Геродота относительно Гилеи, т. е. лѣсной области у нынѣшняго г. Алешекъ, не опровергаютъ того вывода, что черноземъ, который, именно, характеризуетъ степную полосу, произошелъ отъ перегноя травъ, а не лѣса. Море, которое покрывало нѣкогда южную и юго-восточную Россію и берегами котоtораго служили Уральскія и Карпатскія горы, стало постепенно отливать, обнажаться—остатками обширнаго морского бассейна признаются моря: Каспійское, Аральское, Черное и Азовское—и покрываться черноземомъ—такимъ образомъ образовалась степная полоса. Лѣсъ и степь должны были оказать и дѣйствительно оказывали совершенно различное дѣйствіе на первоначальное развитіе и складъ жизни древне-русскаго человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, для поселенія въ лѣсу, въ лѣсной полосѣ, необходимы были активныя усилія общинъ или обширныхъ родовъ. Первымъ поселенцамъ пришлось вести съ лѣсомъ чрезвычайно тяжелую борьбу. Имъ нужно было выкорчевывать лѣсъ, что требовало огромныхъ усилій; имъ нужно было потомъ выжигать пеньки, чтобы потомъ же эту почву разрыхлять для посѣва; для всего этого нужны были соединенныя усилія. Но зато послѣ побѣды, одержанной надъ лѣсомъ, положеніе лѣсного поселенца было прочно и твердо. Ему нечего было опасаться какихъ-нибудь нападеній, потому что лѣсъ служилъ превосходной защитой. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находился обитатель степной полосы: со всѣхъ сторонъ степь была открыта. На югъ постоянно двигалось кочевое населеніе изъ Средней Азіи, и главное, явившись въ эту степную полосу, оно не чувствовало почти никакой разницы по сравненію съ Азіей. Условія существованія и тамъ, и здѣсь были почти совершенно одинаковы, и потому кочевники чувствовали себя и здѣсь такъ же хорошо, какъ на родинѣ. Такимъ образомъ, эта степная полоса явилась излюбленнымъ мѣстомъ для передвиженія цѣлаго ряда кочевыхъ народностей, и, конечно, осѣдлому славяно-русскому поселенцу

необходимо было съ этимъ считаться. Мало того, нужно прямо сказать, что этимъ, главнымъ образомъ, и объясняется характеръ первоначальной славяно-русской колонизаціи въ этихъ степныхъ полосахъ. Лѣсъ, встрѣчавшійся здѣсь изрѣдка, сослужилъ важную службу этимъ новымъ славяно-русскимъ поселенцамъ. Для перваго поселенія народовъ осѣдлыхъ, каковыми были славяне, должно было выбирать естественно именно лѣсные оазисы; вотъ причина, почему первоначальныя славяно-русскія поселенія возникли, напримѣръ, въ Приднѣпровьѣ. Недаромъ говоритъ лѣтописецъ о Кіевѣ, что „окрестъ его—былъ боръ великій и лѣсъ". То же самое было и въ Черниговo-сѣверской землѣ.

Въ то время, какъ при колонизаціи лѣсной полосы, славяно-русскимъ поселенцамъ пришлось имѣть дѣло съ финскимъ племенемъ, обыкновенно мирно уступавшимъ имъ свои поселенія и часто смѣшивавшимся съ ними, южно-русскимъ племенамъ, поселившимся въ степяхъ, пришлось вѣдаться съ гораздо болѣе воинственными кочевниками. Поселенцы центральной и сѣверной Россіи, гдѣ жило мирное финское населеніе, безъ борьбы и усилія заняли свою территорію, а южно-русскій поселенецъ долженъ былъ вести упорную борьбу за свою землю съ кочевниками. Я сказалъ выше, что рѣки—это земныя артеріи; куда онѣ текутъ, туда направляется и жизнь. Такой артеріей для южанъ явился Днѣпръ, который связалъ ихъ съ Византіей. Совсѣмъ инымъ характеромъ отличались движеніе и интересы населенія, жившаго въ Поволжьѣ, въ странѣ великихъ озеръ и въ особенности по западной Двинѣ. Ихъ интересы тяготѣли къ морю Балтійскому при посредствѣ западной Двины и къ морю Каспійскому при посредствѣ Волги. Условія лѣсной и степной жизни были неодинаковы. Въ то время какъ на сѣверѣ жизнь развивалась главнымъ образомъ въ періодъ зимній, когда открывался превосходнѣйшій „санный путь", въ противуположность этому, жизнь на югѣ, въ полосѣ степей, расцвѣтала не зимой, а весной, когда вскрывались рѣки, и когда по этимъ рѣкамъ можно было двигаться къ Черному морю. Мы имѣемъ свидѣтельство современника, императора Константина Багрянороднаго, который говоритъ, что Днѣпровская Русь съ появленіемъ весны начинала строить лодки, однодеревки, снаряжала ихъ и на нихъ отправляла по Днѣпру купеческіе караваны въ Византію. Итакъ, если мы примемъ тотъ коррективъ, который я указалъ раньше, то мы должны будемъ внести значительную поправку въ мысль объ однообразіи русской территоріи. Въ дѣйствительности уже издревле было довольно рѣзкое отличіе между южной и сѣверной Русью, между степью и лѣсомъ. Племенныя особенности двухъ главныхъ русскихъ народностей, великорусской и малорусской, нашли для себя первое основаніе въ особенностяхъ самой природы. Но этого мало. Кромѣ

этого отличія сѣвера и юга, полосы лѣсовъ и степей, каждый уголокъ Россіи, каждая изъ ея областей имѣла своеобразныя особенности. Онѣ, конечно, были менѣе рѣзки, менѣе значительны, чѣмъ только что отмѣченныя, но и онѣ въ свою очередь вліяли на развитіе особенностей, свойственныхъ тѣмъ или инымъ славяно-русскимъ племенамъ. Что это такъ, это вполнѣ подтверждается нашей древней русской лѣтописью, которая говоритъ: „Кождо племя имяше свой нравъ и обычай“. И, конечно, иного образа жизни требовали поля Полянъ, чѣмъ болота дреговичей или озера ильменскихъ словѣнъ. Итакъ, слѣдовательно, здѣсь мы видимъ сочетаніе единства и разнообразія. Степень этого разнообразія, конечно, была неодинакова. Послѣ этихъ общихъ соображеній относительно вліянія природы русской страны на ея исторію, мы можемъ перейти къ географическому обозрѣнію славяно-русскихъ племенъ и ихъ быту.

Разселеніе русскихъ славянъ. Гдѣ была общая родина славянскаго племени? Этой родиной лѣтописецъ называетъ Дунайскую область; онъ говоритъ, что отсюда вышли всѣ славянскія племена–восточныя, южныя и западныя. Одни изслѣдователи придавали этому извѣстію характеръ исторической достовѣрности, другіе признавали его легендой, третьи—ученымъ домысломъ лѣтописца. Я не буду входить въ подробности и остановлюсь на другомъ вопросѣ, о характерѣ самаго разселенія славяно-русскихъ племенъ. Лѣтопись говоритъ о переселеніи славяно-русскихъ племенъ съ Дуная не одинъ, а нѣсколько разъ, пополняя всякій разъ свой первоначальный перечень славяно-русскихъ племенъ. Спрашивается, можно ли, основываясь на этомъ, думать, что, именно, въ такомъ порядкѣ происходило и самое разселеніе славяно-русскихъ племенъ по русской территоріи. Мы полагаемъ, что разселеніе русскихъ племенъ по русской территоріи находилось въ связи съ географическими и естественными условіями занятыхъ ими мѣстностей. Прежде всего естественно было занять тѣ территоріи, которыя были ближайшими къ Дунайской области, а потомъ уже и болѣе отдаленныя, тѣмъ болѣе что тѣ области, которыя были ближе, отличались и лучшей почвой и болѣе мягкимъ климатомъ, а тѣ, которыя были дальше, отличались худшимъ климатомъ и худшей почвой. Значитъ, наиболѣе древней мѣстностью славяно-русскихъ поселеній мы должны будемъ признать Карпатскую область и среднее Приднѣпровье съ знаменитымъ городомъ Кіевомъ во главѣ. Первоначальное поселеніе славяно-русскихъ племенъ на русской территоріи относится не къ половинѣ IX ст., а къ гораздо болѣе раннему времени; оно безъ сомнѣнія происходило на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій, отъ 6-го до 9-го вѣка и стоитъ въ связи съ дифференцированіемъ единаго славянскаго племени. Это дифференцированіе заключалось въ томъ, что нѣ-

когда единное славянское племя распалось на славянъ западныхъ, восточныхъ и южныхъ, а затѣмъ вся послѣдующая исторія этихъ славянскихъ племенъ заключается въ томъ, что этотъ процессъ дифференціаціи продолжался и далѣе. Среди восточныхъ славянъ въ свою очередь происходитъ процессъ дифференціаціи и является цѣлый рядъ отдѣльныхъ славяно-русскихъ племенъ, и такимъ образомъ происходитъ заселеніе русской территоріи. Доказательствомъ того, что основными гнѣздами славяно-русскихъ племенъ является область близкая къ Карпатамъ, служитъ географическая номенклатура, которая является важнымъ источникомъ для рѣшенія подобныхъ вопросовъ. Чѣмъ далѣе мы будемъ подвигаться отъ Карпатъ къ востоку и сѣверо-востоку, тѣмъ болѣе встрѣтимъ не славянскихъ названій мѣстностей, а финскихъ, тюрскихъ и т. д., въ то время какъ номенклатура мѣстностей, близкихъ къ Карпатамъ и Среднему Днѣпру, пропитана славянскимъ элементомъ. Итакъ, разселеніе славянъ по русской территоріи произошло не одновременно; они разселялись въ различные моменты; и понятное дѣло, что этотъ процессъ потребовалъ значительнаго промежутка времени. Объ этой первой порѣ въ исторіи племенного быта славяно-руссовъ мы знаемъ очень мало, но несомнѣнно, что совершались какіе-то длительные процессы, прежде чѣмъ произошло объединеніе славяно-русскихъ племенъ въ одно Кіевское государство.

Географическое распредѣленіе русскихъ славянъ.

По среднему теченію Днѣпра, на правой сторонѣ поселились поляне, образовавшіе впослѣдствіи Кіевское княжество со стольнымъ всея Руси городомъ Кіевомъ. По сосѣдству съ ними на сѣверо-западѣ жили древляне, занимавшіе часть нынѣшняго полѣсья, находившіеся въ постоянномъ соперничествѣ съ полянами. Центральнымъ городомъ ихъ былъ Искоростень. На западѣ отъ полянъ обитали дулѣбы или полоняне (или еще иначе бужане), а за ними хорваты (бѣлые). На территоріи этихъ двухъ племенъ образовалось впослѣдствіи Волыно-галицкое княжество, иначе Волынская и Червенская области съ городами Перемышлемъ, Галичемъ и др. Крайнюю юго-западную область занимали обширныя нѣкогда поселенія уличей и тиверцевъ, распространявшіяся по Днѣстру до самаго моря. Это были едва ли не самыя древнія и многолюдныя изъ русско-славянскихъ племенъ, которыя въ началѣ нашей государственной исторіи стали уже вымирать. Они носили общее названіе („Великая Скуѳь") и усилили собою галицкое княжество, войдя въ его составъ. На сѣверѣ отъ древлянъ въ болотистой землѣ между Припетью и Западной Двиной обитали

Драговичи. Въ верховьяхъ трехъ важнѣйшихъ русскихъ рѣкъ—Днѣпра, Волги и Западной Двины жило многочисленное племя кривичей, западная часть котораго носила названіе полочанъ. Они образовали Смоленское и Полоцкое княжество съ центральными городами того-же имени, а также сдѣлались главными колонизаторами сосѣдней финской территоріи на востокѣ, гдѣ очень рано образовалась Ростово-суздальская земля. Страну великихъ озеръ занимали словѣне или новгородцы, образовавшіе старинные города—Ладогу, Новгородъ, Псковъ и др. Въ среднемъ теченіи Днѣпра, но только на лѣвомъ его берегу, жили сѣверяне, занимавшіе бассейнъ Десны съ ея притоками и Сулы, т. е. нынѣшнюю Черниговскую и Полтавскую губерніи; главными городами здѣсь были: Черниговъ, Любачъ, Переяславль и др. Къ сѣверу отъ нихъ жило немногочисленное племя радимичей, занимавшее бассейнъ рѣки Сожи, а еще далѣе на сѣверо-востокъ находилась весьма многолюдная область ихъ ближайшихъ родичей—вятичей, захватившая не только верхнее теченіе Оки, но и нѣкоторыя сосѣднія мѣстности. Здѣсь вятичи встрѣтились съ кривичами и путемъ совмѣстнаго колонизаціоннаго процесса образовали Муромо-рязанское княжество. Колонизація русско-славянскихъ племенъ—явленіе старое, исконное и характерное. Она представляетъ одну изъ характернѣйшихъ особенностей нашей исторіи. Характеръ ея опредѣлялся, главнымъ образомъ, мѣстными условіями, а въ числѣ ихъ едва ли не главную роль играла природа страны. Кромѣ того, важное значеніе имѣли также тѣ народы, на территорію которыхъ переселялись русскіе славяне. И въ томъ и въ другомъ случаѣ существовала извѣстная разница между сѣверомъ и югомъ Россіи. Сѣверно-русскому населенію приходилось имѣть дѣло съ лѣсомъ и финнами, южно-русскому—съ степью и кочевниками. Сѣверно-русское блистательно выполнило свою задачу; его поступательное колонизаціонное движеніе на востокъ имѣетъ всемірно-историческое значеніе. Безъ особенной борьбы и жестокости, характеризующихъ собою колонизацію нѣмецкихъ племенъ въ славянскихъ областяхъ, кривичи и новгородцы претворили мало-по-малу финское населеніе въ русское и образовали здѣсь нѣсколько русскихъ княжествъ. Но и побѣжденные финны оставили послѣ себя нѣкоторое наслѣдство и оно живетъ до сихъ поръ въ русскомъ населеніи Поволжья и другихъ мѣстахъ. Такъ образовалось Великорусское племя, которое создало Русское государство. Южно-русскія племена (поляне, сѣверяне и т. д.) очутились въ иномъ положеніи. Они дальше держались отъ своихъ сосѣдей—степняковъ, чѣмъ кривичи отъ финновъ. Кривичи селились среди финовъ, а поляне, сѣверяне и др. только граничили съ печенѣгами, черными клобуками и половцами. Финны безъ борьбы уступили кривичамъ свои

владѣнія, а южно-русскіе кочевники находились въ постоянной враждѣ съ Кіевскимъ и Черниговскимъ княжествами. Но было бы ошибочно думать, что южно-русское (малорусское) племя не подвергалось вліянію тюрскаго элемента. Такое вліяніе несомнѣнно существовало, потому что, кромѣ воинственныхъ черныхъ клобуковъ, мы встрѣчаемъ и мирныхъ поселенцевъ, охранявшихъ даже предѣлы южной Россіи отъ своихъ болѣе дикихъ сородичей и входившихъ съ южно-русскимъ населеніемъ въ мирныя культурныя связи. Да и вообще трудно допустить существованіе какой бы то ни было народности въ ея чистомъ видѣ безъ примѣси другихъ. Такимъ образомъ, на долю велико-русскаго племени выпала легкая побѣда надъ финнами, а на долю южно-русскаго—упорная борьба съ тюрками, въ которой они должны были играть роль задерживающей напоръ воды плотины. Неудивительно, поэтому, что центръ государственной жизни перенесенъ былъ съ юга на сѣверъ, съ Кіева въ Москву.

Бытъ русскихъ славянъ.

Религія. Переходимъ теперь къ характеристикѣ быта славяно-русскихъ племенъ и начнемъ свой обзоръ съ ихъ религіозныхъ возрѣній. Русскіе славяне должны были пережить такія же стадіи религіознаго развитія, какъ и другіе родственныя имъ народы, но славяно-русское язычество не получило выдающагося развитія, это послѣднее было прервано принятіемъ христіанства; и все таки въ немъ было нѣсколько наслоеній. Въ первое время природа представлялась русскому славянину единой и нераздѣльной, онъ еще не могъ выдѣлить изъ нея отдѣльныхъ силъ и явленій. Благодаря этому въ древнѣйшую пору развитія своего славяно-русское язычество является въ видѣ своеобразнаго монотеизма, монотеизма sui generis, единобожія. Природа въ это время представлялась русскимъ славянамъ единой и нераздѣльной. Въ договорѣ съ греками мы находимъ такую фразу: „Не будемъ имѣть помощи ни отъ бога, ни отъ Перуна“. Такимъ образомъ, здѣсь Перунъ противопологается богу; очевидно, этотъ послѣдній былъ олицетвореніемъ всей природы до того момента, пока она въ представленіи нашихъ предковъ не дифференцировалась. Въ дальнѣйшемъ развитіи славяно-русское язычество не дошло даже до ярко выраженнаго антропоморфизма. Нашъ Олимпъ бѣденъ и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи. Сохранился, правда, цѣлый рядъ названій для славяно-русскихъ божествъ (Дажбогъ, Велесъ, Мокошь, Стрибогъ, Перунъ и т. д.). Но эти божества не выступаютъ передъ нами съ ярко-опредѣленной своей функціей. Также неопредѣленны и ихъ семейныя отношенія. Несомнѣнно, что языческая религія славяно-руссовъ должна

была находиться въ соотвѣтствіи съ ихъ общественной организаціей. Такимъ образомъ, если славяно-руссы жили когда-либо въ родовомъ быту, то они должны были выработать и родовую демонологію. И, дѣйствительно, мы находимъ указанія на два божества славяно-русской миѳологіи, которыя должны были бы имѣть, казалось, прямое отношеніе къ ихъ родовому быту—это, именно, Родъ и Рожаница. Вотъ свидѣтельства о нихъ памятниковъ: въ паисіевскомъ сборникѣ сказано: „извыкоша елени класти требы артемиду и артемидѣ, рѣкше Роду и Рожаницѣ". Въ азбуковникахъ говорится: „рожаницами елинстіи звѣздословцы нарѣчутъ седмь звѣздъ, глаголемыхъ, планиты, и кто въ кую планиту родится, и по той планитѣ любопрятся предвозвѣщати нравъ младенца или въ коемъ похотемъ естествомъ уклонителенъ будетъ". Оказывается, такимъ образомъ, что божества Рода и Рожаницы стоятъ въ связи не столько съ родовымъ бытомъ, сколько съ идеей судьбы, рока. Это тождественно съ русской поговоркой: „что на роду написано". Но нужно предполагать, что все таки культъ родовыхъ божествъ у русскихъ славянъ существовалъ. Слѣды этого культа сохранились въ современныхъ народныхъ воззрѣніяхъ на домового, который является душой умершаго прародителя или предка. Въ источникахъ мы находимъ и указанія на капища, и требища, т. е. жертвоприношенія, на изображенія божествъ — идоловъ, какъ объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ лѣтописецъ въ повѣствованіи о Владимірѣ, поставившемъ внѣ двора теремнаго изображеніе Перуна съ серебряною головою и золотыми усами. Владиміръ „постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его серебряну, а усъ златъ, и Хорсъ, Дажьбога, и Стрибога, и Симорогла и Мокошь". Въ одномъ поученіи сказано: „и приступиша къ идоламъ и начаша жрѣти—молніи и грому, и солнцу и лунѣ, а друзіи—Перуну, Хорсу, виламъ, Мокошѣ, уперемъ и берешнямъ, ихъ же нарицаютъ тридевять сестринецъ, а иніи въ Сварожича вѣруютъ и въ Артемиду, имъ же невѣгласи человѣці молятся и курье имъ рѣжутъ, а друзіи къ кладеземъ приходяще молятся, а друзіи огнѣви, и каменію, и рѣкамъ, и источникамъ и берегынямъ". Этимъ идоламъ приносились жертвы, въ томъ числѣ и человѣческія, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ же лѣтописецъ. Онъ говоритъ о принесеніи въ жертву сына одного варяга христіанина. Будущая жизнь представлялась славяно-русскому язычнику въ видѣ продолженія земной жизни, въ видѣ ея повторенія, съ тою только разницей, что она должна была продолжаться много и много вѣковъ. Съ этой точки зрѣнія для насъ дѣлается понятнымъ культъ, который былъ связанъ съ погребеніемъ усопшихъ. Обезображенная смертью, распадающаяся плоть требуетъ немедленнаго своего исключенія изъ живыхъ существъ, но человѣчество отказалось бы отъ своего самаго

священнаго долга, если бы это право живыхъ не смягчалось послѣднимъ правомъ мертвыхъ на погребальную почесть (ius manium).

Погребальные обряды. Русскій лѣтописецъ сообщаетъ намъ краткія свѣдѣнія относительно похоронныхъ обрядовъ руссовъ: съ одной стороны это было трупо-положеніе, т. е. похороны въ нашемъ смыслѣ этого слова, а съ другой трупосожиганіе. О сожиганіи у нѣкоторыхъ русскихъ славянъ (сѣверянъ, радимичей, вятичей, кривичей), лѣтописецъ оставилъ намъ слѣдующее свидѣтельство: „аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ“. Первый актъ погребенія—это было совершеніе тризны, т. е. поминки надъ покойникомъ. „Затѣмъ творяху кладу велику“, т. е. дѣлали большой костеръ изъ дровъ „и възложатъ на кладу мертвеца и съжигаху и по семъ събравше кости, вложаху въ ссудъ малъ и поставляху на *столпѣ на путехъ,* еже творятъ Вятичи и нынѣ“. Но это извѣстіе возбуждаетъ у насъ нѣкоторыя сомнѣнія. Прахъ должны были сохранять изъ уваженія къ памяти покойника, а между тѣмъ, если принять это лѣтописное извѣстіе, пришлось бы допустить, что цѣль сохраненія его не достигалась, ибо сосудъ съ пепломъ, поставленный не въ курганѣ, а на столбѣ при перепутьяхъ не могъ долго сохраниться. Можно думать поэтому, что здѣсь дѣло идетъ не о деревянномъ столбѣ, а о земляной курганной насыпи (tumulus). Это объясненіе подтверждается археологическими данными. Постановка сосудовъ съ пепломъ въ курганахъ является обычной въ славяно-русскихъ языческихъ погребеніяхъ. Извѣстіе лѣтописи о трупосожженіи подтверждается и дополняется свидѣтельствомъ арабскаго писателя X вѣка Ибнъ-Фацлана. Этотъ арабскій писатель—географъ и путешественникъ, былъ между прочимъ въ городѣ Булгаріи—столицѣ царства камскихъ Болгаръ, находившейся при впаденіи рѣки Камы въ рѣку Волгу, и оказался свидѣтелемъ похоронъ одного изъ русскихъ купцовъ. Онъ описываетъ, что самъ видѣлъ и что самъ слышалъ въ видѣ объясненія отъ русскихъ и потому свидѣтельство его является драгоцѣннымъ. Умеръ русскій купецъ, который пріѣхалъ со своими товарами въ столицу Камской Болгаріи и привезъ съ собой, кромѣ товаровъ, значительное количество рабынь и рабовъ, которые также служили предметомъ купли и продажи на тогдашнихъ рынкахъ. Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ купецъ былъ холостъ—это важная подробность, потому что въ погребальномъ ритуалѣ мы увидимъ оригинальное сочетаніе похороннаго и свадебнаго обычаевъ: его женили послѣ смерти. Когда онъ умеръ, то трупъ его положили во временную могилу. Вмѣстѣ съ трупомъ покойника въ эту временную могилу положили также нѣкоторые необходимые ему въ будущей жизни предметы, между прочимъ, музыкальный инструментъ—лютню—и онъ оставался въ этой могилѣ нѣсколько дней. Имущество его было раздѣлено на

три части. Первая часть пошла на приготовленіе ему одежды, другая на пріобрѣтенія горячихъ напитковъ и третья была оставлена для его родственниковъ. Стали кроить и шить ему пышныя торжественныя одежды, въ которыхъ онъ долженъ былъ отправиться на небо. И такъ какъ онъ былъ холостъ, то его рѣшили женить хотя послѣ смерти. Съ этой цѣлью обратились къ его рабынямъ съ предложеніемъ, кто изъ нихъ пожелаетъ отправиться въ рай за своимъ господиномъ и умереть вмѣстѣ съ нимъ. Здѣсь, какъ видимъ, не было принужденія, такъ какъ дѣвушка должна была по своей собственной охотѣ согласиться на это. Но надъ всѣми дѣвушками тяготѣла сила обычая и одна изъ нихъ во всякомъ случаѣ должна была изъявить желаніе послѣдовать за своимъ господиномъ и мужемъ на тотъ свѣтъ. И когда одна изъ дѣвушекъ согласилась, то не могла уже потомъ отказаться. Она поступила подъ надзоръ другихъ дѣвушекъ, которыя не отступали отъ нея ни на шагъ, исполняли всѣ ея желанія, а она все время была весела и это веселье выражала въ веселыхъ пѣсняхъ. (Это первое свидѣтельство о древне-русскихъ пѣсняхъ). Но тѣмъ не менѣе она была уже обречена, или точнѣе говоря, она себя обрекла на смерть. Затѣмъ, когда всѣ приготовленія были окончены, трупъ русича вынули изъ его временной могилы, и я видѣлъ его, говоритъ Фацланъ, почернѣвшимъ отъ холода этой страны (но, конечно, онъ почернѣлъ потому, что сталъ разлагаться). Въ это время вытащили на берегъ лодку, на которой купецъ привезъ свои товары. Эту лодку поставили на четырехъ столбахъ, вкопанныхъ въ землю. Въ ней положили коверъ, изъ румскаго дибаджа, т. е. изъ византійской дорогой парчи, подушки, сдѣланныя изъ того же матеріала, устроили сидѣнье, перенесли покойника въ лодку, посадили на этомъ сидѣньѣ, окружили его со всѣхъ сторонъ подушками. Его самого они одѣли въ лучшія одежды: кафтанъ, шаровары, на голову надѣли ему шапку калансуву. Изъ временной его могилы вынули и положили въ лодку музыкальный инструментъ—лютню, его оружіе. Далѣе, они загнали нѣсколько коней въ честь его, разрубили ихъ на части и бросили къ покойнику, затѣмъ они также разрубили быковъ, бросивъ ихъ туда же. Дѣвушка отрубила голову курицѣ, которую ей поднесли—и ее также бросили въ лодку. Наконецъ, принесена была и послѣдняя, самая цѣнная жертва—дѣвушка, обрекшая себя на смерть. Она перешла теперь во власть старухи, именуемой ангеломъ смерти. Эта старуха была толста и свирѣпаго вида. Старуха взяла въ свое полное распоряженіе эту дѣвушку. По тогдашнимъ воззрѣніямъ, женщина не могла самостоятельно пройти въ рай, она могла туда попасть только при посредствѣ своего мужа и это объясняетъ намъ тѣ символическіе обряды, о которыхъ повѣтствуетъ Ибнъ-Фацланъ. Окружав-

шіе ее мужчины подвели къ деревянному возвышенію на подобіе сруба колодца и подняли надъ землей. Она заглянула въ этотъ срубъ и что-то сказала. Потомъ подняли второй и третій разъ ее. Любознательный арабъ обратился къ русскимъ, которые участвовали въ похоронахъ за объясненіемъ этого обычая и получилъ такой отвѣтъ: она смотрѣла въ колодезь, въ которомъ отражался рай, и видѣла въ раю своего отца, мать, родственниковъ и, наконецъ, своего господина. „Рай прекрасенъ, зеленъ, ведите меня поскорѣй туда“, сказала она окружающимъ. Послѣ этого, дѣвушка должна была умереть. Но предварительно друзья покойнаго совершили надъ ней символическій обрядъ, который не могъ выполнить самъ покойный ея владыка, т. е. сочетались съ ней бракомъ. Брачный обрядъ символизируетъ и курица, которую бросала въ лодку дѣвушка. Похоронный и брачный обряды, столь далекіе другъ отъ друга, и доселѣ въ народной фантазіи сближаются одинъ съ другимъ. Въ Подольской губерніи у тамошнихъ малороссіянъ существовалъ такой обычай: если умирала какая-нибудь дѣвушка, то за гробомъ ея шелъ одинъ изъ парубковъ въ качествѣ жениха—мужа и нѣкоторое время онъ считался какъ бы вдовцомъ. Послѣ этого, старуха—ангелъ смерти—взяла толстую веревку, дала концы этой веревки въ руки окружающихъ мужчинъ. Они перехватили этой веревкой шею дѣвушки и при звукахъ трубъ, заглушавшихъ ея крики, стали тянуть въ разныя стороны и задушили ее. Одновременно съ тѣмъ одинъ изъ мужчинъ, наиболѣе близкій къ покойнику, вонзилъ между реберъ ея кинжалъ. Ея трупъ посадили рядомъ съ трупомъ покойника, и потомъ зажгли лодку. Пламя высоко взвилось въ гору, все покрылось густымъ дымомъ и катеръ сгорѣлъ. Тогда надъ костромъ насыпали высокій курганъ, поставили деревянный столбъ, на которомъ написали имя русскаго князя и покойника, и удалились. Такимъ образомъ, здѣсь мы видимъ характерный обычай сожженія покойника въ лодкѣ. Спрашивается, какую роль здѣсь играла лодка. Объясняется ли важная роль въ данномъ погребальномъ ритуалѣ лодки тѣмъ, что она была любимымъ предметомъ покойника, или же обычай погребенія въ лодкѣ имѣлъ за собой какія-нибудь болѣе общія основанія? Если мы обратимъ вниманіе на представленія древнихъ народовъ вообще относительно загробнаго міра то увидимъ, что лодка играла важную роль, какъ средство переправы въ царство тѣней по водѣ. У грековъ, какъ извѣстно, былъ перевозчикъ Харонъ, который перевозитъ души покойниковъ черезъ Стиксъ

Въ археологической литературѣ мы находимъ данныя вполнѣ подтверждающія похороны въ ладьѣ. Уже норманскія саги свидѣтельствуютъ что болѣе знатныя лица, викинги, погребались въ лодкахъ, которыя потомъ зажигались, отталкивались отъ берега и пускались въ откры-

тое море. Но этого мало. Въ послѣднее время удалось въ южной Норвегіи открыть погребеніе въ суднѣ на сушѣ. Въ 1879 году тамъ былъ раскопанъ такъ называемый королевскій курганъ и оказалось, что въ этомъ курганѣ превосходно сохранилось деревянное погребальное судно. Явилась возможность даже опредѣлить его конструкцію. Это было длинное судно (75 метровъ длины), сравнительно узкое, высотою въ 5—6 метровъ. Остовъ его былъ обшитъ дубовыми досками, прикрѣпленными къ внутреннимъ деревяннымъ ребрамъ. Съ каждой стороны въ немъ оказалось по 16-ти отверстій для веселъ, которыхъ, такимъ образомъ, было 32. Если при каждомъ сидѣло по 2 гребца, то всѣхъ ихъ было 64 человѣка. Эти весла были прикрѣплены не къ уключинамъ, какъ это обыкновенно дѣлается теперь, а вставлены прямо въ отверстія, которыя закрывались особымъ деревяннымъ кружкомъ, когда судно должно было идти на парусахъ. Осталась мачта этого судна, остался его руль. Въ превосходной монографіи профессора Московскаго университета Д. Н. Анучина, о значеніи ладьи, коней и саней въ погребальномъ ритуалѣ можно найти изображеніе этой древне-скандинавской шкуны. Но что особенно интересно,—въ центральной ея части сохранилась деревянная погребальная камера. Въ этой погребальной камерѣ оказались кости и нѣкоторые предметы; между прочимъ, найдены были остатки шелковой, золотомъ прошитой матеріи. Такимъ образомъ, мы въ данномъ случаѣ имѣемъ погребеніе въ ладьѣ, но трупъ покойника не сожигался, какъ это было по разсказу Ибнъ Фацлана, а его хоронили. О погребеніи въ ладьѣ есть указанія и въ русскихъ источникахъ. Разсказывая о житіи извѣстныхъ Бориса и Глѣба, лѣтописецъ сообщаетъ, что убитый Глѣбъ былъ похороненъ между двумя колодами, а въ миніатюрѣ, изображающей его погребеніе, мы видимъ дѣйствительно его тѣло между двумя колодами и нѣсколько лицъ, накрывающихъ прахъ сверху опрокинутой лодкою. Такимъ образомъ, здѣсь ладья играетъ какую то не совсѣмъ ясную для насъ роль и въ погребеніи христіанскаго князя. Очевидно, это—пережитокъ языческой старины. Археологическія данныя въ настоящее время доставляютъ намъ матеріалъ, вполнѣ подтверждающій погребеніе въ ладьѣ на Руси въ языческій періодъ. Въ музеѣ древностей и искусствъ Харьковскаго университета имѣется такая ладья съ покойникомъ. Она была цѣликомъ вырѣзана открывшимъ ее г. Городцовымъ и представлена Харьковскому Археологическому съѣзду. При трупѣ покойника сохранилась его кольчуга, сабля и огниво въ кожаномъ мѣшечкѣ. Впослѣдствіи лодка стала замѣняться ладьеобразной могилой—каменной или земляной. О такихъ пережиткахъ старины повидимому свидѣтельствуютъ и разсказы лѣтописи о томъ, какъ княгиня Ольга отомстила древлянскимъ посламъ: однп изъ нихъ

были сожжены, по ея приказанію, въ жарко натопленной банѣ, а другіе, пожелавшіе, чтобы ихъ несли въ лодкахъ, были брошены въ яму.

Въ миніатюрахъ Сильвестровой лѣтописи имѣются рисунки, изображающіе перенесеніе мощей Бориса и Глѣба. Нѣсколько человѣкъ несутъ на плечахъ сани и на этихъ саняхъ положено тѣло Бориса; на другомъ рисункѣ везутъ за ужнлища, т. е. за веревку сани, на которыхъ стоитъ гробъ Глѣба, гробъ напоминающій гробницу Ярослава Мудраго въ Софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ. Но особенно любопытно и цѣнно для насъ время перенесенія мощей; дѣло происходило 2-го мая, слѣдовательно весною, въ Южной Руси, гдѣ въ это время стоитъ очень теплая погода. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ фактъ погребенія въ саняхъ въ лѣтнее время. Слѣдовательно, сани играли здѣсь символическую роль.

Обращаясь далѣе къ многочисленнымъ археологическимъ даннымъ, доставляемымъ намъ раскопками въ различныхъ славяно-русскихъ земляхъ, мы тамъ находимъ полное подтвержденіе извѣстія древняго лѣтописца о 2-хъ погребальныхъ обычаяхъ русскихъ славянъ—трупосожженіи и трупоположеніи. Великая княгиня Ольга, по словамъ лѣтописца, велѣла кургана надъ собой не насыпать. Слѣдовательно, курганъ является типической принадлежностью языческаго погребенія. Но археологическія данныя приводятъ насъ къ убѣжденію, что была еще другая болѣе древняя форма славяно-русскаго языческаго погребенія. Это погребенія безъ кургановъ, памятниками коихъ являются такъ называемыя поля погребальныхъ урнъ. Эти поля погребальныхъ урнъ были открыты въ значительномъ количествѣ въ предѣлахъ Западной Европы; но они были найдены и у насъ въ Россіи. Въ нихъ на не большой глубинѣ оказываются или костяки, или пережженныя кости въ глиняныхъ сосудахъ. Что касается кургановъ, раскопанныхъ теперь въ большомъ количествѣ и пріуроченныхъ уже къ отдѣльнымъ славяно-русскимъ племенамъ, то въ нихъ также было или трупоположеніе, или трупосожженіе. Я только остановлюсь на нѣсколькихъ примѣрахъ для того, чтобы охарактеризовать погребальные обычаи у различныхъ славяно-русскихъ племенъ. Обращаясь къ Ильменскимъ славянамъ, мы находимъ тамъ курганы огромной величины въ видѣ сопокъ; въ этихъ курганахъ открываются слѣды сожженія покойниковъ, но это сожженіе производилось не въ самой могильной ямѣ, а на сторонѣ. Въ могильную же яму клались пережженныя кости покойника. У Кривичей мы находимъ длинныя или долгія могилы, въ которыхъ оказываются глиняныя урны съ пережженными костями покойниковъ. Этимъ вполнѣ подтверждается извѣстіе лѣтописи о сожиганіи у нихъ покойниковъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ недалеко отъ кургановъ были найдены пережженныя кости и остатки костра, гдѣ происходило

сожженіе покойниковъ. Въ той же области Кривичей былъ открытъ Гнѣздовскій могильникъ, въ которомъ опять мы находимъ урны, а иногда остатки сожженія въ самой могильной насыпи. У Кривичей мы находимъ и курганы обычнаго типа—куполообразные. Но кромѣ трупосожиганія было и трупоположеніе. У сѣверянъ и радимичей мы также находимъ эти 2 вида сожиганія—кострища и погребальныя урны—а также трупоположеніе. Въ Черной могилѣ и Гульбищѣ найдено было въ полусожженномъ состояніи множество предметовъ, характеризующихъ культуру Сѣверянскаго племени въ языческій періодъ ихъ исторіи. Другой типъ погребенія у сѣверянъ и радимичей представляли изъ себя курганы небольшой величины, съ урнами въ насыпяхъ, причемъ въ этихъ урнахъ помѣщался пепелъ покойника. У дреговичей слѣдовъ трупосожженій встрѣчается много, а у полянъ сравнительно мало (иногда сожигали у нихъ на особыхъ точкахъ внѣ кургана). Но однъ разъ открытъ былъ курганъ, въ которомъ найдено было до 50-ти сосудовъ съ пережженными костями, т. е. съ пепломъ; въ другой разъ найдено было также нѣсколько сосудовъ, которые имѣли много пережженныхъ костей покойника.

Трупоположеніе существовало одновременно съ трупосожженіемъ и при томъ повидимому также у всѣхъ славяно-русскихъ племенъ. Покойники клались въ могилу, изрѣдка въ сидячемъ положеніи, но большей частью въ лежачемъ, обыкновенно на спинѣ, головой, главнымъ образомъ, на западъ (типичная особенность славяно-русскихъ погребеній). Иногда костяки помѣщались въ деревянныхъ срубахъ, колодахъ, гробахъ. Изрѣдка покойникъ помѣщался въ насыпи кургана, но чаще всего на материкѣ, или въ грунтовыхъ ямахъ, выкопанныхъ въ материкѣ. Обыкновенно съ покойниками клали значительное количество вещей. Нерѣдко попадаются монеты, которыя датируютъ самыя погребенія. Итакъ слѣдовательно, археологическія данныя подтверждаютъ, дополняютъ и частію направляютъ лѣтописныя извѣстія относительно погребальнаго ритуала у различныхъ славяно-русскихъ племенъ. Трудно въ настоящее время рѣшить вопросъ о томъ, какой изъ двухъ видовъ погребенія: трупосожженіе или трупоположеніе—былъ древнѣе.

Культурное состояніе славяно-русскихъ племенъ. Но археологическія данныя раскрываютъ передъ нами не только одну сторону духовной жизни славяно-русскаго племени—погребальный ритуалъ: они позволяютъ намъ опредѣленно рѣшить и другой еще болѣе важный вопросъ—о культурномъ состояніи нашихъ славяно-русскихъ племенъ въ первоначальный языческій періодъ ихъ исторіи. Лѣтопись намъ сообщаетъ по этому поводу такія данныя: сѣверяне радимичи, вятичи и кривичи жили въ лѣсу, какъ звѣри, и ѣли все

нечистое; древляне также жили звѣринскимъ образомъ. Спрашивается, можемъ ли мы относиться съ довѣріемъ къ этому свидѣтельству нашей лѣтописи о слишкомъ низкомъ культурномъ развитіи сѣверянъ и другихъ славяно-русскихъ племенъ до образованія русскаго государства? Родоначальникъ исторической критики Шлецеръ отнесся съ полнымъ довѣріемъ къ этому извѣстію и выступилъ даже съ теоріей о низкомъ культурномъ состояніи русскаго народа до призванія Рюрика. Только съ призваніемъ варяговъ, говоритъ онъ, на Руси появилась гражданственность. До образованія Русскаго государства Русь представляла въ культурномъ отношеніи tabula rasa, чистое поле, на которомъ впервые посѣяли зачатки культуры пришлые нѣмцы. Но этотъ взглядъ совершенно опровергается археологическими данными. На основаніи данныхъ, собранныхъ проф. Самоквасовымъ, Антоновичемъ и др., можно возсоздать довольно полную и яркую картину сравнительно высокой матеріальной культуры у славяно-русскихъ племенъ до призванія варяговъ. Русскіе славяне выступаютъ передъ нами съ особыми признаками культурности и извѣстной матеріальной обстановки, которыя, конечно, совершенно не соотвѣтствуютъ словамъ лѣтописца объ ихъ звѣриномъ образѣ жизни. У русскихъ славянъ существовала, какъ это видно изъ раскопокъ, разнообразная одежда. Замѣчательно, что эта одежда была мѣстнаго производства, что указываетъ на развитіе ремеслъ. Мы, напримѣръ, находимъ въ курганахъ языческихъ временъ остатки не только льняныхъ, пеньковыхъ, шерстяныхъ тканей, но попадаются также ткани шелковыя, затканныя золотомъ, греческаго издѣлія (паволоки). Головные уборы по курганнымъ раскопкамъ представляются въ видѣ шапокъ войлочныхъ или шерстяныхъ; лобъ и волосы украшались тонкими серебряными пластинками; попадаются и особыя украшенія для головныхъ уборовъ въ видѣ діадемы, или короны, состоявшей изъ металлическихъ пластинокъ разнаго вида и характера. Русскіе славяне носили въ то время сапоги, или вѣрнѣе, полусапожки. Они состояли изъ двухъ половинокъ, сшитыхъ внизу, имѣли остроконечные концы впереди, подошвы у нихъ не было. Обувь эта, какъ мы видимъ, по своему виду напоминаетъ скиѳскую. Обращаясь къ другимъ сторонамъ матеріальной культуры русскихъ языческихъ славянъ, мы видимъ, что въ ней очень видное мѣсто среди предметовъ домашняго обихода занимаютъ разнаго рода украшенія, но эти украшенія, въ противуположность древнимъ скиѳскимъ, уже сдѣланы большей частью изъ серебра и при томъ низкопробнаго, иногда изъ бѣлаго сплава бронзы или изъ желѣза. Золотые предметы скиѳо-сарматскаго періода теперь почти отсутствуютъ. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ молодымъ, въ области культуры, народомъ, который еще не пріобрѣлъ себѣ ни большихъ богатствъ, ни значительнаго количества привозныхъ пред-

метовъ. Но тѣмъ не менѣе среди этихъ предметовъ украшенія мы открываемъ нѣкоторое количество и такихъ предметовъ, которые не могли быть сдѣланы въ предѣлахъ Россіи и которые, несомнѣнно, были привезены и на которыхъ лежитъ яркая печать иноземнаго вліянія (арабскаго или персидскаго стиля съ одной стороны, византійскаго—съ другой).

Предметы украшеній оказываются сравнительно бѣдными, но вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ о своеобразномъ самобытномъ искусствѣ, носящемъ на себѣ печать мѣстнаго развитія. Въ настоящее время мы уже можемъ опредѣлить съ достаточной ясностью, какого рода предметы домашней обстановки изъ славяно-русскихъ кургановъ являются наиболѣе типичными для славяно-русской культуры. Сюда, напримѣръ, изъ предметовъ украшеній можно отнести серьги такъ называемаго кіевскаго типа, въ видѣ проволоки съ тремя бусами или шипами; спайки въ то время незнали и потому концы колецъ расходились. Къ предметамъ украшенія относятся также височныя или волосяныя кольца, украшавшія голову и прикрѣплявшіяся къ головнымъ уборамъ. Потомъ, мы находимъ большое количество украшеній разнаго рода для волосъ. Мы находилъ также шейныя гривны, которыя пріобрѣли потомъ большую извѣстность, какъ предметы древне-княжеской культуры, это обыкновенные обручи для надѣванія на шею. Иногда эти шейныя гривны замѣнялись разнаго рода ожерельями. Эти ожерелья состоятъ изъ бусъ разнообразнаго характера, (изъ серебра, стекла, янтаря, композицій и т. п.). Многіе типы предметовъ вооруженія имѣютъ, оказывается, связь съ предшествующей эпохой. Изъ предметовъ вооруженія отмѣтимъ обоюдоострые мечи, но рядомъ съ ними находимъ и сабли. Такимъ образомъ, нельзя утверждать, какъ это дѣлали нѣкоторые изслѣдователи, что сабля характеризуетъ тюркскія племена, а мечи—славяно-русскія. Если мы обратимъ вниманіе, какъ воевода черниговскій помѣнялся оружіемъ съ печенѣжскимъ предводителемъ, то будетъ ясно, что Русь рано могла ознакомиться съ оружіемъ кочевниковъ—саблей. Кромѣ того, былъ также лукъ, стрѣлы и нѣкоторые другіе предметы вооруженія; затѣмъ сравнительно рѣдко встрѣчается кольчуга, т. е. рубашка изъ желѣзныхъ колецъ, и шлемъ. Изъ того, что оружіе попадается не часто, нельзя однако сдѣлать вывода, что славяно-русскія племена отличались мирнымъ характеромъ, въ дѣйствительности они были очень воинственны. По всей вѣроятности, скудость оружія объясняется тѣмъ, что его клали только въ могилы воиновъ, число которыхъ было невелико по сравненію съ общимъ количествомъ населенія. Глиняныя издѣлія также весьма характерны; между прочимъ, типической особенностью славяно-русскихъ сосудовъ является волнистый орнаментъ. Есть цѣлая масса другихъ пред-

метовъ, которые уже свидѣтельствуютъ о сравнительно высокой культурѣ. Мы, напримѣръ, находимъ среди другихъ предметовъ вѣсы и гирьки—разновѣски; очевидно, былъ погребенъ купецъ и вотъ въ его могилѣ найдены бронзовые вѣсы съ 2-мя чашечками. Было найдено значительное количество деревянныхъ ведеръ, обтянутыхъ желѣзными обручами. Было найдено большое количество замковъ и ключей. Съ перваго взгляда эти предметы могутъ показаться не особенно важными, но нужно обратить вниманіе на то, о чемъ они свидѣтельствуютъ: они свидѣтельствуютъ объ охранѣ собственности. Мы встрѣчаемъ и такіе предметы, какъ ножницы для стрижки овецъ; это указываетъ на мѣстное производство шерстяныхъ издѣлій. Отмѣчу найденыя при раскопкѣ Черной могилы обугленныя зерна различныхъ хлѣбныхъ злаковъ: ржи, пшеницы, и т. п. Это свидѣтельствуетъ о земледѣльческомъ бытѣ славяно-русскихъ племенъ. Въ полной связи съ этимъ находятся серпы, которые были открыты въ различныхъ славяно-русскихъ погребеніяхъ. Укажу, наконецъ, на монетные клады (главнымъ образомъ арабскихъ монетъ) и находки монетъ въ различныхъ курганахъ, что свидѣтельствуетъ о значительномъ развитіи торговли. О сравнительно высокомъ уровнѣ экономическаго быта свидѣтельствуетъ также развитіе городской жизни въ то время на Руси. Внѣ всякаго сомнѣнія стоитъ фактъ существованія уже въ то время очень многихъ городовъ на русской территоріи. Такимъ образомъ, русскіе славяне до такъ называемаго призванія варяговъ, несомнѣнно, стояли на значительной степени культурнаго развитія.

Семейный и общественный бытъ. Теперь мы должны освѣтить семейный, общественный и политическій бытъ нашихъ предковъ. Вотъ классическое извѣстіе древне-русской лѣтописи о семейномъ бытѣ различныхъ славяно-русскихъ племенъ: „Поляне обычай имяху тихъ и кротокъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ, и къ сестрамъ и къ матеремъ своимъ, и снохы къ свекровамъ своимъ и къ дѣверемъ велико стыдѣнье имуще, и брачныи обычаи имяху: не хожаше женихъ по невѣсту, но привожаху вечеръ, а заутра приношаху что на ней (по другому варіанту—по ней) вдадуче. А Деревляне... убиваху другъ друга, и браченья въ нихъ не быша, но умыкаху у воды дѣвица. А Радимичи, и Вятичи, и Сѣверо одинъ обычай имяху: и срамославье въ нихъ предъ отцы и предъ снохами; и браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы; и схожахуся на игрища, на плясанья и на вся бѣсовьскыя пѣсни, и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто свѣщевашеся; имяхуть же по двѣ и по три жены". Лѣтописецъ умыканіе женщинъ, т. е. похищеніе ихъ на игрищахъ съ ихъ собственнаго согласія, не признаетъ бракомъ. Къ языческимъ игрищамъ въ качествѣ христіанина онъ относится отрицательно. Лѣтописецъ Переяславля

Суздальскаго очень картинно изображаетъ пляски и нескромныя тѣлодвиженія на игрищахъ. Во время ихъ стала примѣняться женщинами, желавшими понравиться мужчинамъ и косметика—румяна и бѣлила: „И начаша одна передъ другою лице червити (красить) и белымъ (бѣлилами) ся терти“. Въ противоположность нашему древнему лѣтописцу мы должны будемъ высказать положеніе, что умыканіе являлось у сѣверянъ такимъ же способомъ заключенія брака, какъ и приводъ невѣсты у полянъ. Прежде русскіе славяне жили въ родовомъ быту; каждый родъ представлялъ изъ себя врага по отношенію къ другому, когда шелъ вопросъ о полученіи себѣ женъ изъ чужого рода, ибо женщины при многоженствѣ были нужны для мужчинъ своего рода и, съ выходомъ ихъ, родъ терялъ рабочую силу. Тогда то приходилось „ходить за невѣстой“, т. е. добывать ее силой, какъ это было у полянъ, или похищать ее на игрищахъ безъ ея согласія, какъ это было ранѣе у сѣверянъ. Но въ изучаемую нами эпоху родовой бытъ сталъ разлагаться, и умыканіе женщинъ происходитъ теперь по обоюдному согласію жениховъ и невѣстъ. Очевидно, здѣсь уже произошла очень большая эволюція. Причина ея кроется въ основаніяхъ экономическаго характера: нужно было покупать себѣ жену у родителей ея, но купля жены сопровождалась очень большими расходами, что очень вредно должно было отозваться на новомъ хозяйствѣ новобрачныхъ. И вотъ юноши стали устраивать фиктивныя умыканія невѣстъ на игрищахъ. Такъ было у сѣверянъ, радимичей, вятичей и древлянъ. У Полянъ была иная форма брачныхъ отношеній. У нихъ теперь „не хожаше женихъ по невѣсту“, но приводили самую невѣсту къ жениху вечеромъ. Отсюда и выраженіе—„жены водимыя“. Далѣе въ разсказѣ лѣтописи дѣло идетъ или о такъ называемомъ выкупѣ, который въ настоящее время, напримѣръ, въ Архангельской губерніи извѣстенъ подъ именемъ кладки или же о приданомъ (что на ней или по ней давали). Эта эволюція семейнаго быта потребовала очень большого времени. Она должна была привести къ ослабленію родовой розни и къ сближенію отдѣльныхъ родовъ. Указаніе на отожествленіе рода и семьи мы находимъ въ лѣтописи, которая говоритъ объ основаніи Кіева тремя братьями Кіемъ, Щекомъ и Хоривомъ и прибавляетъ „по сихъ братьи нача родъ ихъ держати княженіе въ Поляхъ“, т. е. у полянъ. Здѣсь подъ родомъ ясно разумѣется семья. Терминъ „родъ“ въ смыслѣ семья употребленъ и въ выраженіи—двоюродные братья—братья двухъ родовъ, а въ дѣйствительности двухъ семействъ, дѣти двухъ родныхъ братьевъ.

Вопросъ объ общественномъ бытѣ русскихъ славянъ едва ли можетъ быть рѣшенъ въ томъ или иномъ смыслѣ. Этому мѣшаетъ скудость положительныхъ фактическихъ данныхъ. Вслѣдствіе ску-

дости этихъ данныхъ (какъ это всегда бываетъ) явилась масса разнорѣчивыхъ и противоположныхъ мнѣній. Не входя въ подробности, я укажу только на нѣкоторыя изъ нихъ.

Родовая школа, обоснованная впервые Эверсомъ, не потеряла своего значенія и до настоящаго времени. Въ числѣ ея представителей фигурируютъ имена Соловьева, Кавелина, Калачева, Чичерина, Забѣлина, Никитскаго и др. Соловьевъ развилъ мысль Эверса о господствѣ у насъ въ народѣ родового патріархальнаго быта, который впослѣдствіи смѣнился бытомъ государственнымъ. Всѣ отношенія въ родѣ опредѣлялись кровною связью родичей. По смерти отца-родоначальника, власть переходила къ слѣдующему за нимъ по старшинству родичу, т. е. къ старшему сыну, отъ него къ слѣдующему за нимъ младшему брату и т. д. Родовой бытъ народа съ появленіемъ на сцену князей-рюриковичей перешелъ къ нимъ, и отношенія между князьями были родовыя. Всѣ названные мною изслѣдователи сходятся между собою только въ одномъ: въ признаніи родового быта основнымъ началомъ древне-русской жизни, но кореннымъ образомъ расходятся въ вопросѣ о постепенномъ его развитіи и паденіи и его характеристическихъ чертахъ. Одни выдвигаютъ начало кровное, патріархальное, другіе—родовое, братское.

Общинная школа занялась собственно критикой основныхъ пoположеній родовой, но не создала такой цѣльной и опредѣленной системы, какъ первая. Главными представителями этой школы были: Бѣляевъ, Лешковъ и К. Аксаковъ. Они пользуются для своихъ выводовъ тѣми же источниками, какими пользовались представители родовой школы, но только толкуютъ ихъ совсѣмъ иначе. Извѣстное мѣсто лѣтописи объ основаніи Кіева тремя братьями, гдѣ упоминается слово „родъ", они толкуютъ въ свою пользу, видя здѣсь не родъ, а семью. Въ русской правдѣ они находятъ указаніе на отсутствіе родового начала (въ главѣ о наслѣдствѣ). Главнымъ памятникомъ, на который ссылаются представители общинной школы, является „Судъ Любуши", гдѣ также рѣшался вопросъ о раздѣлѣ наслѣдства. Интересно одно филологическое доказательство этой школы—значеніе слова двоюродный братъ. Двоюродный братъ—значитъ братъ двою роду, т. е. двухъ родовъ, но эти роды не будутъ роды въ собственномъ смыслѣ этого слова, а только семьями. Слѣдовательно, здѣсь слово родъ употреблено въ значеніи семьи.

Школа задружнаго быта. Профессоръ Леонтовичъ и Бестужевъ-Рюминъ выдвинули вопросъ о такъ наз. „семейной задругѣ„. Задруга—это союзъ лицъ и семействъ, живущихъ на одномъ участкѣ земли, который находится въ общемъ распоряженіи всего союза. Управленіе принадлежитъ общему совѣту съ отцемъ или выборнымъ вла-

дыкою во главѣ. Совокупность задругъ повела къ образованію селъ, погостовъ, земель и жупъ. Такія задруги несомнѣнно существовали у южныхъ славянъ, но были ли они у насъ—не извѣстно.

Объединяющія связи. Но если въ семейномъ бытѣ русскихъ славянъ родовое начало являлось уже вымирающимъ, то были ли все-таки начала, ихъ объединяющія? Таковыми объединяющими началами были три элемента — географическій, этнографическій и политическій. Географическая связь, несомнѣнно, существовала среди отдѣльныхъ славяно-русскихъ племенъ и выражалась въ томъ, что ближайшіе сосѣди имѣли больше общенія другъ съ другомъ, чѣмъ съ болѣе отдаленными племенами. Несомнѣнно, существовала и связь этнографическая, т. е. было сознаніе общности происхожденія, языка, религіи и быта. Наконецъ, еще до такъ называемаго призванія варяговъ на Руси существовалъ уже политическій бытъ. Лѣтопись, разсказавши объ основаніи Кіева тремя братьями, прибавляетъ: „и по сихъ братіи почаша родъ ихъ держати свое княженіе въ Поляхъ, въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Кривичи свое, а Славѣне свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане“. У каждаго, слѣдовательно, славяно-русскаго племени до образованія русскаго государства была уже княжеская власть. Это были излюбленные князья отдѣльныхъ славяно-русскихъ племенъ. Древляне ни за что не желали войти въ составъ Кіевскаго княжества, а о своихъ туземныхъ князьяхъ выражаются такъ: „наши князи добри суть, иже роспасли Деревскую землю“. Свидѣтельство капитальной важности. Въ XII вѣкѣ мы открываемъ въ землѣ вятичей одного изъ такихъ туземныхъ князей Ходоту. Въ области Полоцкой въ X вѣкѣ былъ туземный князь Рогволодъ, у котораго была гордая дочь Рогнѣда, не пожелавшая, какъ извѣстно, „разуть робычича“, т. е. выйти замужъ за Владиміра. (Новобрачная въ знакъ покорности должна была снять сапоги у своего мужа. Владиміръ былъ сынъ рабыни и поэтому Рогнѣда не хотѣла выйти за него замужъ). Въ XIII вѣкѣ мы открываемъ Болоховскую землю, гдѣ вдругъ оказывается цѣлая линія князей, не принадлежащихъ къ дому Владиміра св. Они какимъ-то чудомъ успѣли задержаться до этого времени.

Здѣсь, такимъ образомъ, ключъ къ дальнѣйшей нашей исторіи. Очевидно, что дальнѣйшая эволюція должна была пойти въ томъ направленіи, чтобы эти отдѣльныя политическія единицы объединились въ одно цѣлое и изъ нихъ образовалось уже единое государство. Таковымъ государствомъ и оказалась Кіевская держава, благодаря тому, что роль политическаго объединителя въ древней Руси приняли на себя именно поляне, какъ самое древнее, культурное, развитое въ политическомъ отношеніи племя, находившееся притомъ въ

особенно благопріятныхъ географическихъ условіяхъ, благодаря поселенію въ среднемъ Приднѣпровьѣ, на великомъ пути изъ Варягъ въ Греки.

Литература: Лѣтопись по Лаврентьевск. или Ипатьевск. сп.; Гаркави, Сказаніе мусульманскихъ писателей о слав. и рус.; Хвольсонъ, Ибнъ-Даста; Куникъ и Розенъ, Эль-Бекри; Барсовъ, Очерки русской исторической географіи; Майковъ, Замѣтки по геогр. древней Руси; Костомаровъ, Слав. миѳологія; Срезневскій, Святилища и обряды языческаго богослуж. древнихъ славянъ; Котляревскій, Погребальные обычаи языческихъ славянъ; Соловьевъ, Бытъ древней Руси (въ Арх. Калачева и въ I-мъ томѣ его „Исторіи Россіи"); Эверсъ, Древнее русское право въ историч. его раскрытіи (русск. пер. Платонова); К. Аксаковъ, О древнемъ бытѣ славянъ (собраніе соч., I); Леонтовичъ, Задружно общ. характеръ политическ. быта; Кавелинъ, Взглядъ на юрид. бытъ древней Руси (Собраніе сочин.); Замысловскій, Учебный атласъ русской исторіи; Толстой и Кондаковъ, Русскія древности въ памятникахъ искусства вып. V (курганныя древности, клады домонгольскаго періода); Спицынъ, Разселеніе русскихъ славянъ по археологическимъ даннымъ (Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ., 1899, августъ); Самоквасовъ, Сѣверяне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ (Труды 3-го Археологическаго съѣзда—въ Кіевѣ); Самоквасовъ, Сѣверянская земля и Сѣверяне по городищамъ и могиламъ, М. 1908 г.; Антоновичъ, Черты быта славянъ по курганнымъ раскопкамъ (предисл. къ V выпуску „Древностей Приднѣпровья"); Ханенко, Древности Приднѣпровья, вып. V; Мельникъ, Раскопки въ землѣ Лучанъ (Труды XI Археологическ. съѣзда—въ Кіевѣ); Антоновичъ, Древности Юго-Западнаго края. Раскопки въ странѣ Древлянъ (изд. Имп. Археол. Ком. 1893 г.); Древности Сѣверо-Западнаго края. Люцинскій могильникъ (изд. Император. Археол. Ком., 1893 г.); Бранденбургъ, Курганы южнаго Приладожья (изд. Импер. Археологич. Ком., 1895 г.); Сизовъ, Курганы Смоленской губ. (изд. Импер. Археол. Ком.); Ястребовъ, Лядинскій и Темниковскій могильники Тамбовской губ. (изд. Импер. Археол. Ком., 1893 г.); Бранденбургъ, О признакахъ курганныхъ могилъ языческихъ славянъ въ сѣверной полосѣ Россіи (Труды 7-го Археол. съѣзда—въ Ярославлѣ); Завитневичъ, Существовало ли славянское племя Суличи (Труды 7-го Археол. съѣзда—въ Ярославлѣ); Д. Н. Анучинъ, Сани, ладья и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда (Труды Импер. Московск. Археологич. Общ. т. 14, 1890 г.).

Вопросъ о призваніи Варяговъ и о степени норманскаго вліянія на Русь.

Исторія вопроса. Мы подошли теперь къ самому трудному, сложному и спорному вопросу древней русской исторіи—къ вопросу о

началѣ Русскаго государства въ связи съ призваніемъ варяговъ. Болѣе полутораста лѣтъ русская историческая наука занимается изслѣдованіемъ этого темнаго вопроса. Высказано было огромное количество разнообразныхъ, другъ друга исключающихъ мнѣній. Подчасъ казалось, какъ будто, кромѣ его нѣтъ другихъ существенныхъ вопросовъ нашихъ древностей. Въ этомъ была значительная доля преувеличенія и увлеченія. Конечно, этотъ вопросъ очень важный и существенный, но къ чему сводится его сущность? Къ опредѣленію размѣровъ варяжскаго, то есть какъ предполагаютъ, скандинавскаго вліянія на древній укладъ нашей жизни. Но древняя Русь соприкасалась не съ одними норманнами—она входила въ разнообразныя связи; рядомъ съ этимъ скандинавскимъ вліяніемъ было весьма сильно и вліяніе, оказанное финнами, хозарами, камскими болгарами и литовцами.

Вотъ въ краткихъ чертахъ исторія разработки этого вопроса. Впервые, еще въ XVIII вѣкѣ, выступилъ со спеціальными статьями о варягахъ академикъ Байеръ, затѣмъ Кругъ, Погодинъ и академикъ Куникъ. Всѣ эти авторы отстаивали скандинавское или шведское вообще германское происхожденіе варяго-руссовъ. Изъ трудовъ этихъ авторовъ наиболѣе капитальными нужно признать изслѣдованіе Погодина „О происхожденіи Руси“ (1825 г.) и книгу академика Куника о призваніи шведской Руси: „Die Berufung der schwedischen Rodsen durch Finnen und Slaven“ (1844—5 г.). Погодинъ всю жизнь оставался горячимъ защитникомъ норманской теоріи, непоколебимо увѣреннымъ въ ея правильности, не смотря на сильныя возраженія противниковъ. Онъ ополчался противъ всякаго историческаго новшества, направленнаго противъ защищаемой имъ теоріи, считая всякое сомнѣніе въ ея истинности ересью. Послѣ изданія диссертаціи Погодина и изслѣдованія Куника поле побѣды оставалось за норманистами. Въ 1846 году, въ новомъ изданіи своей работы, Погодинъ писалъ, что рѣшеніе вопроса о началѣ Руси менѣе всего можетъ измѣниться вслѣдствіе какихъ-либо новыхъ открытій. Къ норманистамъ примкнули Н. М. Карамзинъ и С. М. Соловьевъ, въ новѣйшее время В. О. Ключевскій. Не прошло однако и двадцати лѣтъ какъ нападки на норманскую теорію возобновились съ большею силою. Въ 1859 году появилась работа проф. В. И. Ламанскаго: „О славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи“, гдѣ авторъ выступилъ съ разносторонней критикой изслѣдованія Куника; въ 1860 году появилась статья Н. И. Костомарова: „Начало Руси“, въ которой онъ выводитъ Русь изъ Литвы. Погодинъ въ 1860 году выступилъ на поединокъ въ защиту скандинавской Руси,—это знаменитый диспутъ его съ Костомаровымъ. Мы имѣемъ въ настоящее время описаніе этого диспута, который происходилъ въ присут-

ствіи огромнаго количества студентовъ и публики. Вопросъ окончательно рѣшенъ не былъ. Всѣ симпатіи, въ особенности молодежи, были на сторонѣ Николая Ивановича Костомарова. Но нужно сказать, что Костомаровъ самъ впослѣдствіи публично отказался отъ своей собственной теоріи о литовскомъ происхожденіи Руси (на Тифлисскомъ археологическомъ съѣздѣ, когда поднятъ былъ вопросъ о томъ, что самый разсказъ лѣтописи представляетъ изъ себя не историческое повѣствованіе, а легенду). Въ послѣднее время была выдвинута очень энергично особая теорія происхожденія Руси отъ балтійскихъ славянъ. Представителями этого направленія являются два, можно сказать, корифея въ этомъ вопросѣ—Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ (въ своей „Исторіи русской жизни“) и авторъ капитальнаго изслѣдованія въ варяго-русскомъ вопросѣ вообще Гедеоновъ, напечатавшій первоначально „Отрывки изъ изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ“, а потомъ 2-хъ томный трудъ „Варяги и Русь“; въ этой работѣ онъ выступилъ во всеоружіи знанія, одинаково глубокаго изслѣдованія какъ въ области исторической, такъ и чисто филологической. Нужно впрочемъ замѣтить, что его изслѣдованіе гораздо убѣдительнѣе въ своей критической части, посвященной опроверженію норманизма, чѣмъ въ положительной, гдѣ онъ доказываетъ славянство варяговъ. Гораздо болѣе убѣдительными являются доводы, приводимые Гедеоновымъ въ пользу туземнаго происхожденія Руси. Доводы эти были усвоены, расширены и дополнены Д. И. Иловайскимъ (въ его книгѣ „Розысканія о началѣ Руси“), который вмѣстѣ съ тѣмъ выступилъ здѣсь самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ достовѣрности разсказа лѣтописи о призваніи варяго-руссовъ. Здѣсь Д. И. Иловайскій стоитъ на критической и скептической точкѣ зрѣнія, къ которой примкнули и покойные Костомаровъ и Антоновичъ. На такой точкѣ зрѣнія стою и я. И дѣйствительно: зачѣмъ намъ рѣшать вопросъ, кто были варяго-руссы, до тѣхъ поръ, пока не рѣшенъ предварительный вопросъ, было ли само призваніе? А такъ какъ извѣстіе о немъ находится въ лѣтописи, то необходимо критически разобрать ея извѣстіе о призваніи варяговъ.

Извѣстіе лѣтописи о призваніи варяговъ. Въ лѣтописи подъ 859 годомъ мы читаемъ: „Имаху дань варязи приходяще изъ за моря на Чюди и на Словѣнехъ и на Меряхъ и на Вьсѣхъ и на Кривичѣхъ а Козаре имахуть на Полянехъ и на Сѣверехъ и на Вятичихъ. Имаху по бѣлѣ и веверицѣ тако отъ дыма“. Сущность извѣстія заключается въ томъ, что было два племенныхъ союза: сѣверный и южный; во главѣ перваго стояли варяги, во главѣ второго—хозары. Въ составъ перваго союза, который потомъ и призвалъ варяжскихъ князей, входили новгородцы и кривичи съ одной стороны, а затѣмъ различныя

чудскія племена съ другой. Итакъ слѣдовательно, въ призваніи князей должны были участвовать не всѣ славяно-русскія племена, а только часть ихъ, обитавшая на сѣверѣ, и финны. Такъ обстояло дѣло въ 859 году; но вотъ по проблематичной хронологіи лѣтописи проходитъ 3 года и совершается событіе первостепенной важности: „Изгнаша Варяги за море и не даша имъ дани и почаша сами въ собѣ володѣти и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ и воевати начаша сами на ся. Рѣша сами въ собѣ: „поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву“. Идоша за море къ Варягамъ, къ Руси, сице бо ся зваху тіи Варязи Русь, яко се друзіи зовутся Свее, друзіи же Урмане, Англяне, друзіи Гъте, тако и си. Рѣша Руси, Чудь, Словѣни и Кривичи: вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ, да́ придите княжить и володѣти нами. И избрашася 3 братья съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь и придоша; старѣйшій Рюрикъ сѣде въ Новѣградѣ, а другій Синеусъ въ Бѣлоозерѣ, а третій Изборстѣ Труворъ. Отъ тѣхъ прозвася Русская земля“. Спрашивается теперь, можемъ ли мы отнестись съ довѣріемъ къ этому лѣтописному отрывку? Попробуемъ разобраться въ немъ.

Недостовѣрность разсказа о призваніи. Прежде всего мы должны отмѣтить то обстоятельство, что этотъ лѣтописный отрывокъ принадлежитъ лицу, которое составило лѣтопись только въ концѣ XI и даже въ началѣ XII вѣка, слѣдовательно, этотъ разсказъ, относящійся къ половинѣ IX вѣка, отдѣляется отъ конца XI-го и начала XII-го вѣка $2^1/_4$ столѣтіями. Въ ту эпоху, къ которой относится этотъ разсказъ, не могло быть письменныхъ свидѣтельствъ о Руси; въ это время славяно-русской грамоты еще не существовало. Слѣдовательно, этотъ разсказъ не могъ дойти до лѣтописца въ готовомъ видѣ отъ болѣе древняго времени, а представляетъ или лѣтописную легенду или научный домыселъ лѣтописца, т. е. своего рода ученое соображеніе его. Я склоняюсь къ послѣднему предположенію потому, что лѣтописецъ былъ склоненъ къ ученой систематизаціи. Въ данномъ случаѣ фигурируетъ три брата, столь любимое число во всѣхъ легендарныхъ сказаніяхъ, находящееся въ полномъ соотвѣтствіи съ тремя братьями, положившими будто бы начало городу Кіеву. Очевидно, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ двумя преданіями о началѣ Руси—сѣверно-русскимъ и южно-русскимъ; въ сѣверно-русскомъ домыслѣ фигурируетъ Новгородъ съ 3 братьями—Рюрикомъ, Синеусомъ и Труворомъ, а въ южно-русскомъ—Кіевъ также съ 3 братьями—Щекомъ, Кіемъ и Хоривомъ. Домыселъ о происхожденіи Кіева имѣлъ своею цѣлью связать начало Руси съ Кіевомъ, разсказъ о призваніи варяжскихъ князей связывалъ его съ Новгородомъ. Если

мы примемъ разсказъ о призваніи варяговъ въ качествѣ исторически достовѣрнаго повѣствованія, то къ какого рода естественнымъ, необходимымъ логическимъ послѣдствіямъ мы должны будемъ прійти? Мы должны были бы признать тотъ фактъ, что начало и объединеніе Русской земли находится въ тѣсной связи съ Великимъ Новгородомъ. Изъ Новгорода пошла бы тогда Русская земля. Но лѣтописецъ, выведя начало Руси изъ Новгорода, по свойственной начинающимъ, лишеннымъ духа критики писателямъ забывчивости, забываетъ объ этомъ и свой дальнѣйшій разсказъ связываетъ не съ Новгородомъ, а съ Кіевомъ; даже свою повѣсть временныхъ лѣтъ онъ озаглавливаетъ такъ: „Се повѣсть временныхъ лѣтъ откуду пошла есть Русская земля и кто въ Кыевѣ первѣе нача княжити“. И другой разъ онъ первое упоминаніе имени Руси ставитъ въ связь не съ Новгородомъ и варягами, а съ Кіевомъ и Царьградомъ, съ началомъ царствованія въ немъ Михаила. „Михаилу начеишю царствовати“, говоритъ онъ: „нача прозыватися Русская земля“. Итакъ слѣдовательно, мы имѣемъ непримиримое противорѣчіе двухъ разсказовъ о началѣ Русскаго государства: одинъ новгородскаго, другой кіевскаго происхожденія. Что первый долженъ былъ появиться, именно, въ Новгородѣ, это ясно вытекаетъ изъ того, что новгородцы находились въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ варягами-норманами. Но что Новгородъ не игралъ приписываемой ему роли въ образованіи Русскаго государства, это ясно доказывается извѣстіемъ лѣтописи о томъ, въ какія соотношенія очень скоро сталъ Новгородъ къ Кіеву и Кіевъ къ Новгороду. Если бы дѣйствительно образованіе Русскаго государства было обязано своимъ происхожденіемъ Новгороду, то этотъ послѣдній не могъ бы играть той жалкой въ политическомъ отношеніи роли въ его отношеніи къ Кіеву, какую онъ игралъ въ дѣйствительности, по сообщенію того же лѣтописца. Олегъ, явившись изъ Новгорода, столицы Русской земли, забываетъ о ней, и Новгородъ даже облагается данью въ пользу новаго, не варяжскаго города. Если мы теперь обратимся къ другимъ подробностямъ, сообщаемымъ разсказомъ лѣтописи, то и въ нихъ натолкнемся на неустранимыя затрудненія. Какъ понимать выраженіе: „пояша по себѣ всю Русь?“. Былъ ли призванъ дѣйствительно весь народъ, какъ объ этомъ говорится въ лѣтописи, или сравнительно небольшая норманская дружина? Если дѣйствительно варяжскія князья взяли съ собою всю Русь, тогда намъ сдѣлается, быть можетъ, понятнѣе, почему послѣ этого ни разу и нигдѣ не упоминалось о существованіи этого народа на побережьѣ Балтійскаго моря. Тогда стало бы намъ болѣе понятнымъ, почему этотъ чужеродный народъ могъ дать имя покоренному имъ, многочисленному славяно-русскому племени. Конечно, и тогда мы должны были бы признать совершенно

невѣроятнымъ, чтобы такого рода завоеванie (но не добровольное призванie) могло произойти въ теченie всего трехъ лѣтъ; ибо въ 862 году было призванie варяго-руссовъ, а въ 865 году Русь является уже подъ стѣнами Константинополя, съ которымъ она уже имѣла дѣло и ранѣе того, и приводитъ въ ужасъ населенie столицы тогдашняго Европейскаго мiра. Но степень норманскаго (т. е. германскаго) влiянiя на русско-славянскiя племена была сравнительно очень не велика и во всякомъ случаѣ не такова, чтобы ее можно было поставить въ связь съ приходомъ въ Новгородъ цѣлаго народа Русь съ женами и дѣтьми. Для того, чтобы отстаивать свою позицiю, норманисты должны были выставить мнѣнie, идущее въ разрѣзъ съ лѣтописнымъ свидѣтельствомъ,—что призванъ былъ не народъ съ женами и дѣтьми, а дружинники, явившiеся туда ради добычи. Но, если мы на минуту остановимся на подобномъ предположенiи, то снова попадемъ въ лабиринтъ, изъ котораго выбраться нѣтъ никакой возможности. Если въ самомъ дѣлѣ это была небольшая дружина, то какъ могла она покорить и связать въ одно государство огромный славяно-русскiй народъ, состоявшiй изъ множества разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ и независимыхъ другъ отъ друга племенъ? Но является еще одно не менѣе значительное внутреннее противорѣчie во мнѣнiяхъ защитниковъ лѣтописнаго домысла: одни, въ согласiи съ лѣтописью, полагаютъ, что это было добровольное призванie, другie, вступая въ противорѣчie съ нею, думаютъ, что это было завоеванie. Дѣйствительно, не напрасно выдвигаютъ теорiю завоеванiя, потому что принять теорiю призванiя въ томъ видѣ, въ какомъ она изображена лѣтописью, значитъ признать событie невозможное для народной психологiи. Ссылаются на то, что будто бы подобные случаи бывали въ исторiи. Однако случаевъ, тожественныхъ съ настоящимъ, никогда не было, да и прямо нужно сказать, что это невѣроятно. Правда, жители города Руана, напримѣръ, призвали въ одно время Роллона въ силу необходимости для того, чтобы имѣть защитникомъ противъ другихъ враговъ, только для этого. Они были стѣснены со всѣхъ сторонъ, имъ важно было призвать Роллона. Но въ данномъ случаѣ призывается вѣдь тотъ самый народъ, который былъ раньше изгнанъ, и призывается не для защиты отъ врага, а будто бы для установленiя внутренняго порядка, и это дѣлается двумя совершенно различными народами—славянскимъ и финскимъ. Могли ли эти два народа объединиться другъ съ другомъ для этой цѣли въ то время, когда не было порядка и согласiя даже среди однихъ славянъ, когда у нихъ, по словамъ лѣтописи, „въста родъ на родъ“. Для осуществленiя совмѣстнаго призванiя князей славянами и финнами требовался одинаковый уровень политическаго развитiя, каковаго въ дѣйствитель-

ности не было, потому что финскія племена, какъ это доказывается ихъ исторіей, въ политическомъ отношеніи стояли гораздо ниже славяно-русскихъ. И если среди самихъ славянъ происходили внутреннія междоусобія, то, конечно, трудно было имъ сговориться со своими сосѣдями, финнами, ибо подобнаго рода соглашенія предполагаютъ въ значительной степени внутренній миръ.

Норманское вліяніе на русскую жизнь. Переходимъ теперь къ самой существенной сторонѣ даннаго вопроса—о размѣрахъ варяго-русскаго, т. е. нѣмецкаго, какъ предпалагаютъ норманисты, вліянія на древне-русскую жизнь, въ связи съ образованіемъ Рюрикомъ государства въ Новгородѣ. Обращаясь къ разсмотрѣнію этого вопроса въ литературѣ норманистовъ, мы должны будемъ вмѣстѣ съ Гедеоновымъ констатировать тотъ основной фактъ, то германское начало въ древне-русской жизни не является основнымъ, оно оказывается факторомъ производнымъ и случайнымъ, и то, что дѣйствительно содѣйствовало государственному и общественному быту, не находилось въ связи съ этимъ началомъ. Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ подвергнуть разсмотрѣнію съ этой точки зрѣнія всѣ относящіеся сюда матеріалы, которыми такъ широко пользуются норманисты. Главнымъ доказательствомъ ихъ является филологія, т. е. присутствіе нѣмецкихъ корней въ именахъ собственныхъ и нарицательныхъ. Эти имена путемъ кропотливой работы норманисты стараются вывести изъ различныхъ германскихъ нарѣчій. Допустимъ, что это вѣрно, что цѣлый рядъ собственныхъ и нарицательныхъ древнихъ славяно-русскихъ именъ, дѣйствительно, можетъ быть объясненъ изъ германскихъ нарѣчій. Спрашивается, можемъ ли мы сдѣлать тотъ выводъ, который долженъ быть сдѣланъ норманистами, если они хотятъ поставить въ генетическую связь своихъ норманновъ и шведовъ съ нашей древней Русью? Другими словами, каковъ былъ тотъ русскій языкъ, который намъ извѣстенъ по древнимъ памятникамъ-германскій или славянскій? На этотъ коренной вопросъ памятники даютъ категорическій, но въ тоже время отрицательный для норманистовъ отвѣтъ. Самъ лѣтописецъ, который оставилъ намъ преданіе о началѣ Русскаго государства, высказываетъ по этому поводу мимоходомъ слѣдующее уничтожающее норманизмъ заключеніе: „а словѣнескъ языкъ и русскій единъ“. Вотъ ясный и прямой отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ. Славянскій и русскій языкъ—это одно. Почему?—Потому что Русь не представляла изъ себя чужеземнаго племени. Въ представленіи лѣтописца народность и языкъ—понятія тождественныя. Слѣдовательно, говоря о единствѣ славянскаго и русскаго языковъ, онъ устанавливаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и единство народностей. Съ этой точки зрѣнія присутствіе, хотя бы и значительнаго количества чужеземныхъ словъ въ извѣстномъ языкѣ отнюдь

не свидѣтельствуетъ о томъ, что этотъ языкъ былъ чужеземенъ. Вотъ ключъ къ оцѣнкѣ цѣлой массы филологическихъ доказательствъ, приводимыхъ норманистами въ пользу своей теоріи. Если мы примемъ это основное положеніе, то мы получимъ достаточно матеріала, чтобы освѣтить значеніе приводимыхъ ими доказательствъ. Каковы эти доказательства? Попробуемъ остановиться на этихъ филологическихъ соображеніяхъ, ибо они составляютъ главную силу норманистовъ. Эти послѣднія обращаются къ извѣстіямъ византійскаго императора Константина Багрянороднаго, который принималъ у себя въ столицѣ русскую княгиню Ольгу и оставилъ очень важное свидѣтельство о названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ. Одни изъ этихъ названій онъ приводитъ по-русски, а другіе—по-славянски (ῥωσιστὶ καὶ σκλαβινιστί). Конечно, если бы мы имѣли дѣло съ дѣйствительнымъ неискаженнымъ матеріаломъ, то такимъ образомъ получили бы въ этой номенклатурѣ важный источникъ для характеристики взаимныхъ отношеній русскаго и славянскаго языковъ. Что же однако оказывается? Вотъ славянскія названія Днѣпровскихъ пороговъ: Вульнипрагъ, Островунипрагъ, Неяситъ (Вольный порогъ, Островной порогъ, Ненасытецкій порогъ). Но вотъ два другихъ названія: „Веруци" и „Напрези". Славянскій языкъ близокъ нашему уху, но въ этихъ названіяхъ славянщина не слышится. Наше положеніе однако дѣлается еще болѣе затруднительнымъ, когда Константинъ Багрянородный приводитъ названіе одного порога, которое и по-русси и по-славянски звучитъ тождественно и непонятно для насъ—„Есупи". Объясненіе этого названія имѣется у Константина Багрянороднаго и потому только мы разгадываемъ его; „Есупи"—значитъ—„не спи"; это такой порогъ, при которомъ кормчій не долженъ спать. Тотъ же Константинъ Багрянородный приводитъ названія древне-русскихъ городовъ, и вотъ какого рода искаженія мы находимъ въ этихъ названіяхъ: „Милиниськъ"; не угодно ли подъ этимъ именемъ узнать „Смоленскъ",— „Тдзернигога"—„Черниговъ", но еще хуже—„Теліутдза"—„Любечъ", мѣстечко „Любечъ"—древній городъ сѣверской земли. Послѣ этого для насъ дѣлается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что и названія пороговъ у Константина Багрянороднаго въ значительной степени испорчены: онъ, можетъ быть, и стремился къ точности, но его греческое ухо, не привыкшее къ варварскому сочетанію звуковъ, дало нѣчто другое. Если мы обратимся къ названію пороговъ на русскомъ языкѣ (Ульборси, Геландри, Айфаръ, Баруфоросъ, Леанти, Струвунъ), то опять таки должны будемъ прійти къ заключенію, что и эти названія сильно искажены и, слѣдовательно, представляютъ плохой матеріалъ для выводовъ о языкѣ. Правда, нѣкоторыя названія легко объясняются изъ германскихъ корней, напримѣръ, βαρουφόρος, другія же

весьма трудны для объясненія изъ того же источника, и, прежде чѣмъ объяснить ихъ, норманисты сами подвергаютъ ихъ сильнѣйшему измѣненію (напр. Ульборси). Но какого рода выводъ можно сдѣлать изъ этого факта? Намъ хорошо извѣстно, что знаменитый Днѣпровскій путь назывался варяжскимъ, т. е., именно, въ честь тѣхъ норманов, которые ходили по этому пути. Будетъ ли удивительнымъ, при такихъ условіяхъ, что и нѣкоторыя части этого пути, имено, Днѣпровскіе пороги, получили свои названія отъ тѣхъ, именно, норманновъ, которые по немъ ходили. Бо́льшаго заключенія изъ этого факта мы не имѣемъ возможности сдѣлать. Такіе же пріемы широкихъ выводовъ практикуютъ представители норманской школы и относительно другихъ именъ. Было бы утомительно и безполезно указывать на филологическіе домыслы, посредствомъ которыхъ имена нашихъ первыхъ князей, имена дружинниковъ, имена пословъ, которыя помѣщены въ договорахъ нашихъ съ греками, объясняются изъ германскихъ нарѣчій. Филологическая наука здѣсь поработала не мало, но результатъ тотъ, что эти собственныя имена и большое количество нарицательныхъ выводятся какъ изъ германскихъ, такъ и изъ славянскихъ нарѣчій. Въ противоположность Кунику и Кругу, выводившимъ ихъ изъ германскихъ нарѣчій, академикъ Срезневскій и Гедеоновъ дѣлаютъ не менѣе удачную попытку выводить ихъ изъ славянскихъ нарѣчій. Оказывается то, что должно было получиться: составъ нашей древнерусской дружины былъ въ высшей степени разнообразенъ; сюда входило очень большое количество норманскихъ дружинниковъ, которымъ въ извѣстные моменты нашей исторіи принадлежала рѣшающая роль въ войнахъ и торговыхъ связяхъ; вотъ это-то обстоятельство и объясняетъ намъ значительное количество названій норманскаго происхожденія. Сюда относятся собственныя имена дружинниковъ, которыя объясняются изъ германскаго корня и большей частью находятся въ договорахъ Олега и Игоря съ греками—всего около 70-ти именъ (Карлы, Фарлофъ, Инегельдъ и др.). Но рядомъ съ ними мы находимъ имена славянскія, какъ-то—Синко, Турбидъ, Боричъ, Лютъ, Блудъ, Волчій хвостъ. Имена первыхъ князей (Рюрика, Олега, Игоря, Ольги, Владиміра) норманисты считаютъ германскими, а Гедеоновъ доказываетъ ихъ славянское происхожденіе. Слова—шелягъ (шиллингъ), стерлягъ (штерлингъ), тіунъ—несомнѣнно германскія; термины—„огнищанинъ, вѣно, бояринъ, вервь, вира, дума, князь, мечъ, мостъ, оружіе, господинъ, холопъ“—норманисты объясняютъ изъ германскихъ нарѣчій, а И. И. Срезневскій—многія изъ нихъ изъ славянскихъ; Гедеоновъ же присоединяетъ сюда и такія слова, какъ броня, весь, гривна, градъ, коляда, луда, верета, стягъ, гость, вервь, скотъ, смердъ и мн. др. Но спрашивается: опровергается ли всѣми этими филологическими

доказательствами норманистовъ извѣстіе лѣтописи, что русскій языкъ и славянскій единъ? Конечно, нѣтъ! Итакъ, въ русскомъ языкѣ нѣмецкое вліяніе отразилось очень слабо. Другая серія доказательствъ норманистовъ сводится къ брачнымъ связямъ первыхъ русскихъ князей съ норманнами. Конечно, это фактъ большого, культурнаго значенія, свидѣтельствующій о томъ, что у первыхъ русскихъ князей связи съ норманнами были не только на военномъ полѣ, но и на почвѣ семейныхъ отношеній. Но и здѣсь мы должны сдѣлать важное ограниченіе: оказывается, что такого рода брачныя связи открываются у насъ со времени Ярослава Мудраго, который женится на „Ингигердѣ" и при немъ появляются при кіевскомъ дворѣ норманскіе конунги (Олафъ св. ищетъ убѣжища въ Кіевѣ и поручаетъ Ярославу сына своего Магнуса) Горальдъ женится на дочери Ярослава Эллизифѣ — Елизаветѣ. Но скандинавскія саги ничего не знаютъ о норманскомъ происхожденіи Рюрика. Другими словами, брачныя связи получаютъ свое развитіе тогда, когда норманскій элементъ не игралъ роли, какая ему приписывается, въ созданіи Русскаго государства. Остается разсмотрѣть третье доказательство норманскаго вліянія на Русь—значеніе норманскихъ дружинъ. Дѣйствительно, норманскіе дружинники постоянно являются на службу къ русскимъ князьямъ. Ихъ было такъ много, что Владиміръ рѣшилъ сплавить ихъ въ Константинополь. Значитъ, онъ уже тяготился ими. У византійскихъ императоровъ была особая варяжская дружина. Все это факты, стоящіе внѣ всякаго сомнѣнія; но спрашивается, есть ли какая-либо аналогія между этими фактами и тѣми, которые мы наблюдаемъ въ Западной Европѣ, гдѣ на долю норманновъ выпала великая задача образованія государствъ (въ Англіи и сѣверной Франціи). Подобнаго факта у насъ мы не наблюдаемъ. Роллонъ послѣ призванія дѣлитъ землю между своими дружинниками посредствомъ веревки. Такой ленной системы мы у себя незнаемъ; тамъ являются побѣдители и побѣжденные; у насъ этого не было. Къ намъ норманны являлись въ качествѣ наемниковъ ради добычи;—объ этомъ свидѣтельствуетъ и Эймундова сага и лѣтопись. Нападенія норманновъ не прекратились и послѣ мнимаго призванія Рюрика. Основныхъ германскихъ чертъ не было не только въ языкѣ, но и въ религіи и въ памятникахъ литературныхъ и законодательныхъ. Наши первые князья Рюриковичи въ договорахъ Руси съ греками клянутся своими славянскими языческими божествами, а не германскими—Одиномъ или Торомъ. Первыя наши литературныя произведенія написаны на церковно-славянскомъ языкѣ. Договоры съ греками, церковные уставы Владимира и Ярослава, Русская Правда являются и по языку, и по содержанію, и по характеру славянскими, а не германскими памятниками. И такія явленія, какъ отсутствіе

суровыхъ, жестокихъ наказаній, значеніе женщины, право родовой мести представляютъ изъ себя явленія общеславянскія. Воинственность и стремленіе къ независимости, признававшіяся прежде національными особенностями норманновъ, въ настоящее время приписываются съ одинаковымъ правомъ и славянамъ. Остается, такимъ образомъ, признать, что норманны очень скоро слились съ славянорусами, т. е. иными словами, допустить, что германскій элементъ у насъ отцвѣлъ, не успѣвъ расцвѣсти; слѣдовательно, поставить его рядомъ съ другими вліяніями—финскимъ, тюркскимъ и др. Такъ оно, очевидно, и было въ дѣйствительности, при чемъ характерно, что число англосаксонскимъ и германскихъ монетъ въ русскихъ кладахъ значительно уступаетъ числу восточныхъ (арабскихъ) куфическихъ монетъ, что опять-таки свидѣтельствуетъ о сравнительной слабости связей нашихъ съ народами германскаго міра по сравненію съ Востокомъ. Отвергнувъ извѣстіе лѣтописи о призваніи варяговъ, мы могли бы уже не останавливаться на вопросѣ о ихъ народности; но чтобы дать понятіе обо всѣхъ аргументахъ защитниковъ идеи призванія, мы остановимся и на нихъ и подвергнемъ разбору и другія доказательства норманистовъ.

Свидѣтельство Бертинской лѣтописи. На первомъ мѣстѣ у нихъ стоитъ извѣстіе Бертинской хроники, въ которой подъ 839 г. сообщается о посольствѣ византійскаго императора Теофила къ Людовику Благочестивому. Вотъ подлинный текстъ: Misit etiam cum eis quosdam, qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant, quos rex: illorum, Chacanus vocabulo ad se amicititiae sicut asserebant causa direxerat. Quorum adventu causam imperator diligentius investigans comperit eos gentis esse Sueonum exploratores potius regni illius nostrique quam amicitiae petitores“, т. е. вмѣстѣ съ нимъ отправилъ людей, которые себя, т. е. свой народъ называли Русью, и которыхъ отправилъ къ нему (Теофилу) ихъ царь по прозвищу (или по имени) Хаканъ, чтобы они искали, какъ они увѣряли, его дружбы. Тщательно разузнавъ причину ихъ прибытія, императоръ пришелъ къ заключенію, что они родомъ шведы, и что они были скорѣе лазутчики обоихъ государствъ, чѣмъ искатели дружбы.

Норманисты придаютъ важное значеніе тому обстоятельству, что въ этой хроникѣ упоминается имя Руси, что эта Русь выводится изъ Швеціи и что, наконецъ, въ главѣ ея стоялъ Гаконъ (имя норманское). Но противники норманистовъ указываютъ, что мѣсто о Гаконѣ нужно переводить иначе: не по имени Гаконъ, а по прозвищу хаканъ или *каганъ*. Слѣдовательно, Бертинская хроника устанавливаетъ фактъ существованія въ древней Кіевской Руси хазарскаго каганата, т. е. титула хазарскихъ владыкъ—

игановъ. И это находитъ себѣ подтвержденіе въ извѣстіи арабскаго писателя Ибнъ Даста (X в.), который говоритъ: „Русь имѣетъ царя, который зовется Хаканъ-Русь“. Мы имѣемъ также русскій памятникъ— Похвальное слово митрополита Илларіона князю Владиміру, гдѣ читаемъ: „похвала кагану нашему Владиміру“, „помолимся о сынѣ твоемъ благовѣрномъ каганѣ нашемъ Георгіи“; „кагану нашему Ярославу“. Если вспомнить, что древняя Русь признавала протекторатъ хазарскихъ владыкъ, носившихъ титулъ кагановъ, то легко понять, почему этотъ титулъ перешелъ послѣ блестящихъ побѣдъ надъ хазарами къ кіевскимъ князьямъ: митрополитъ, очевидно, желалъ польстить своему князю употребленіемъ въ литературной формѣ этого титула. Даже въ Словѣ о полку Игоревѣ сохранилось еще темное воспоминаніе о временахъ кагана. Затѣмъ, что касается до шведскаго происхожденія Руси, то это только домыселъ Людовика Благочестиваго, который, конечно, изъ всѣхъ народовъ сѣвера могъ знать только шведовъ. А, быть можетъ, основаніемъ для такого заключенія послужило то обстоятельство, что въ составъ этого посольства входили и норманны.

„Бертинская хроника“, въ которой упоминается о Руси въ 839 году свидѣтельствуетъ о томъ, что уже въ первой половинѣ IX вѣка Кіевская Русь въ лицѣ своихъ пословъ, отправленныхъ отъ византійскаго императора къ Людовику Благочестивому, имѣла сношенія съ Византіей.

Свидѣтельство Ліутпранда. Далѣе норманисты опираются на свидѣтельство епископа Кремонскаго Ліутпранда. Вотъ его подлинный текстъ: „Gens quaedam est sub Aquilonis parte constituta, quam a qualitate corporis Graeci vocant russos, nos vero a positione loci vocamus Nordmannos hujus denique gentis rex Inger vocabulo erat qui collectis mille et eo amplius navibus Constantinopolim venit“. А въ переводѣ это означаетъ: „Есть нѣкій народъ, живущій въ сѣверной части, который, по свойствамъ его тѣла, греки называютъ руссами, а мы по положенію мѣстности называемъ нордманами; у этого народа былъ, наконецъ, князь Игорь, который, собравши тысячу и болѣе того кораблей, пришелъ въ Константинополь“. Здѣсь центръ извѣстія, по мнѣнію норманистовъ, заключается въ отождествленіи Руси и норманновъ. Но естественнѣе слово „nordmanni“ понимать въ буквальномъ смыслѣ, т. е. видѣть здѣсь не норманновъ, а сѣверныхъ людей, каковыми автору, конечно, должны были представляться русичи; терминъ этотъ имѣетъ здѣсь не этнографическое, а широкое географическое значеніе.

Извѣстія патріарха Фотія. Патріархъ Фотій былъ современникомъ одного изъ первыхъ набѣговъ русскаго народа на Константинополь (865 или 860 года) и оставилъ намъ вызванныя этимъ нападеніемъ

бесѣды, въ которыхъ даетъ характеристику Руси. Эта характеристика носитъ двойственный характеръ: то патріархъ Фотій называетъ руссовъ народомъ слабымъ и ничтожнымъ, то черезъ нѣсколько строчекъ грознымъ и неодолимымъ. Такого рода двойственность вызывается ораторскою цѣлью проповѣдей. Называя русскихъ ничтожнымъ народомъ, патріархъ, очевидно, хотѣлъ подчеркнуть то, до какого паденія дошли жители Византіи, что боятся такого народа, а, называя ихъ грозными, онъ хотѣлъ этимъ доказать необходимость принятія противъ нихъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ (императоръ Михаилъ, когда былъ предпринятъ этотъ походъ, былъ въ отсутствіи). Къ этому можно прибавить, что Русь еще ранѣе, въ 1-й половинѣ IX вѣка сдѣлала нападеніе на городъ Амастриду (на Черноморскомъ побережьѣ), какъ о томъ сообщаетъ житіе Георгія Амастридскаго, а князь руссовъ Бравлинъ, по сказанію житія св. Стефана Сурожскаго, ворвался въ городъ Сурожъ и сталъ грабить одинъ изъ его храмовъ. Все это свидѣтельствуетъ о туземной Приднѣпровской или Черноморской, но не сѣверной норманской Руси. Императоръ Константинъ Багрянородный, современникъ великой княгини Ольги, оставилъ намъ названія Днѣпровскихъ пороговъ и свидѣтельствуетъ о великомъ водномъ пути изъ Варягъ въ Греки. Описывая этотъ путь, онъ говоритъ между прочимъ и о жертвоприношеніяхъ руссовъ, въ которыхъ видную роль играли пѣтухъ и курица, столь извѣстные въ славяно-русскомъ ритуалѣ.

Арабскіе писатели. Если мы обратимся къ сказаніямъ арабскихъ писателей, которые проливаютъ много свѣта на первоначальныя страницы русской исторіи вообще, то ихъ свидѣтельства окажутся не въ пользу норманскаго происхожденія Руси. Арабскіе писатели говорятъ всегда о двухъ родственныхъ и близкихъ другъ къ другу народахъ Руси и славянахъ; эти народы жили вмѣстѣ и принимали видное участіе въ сношеніяхъ съ Востокомъ. Мы ихъ находимъ въ Булгарахъ, столицѣ Камской Болгаріи, въ Итилѣ, столицѣ хазарской и даже въ столицѣ арабскаго калифата. Говоря о географическомъ положеніи Руси, одинъ изъ арабскихъ писателей указыаетъ на то, что главнымъ центромъ поселенія русскихъ былъ городъ Куяба (Кіевъ), затѣмъ слѣдуетъ Новгородъ и, наконецъ, Артанія, подъ которой можно разумѣть Русь Таманскаго полуострова. Эта туземная Русь предпринимала многочисленные походы на Таберистанъ. Итакъ, слѣдовательно, совокупность иноземныхъ свидѣтельствъ относительно Руси не даетъ намъ основанія думать, что это была иноземная, норманская, нѣмецкая Русь!

Имя Руси въ лѣтописи: Русь—это туземное племя полянъ. Если теперь мы обратимся къ лѣтописи и станемъ анализировать терминъ „Русь“, то придемъ къ чрезвычайно цѣннымъ выводамъ. Подъ Русью лѣтопись

разумѣетъ мѣстное племя полянъ, т. е. жителей кіевской земли. Что касается Новгородской земли, то тамъ Руси не было, а были только варяги. Аскольдъ и Диръ, подойдя къ Кіеву, говорятъ о себѣ: „мы есьмя князи варяжскіе“... не русскіе, а варяжскіе. Аскольдъ и Диръ приходятъ въ Кіевъ, гдѣ „мнози Варязи скуписта“, а изъ Кіева на Царьградъ идетъ уже Русь. Итакъ, изъ Новгорода приходятъ варяги, а изъ Кіева идетъ Русь. Олегъ изъ Новгорода ведетъ варяговъ, чудь, словѣнъ, кривичей, мерю, весь; о Руси—ни слова, очевидно, потому, что въ Новгородѣ ея нѣтъ. Но подойдя къ Кіеву, онъ говоритъ: „се буди мати градомъ русскимъ. Бѣша у него Варязи и словѣни и прочіе прозвашася Русью“. Игорь посылаетъ за море къ варягамъ, а изъ Кіева идетъ уже съ Русью: „Игорь же совокупи вои многи—варяги, русь и поляны, словѣни и кривичи и тиверци и печенѣги“. Владиміръ и Ярославъ изъ Новгорода ведутъ варяговъ, словѣнъ, кривичей и чудь, — о Руси нѣтъ и помину, — а изъ Кіева Ярославъ идетъ на Святополка „соединивъ Русь и Варяги и Словѣне“. Такимъ образомъ изъ этихъ фактовъ видно, что Руси нѣтъ въ центрѣ норманства, Новгородѣ, она—въ Кіевѣ. „Ти суть людье Новгородци отъ рода Варяжска, прежде бо бѣша Словѣне“. Русь Кіевская противополагается новгородскимъ словѣнамъ. „И рече Олегъ: исшійте прѣ (паруса) поволочаты (шелковые) Руси, а Словѣномъ кропиныe. И въспяша Русь прѣ паволочатые, а Словѣне кропиныe, и раздра я вѣтръ“. То же отличіе Руси и словѣнъ мы найдемъ и въ другихъ памятникахъ, напримѣръ, въ Русской Правдѣ. Императоръ Константинъ Багрянородный называетъ Новгородъ ἡ ἔξω Ρωσία, т. е. городомъ, находящимся внѣ предѣловъ Руси (Кіевской). Но самое главное свидѣтельство о тождествѣ Руси и полянъ мы находимъ въ лѣтописи, которая говоритъ—„Поляне, яже нынѣ зовомая Русь“. И позже Кіевская область называется въ лѣтописи Русью. „Иде Нифонтъ епископъ въ Русь“ (т. е. въ Кіевъ); „сынокъ его въ Новгородѣ, а братья въ Руси“ (т. е. Кіевѣ); „князи русьтіи“ (т. е. Кіевскіе) въ отличіе отъ черниговскихъ.

Черноморско-Азовская Русь. На ряду съ Днѣпровскою Русью существовала съ очень давняго времени Русь Черноморско-Азовская, находившаяся съ нею въ постоянныхъ связяхъ. Арабскій писатель X в. Масуди называетъ Черное море Русскимъ. „Вверхъ по теченію хазарской рѣки (Волги)“—говоритъ онъ: „есть истокъ, имѣющій сообщеніе съ однимъ рукавомъ моря Ніетисъ (Чернаго), которое есть море Руссовъ. На этомъ морѣ плаваютъ только они, ибо они живутъ на одномъ изъ его береговъ. Это большой народъ, имѣющій царя и не признающій религіозныхъ законовъ“. Византійскій писатель Киннама говоритъ: „есть нѣкоторый въ Тавроскиѳіи городъ, по имени Κιάμα“ (Кіевъ); а Тавроскиѳіей называлось Черноморское побережье.

Если мы признаемъ существованіе Черноморско-Азовской Руси, для насъ сдѣлается понятнымъ свидѣтельство Игорева договора съ греками о томъ, что Кіевскій князь принялъ на себя обязательство не допускать Черныхъ Болгаръ дѣлать нападеній на Корсунскую область. Огромныя пространства отдѣляютъ Кіево-Днѣпровскую Русь отъ Корсунской области (Корсунь—это древній Херсонесъ, находящійся въ окрестностяхъ Севастополя). Это возможно было бы только въ томъ случаѣ, если бы на этомъ Черноморскомъ побережьѣ были постоянныя русскія поселенія. А что такія поселенія дѣйствительно были, это доказывается фактомъ существованія на Азовскомъ побережьѣ русскихъ городовъ Тмутаракани (греческой Таматархи) и Крчева (нынѣшней Керчи). Памятникомъ дѣятельности одного изъ русскихъ князей въ этомъ городѣ (Глѣба) является знаменитый Тмутараканскій камень, открытый гр. Мусинъ-Пушкинымъ и имѣющій слѣдующую надпись: „Князь Глѣбъ мѣрилъ море по леду отъ Тмутаракани до Кърчева—8054 саж.“ Конечно, невозможно допустить изолированнаго существованія Тмутаракани и Крчева: между ними и Поднѣпровьемъ должны были поддерживаться постоянныя сообщенія. Только впослѣдствіи были засорены кочевниками прямые сухопутные и рѣчные пути изъ Приднѣпровья къ Черноморскому и Азовскому побережью; но воспоминаніе о нихъ еще долго сохранялось на Руси. Итакъ, схема образованія Русскаго государства представляется намъ въ такомъ видѣ. Не отрицая норманскаго вліянія въ древней Руси, мы все таки полагаемъ, что разсказъ лѣтописи о призваніи варяговъ не можетъ быть признанъ достовѣрнымъ. Процессъ образованія Русскаго государства пріурочивается не къ Новгородской, а къ Полянской территоріи и по ея географическому положенію, и экономическому, и политическому значенію. Поляне прозваны были Русью, и отсюда это имя перешло на всѣ племена восточнаго славянства. Конечно, при отрицаніи призванія, намъ трудно рѣшить генеалогическій вопросъ. Но дѣло въ томъ, что и сами лѣтописи не даютъ намъ устойчивыхъ данныхъ о степени родственныхъ связей Олега, Рюрика и Игоря. А кромѣ того, вычеркивая Рюрика, мы въ сущности почти ничего не уничтожаемъ въ нашей древней исторіи, ибо она достовѣрно начинается все таки со времени Олега, вокняжившагося въ Кіевѣ. Отвергая германское происхожденіе и характеръ нашихъ первыхъ князей, мы только устраняемъ лежащее на нашемъ пути затрудненіе, потому что ни въ актахъ ихъ дѣятельности, ни въ чертахъ характера ихъ не находимъ ничего чужеземнаго. Что касается предшественниковъ Олега—Аскольда и Дира, то самое существованіе и происхожденіе ихъ являются загадочными и неопредѣленными. Византійскіе источники, которые описали намъ нашествіе Руси, ни единымъ словомъ о нихъ не обмолвились; молчатъ о нихъ и другіе источники.

Литература: Лѣтопись по Лавр. списку; 4 бесѣды Фотія, изд. арх. Порфиріемъ Успенскимъ; вышеуказанныя изданія арабскихъ писателей (Гаркави, Хвольсона, Куника, Розена); Погодинъ, Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи; Его же, Гедеоновъ и его система; Kunik, Die Berufung der schwedischen Rodsen 1844 г.; Костомаровъ, Начало Руси (Современникъ 1860, I) и диспутъ съ Погодинымъ; Гедеоновъ, Варяги и Русь, 2 тома; Забѣлинъ, Исторія русской жизни, 1 т.; Иловайскій, Розысканія о началѣ Руси; Его же, Дополнительная полемика по вопросу варяго-русскому и болгаро-гунскому; Ламбинъ, О Норманской Руси (Жур. Мин. Нар. Пр. 1873, № 7); Онъ же, О Тмутараканской Руси (Жур. Мин. Нар. Пр. 1874); Васильевскій, Варяго-русская и варяго-англ. дружина въ Константинополѣ XI и XII в.в. (Жур. Мин. Нар. Пр. 1874 и 1875 г.г.).

Сосѣди Руси и ихъ отношенія къ ней.

Норманны. Хотя въ предшествующей главѣ мнѣ пришлось дать отрицательный отвѣтъ на вопросъ о рѣшающей роли норманновъ въ образованіи Русскаго государства, но нельзя не отмѣтить важнаго вліянія ихъ на различныя стороны древне-русской жизни. Въ самомъ дѣлѣ огромное количество норманскихъ выходцевъ находилось въ составѣ древне-русскихъ дружинъ. Въ договорахъ Олега и Игоря съ греками эти дружинники выступаютъ въ качествѣ главныхъ дѣятелей и довѣренныхъ лицъ отъ имени кіевскихъ князей. То же самое нужно сказать относительно ихъ роли въ торговой дѣятельности страны. Если Днѣпровскій водный путь называется Варяжскимъ, то это свидѣтельствуетъ объ ихъ важной роли и въ качествѣ воиновъ, и въ качествѣ купцовъ. Такое сочетаніе мирныхъ и военныхъ занятій въ то время было обычнымъ.

Финны Еще болѣе видную роль въ древнихъ судьбахъ русско-славянскихъ племенъ играли финны. Славянское названіе для всѣхъ финновъ было Чудь. Древнія жилища финновъ занимали громадное пространство и только къ IX в. область, занятая финнами, значительно сократилась. Въ эпоху составленія начальной лѣтописи въ концѣ XI и началѣ XII в., финны были уже отодвинуты на сѣверъ наплывомъ славянъ, и являются въ южной части озерной области, на побережьѣ Балтійскаго моря и Финскаго залива, къ западу и сѣверу отъ Чудскаго озера, отдѣляясь отъ Ильменя сплошнымъ славянскимъ населеніемъ; далѣе на востокъ они группировались на сѣверной покатости, въ Заволочьѣ, тогда какъ въ верхнемъ и среднемъ Поволжьѣ и на волокѣ, водораздѣлѣ бассейновъ Каспійскаго и Бѣломорскаго, держались только слабые остатки ихъ, уже тѣснимые колонизаціон-

нымъ движеніемъ славянъ изъ области Днѣпра, Десны и верхней Оки.

Трудно въ настоящее время съ достаточною ясностью и опредѣленностью сказать, на сколько именно племенъ раздѣлялись финны, но въ общемъ мы не сдѣлаемъ ошибки, если раздѣлимъ ихъ на три группы: 1) западную, 2) волжскую и 3) сѣверную — заволоцкую. Къ первой группѣ принадлежатъ: чудь, въ собственномъ смыслѣ этого слова; это племя обитало на восточномъ побережьѣ Балтійскаго моря. Затѣмъ, изъ западныхъ финскихъ племенъ лѣтопись называетъ водь; это племя рано и вполнѣ вошло въ составъ Новгородской области. Другая группа это, такъ называемая, волжско-финская, занимавшая значительную часть волжскаго бассейна; среди нихъ лѣтопись упоминаетъ слѣдующія важнѣйшія племена: весь на Бѣлоозерѣ и по верхнему поволжью; меря къ юго-востоку отъ веси по всему среднему поволжью; мурома, мордва, черемисы—по Окѣ. Третья группа это та, которая носитъ названіе Заволоцкой чуди; она занимаетъ весь сѣверо-востокъ Россіи; въ числѣ этихъ племенъ на первомъ планѣ нужно поставить пермь—между Камой и Вычегдой съ областью зырянъ; слѣдуетъ отличать древнюю Біармію—по нижнему теченію Сѣверной Двины и по Бѣломорскому побережью, гдѣ теперь Корела; емь—между Ладожскимъ озеромъ и Сѣверной Двиной; югра—на крайнемъ сѣверо-востокѣ; печера—на рѣкѣ Вычегдѣ и самоядь. Таковы важнѣйшія племена Заволоцкой чуди. Эта послѣдняя группа племенъ представляетъ для насъ интересъ потому, что изъ нея выдѣлились угры или венгры—образовавшіе впослѣдствіи Венгерское государство и получившіе всемірно-историческое значеніе.

О бытѣ финновъ мы имѣемъ опредѣленныя извѣстія, которыя тянутся отъ временъ очень отдаленныхъ. Нѣкоторые хотятъ видѣть финновъ въ числѣ племенъ, о которыхъ говорилъ Геродотъ въ его „Скиѳіи“. Затѣмъ слѣдуютъ извѣстія западныхъ писателей, изъ которыхъ нужно на первомъ планѣ поставить Тацита. Потомъ идутъ извѣстія арабскихъ писателей, которые сообщаютъ важныя данныя, и наши русскія лѣтописи. Кромѣ этихъ письменныхъ источниковъ имѣетъ значеніе матеріалъ археологическій, который, какъ это видно теперь, играетъ очень важную роль въ вопросѣ о бытѣ финновъ. Наконецъ, имѣютъ значеніе данныя языка, какъ видно изъ сочиненія Альквиста; Альквисту, на основаніи данныхъ языка, удалось начертать картину быта западныхъ финновъ, которая является важнымъ и цѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ наукѣ.

Повидимому ко времени появленія западныхъ финновъ на Балтійскомъ побережьѣ нужно отнести извѣстный разсказъ Тацита о финнахъ. Разсказъ этотъ таковъ: „у финновъ чистая дикость, гнусная бѣдность: нѣтъ не оружія, ни лошадей, ни пенатовъ; ихъ пища—трава,

одежда—кожа, ложе—земля; вся надежда на стрѣлы, которыя за неимѣніемъ желѣза, заостряютъ костями. Охота кормитъ одинаково и мужчинъ и женщинъ, которыя всюду сопровождаютъ мужей и требуютъ себѣ части добычи; дѣтямъ нѣтъ другого убѣжища отъ непогодъ и звѣрей, кромѣ шалашей, сплетенныхъ изъ вѣтвей; сюда идутъ юноши, сюда удаляются старцы. Они считаютъ это состояніе болѣе счастливымъ, чѣмъ обрабатывать поля, строить дома, дрожать за свое имущество, завидовать чужому. Не опасаясь людей, не страшась боговъ, они достигли трудно достижимаго: они ничего не желаютъ". Конечно, въ этомъ извѣстіи краски нѣсколько сгущены; разсказъ этотъ отзывается реторикой и тенденціозностью; но тѣмъ не менѣе въ немъ много достовѣрнаго. Арабъ Казвини сообщаетъ свѣдѣнія о торговлѣ финновъ но торговля эта не носила денежнаго характера. Деньги у нихъ были только извѣстнымъ украшеніемъ. Происходила мѣновая торговля,о которой Казвини говоритъ слѣдующее: „Болгары приносятъ свои товары для продажи и каждый, означая свой товаръ знакомъ, оставляетъ его здѣсь. Потомъ онъ приходилъ опять и находилъ на томъ мѣстѣ товаръ, употребляемый въ его землѣ. Если онъ имъ доволенъ, то, оставляя свой, беретъ взамѣнъ его товаръ, оставленный туземцами, если же нѣтъ, то беретъ свой товаръ назадъ". Въ этомъ отношеніи извѣстія арабовъ совпадаютъ съ извѣстіями лѣтописи о югрѣ: „Послахъ отрокъ свой въ Печеру люди, яже суть дань дающе Новугороду; и пришедшю отроку моему къ нимъ и оттуда иде къ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ и сѣдятъ съ Самоядью на полунощныхъ странахъ". Каково было отношеніе этихъ племенъ къ Уралу, это выражается въ слѣдующихъ словахъ: „суть горы зайдуче луку моря, ихъ же высота аки до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкутъ гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало и тудѣ молвять, и есть не разумѣти языку ихъ; но кажють на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза, и аще кто дасть и ножъ ли, ли сѣкиру, дають скорою противу. Есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ; тѣмъ же не доходимъ ихъ всегда; есть же и подаль на полунощи". Такимъ образомъ очевидно, что относительно ихъ мѣстопребываніе въ лѣтопись дошли неясныя извѣстія. Это указаніе лѣтописи имѣетъ нѣкоторую связь съ разработкою рудъ финскими племенами.

Затѣмъ, мы имѣемъ разсказъ араба Ибн-Батута о способѣ ѣзды финновъ; разсказъ этотъ заключается въ слѣдующемъ: „Въ этой странѣ не путешествуютъ иначе, какъ въ небольшихъ саняхъ, которыя везутъ большія собаки, ибо эта земля покрыта льдомъ, на которомъ скользятъ и ноги людей и копыта животныхъ; но у собакъ есть когти и ихъ лапы не скользятъ по льду. Въ эту степь ѣздятъ только бога-

тые купцы, изъ которыхъ у каждаго должно быть не менѣе ста повозокъ, нагруженныхъ съѣстными припасами, напитками и дровами, ибо здѣсь нѣтъ ни дерева, ни камня, ни жилища. Проводникомъ путешественнику служитъ собака, которая часто бывала въ этой странѣ. Цѣна такому животному простирается до 1000 динаровъ или около того. Повозка привязывается къ ея шеѣ; съ ней запрягаютъ еще другихъ собакъ. Она идетъ впередъ, а другія слѣдуютъ за ней; она остановится, остановятся и другія. Хозяинъ этого животнаго никогда не бьетъ и не бранитъ его. Когда ѣдятъ, то собакъ кормятъ прежде. Не сдѣлаютъ этого, собака проводникъ уходитъ съ неудовольствіемъ и оставляетъ погибать своего хозяина". Любопытны свѣдѣнія о внутреннемъ бытѣ финновъ, сообщаемыя норвежцемъ Отеромъ, относящіяся къ IX в. Отеръ говоритъ, что онъ пріѣхалъ къ р. Двинѣ, что здѣсь онъ встрѣтился съ народомъ, который разсказывалъ ему о себѣ. Затѣмъ, мы имѣемъ разсказы о походѣ викинговъ—Карли, Густена и Тореръ-Гунда, относящіеся къ XI ст. (1026 г.). Эти разсказы любопытны тѣмъ, что даютъ нѣкоторыя указанія на религію біармійцевъ. Тутъ разсказывается о томъ, что три викинга отправились въ качествѣ купцовъ въ Біармію, завели значительную торговлю, но, наконецъ, рѣшили ограбить священное мѣсто туземцевъ—храмъ Юмалы; съ этою цѣлью они явились въ этотъ храмъ, и одинъ изъ нихъ разбилъ идола; на шумъ сбѣжались туземцы и стали преслѣдовать викинговъ, но послѣдніе спаслись оттуда бѣгствомъ. Любопытна для насъ Біармія и тѣмъ, что она вела значительную торговлю съ Новгородомъ. Вотъ что говоритъ Ешевскій о Біарміи: „Великая Пермь, украина финскаго міра, тянувшаяся отъ Бѣлаго моря до Уральскихъ горъ, не даромъ славилась въ скандинавскихъ сагахъ. Арабскіе писатели знаютъ ее также, правда, кажется, только по имени. Въ русской лѣтописи записаны походы туда новгородскихъ удальцевъ и мирныя торговыя сношенія съ нею великаго Новгорода. Если ничѣмъ положительно нельзя доказать дѣйствительнаго существованія сильныхъ, самостоятельныхъ князей біармійскихъ, о которыхъ говорятъ сѣверныя саги, если разсказы о богатствахъ храмовъ Біарміи, расхищенныхъ викингами, и преувеличены, тѣмъ не менѣе трудно отвергать довольно высокую степень матеріальнаго развитія, которымъ пользовалась эта страна, ея обширныя торговыя сношенія. Съ исхода IX в., когда Отеръ разсказывалъ Альфреду Великому о своемъ знакомствѣ съ біармійцами на Сѣв. Двинѣ, до начала XIII ст. идутъ положительныя извѣстія о торговлѣ Скандинавовъ съ Біарміей. Св. Стефанъ Пермскій нашелъ въ Перміи богатые храмы и множество идоловъ, обвитыхъ тонкими пеленами. Извѣстіе саги о храмѣ Іомалы въ нѣкоторой степени подтверждено неоспоримымъ свидѣтельствомъ русскаго

святителя. Самая форма идола, какъ описываетъ ее баснословный разсказъ саги, сходна съ тѣми безобразными каменными изваяніями, которыя во множествѣ встрѣчаются подъ именемъ каменныхъ бабъ въ Сибири по юго-восточной Россіи. Чаша, которую видѣли викинги на его колѣняхъ, виднѣется почти на каждой каменной бабѣ. Металлическими находками, во множествѣ открываемыми въ предѣлахъ Пермской губерніи, доказывается обширная торговля и богатство жителей. Если драгоцѣнныя вещи не носятъ на себѣ ясныхъ указаній на мѣсто и время своего происхожденія, то монеты являются на помощь изслѣдователю. Пермской губерніи принадлежитъ находка древнѣйшихъ магометанскихъ монетъ, встрѣчающихся въ Россіи".

О культурѣ западныхъ финновъ мы можемъ сдѣлать нѣкоторыя заключенія на основаніи труда Альквиста, подробно изложеннаго Л. Н. Майковымъ. Пріемъ его научнаго изслѣдованія таковъ: онъ беретъ всѣ финскія нарѣчія и выдѣляетъ самобытныя финскія слова. Такимъ образомъ очерчивается кругъ понятій, соотвѣтствовавшихъ тому быту, въ которомъ жили финны послѣ своего прихода на Балтійское побережье. И вотъ на основаніи этихъ изслѣдованій авторъ приходитъ къ слѣдующему: главнѣйшимъ занятіемъ финновъ было звѣроловство, затѣмъ рыболовство. Что касается до скотоводства, то оно не отличалось значительнымъ развитіемъ. Зачатки земледѣлія, правда, были; но это не было земледѣліе въ настоящемъ смыслѣ слова; это было „подсѣчное" хозяйство, носившее случайный характеръ; выжигалось извѣстное пространство лѣса и затѣмъ здѣсь засѣвался хлѣбъ. Главнымъ занятіемъ финновъ была охота и рыболовство, которое еще и доселѣ является преобладающимъ промысловъ. Финскіе лѣса были наполнены разнаго рода пушными звѣрями, шкуры которыхъ шли на одежду, а кромѣ того могли вымѣниваться у сосѣднихъ народовъ на необходимые имъ предметы. Рыболовство играло не менѣе важную роль. Не требовалось никакихъ культурныхъ орудій, ни особеннаго умѣнья для того, чтобы производить громадные уловы рыбы. Эта рыба являлась главною пищею западныхъ финновъ. Что касается до промысловъ и ремеслъ, то ихъ было мало. Слѣдуетъ отмѣтить одно кузнечное ремесло. Повидимому съ металлами знакомство было. Главнымъ металломъ, извѣстнымъ имъ была мѣдь, которую, можетъ быть, они даже добывали. На это указываютъ тѣ остатки разработки рудъ, которые открывались въ разныхъ мѣстахъ (чудскія копи). На это же указываетъ и финскій эпосъ (Калевала), гдѣ мы находимъ постоянно указаніе на мѣдь и мѣдное оружіе и кузнечное ремесло. Недостатокъ металлическихъ орудій долженъ былъ восполняться предметами, сдѣланными изъ дерева. Дѣйствительно, мы находимъ указанія на это какъ въ языкѣ финновъ, такъ и въ нынѣшнемъ бытѣ различныхъ

финскихъ племенъ. Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить выдѣлку мѣховыхъ шкуръ. На это послѣднее финны должны были обратить наибольшее вниманіе. Дѣйствительно, этого рода промыселъ является у нихъ туземнымъ занятіемъ: имъ съ самаго древняго времени извѣстно было искусство дубленія и окрашиванія кожъ. Почти единственнымъ матеріаломъ для одежды служили мѣха. Мѣха играли очень важную роль, и потому естественно, что и обработка мѣховъ должна была имѣть важное значеніе въ бытѣ финновъ. Постройка жилищъ производилась такимъ образомъ: выбирали дерево, къ стволу котораго прикрѣплялось нѣсколько жердей, ставившихся конусообразно; наверху было отверстіе для выхода дыма, иногда дѣлали отверстіе для свѣта. Внутреннее убранство жилища было, конечно, весьма просто: были тамъ лавки, скамьи. Были и землянки, о которыхъ упоминаютъ нѣкоторые арабскіе писатели. Финны выкапывали въ землѣ яму, такъ что крыша соотвѣтствовала уровню земли. Потомъ тамъ устраивали очагъ для того, чтобы варить пищу. Эти постройки являлись постояннымъ зимнимъ жилищемъ.

Что касается быта общественнаго, то нужно отмѣтить слѣдующее: это былъ племенной бытъ; каждое племя жило отдѣльно и распадалось на отдѣльныя семейства. Семья играла у финновъ очень важную роль. Мы усматриваемъ въ языкѣ цѣлую массу словъ для выраженія понятій родства. Но изъ этого нельзя дѣлать заключенія о родовомъ бытѣ племенъ, потому что родовой бытъ былъ невозможенъ въ силу разрозненной жизни, въ силу того, что каждое поселеніе заключало въ себѣ только одну или нѣсколько семей. Чудь умѣла защищаться, но никакого военнаго искусства у нея не было. Финнъ былъ воиномъ, когда нужно было. Не было у нихъ такихъ городовъ, какіе видимъ у славянъ. Въ языкѣ у нихъ слово „городъ“ является обыкновенно въ смыслѣ простой ограды, въ смыслѣ того, что лѣтопись обозначаетъ словомъ „твердь“; это не болѣе, какъ засѣка въ лѣсу.

Слѣдуетъ отмѣтить важное значеніе поэзіи у финновъ. Кастренъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ приводитъ намъ чрезвычайно любопытный разсказъ о происхожденіи пѣсни. „Былъ одинъ мальчикъ, говоритъ старуха, который вбилъ себѣ въ голову, что ему надо сдѣлаться славнымъ, отличнымъ пѣвцомъ. Съ этой цѣлью онъ ходилъ въ ученье ко всѣмъ знаменитымъ пѣвцамъ, и учился долго, но отъ всѣхъ слышалъ одно, что эта высокая наука никогда не дастся ему. Очень огорченный этимъ, онъ тосковалъ день и ночь, и все придумывалъ самъ съ собою, что ему дѣлать для исполненія своего желанія. Но сколько ни думалъ, ни гадалъ онъ, не давались ему пѣсни. Однажды сидѣлъ онъ, погруженный въ свое горе, какъ вдругъ уви-

дѣлъ передъ собою незнакомаго человѣка. Это былъ Маналайненъ, который подошелъ къ нему, спросилъ о чемъ онъ горюетъ. Мальчикъ разсказалъ ему все, и послѣ того Маналайненъ взялъ его за руку и повелъ далеко, далеко въ глухой лѣсъ; Маналайненъ внезапно исчезъ, оставивъ мальчика на произволъ судьбы. Тутъ мальчикъ, видя себя брошеннымъ посреди дремучаго лѣса, излилъ свое искреннее горе въ пѣсняхъ, и лучше этихъ пѣсенъ никогда не слагалъ ни одинъ смертный". Вотъ что говоритъ Ешевскій о финской поэзіи: „Какой-то глубокою, неисходною скорбью отмѣчена каждая дума финна; грусть, снѣдающая сердце, составляетъ отличительную черту его характера. Эта грусть возвышаетъ его иногда до высокаго героизма, но въ самомъ героизмѣ проглядываетъ безвѣріе въ будущность. Внутренняя созерцательность, сосредоточіе въ самомъ себѣ—вотъ существенное отличіе финна отъ племенъ, его окружающихъ; но кто скажетъ, гдѣ таится причина этой всегдашней пасмурности,—въ самой ли природѣ племени, въ историческихъ ли обстоятельствахъ". Значеніе финскаго племени, не смотря на его бѣдную культуру, было велико. О финскомъ племени Кастренъ замѣчаетъ слѣдующее: „О финскомъ племени вообще можно сказать, что оно распространило сѣмена цивилизаціи по снѣжнымъ полямъ сѣвера. Каково бы ни было политическое значеніе этого племени, во всякомъ случаѣ даже и самое несправедливое къ нему историческое изслѣдованіе не отвергаетъ его важнаго значенія въ отношеніи къ исторіи цивилизаціи, а потому, если есть только правда на землѣ, то финское народное семейство во всемъ своемъ объемѣ получитъ мѣсто въ исторіи. По крайней мѣрѣ о Великой Перміи и Великой Булгаріи будутъ помнить до тѣхъ поръ, пока Россія будетъ имѣть исторію; потому что древняя исторія восточной Россіи есть ея исторія, хотя, какъ уже сказано, въ сущности—это только исторія цивилизаціи".

Послѣ этого мы поймемъ характеръ русской колонизаціи въ этихъ земляхъ. Бытъ русскихъ славянъ былъ гораздо культурнѣе. Это намъ объясняетъ поступательное, мирное движеніе славяно-русской колонизаціи. О насиліи, о стремленіи внести путемъ меча черты своей народности у русскихъ славянъ не можетъ быть и рѣчи. Если это было такъ, то становится понятнымъ фактъ обрусѣнія финновъ. На территоріи, занятой нѣкогда финнами, мы видимъ въ послѣдующее время великорусскую отрасль русскаго народа.

Камскіе болгары. Происхожденіе Камскихъ болгаръ не ясно. Правдоподобнѣе всего въ нихъ нужно видѣть смѣсь чудскаго, славянскаго тюркскаго элемента съ преобладаніемъ послѣдняго. Можно предполагать, что сюда явилась небольшая тюркская орда или дружина, подчинила себѣ обитавшихъ здѣсь угровъ и финновъ, смѣшалась съ ними,—

и такъ образовалось Болгарское племя. Центральнымъ пунктомъ государства Камскихъ болгаръ былъ городъ Болгары, остатки котораго сохранились до настоящаго времени. Болгарскимъ государствомъ было занято, какъ кажется, все теченіе рѣки Камы. Любопытныя свѣдѣнія о Камскихъ болгарахъ X вѣка сообщаетъ намъ арабскій писатель Ибнъ Фацланъ, который ѣздилъ туда къ болгарскому царю Альмусу по порученію халифа Муктадира. Царь пользовался, какъ видно изъ донесенія Фацлана, властью восточныхъ владыкъ. Входя въ дворецъ и вообще встрѣчаясь съ царемъ, подданные оказывали ему знаки рабскаго уваженія. Въ торжественныхъ случаяхъ онъ принималъ постороннихъ лицъ въ чрезвычайно пышной обстановкѣ. Болгарское царство дѣлилось на нѣсколько частей или областей, во главѣ которыхъ стояли намѣстники или царьки.—Въ культурномъ отношеніи болгары стояли довольно высоко. Въ широкихъ размѣрахъ они занимались земледѣліемъ, сѣяли: рожь, пшеницу, ячмень и просо. Наши русскія области постоянно, а въ особенности въ неурожайные годы, пользовались болгарскимъ хлѣбомъ. Они имѣли много лошадей (конница), крупнаго и мелкаго рогатаго скота; кожи они выдѣлывали на мѣстѣ и потому всѣ были „въ сапозѣхъ", какъ доложилъ объ этомъ Добрыня князю Владиміру. Со всѣми сосѣдними странами болгары вели обширную торговлю, въ особенности мѣхами. Съ весью и югрой они вели нѣмую торговлю: пріѣзжая туда, они раскладывали свои товары и уходили прочь; югра ложила подлѣ этихъ товаровъ то, что хотѣла дать, и въ свою очередь удалялась; если болгары были довольны этимъ, то брали и уходили, а если нѣтъ, то оставались и требовали прибавки. Изъ Руси они вывозили много мѣховъ, которые потомъ продавали въ Бухаріи. Съ востока они привозили предметы роскоши—драгоцѣнные камни, золотыя и серебряныя издѣлія, шелковыя и шерстяныя ткани, овощи, пряности и т. п. Изъ Византіи они вывозили „Румскій дибаджъ", т. е. византійскую парчу, извѣстную въ русской лѣтописи подъ именемъ „паволокъ". Такимъ образомъ, болгары держали въ своихъ рукахъ торговлю востока и запада.

Болгарская культура носитъ на себѣ слѣды вліянія арабской культуры. Со времени принятія ислама тамъ является магометанское духовенство изъ Багдада, слышится арабская рѣчь и т. д. Отношеніе къ древней Руси въ общихъ чертахъ было таково. Русскіе славяне постоянно ѣздили въ Камскую Болгарію съ торговыми цѣлями. Но, кромѣ этого, по временамъ между двумя сосѣдними народами возникаютъ и враждебныя отношенія. При Святославѣ Русь разгромила не только Хазарію, но и Камскую Болгарію. Полководецъ Владиміра, Добрыня, выразилъ сомнѣніе насчетъ возможности покорить Болгарію русскому оружію. И тогда же при Владимірѣ былъ заключенъ мир-

ный, торговый договоръ, напоминающій намъ договоры русскихъ князей съ греками. Болгарскіе купцы должны были являться съ печатями, не имѣли права торговать враздробь по селамъ и деревнямъ (договоръ сохраненъ въ исторіи Татищева). Владѣнія Болгаріи и Суздальскихъ князей соприкасались и потому пограничныя столкновенія были неизбѣжны. Въ началѣ XIII ст. былъ построенъ Нижній Новгородъ и Болгарія, такимъ образомъ, была отрѣзана. Политическая самостоятельность Болгаріи прекратилась въ Батыево нашествіе

Хазары. Первоначальная исторія хазаръ очень темна. Мы знаемъ только, что они находились въ извѣстныхъ отношеніяхъ и къ арабамъ, и къ персамъ, и къ византійцамъ. Въ IX в. значительная часть Руси уплачивала дань хазарамъ. Географическое положеніе и границы хазарскаго царства трудно опредѣлить. Знаемъ только, что владѣнія его были и на нижней Волгѣ (центральный городъ Итиль), и на Дону (гор. Саркелъ, Бѣлая Вѣжа, построенный въ IX в. византійскими инженерами на переволокѣ изъ Дона въ Волгу). Доходили они и до Урала (гор. Сакселъ), и до Кавказскихъ горъ (Баланжаръ—первоначальная столица Болгаріи). Города эти были окружены стѣнами, имѣли бани, мечети, сада, виноградники. Но границы хазаръ не оставались неизмѣнными, наоборотъ: то сокращались, то расширялись и это потому, что съ одной стороны въ самой Хазаріи былъ кочевой элементъ, занимавшій степное пространство, а съ другой—потому, что и сосѣди ея были кочевники. Происхожденіе хазарской народности также неизвѣстно. Нѣкоторые считаютъ ее тюркской, другіе—финской, третьи—смѣшеніемъ той и другой. Это послѣднее мнѣніе будетъ самое вѣроятное съ тою прибавкою, что къ первоначальному хазарскому племени присоединились представители другихъ народовъ: евреи, славяне и т. д. Такимъ образомъ, въ этнографическомъ отношеніи Хазарія IX и X в.в. представляла удивительную амальгаму народностей, которыя мирно уживались другъ съ другомъ. Такимъ же разнообразіемъ отличалось населеніе Хазаріи и въ религіозномъ отношеніи. Одни исповѣдывали христіанскую религію, другіе—магометанскую, третьи—еврейскую, четвертые—языческую. Къ этнографическому разнообразію народностей было приспособлено и судебное дѣло. Въ Хазаріи было семь судей: два для мусульманъ, которые судили по карану, два для христіанъ, которые судили по инджилю (евангелію) два для евреевъ которые судили по законамъ торы (Пятикнижія) и одинъ для язычниковъ, судившій по законамъ разума. Въ Хазаріи, слѣдовательно, мирно уживалось нѣсколько вѣроисповѣданій. Самъ владыка Хазаріи—каганъ—исповѣдывалъ іудейскую религію, но другія вѣроисповѣданія пользовались также полнымъ правомъ гражданства. Въ высшей степени интересно государственное устройство*) Ха-

*) Они интересовались вопросом, где истинная истина? Этим объясняется отправление посла к виз. имп. с просьбой прислать собеседника могущего отвечать евреям и мусульм. Туда отправлен был св. Кирилл, после [illegible] 200 чел. крестилось. (Довн.-Запол. Хрест. 1-й 86 стр.)

заріи. Во главѣ ея стояли два владыки—каганъ и пехъ. Первый пользовался почетной властью, второй дѣйствительной. Первому оказывали необыкновенные знаки уваженія: его нельзя видѣть; всѣ падали передъ нимъ ницъ; по первому его слову всякій добровольно лишалъ себя жизни. Доступъ къ нему во дворецъ имѣлъ только пехъ и еще два вельможи; въ немъ видѣли какого то полубога. Если Болгарію посѣщали какія-либо бѣдствія, то населеніе требовало смерти кагана, такъ какъ онъ не угоденъ богу.*) Но каганъ ни во что не вмѣшивался; фактически управлялъ государствомъ его намѣстникъ пехъ (бехъ); онъ предводительствовалъ войсками, собиралъ доходы, управлялъ городами, назначалъ чиновниковъ и т. д. Не менѣе интересенъ и внутренній бытъ самого хазарскаго народа—онъ представляетъ своеобразное сочетаніе осѣдлаго и кочевого быта. Жители города Итиля, расположеннаго на обоихъ берегахъ Волги и на небольшомъ островкѣ, проживали здѣсь только зимой, а весной и лѣтомъ уходили на кочевья и тамъ иногда занимались земледѣліемъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ хазарскій каганъ—Іосифъ. Благодаря необыкновенно удобному географическому положенію, Хазарія сильно развила торговую дѣятельность. Она торговала и съ камской Болгаріей, и съ Русью, и съ арабскимъ востокомъ. Она была посредницей въ торговлѣ Руси и средне-азіатскихъ владѣній. Въ IX в., какъ мы уже знаемъ, хазары владѣли полянами, сѣверянами, радимичами и вятичами, которые уплачивали имъ дань. Но съ этого момента начинается и внутреннее ослабленіе хазарскаго царства. Игорь и Святославъ въ X в. появляются со своими дружинами въ Хазаріи и страшно ее опустошаютъ. Въ XI в. прекратилось политическое существованіе Хазаріи. Ея паденіе имѣло важный результатъ для Руси. Хазарія долго сдерживала напоръ кочевыхъ азіатскихъ ордъ, а когда она пала, то эти послѣднія разсѣялись въ южно-русскихъ степяхъ и отражать ихъ принуждена была теперь южная Русь.

Литва. Литовцы, вмѣстѣ со славянами, принадлежатъ къ индоевропейской группѣ народовъ. Первыя историческія извѣстія о литовцахъ относятся ко II вѣку. У Птоломея упоминается galindae et sudeni. Въ X и XI в.в. литва распалась на слѣдующія племена: центральное мѣсто занимаетъ литва въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и жмудь (бассейнъ Нѣмана); на морскомъ побережьѣ между Нѣманомъ и Вислой жили пруссы, а кромѣ нихъ еще извѣстны: корсь, жемгала, летьгала, ятвяги, голядь. У литовцевъ господствовалъ племенной бытъ и не было никакой объединяющей власти. Единственной связью была связь этнографическая, т. е. общность происхожденія, быта и языка. Хотя, по словамъ западныхъ лѣтописцевъ, у нихъ были начальники, которыхъ они называли duces, reges и т. п., но это, какъ видно изъ

*) Вообще каган не мог пробыть более 40 лет, так как, по мнению их, разум его тогда ослабевал и рассудок расстраивался. Когда умирал, то строили 20 комнат под рекою, в одной [illegible] его и отыскать не могли, убивали всех, кто хоронил. (Довн.-Зап. Хрест. 17.)

русской лѣтописи были начальники селъ или волостей. Во время своихъ походовъ на литовцевъ русская рать должна была заключать союзы и брать силою каждое селеніе отдѣльно. Городовъ въ Литвѣ не было: о нихъ не говорятъ ни русская, ни западная хроника; были только тверди и лѣсныя засѣки. Крестоносцы, направляя свои походы противъ литовцевъ, сожигали села и нивы, иногда занимали тверди, выводили множество плѣнныхъ—и только. Итакъ, въ политическомъ отношеніи литовцы стояли ниже своихъ сосѣдей—славянъ. Зато религіозныя воззрѣнія достигли у нихъ очень значительной степени развитія. Этому благопріятствовала природа страны, покрытой лѣсами и болотами, куда труденъ былъ доступъ иностранцу, гдѣ жилъ литовскій народъ, не смѣшиваясь съ другими и не измѣняя своей первобытной культурѣ. Религіозныя воззрѣнія литовцевъ выработались въ сложную систему язычества. Христіанство проникло сюда поздно, потому что литовцы были народомъ замкнутымъ въ себѣ, сосредоточеннымъ, консервативнымъ. Литовское язычество успѣло сдѣлать тотъ шагъ, который не удалось сдѣлать славяно-русскому язычеству. Религіозныя воззрѣнія литовцевъ успѣли даже перейти отъ зооморфизма къ антропоморфизму. У нихъ мы видимъ особый классъ жрецовъ и сложный религіозный ритуалъ. Любимымъ мѣстомъ поклоненія божествамъ являются лѣса съ ихъ вѣковыми дубами. Главнымъ мѣстомъ языческаго богослуженія литовцевъ, пользовавшимся всеобщимъ уваженіемъ, было такъ называемое „Ромове“. Здѣсь были идолы литовскихъ божествъ, здѣсь горѣлъ неугасаемый огонь (зничъ), здѣсь были жрецы. Во главѣ литовскаго Олимпа стояло божество Перкунъ, соотвѣтствующее нашему Перуну. Другимъ важнымъ божествомъ былъ Потримпосъ, который изображался въ видѣ цвѣтущаго юноши, увѣнчаннаго вѣнкомъ колосьевъ. Онъ олицетворялъ собою плодородіе, а потому въ честь его происходили весеннія и лѣтнія празднества. Третьимъ важнымъ божествомъ былъ Поклюсъ, олицетворявшій всѣ вредныя силы природы, всѣ бѣдствія и несчастія людей. Кромѣ этихъ божествъ, была масса другихъ, связанныхъ или съ отдѣльными мѣстностями или съ различными явленіями природы. Къ сожалѣнію, имена этихъ божествъ дошли до насъ въ искаженномъ видѣ. Въ лѣсахъ, по представленію литовцевъ, жило множество лѣсныхъ духовъ, въ рѣкахъ—водяныхъ, въ домахъ—домовыхъ. Не было ни одного самаго незначительнаго занятія, которое не имѣло бы своего свѣтлаго или темнаго божества. Остаткомъ глубокой старины является почитаніе отдѣльныхъ предметовъ (фетишизмъ): деревьевъ (особенно дубовъ), животныхъ (заячій и медвѣжій богъ). Ясное дѣло, что такой обширный Олимпъ требовалъ и обширной жреческой іерархіи. Во главѣ всего жреческаго сословія стоялъ верховный жрецъ,

криве-кривейто. Онъ пользовался такою же властью, какъ микадо, или каганъ. Особа его признавалась священною. Онъ рѣдко показывался народу и только черезъ жрецовъ сообщалъ тѣ рѣшенія и предсказанія, которыя ему открывало божество. И криве-кривейто, подобно хазарскимъ каганамъ, оканчивали нерѣдко свою жизнь самоубійствомъ, и немедленно мѣсто одного верховнаго владыки занималъ другой, а народу власть криве-кривейто казалась непрерывной и сами они представлялись какъ будто безсмертными. Подъ властію криве-кривейтовъ находилась цѣлая коллегія кривитовъ. Не ограничиваясь исполненіемъ своихъ жреческихъ обязанностей, кривиты были лѣкарями, учителями своего народа. Благодаря этому, ихъ авторитетъ еще болѣе возросталъ. Другою жреческой коллегіей была коллегія вайделотовъ, были и женщины жрицы, носившія названія вайделотокъ. Доступъ въ жреческое сословіе, правда, былъ открытъ для всѣхъ, но сдѣлаться жрецомъ было трудно—для этого нужно было пройти всю жреческую науку.

Такимъ образомъ, литва, идя путемъ естественнаго своего развитія, могла бы со временемъ обратиться въ теократическое государство, если бы этому не помѣшали историческія обстоятельства. Литовское язычество должно было выработать и развить обрядовую сторону. Преобладающимъ погребальнымъ типомъ было сожиганіе, которое происходило съ особенными церемоніями и пышностью. Покойника сажали на коня въ полномъ вооруженіи, коня привязывали къ столбамъ и сжигали. Вмѣстѣ съ покойникомъ сжигали рабовъ и животныхъ. Этотъ обрядъ существовалъ очень долго. Его находимъ еще при Ольгердѣ. Загробную жизнь литовцы считали продолженіемъ земной. Повидимому литовское язычество вліяло и на славянское. По крайней мѣрѣ это нужно сказать относительно ближайшаго къ Литвѣ русскаго города Полоцка. Лѣтопись наша сообщаетъ, что въ Полоцкѣ однажды явились какіе-то невидимые мертвые всадники („навье“) и стали избивать полочанъ. Въ Литвѣ сохранился цѣлый рядъ разсказовъ подобнаго рода. Въ опредѣленное время тамъ совершалась трапеза въ память и честь покойника, причемъ, если со стола падалъ кусокъ, его уже нельзя было употреблять: онъ предназначался для душъ умершихъ. Въ большомъ распространеніи были жертвоприношенія, которыя сохранились и послѣ принятія христіанства. Особенно въ ходу было жертвоприношеніе козла, которое сопровождалось общественнымъ пиромъ, попойкой и исповѣдью. Жрецъ послѣ исповѣди теребилъ всѣхъ присутствующихъ за волосы, вытряхивалъ такимъ образомъ изъ нихъ символически всѣ грѣхи. То же продѣлывали присутствующіе со жрецомъ и чѣмъ сильнѣе онъ кричалъ, тѣмъ лучше—тѣмъ больше грѣховъ отпускалось участникамъ

жертвоприношеній. Были и человѣческія жертвы: умерщвляли больныхъ, стариковъ, дѣтей, а также плѣнниковъ.

Литовцы искони занимались земледѣліемъ, а также пчеловодствомъ и звѣроловствомъ. Ремесла были развиты очень слабо. Торговали мѣхами и янтаремъ, который находили на берегу Балтійскаго моря.

Литва сыграла чрезвычайно важную роль въ судьбахъ западной и южной Руси, которая вошла въ составъ великаго княжества Литовскаго и отдѣлилась, такимъ образомъ, надолго отъ Руси сѣверо-восточной.

Литература: Гаркави, Сказанія еврейскихъ писателей о хазарахъ (Труды вост. отд. Археол. Общества XVII); Кастренъ, Путешествія (въ VI т. магаз. землев. и путеш. Фролова); изложеніе книги Альквиста въ статьяхъ Л. Н. Майкова (въ Жур. Мин. Нар. Просв.); Григорьевъ, Азія и Россія; Шпилевскій, Древніе города и другіе Булгарскіе памятники; Савельевъ, Мухаммеданская нумизматика; Костомаровъ, Русскіе инородцы. Литовское племя (Рус. Слово 1860, № 5); Голубовскій, Болгары и хазары (Кіев. Старина 1888, іюль); Бестужевъ-Рюминъ, Русская исторія, I; Гр. Уваровъ, Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ (Труды Арх. Съѣзда въ Москвѣ); Спицынъ, Древности бассейновъ Оки и Камы (Изд. Имп. Археол. Ком.); Спицынъ, Древности Камской Чуди по коллекціи Теплоуховыхъ (изд. Имп. Археол. Ком.).

Внутреннее состояніе Руси въ Кіевскій періодъ (съ пол. IX до пол. XI ст.).

Внѣшняя исторія Руси въ кіевскій періодъ обнимаетъ княженіе Олега, Игоря, Ольги, Святослава, (Ярополка), Владиміра св., (Святополка 1-го) и Ярослава Мудраго.

Образованіе великаго княжества Кіевскаго. Русское государство образовалось не въ Новгородѣ, а въ Кіевѣ, ибо Кіеву и полянамъ принадлежитъ трудъ объединенія въ одно цѣлое разрозненныхъ дотолѣ славянорусскихъ племенъ. Уже одно географическое положеніе Кіева какъ бы указало ему эту задачу. Кіевъ занималъ важное мѣсто на великомъ Днѣпровскомъ пути изъ Варягъ въ Греки, т. е. изъ Балтійскаго моря въ Черное*. Къ Черному морю и Константинополю тяготѣла тогда вся жизнь Приднѣпровья и обитавшихъ возлѣ него славянорусскихъ племенъ—полянъ, древлянъ, дреговичей, кривичей, сѣверянъ и радимичей. Кіевъ давно уже пріобрѣлъ важное торговое значеніе. Восточные славяне къ половинѣ IX вѣка уже перешли къ городскому быту; племенныя названія вытѣсняются постепенно земельными. Мало того каждое племя жило уже, какъ мы видѣли, полити-

*) Днепр является столбовым хребтом, а притоки ребрами, и на этом скелете прочно образовались вост. племена славян.

ческимъ бытомъ и имѣло своего князя. О постепенномъ объединеніи русско-славянскихъ племенъ подъ властью полянъ, Кіева и Олега мы имѣемъ слѣдующія извѣстія: „Поча Олегъ воевати Деревляны и, примучивъ и, имаше на нихъ дань по чернѣ кунъ". А вотъ другое: „Иде Олегъ на Сѣверы, и побѣди Сѣверы, и возложи нань дань легъку, и не дастъ имъ Козаромъ дани плотити, рекъ: „азъ имъ противенъ, а вамъ нечему". А вотъ и третій разсказъ о покореніи радимичей: „Посла Олегъ къ Радимичемъ, рька: „кому дань даете?" Они же рѣша: „Козаромъ". И рече имъ: „Не дайте Козаромъ, но дайте мнѣ, и въдаша Ольгови по шьлягу, яко же Козаромъ даху. И бѣ обладая Олегъ Поляны и Деревляны, Сѣверяны и Радимичи, а съ Уличи и Тиверцы имяше рать".

Такъ просто и быстро, по лѣтописи, произошло событіе первостепенной важности: объединеніе подъ властью полянъ ихъ ближайшихъ сосѣдей. Но не такъ, конечно, просто и быстро это событіе совершилось на самомъ дѣлѣ. Изъ самаго лѣтописнаго текста видно, что борьба Олега съ названными выше сосѣдями носила не одинаковый характеръ: древлянъ онъ долженъ былъ „примучить", т. е. употребить по отношенію къ нимъ суровыя мѣры, съ сѣверянами онъ обошелся снисходительнѣе, наложилъ на нихъ легкую дань, вѣроятно, потому, что они были достаточно сильны, но все-таки готовы были признать власть Кіева, а съ радимичами ему вовсе не пришлось бороться: они не проявили ни малѣйшей самобытности и такъ же охотно, или, правильнѣе говоря, безразлично стали платить дань полянамъ, какъ раньше платили хазарамъ, наконецъ, съ уличами и тиверцами онъ только велъ войну, исходъ которой былъ еще неизвѣстенъ. Дальнѣйшая исторія показываетъ, что завоеванія Олега не были окончательны, и что его преемникамъ приходилось употреблять усилія не только на завоеваніе новыхъ племенъ, до сихъ поръ еще не покоренныхъ, но и на поддержаніе въ покорности выше перечисленныхъ.

Игорь долженъ былъ вести упорную борьбу у себя дома съ древлянами. „По Ольговѣ смерти Деревляне заратишася отъ Игоря, иде Игорь на Древляны, и побѣдивъ, возложи на ня дань большю Ольгови". Такимъ образомъ, древляне ни за что не хотѣли признать власти Игоря. Между тѣмъ въ 945 сказала Игорю, по словамъ лѣтописи, его дружина: „Отроци Свѣньльжи изодѣлися суть оружіемъ и порты, а мы нази; поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы". Игорь послушалъ дружину, вымучилъ у древлянъ дань и сталъ уже возвращаться домой. Но на дорогѣ жадность его одолѣла и онъ сказалъ своей дружинѣ: „Идѣте съ данью домови, а я возвращуся похожю еще". Древляне же, услышавъ объ этомъ, сообща съ своимъ княземъ Маломъ порѣшили убить его, потому что, „аще ся въвадить

волкъ въ овцѣ, припомнили они старую пословицу, то выноситъ все все стадо". Такъ погибъ наслѣдникъ Рюрика жертвою своей алчности и политической недальновидности.

Преемницей Игоря была его супруга Ольга. Первымъ дѣломъ ея было отомстить за смерть мужа. Это была ея нравственная обязанность. Не буду останавливаться на этомъ актѣ княженія Ольги, такъ какъ его подробности достаточно извѣстны изъ лѣтописи. Ольга въ этомъ случаѣ оставалась вѣрною языческимъ традиціямъ. Въ этомъ разсказѣ для насъ интересна одна историческая подробность—о древлянскомъ князѣ Малѣ и другихъ туземныхъ древлянскихъ князьяхъ. Что же касается тѣхъ подробностей, которыя сообщаетъ лѣтопись о мщеніи Ольги, то они представляютъ для насъ интересъ въ одномъ отношеніи—ярко рисуютъ намъ нравы и понятія того времени, хотя въ основѣ своей и не достовѣрны. Въ нихъ вѣрно изображенъ характеръ этой княгини, „мудрѣйшей и хитрѣйшей изъ смертныхъ"; этотъ умъ—хитрость—основная черта въ характерѣ Ольги: хитростью она беретъ городъ Искоростень и мститъ древлянамъ за смерть мужа. Исполнивъ актъ мести Ольга наложила на древлянъ тяжелую дань. При Святославѣ случилось покореніе вятичей. Вотъ какъ лѣтописецъ разсказываетъ объ этомъ событіи. „964 г. И иде (Святославъ) на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе (на) Вятичи, и рече имъ: кому дань даете?" Они же рекоша: „Козаромъ по щелягу отъ рала даемъ". 965 г. Иде Святославъ на Козары. Слышавше Козаре, изыдоша противу съ княземъ своимъ каганомъ и съступишася бити; и бывши брани межи ими, одолѣ Святославъ Козаромъ и городъ ихъ Бѣлувежю взя. И Ясы побѣди и Касоги, и приде къ Киеву. 966 г. Побѣди Вятичь Святославъ и дань на нихъ възложи". Отсюда мы видимъ, что вятичи, о которыхъ доселѣ лѣтопись молчала, находились подъ властію хазаръ. Вятичи не даютъ Святославу дани немедленно, подобно тому какъ это сдѣлали радимичи; онъ долженъ былъ сначала побѣдить хазаръ, а потомъ уже наложить дань и на нихъ, при чемъ это ему удалось сдѣлать не безъ борьбы; по крайней мѣрѣ объ этомъ можно заключить изъ постояннаго стремленія ихъ освободиться отъ зависимости: они свергнули съ себя власть кіевскаго князя, такъ что Владиміръ долженъ былъ ихъ снова покорять. Сопротивленіе вятичей объясняется отдаленностью отъ Кіева и близкимъ сосѣдствомъ съ хазарами. Когда хазары были побѣждены, то вятичи не могли долго сопротивляться. Эта побѣда надъ хазарами имѣла очень важное значеніе. Раньше Олегъ освободилъ сѣверянъ и радимичей отъ власти хазаръ; но наступательнаго движенія на нихъ не предпринималъ; очевидно, они еще въ это время были довольно сильны; при Игорѣ начато было наступательное движеніе, хотя окончилось очень печально для руссовъ. Святославъ продол-

жалъ дѣло Игоря и, можно сказать, сломилъ хазарское могущество. Дѣло объединенія слявяно-русскихъ племенъ подъ властію кіевскаго князя не было совершенно закончено; не смотря на то, что радимичи были побѣждены еще при Олегѣ, а вятичи вошли въ составъ Кіевской державы при Святославѣ, и тѣ и другіе снова теперь добились временно самостоятельности и Владимиру пришлось покорять ихъ опять. Очевидно, что они крѣпко держались за свою земельную особность, пользуясь отдаленностью своей области отъ Кіева. Гораздо легче было ему покорить радимичей: „Иде Володимеръ на радимичи. Бѣ у него воевода Волчій Хвостъ и посла и Володимеръ предъ собою, Волъчья Хвоста; сърѣте е на рѣцѣ Пищане и побѣди Радимичѣ Волчій Хвостъ; тѣмъ и Русь корятся Радимичемъ, глаголюще: Пищаньци волъчья хвоста бѣгаютъ. Быша же Радимичи отъ рода Ляховъ пришедъше ту ся вселиша, и платятъ дань Руси и повозъ везуть и до сего дне". Эта насмѣшливая поговорка, которую приводитъ лѣтописецъ и которая сложилась у полянъ по отношенію къ радимичамъ, свидѣтельствуетъ о земельной слабости и неустойчивости радимичей. Ихъ не боялись и надъ ними смѣялись за то, что они побѣжали отъ передового отряда кіевскаго князя.

Таковъ былъ процессъ постепеннаго объединенія подъ властью Кіева славяно-русскихъ племенъ—всѣ они теперь признали власть этого города, который представлялъ изъ себя ключъ и къ защитѣ Русской земли отъ печенѣговъ, и къ торговымъ связямъ ея съ Черноморско-Азовскимъ побережьемъ и Царьградомъ. Въ созданіи Русскаго государства подъ главенствомъ Кіева участвовали и военная сила полянской земли, и сознаніе сосѣднихъ племенъ, что, поддерживая Кіевъ, они упрочиваютъ свои экономическіе, торговые интересы.

Борьба съ сосѣдями. Русь, объединенная Кіевомъ, въ началѣ своего историческаго существованія обнаружила чрезвычайную склонность къ военнымъ предпріятіямъ, носившимъ частію наступательный, а частію оборонительный характеръ. Такъ обыкновенно бываетъ съ молодыми государственными организмами, имѣющими у себя достаточный притокъ военныхъ силъ и ощущающими потребность въ укрѣпленіи и расширеніи своихъ географическихъ границъ. О воинственности и силѣ Кіевской державы свидѣтельствуетъ преобладаніе наступательныхъ войнъ передъ оборонительными. Войны эти велись не только съ западными сосѣдями—литовцами и поляками, съ восточными сосѣдями—Камскими болгарами и хазарами, съ южными сосѣдями—кочевниками печенѣгами, но и съ отдаленною Византіей и Дунайскою Болгаріей. Самое образованіе Русскаго государства въ связи съ объединеніемъ славяно-русскихъ племенъ сдѣлалось возможно только послѣ того, какъ уничтожена была зависимость ихъ отъ ха

заръ, выражавшаяся въ уплатѣ дани—а эту дань уплачивала имъ почти вся группа южныхъ племенъ, начиная съ самихъ полянъ. Освободившись отъ хазарскаго владычества, воинственные кіевскіе князья рѣшились сломить хазарское могущество—и дѣйствительно, цѣлымъ рядомъ нападеній расшатали эту сильную дотолѣ державу. Извѣстія объ этихъ походахъ сохранили намъ главнымъ образомъ арабскіе писатели. Два похода, о которыхъ молчитъ лѣтопись, относятся ко времени Игоря (913 и 943 гг.). Въ первый походъ, по извѣстію Массуди, руссы по Дону спустились на югъ и, испросивъ разрѣшеніе у хазарскаго кагана, пробрались на Волгу и разгромили побережье Каспійскаго моря, занятое въ то время разными мусульманскими племенами. Впрочемъ,—на обратномъ пути они потерпѣли пораженіе отъ этихъ послѣднихъ. Во время другого похода Русь, по извѣстію другого арабскаго писателя, также явилась на Каспійское побережье и затѣмъ разгромила славившійся своими богатствами городъ Бердаа. И на этотъ разъ руссы испытали нѣкоторыя неудачи, тѣмъ не менѣе, благодаря этому походу, имя ихъ стало извѣстно и страшно во всей средней Азіи. Вообще Игорь не могъ похвалиться удачнымъ исходомъ своихъ предпріятій.

Святославъ, по разсказу лѣтописца, побѣдилъ хазаръ и взялъ городъ Бѣлую Вежу, а затѣмъ побѣдилъ ясовъ и касоговъ, т. е. осетинъ и черкесовъ. Краткое извѣстіе лѣтописи о столкновеніи Святослава съ хазарами дополняется сказаніями арабскихъ писателей. По извѣстію этихъ послѣднихъ, руссы въ 968 году поднялись по Волгѣ, разорили столицу Болгарскаго царства—городъ Болгары, затѣмъ спустились внизъ, опустошили землю буртасовъ и разгромили столицу Хазарскаго царства—Итиль. Вслѣдъ затѣмъ, спустившись въ Каспійское море, они взяли другой хазарскій городъ Семендеръ, который славился своими садами и виноградниками. Вотъ подлинныя извѣстія Ибнъ-Хаукаля: „Въ настоящее же время не осталось и слѣда ни изъ Булгара, ни изъ Буртаса, ни изъ Хозара, ибо руссы напали (или истребили) всѣхъ ихъ, отняли у нихъ всѣ ихъ области и присвоили ихъ себѣ. Тѣ же, которые спаслись отъ ихъ рукъ, разсѣяны по ближайшимъ мѣстамъ изъ желанія остаться вблизи своихъ странъ и надѣясь заключить съ ними миръ и подчиниться имъ...

Руссы ограбили его (Булгаръ), Хозранъ, Итиль и Самандаръ въ 969 г. и отправились тотчасъ въ Русь и Андалусъ... Хозаре имѣютъ также городъ, называемый Самандаромъ, который находится между нимъ (Итилемъ) и Бабъ-аль-Абвабомъ. Въ этомъ городѣ было много садовъ; говорятъ, что онъ содержалъ около 40000 виноградниковъ. Я развѣдалъ о немъ въ Джурджанѣ по свѣжести памяти о немъ. Его населяли мусульмане и другіе; они (мусульмане) имѣли въ немъ

мечеть; христіане—церкви и евреи—синагоги. Но руссы напали на все это, разрушили все, что было по р. Итиль, принадлежащее хазарамъ, булгарамъ и буртасамъ, и овладѣли имъ: жители же Итиля убѣжали на островъ Бабъ-аль-Абваба, а часть ихъ живетъ на островѣ Сіаку въ страхѣ. Жилища ихъ были хижины, а постройки ихъ плелись изъ дерева и замазывались сверху. Царь ихъ былъ изъ евреевъ, родственъ съ хазарскимъ царемъ". Хазарія послѣ этого страшнаго набѣга не могла уже оправиться, а ближайшимъ слѣдствіемъ успѣха Святослава было освобожденіе отъ хазарской власти послѣдняго славяно-русскаго племени вятичей, которые уплачивали имъ дань, а теперь должны были признать власть Святослава. У поляковъ Владиміръ взялъ между прочими города: Перемышль и Червень (отъ этого послѣдняго города вся земля получила названіе Червоной или Галицкой Руси). Это былъ вполнѣ русскій край. Города эти образовались на территоріи дулѣбовъ и хорватовъ, которые, какъ извѣстно, принадлежали къ восточнымъ славянамъ, но вслѣдствіе своего пограничнаго положенія область эта представляла спорную территорію между Русью и Польшей. Кромѣ войны съ поляками, на западѣ же Владиміръ велъ борьбу съ литовскимъ племенемъ ятвяговъ, а на востокѣ—съ Камской Болгаріей. Воевода Владиміра—его дядя Добрыня, принесъ ему неудовлетворительную вѣсть о болгарахъ, что они дани уплачивать не будутъ, потому что ходятъ въ „сапозѣхъ", а Руси нужны лапотники. Отношенія Руси къ хазарамъ и камскимъ болгарамъ не ограничивались одними военными столкновеніями, наоборотъ, на первомъ планѣ стояли здѣсь торговыя интересы. Ослабленіе Хазаріи имѣло тѣ невыгодныя послѣдствія, что усилило значеніе на южной границѣ Русскаго государства, въ южно-русскихъ степяхъ, тюрковъ-кочевниковъ-печенѣговъ, а потомъ торковъ. Въ болѣе древнее время въ южно-русскихъ степяхъ жило значительное число русскихъ славянъ. Это осѣдлое населеніе доходило до побережья Чернаго и Азовскаго морей на югѣ, на пространствѣ отъ Дуная и до Дона. Пріютомъ для него служили, главнымъ образомъ, лѣсные оазисы, которые находились въ предѣлахъ нынѣшней Новороссіи. Таковы были уличи и тиверцы. Но мало-по-малу это славянское населеніе вытѣсняется кочевниками, для которыхъ этотъ край оказался настоящей обѣтованной землей. Славяно-русское населеніе должно было отступить передъ этимъ наплывомъ кочевниковъ на сѣверъ, предоставить имъ степи. Множество народовъ перебывало въ южно-русскихъ степяхъ, но наиболѣе близкими по времени и оказавшими наибольшее вліяніе на древнюю Русь печенѣги, торки и половцы, а за ними уже явились татары. Всѣ они принадлежатъ къ тому тюркскому племени, которое кочевало въ степяхъ средней Азіи, а оттуда они одни вслѣдъ за другими вы-

ходили въ Европу черезъ извѣстныя Каспійскія ворота. Печенѣги въ византійскихъ источникахъ назывались пацинаками, торки—гузами или узами. Прежде всего появились въ южно-русскихъ степяхъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Русью печенѣги. Въ отсутствіе Святослава (былъ въ Болгаріи) они едва не взяли Кіева. При Владимірѣ Св. происходила постоянная пограничная борьба съ печенѣгами. Объ этой борьбѣ дошло до насъ нѣсколько легендъ. Такова легенда объ основаніи Переяславля на томъ мѣстѣ, гдѣ русскій богатырь побѣдилъ печенѣжскаго—отъ этого, будто бы, и возникло названіе города Переяславль—„зане перея славу русскій богатырь печенѣжскому". Это, очевидно,—легенда, потому что Переяславль существовалъ гораздо раньше. Другое преданіе сообщаетъ намъ о построеніи церкви въ городѣ Васильевѣ въ память того, что Владиміръ здѣсь спрятался отъ печенѣговъ подъ мостомъ и такимъ образомъ спасся. Наконецъ, такимъ же легендарнымъ характеромъ отличается третій разсказъ лѣтописи объ осадѣ печенѣгами Бѣлгорода (мѣстечко Бѣлогородка Кіевской губ.). Очевидно, что борьба съ печенѣгами играла важную роль въ жизни кіевскаго населенія, производила сильное впечатлѣніе на его воображеніе и привела къ созданію легендъ, вошедшихъ потомъ въ лѣтопись. О важномъ значеніи, которое имѣли печенѣги, свидѣтельствуетъ намъ и письмо извѣстнаго западнаго миссіонера Брунона. Этотъ послѣдній отправился для распространенія христіанства къ печенѣгамъ и по дорогѣ заѣхалъ къ Владиміру съ цѣлью найти у него покровительство. Владиміръ лично проводилъ его до южной границы своего княжества, и вотъ оказывается, что граница эта находилась очень недалеко отъ Кіева. Брунонъ въ своемъ письмѣ говоритъ: „Въ теченіе двухъ дней онъ самъ (Владиміръ) съ войскомъ проводилъ меня къ самому крайнему предѣлу своей страны, который онъ оградилъ для защиты отъ кочевниковъ весьма крѣпкою и длинною линіей укрѣпленій". Остаткомъ этихъ укрѣпленій въ настоящее время являются такъ называемые Зміевы валы. И лѣтопись свидѣтельствуетъ о построеніи Владиміромъ на южной окраинѣ Русской земли цѣлаго ряда новыхъ городовъ по р.р. Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ, т. е. въ предѣлахъ нынѣшней Черниговской, Полтавской и Кіевской губерній, населенныхъ частью плѣнниками, а частью переселенцами изъ другихъ русскихъ областей. Ярославъ Мудрый построилъ вторую линію укрѣпленій, дальше отъ Кіева, въ степи по берегу рѣки Роси. Между тѣмъ въ это время въ началѣ XI в. начинается движеніе съ востока новаго племени торковъ, прогнавшихъ печенѣговъ. Печенѣги подъ напоромъ торковъ двигаются на западъ и послѣднее ихъ нападеніе на Кіевъ относится къ 1034 году. Послѣ этого они исчезаютъ изъ южно-русскихъ степей. Значительная часть ихъ

переселилась въ Византію. Торки не были особенно воинственны и предпріимчивы и вскорѣ должны были уступить свое мѣсто гораздо болѣе энергичному и многолюдному народу—половцамъ. Борьба съ кочевниками требовала страшнаго напряженія силъ отъ Кіевской Руси и велась въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и послужила, какъ увидимъ далѣе, главною причиной перехода исторической жизни съ юга на сѣверъ. Печенѣги нападали на южную Русь и принимали участіе въ княжескихъ войнахъ и междоусобіяхъ.

Огромное значеніе имѣли также походы первыхъ кіевскихъ князей на Византію; въ связи съ ними стоятъ и завоевательныя попытки Святослава въ Дунайской Болгаріи. Первый изъ этихъ походовъ относится еще къ 860 году, когда Русь на судахъ явилась подъ Константинополемъ, осадила его и привела въ ужасъ жителей столицы міра. Патріархъ Фотій поддерживалъ упавшій духъ граждапъ. Съ награбленною добычей Русь вернулась обратно. Новый императоръ Василій Македонянинъ заключилъ съ нею миръ. Дальнѣйшіе походы находятся въ тѣсной связи съ торговыми связями обоихъ государствъ. Олеговъ и Игоревъ походы окончились торговыми трактатами; первый былъ гораздо удачнѣе второго; въ лѣтописи онъ расцвѣченъ легендарными подробностями. Супруга Игоря Ольга предприняла даже лично путешествіе въ Царьградъ — такъ велика была сила притяженія этого послѣдняго для первыхъ кіевскихъ князей. Византія въ свою очередь, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ лѣтопись, присылала свои суда по Варяжскому пути въ Кіевъ. Святославъ широко раздвигаетъ свою завоевательную политику: онъ стремится завоевать Болгарію и перенести центръ своей земли въ Переяславецъ на Дунаѣ. Объ этихъ походахъ мы имѣемъ свидѣтельства русскихъ лѣтописей и византійскихъ писателей, главнымъ образомъ Льва Діакона. Сравнивая эти два источника, мы открываемъ между ними значительную разницу и должны отдать предпочтеніе современнику—византійцу. Византійскій императоръ Никифоръ Ѳока, находясь въ борьбѣ съ болгарскимъ царемъ Петромъ, рѣшилъ воспользоваться для своей цѣли помощью кіевскаго князя. Онъ поручилъ патрицію Калокиру вступить по этому поводу въ переговоры съ Святославомъ и побудить его предпринять походъ противъ болгаръ. Святославъ немедленно явился въ Болгарію, взялъ, по преувеличенному, вѣроятно, счету русской лѣтописи 80 городовъ на Дунаѣ и усѣлся въ городѣ Переяславцѣ (Малая Преслава); такой быстрый успѣхъ объясняется политическою слабостью Болгаріи по смерти знаменитаго болгарскаго царя Симеона и по вступленіи на престолъ его преемника Петра. Болгарія такъ понравилась Святославу, что, по извѣстію лѣтописи, онъ задумалъ было даже совсѣмъ переселиться сюда:

„Не любо ми есть въ Кіевѣ быти, говоритъ онъ матери, хочю жити въ Переяславци на Дунаи, яко то есть середа въ земли моей, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина, овощевея, разноличныя, изъ Чехъ же, изъ Угоръ серебро и комони, изъ Руси же скора и воскъ, медъ и челядь“. Никифоръ Ѳока увидѣлъ свою ошибку и рѣшилъ теперь удалить Святослава изъ Болгаріи, потому что онъ былъ для него опаснѣе, чѣмъ Петръ. Но ему не удалось довести до конца своихъ приготовленій: онъ погибъ отъ руки Іоанна Цимисхія, который сдѣлался императоромъ и рѣшилъ энергически бороться съ Святославомъ. Русская рать послѣ неудачнаго сраженія подъ Дористоломъ*) (т. е. Силистріей) должна была запереться въ городѣ—такъ началась знаменитая Дористольская осада. Когда всѣ средства обороны были исчерпаны, Святославъ подъ вліяніемъ голода рѣшилъ прибѣгнуть къ переговорамъ. Эти переговоры закончились мирнымъ договоромъ, внесеннымъ цѣликомъ въ нашу лѣтопись. Святославъ долженъ былъ отказаться отъ всякихъ притязаній на Болгарію, не нападать на греческіе города Корсуньской области, т. е. въ Крыму и т. п. Возвращаться назадъ пришлось мимо Днѣпровскихъ пороговъ, гдѣ въ это время засѣли печенѣги съ цѣлью подстеречь и убить кіевскаго князя. Святославъ вѣроятно узналъ объ ихъ замыслахъ, рѣшился было зимовать въ Бѣлобережьѣ (около Днѣпровскаго устья) и ожидать вспомогательной рати изъ Руси. Но помощь изъ Кіева не приходила и Святославъ рѣшился пробиться черезъ ряды печенѣговъ. Его попытка окончилась роковымъ образомъ: печенѣжскій князь Куря убилъ Святослава и изъ черепа его сдѣлалъ себѣ чашу, чтобы пить изъ нея на пирахъ вино. Походъ Владимира на византійскую колонію Корсунь окончился принятіемъ христіанства. Послѣдній походъ въ Византію, вызванный также торговыми интересами Руси, относится къ княженію Ярослава Мудраго; но онъ окончился неудачно. Такъ тѣсно связаны и переплетены были военныя предпріятія Кіевской Руси противъ Царьграда съ ея торговыми интересами и высшими культурными задачами.

Государственный строй—князь, дума, вѣче. Военные успѣхи Кіевской Руси явились результатомъ того внутренняго государственнаго строительства, которое въ ней происходило въ теченіе 2-хъ первыхъ столѣтій историческаго существованія. Теперь уже былъ заложенъ фундаментъ того строя, который получилъ дальнѣйшее развитіе въ послѣдующій періодъ. Первенствующая роль въ этомъ строительствѣ принадлежала княжеской власти, затѣмъ боярской думѣ, какъ выразительницѣ дружинныхъ интересовъ, и вѣчу, какъ органу земщины. Носителемъ общихъ государственныхъ интересовъ являлся теперь князь. И прежде, какъ мы знаемъ, княжеская власть существовала. Но теперь она усилилась и пріобрѣла новый характеръ. Прежде она

*) осада эта напоминает осаду Трои, тут были свои Ахиллес, Гектор, [illegible] и Свят. остался 22т. из 60т.

распространялась только на территорію одного какого-либо племени. Теперь кіевскіе князья распространили свою власть на всю Русскую землю. Правда, рядомъ съ кіевскими князьями мы видимъ князей и въ другихъ областяхъ; но это есть ничто иное, какъ первое примѣненіе семейнаго начала къ княжескому наслѣдію: всѣ члены княжескаго семейства мужескаго рода по смерти отца получали право на участіе въ этой вотчинѣ. Но право это сталкивалось съ силой—и въ результатѣ явились многочисленныя столкновенія князей и даже гибель нѣкоторыхъ изъ нихъ. Но бывало и такъ, что дѣлить Русскую землю между князьями не приходилось, ибо былъ только на лицо одинъ владыка. Олегъ одинъ управлялъ государствомъ и при томъ въ качествѣ опекуна Игоря. Игорь, Ольга и Святославъ также единолично правили всею Русью. Послѣ Святослава осталось трое сыновей — и между ними впервые открывается борьба, окончившаяся убіеніемъ двухъ братьевъ и возстановленіемъ единовластія при Владимирѣ. Послѣ Владимира осталось многочисленное потомство, среди котораго открылись сильныя междоусобія, окончившіяся убіеніемъ Бориса и Глѣба и столкновеніями Ярослава съ Святополкомъ, погибшимъ въ этой борьбѣ, и со Мстиславомъ Тмутараканскимъ. Со смертію Мстислава Ярославу снова удалось возстановить единовластіе.

Но фактическаго единовластія въ сущности никогда не было на Руси. Олегъ правилъ единолично. А между тѣмъ договоръ съ греками онъ заключаетъ не только отъ своего имени, но и отъ имени всѣхъ свѣтлыхъ князей, находившихся подъ его рукою, т. е. признававшихъ его верховную власть. Это могли быть и его родственники и потомки туземныхъ князей. Кромѣ того, въ разныхъ центральныхъ городахъ сидѣли въ качествѣ намѣстниковъ княжескіе мужи, старшіе дружинники или бояре. Силу князя составляла его дружина; но содержаніе дружинъ обходилось очень дорого—и потому главная забота князей кромѣ походовъ, дававшихъ имъ добычу (припомнимъ огромную добычу Олега послѣ удачнаго похода на Царьградъ), сосредоточивалась еще и на хозяйственной, экономической дѣятельности—на собираніи дани съ покоренныхъ племенъ. Внѣшнія и внутреннія войны, наполняющія всю изучаемую нами эпоху, требовали большихъ матеріальныхъ затратъ со стороны князей—и къ добыванію ихъ были направлены усилія князей. Источникомъ ихъ были дани, промыслы и торговля. И дани, и хозяйственная дѣятельность содѣйствовали внутреннему сплоченію государства, укрѣпленію связей Кіева съ вошедшими въ составъ его землями. Но, вѣроятно, одни изъ племенъ платили больше дани, другія меньше; больше другихъ платили древляне въ наказаніе за умерщвленіе Игоря; въ большой также зависимости отъ кіевскихъ князей находились радимичи, которые „повозъ везутъ и до сего дне“

(т. е. до времени лѣтописца); сѣверяне платили гораздо меньше: даже Олегъ наложилъ на нихъ „дань легъку“; вятичи платили, вѣроятно, еще меньше: даже въ концѣ XI в. Владимиръ Мономахъ ходилъ къ нимъ на Ходоту и его сына; новгородцы уплачивали огромную по тому времени сумму въ 300 гривенъ, т. е. 300фунтовъ серебра. При разсказѣ о княженіи Ольги, лѣтопись даетъ намъ нѣсколько фактовъ о хозяйственной дѣятельности князей. „І іде Ольга по Деревьской земли съ сыномъ своимъ и дружиною своею, уставляющи уставы и уроки; и суть становища ея и ловища ея“; затѣмъ далѣе: „Въ лѣто 6455 (947 г.) иде Ольга къ Новугороду иустави по Мьстѣ погосты и дань, и по Лузѣ погосты и дань и оброки, и ловища ея суть по всей земли, и знаменія, и мѣста и погосты, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ея Ольжичи и до сего дни. Изрядивши, възратися къ сыну своему въ Кіевъ и пребываше съ нимъ въ любви“. Ольга лично объѣздила Древлянскую землю и установила въ ней „уставы“ и „уроки“. Подъ уставомъ, вѣроятно, нужно понимать всякое установленіе, опредѣленіе того, какъ что дѣлать (въ примѣненіи къ повинностямъ Древлянской земли), а подъ именемъ урока—всякую обязательную повинность, которую нужно было исполнить къ опредѣленному сроку. Здѣсь, въ Древлянской землѣ, она останавливалась станами и охотилась за звѣрями. На эти-то становища и ловища ея указывали еще во времена лѣтописца. Покончивши со внутреннимъ нарядомъ въ Древлянской землѣ (о чемъ, кстати сказать, вовсе не заботился ея супругъ), Ольга отправилась за данью на сѣверъ—въ Новгородскую землю. Во время пребыванія князя въ извѣстномъ мѣстѣ, сюда стекалось окружающее населеніе для жалобъ просьбъ и т. п. Эти то мѣста остановокъ, по всей вѣроятности, получили названіе погостовъ. Это, слѣдовательно, были извѣстные административные центры. Здѣсь были построены со временемъ храмы (отсюда названіе церковнаго погоста), при нихъ были устроены торги и т. п. Населеніе уплачивало князю оброки и дани. Подъ именемъ знаменій нужно разумѣть вообще слѣды мѣстопребыванія Ольги, а подъ именемъ „перевѣсищъ“—мѣста предназначенныя для ловли птицъ. Конечно, всѣ эти хозяйственныя распоряженія не ограничивались только Древлянской, Новгородской и Черниговской областями—они были и въ Кіевской землѣ и въ другихъ мѣстахъ. Цѣною дани племена пріобрѣтали себѣ внѣшнюю безопасность отъ враговъ: защиту ихъ брали на себя кіевскіе князья. Итакъ, дань была двоякаго рода: одну—повозъ—привозили сами племена, за другою ходили сами князья; это было *полюдье*. По словамъ императора Константина Багрянороднаго въ ноябрѣ мѣсяцѣ на зиму князья обыкновенно отправлялись на полюдье гдѣ, по всѣй вѣроятности, производили и судъ, который всегда со-

ставлялъ одну изъ важныхъ функцій княжеской власти. Судъ также служилъ источникомъ княжескихъ доходовъ, ибо въ пользу князя шли штрафы съ виновныхъ. Князь казнилъ виновныхъ. Князю принадлежала и *законодательная власть;* памятниками законодательной дѣятельности первыхъ кіевскихъ князей являются договоры Олега, Игоря и Святослава съ греками, церковные уставы Владиміра и Ярослава и „Русская Правда“ Ярослава Мудраго. Наконецъ, князю принадлежала и религіозная власть. Владиміръ ставитъ языческихъ идоловъ, а потомъ вводитъ христіанство и приказываетъ всѣмъ креститься.

При князѣ состоялъ совѣтъ изъ старшихъ дружинниковъ—бояръ, это была боярская Дума; такого термина однако не было, но въ составъ ея входили бояре думающіе. „Бѣ бо Владиміръ любя дружину и съ нею думая о строѣ земленѣмъ и о ратѣхъ и уставѣ земстѣмъ“. Но сюда входили и старцы градскіе, подъ которыми можно разумѣть земскихъ бояръ. Владиміръ постоянно совѣтуется со старцами, старцами градскими и боярами; приглашаются иногда на совѣтъ и посадники другихъ городовъ, епископы и игумены важнѣйшихъ монастырей. Дума участвовала съ княземъ въ рѣшеніи религіозныхъ и законодательныхъ вопросовъ, и главнымъ образомъ въ рѣшеніи вопросовъ о войнѣ и мирѣ: договоры съ греками заключались и отъ имени свѣтлыхъ бояръ князя; Владиміръ разсуждаетъ съ боярами о ратѣхъ. Тотъ же Владиміръ предалъ жену свою Рогнѣду за покушеніе на его убійство суду бояръ, которые посовѣтовали ему не убивать ее, а отдать ей съ сыномъ ея отчину—Полоцкъ. Дума не ограничивала княжеской власти; она имѣла совѣщательный характеръ; но совѣтами ея не могли игнорировать князья.

4) Вѣче является столь же исконнымъ началомъ славяно-русской жизни какъ и княжеская власть. Объ этомъ свидѣтельствуетъ лѣтопись, говоря, что „Новгородцы изначала, и Смоляне, и Кыяне, и Полочане и вся власти якоже на думу, на вѣча сходятся“... Первоначально были племенныя вѣча: „*Сдумавше поляне,* говоритъ лѣтописецъ, и вдаша Козаромъ отъ дыма мечъ“. Затѣмъ они превращаются въ *городскія*. Первое упоминаніе термина вѣча относится къ городу Бѣлгороду (въ Кіевскомъ княжествѣ), осажденному въ 997 г. печенѣгами; людіе въ немъ *створиша вѣче* для рѣшенія вопроса о сдачѣ печенѣгамъ. И въ данномъ случаѣ, и въ другихъ вѣче сливалось съ Думою старѣйшихъ. Ярославъ собралъ вѣче въ Новгородѣ и получилъ отъ него помощь противъ Святополка. Вѣче въ это время представляло изъ себя только эмбріонъ учрежденія.

Соціальный составъ. Соціальный составъ общества былъ таковъ: все оно дѣлилось на двѣ группы: дружину и земщину. *Дружина* въ Кіевскій періодъ играла очень важную роль; это былъ верхній

4) Прокопий, писатель VI в. сообщает, что славяне подчиняются одному лицу, но живут при народном управлении. Когда были [illegible] органы племенного быта, вече было необходимым органом. При господстве первых князей вече не имело большого значения, значение в. поднимается, когда начинаются раздоры, Святополк задабривает киевск. в. Вече усиливается с [illegible] ... См. 184 стр.

слой общества, пользовавшійся важными преимуществами; но и онъ не представлялъ изъ себя сословія, а только классъ. Въ составъ дружины въ изучаемую нами эпоху входило много иноземныхъ элементовъ. Составъ военныхъ силъ былъ двухъ родовъ: постоянная дружина и вспомогательныя рати иноземцевъ; послѣдніе приглашались тогда, когда предстояла важная борьба, въ которой недостаточно было одной дружины. Сѣверные князья нанимали въ свою службу норманновъ. Первый фактъ найма цѣлаго иноземнаго войска мы находимъ въ лѣтописи при Владимирѣ: когда онъ былъ Новгородскимъ княземъ, то нанималъ варяговъ для борьбы съ Ярополкомъ. Два раза нанимались варяги при Ярославѣ; послѣдній разъ въ Лиственской битвѣ когда они были подъ предводительствомъ Якуна или Гакона. Южные князья также прибѣгали къ найму иноземцевъ, а именно—кочевыхъ ордъ: въ походахъ Святослава въ Болгарію участвовали печенѣги и угры; Святополку помогали печенѣги, Мстиславу Тмутараканскому—жители Кавказа—ясы и касоги. Южные князья нанимали на помощь степняковъ, сѣверные—варяговъ. Норманновъ было такъ много, что отъ нихъ рѣшилъ избавиться Владимиръ и часть болѣе безпокойныхъ отправилъ въ Византію. Наемныя дружины въ видѣ цѣлыхъ отрядовъ приглашались обыкновенно въ экстренныхъ случаяхъ но въ составѣ постоянной дружины было не мало лицъ различныхъ національностей, особенно норманновъ, какъ это видно изъ именъ ихъ сохранившихся въ договорахъ Олега и Игоря. И въ лѣтописи встрѣчаются многія имена дружинниковъ иногда чисто славянскія, напримѣръ Синько, Вышата, Блудъ, Свѣнельдъ—иногда иноземныя: въ договорѣ Игоря—дружинникъ Ятвягъ; это имя прямо указываетъ на его національность. Ярополка убили два варяга въ то время, какъ онъ входилъ въ палатку Владимира. Первый христіанскій мученикъ въ Кіевѣ былъ варягъ; Глѣба убилъ дружинникъ Торчинъ; у Бориса былъ дружинникъ отрокъ Георгій, затѣмъ Θедоръ угринъ. Въ дружинѣ Святополка былъ Ляшко (полякъ). Всѣ эти имена ясно указываютъ намъ, что единичныя лица различныхъ національностей по мѣрѣ личнаго желанія могли поступать въ княжескую дружину. Отличительная черта отношеній того времени—это забота о дружинѣ со стороны князя. Такъ какъ въ дружинѣ главнымъ образомъ заключалась сила князя, то онъ совѣтуется съ дружиной, и сообразуется съ ея мнѣніемъ и желаніемъ. Когда Ольга уговаривала Святослава креститься, онъ отказался, мотивируя это тѣмъ, что дружина будетъ надъ нимъ смѣяться; дружина принудила Игоря идти къ древлянамъ за данью и на полюдье, говоря, что у другихъ князей дружина наживается, имѣетъ много оружія и одежды, а его нага. Владимиръ часто давалъ пиры своей дружинѣ и на одномъ пиру дружина будто бы заявила ему,

что не можетъ ѣсть иначе, какъ серебряными ложками. Владимиръ тотчасъ удовлвторилъ ея желанію и сказалъ при этомъ, что серебромъ не добуду себѣ дружины, а съ дружиною добуду серебро. Интересенъ эпизодъ изъ отношеній къ дружинѣ Мстислава Тмутараканскаго: во время борьбы съ Ярославомъ, онъ пошелъ въ Черниговъ и набралъ тамъ ополченіе изъ сѣверянъ; встрѣтившись съ Ярославомъ въ Лиственской битвѣ, онъ сначала спряталъ свою дружину и только тогда, когда сѣверяне были перебиты, пустилъ въ дѣло свою дружину. Объѣзжая поле битвы Мстиславъ сказалъ: „кто сему не радъ? се лежитъ сѣверянинъ, а се варягъ, а своя дружина цѣла". Когда Владимиръ Ярославичъ былъ разбитъ греками у Царьграда, то спасался со своею кнѣжескою дружиною. Дружина распадалась на два разряда: старшую—бояръ и младшую—отроковъ, дѣтскихъ гридь. Нельзя съ точностью опредѣлить время появленія бояръ; лѣтопись въ первый разъ упоминаетъ о нихъ въ договорѣ Олега, гдѣ говорится о свѣтлыхъ болярахъ, находившихся подъ рукою его. Князья отдавали имъ въ управленіе города и земли. Олегъ посадилъ посадниковъ въ Смоленскѣ и Любечѣ; во главѣ черниговскаго ополченія стоялъ воевода Претичъ; другимъ такимъ воеводой, у котораго была собственная дружина, былъ Свѣнельдъ при Игорѣ; у Ярополка близкимъ совѣтникомъ былъ Блудъ, у Владимира—его дядя Добрыня. Боярства добивались или личными заслугами, или расположеніемъ князя. Владимиръ Св. пожаловалъ въ бояре отрока, т. е. младшаго дружинника изъ скорняковъ, который одолѣлъ въ единоборствѣ печенѣжскаго богатыря. Дружина представляла изъ себя всегдашнее войско, вооруженіе коего составляли—лукъ со стрѣлами, копье, мечъ, броня или кольчуга, шлемъ. Камскіе болгары отдавали преимущество русскимъ обоюдоострымъ мечамъ передъ своими саблями, заостренными съ одной стороны. Черниговскій воевода подарилъ печенѣжскому хану оружіе—мечъ, щитъ, броню. Дружина повидимому была главнымъ образомъ конная; но была, вѣроятно, и пѣшая. Были и морскія силы—довольно многочисленный флотъ, состоявшій изъ лодокъ однодеревокъ, на которыхъ отважные русичи смѣло пускались въ море и доходили до Константинополя, придерживаясь, конечно, берега. Но русскій флотъ въ техническомъ отношеніи далеко уступалъ греческому. Русскимъ было извѣстно искусство фортификаціи и они устраивали укрѣпленія для защиты отъ печенѣговъ; при Владимирѣ и Ярославѣ были устроены цѣлыя системы такихъ укрѣпленій. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ на помощь дружинамъ призывались такъ называемые *вои,* т. е. земскія ополченія. Но они, нужно думать, дѣйствовали почти исключительно въ оборонительныхъ войнахъ, гдѣ само населеніе выступало на защиту своихъ интересовъ. Такъ было, намъ

кажется, во всѣхъ случаяхъ, когда дѣйствовали вооруженною рукою люди. Такъ было и въ Лиственской битвѣ Мстислава съ Ярославомъ, гдѣ въ числѣ войска стояла сѣверянская земская рать. Но извѣстны случаи, когда вои выступали и въ наступательной войнѣ (при Ярославѣ Мудромъ противъ грековъ).

Земщина состояла изъ трехъ классовъ—бояръ, горожанъ и смердовъ.

Бояре земскіе (въ отличіе отъ дружинныхъ)—это старѣйшины, старцы градскіе или людскіе, нарочитые люди, по терминологіи лѣтописи. Они выступаютъ передъ нами въ Древлянской землѣ въ борьбѣ ея съ Кіевской, при Владимірѣ Св.—въ Кіевѣ, въ Новгородѣ, гдѣ Ярославъ избилъ „нарочитыхъ" людей, въ Бѣлгородѣ, когда эти старѣйшины даже перерѣшили постановленіе Бѣлгородскаго вѣча и въ другихъ случаяхъ.

Горожане—жители городовъ—заключали въ себѣ все свободное городское населеніе, верхній слой котораго составляли *гости*, т. е. купцы, ведшіе иностранную торговлю; господствующее положеніе среди нихъ занимали норманны, Ихъ отправляли въ качествѣ пословъ въ Византію. Далѣе слѣдуютъ просто купцы, ремесленники и т. п. Профессіональныя занятія горожанъ были разнообразны, видное мѣсто занимало также земледѣліе.

Сельское свободное населеніе, впослѣдствіи получившее наименованіе смердовъ, существовало и теперь.

Несвободнымъ классомъ являлись *рабы*; о состояніи рабовъ мы находимъ указанія въ договорахъ съ греками.

Экономическій бытъ. Земледѣліе, являвшееся исконнымъ занятіемъ славяно-русскихъ племенъ, должно было теперь еще болѣе распространиться, особенно въ тѣхъ областяхъ, гдѣ процвѣтанію его способствовали почвенныя и климатическія условія. Въ Древлянской землѣ жители селеній, покорившихся Ольгѣ, по словамъ лѣтописи, обрабатывали нивы своя. Звѣроловство, благодаря обилію лѣсовъ и множеству звѣрей въ нихъ, очень процвѣтало; по словамъ Святослава, изъ Руси вывозились скора, т. е. мѣха. Онъ же свидѣтельствуетъ и о вывозѣ меда и воска. Ольга, какъ мы видѣли, устраивала ловища, перевѣсища и знаменія (борти). Изъ ремеселъ упоминаются—скорняческое (кожевенное), плотничье, процвѣтавшее у новгородцевъ, которыхъ кіевляне называли своими хоромцами; археологическія данныя свидѣтельствуютъ о развитіи гончарства и нѣкоторыхъ другихъ видовъ туземнаго ремесленнаго производства. Само собою разумѣется, что отсутствіе указанія въ источникахъ на какое либо ремесло или промыселъ не доказываетъ еще его фактическаго отсутствія въ народной экономикѣ.

Почти полное отсутствіе указаній за это время о внутренней тор-

говлѣ также не свидѣтельствуетъ объ отсутствіи ея въ дѣйствительности. Наоборотъ, она существовала всюду, а особенно въ тѣхъ городахъ, которые вели внѣшнюю торговлю, какъ напримѣръ, Кіевъ, Смоленскъ и др. Внѣшняя торговля была немыслима безъ внутренней.

О внѣшней торговлѣ мы находимъ сравнительно богатыя свѣдѣнія. Торговля эта велась съ Византіей, Дунайской Болгаріей, Камской Болгаріей, Хазаріей и др. странами.

Мы видѣли уже, какое значительное количество сырыхъ произведеній скоплялось у князей, благодаря полюдью и сопряженнымъ съ нимъ данямъ съ одной стороны и хозяйственной дѣятельности ихъ съ другой. Не мало товаровъ было и у дружинниковъ, и у купцовъ—гостей. Эти запасы и обмѣнивались на произведенія другихъ странъ. Раннею весной па Днѣпрѣ, сѣвернѣе Кіева, по словамъ Константина Багрянороднаго, создавалась цѣлая флотилія изъ лодокъ однодеревокъ, которая направлялась къ Кіеву, а оттуда уже въ видѣ купеческаго каравана двигалась въ Царьградъ. О широкихъ размѣрахъ торговой дѣятельности Руси въ Константинополѣ свидѣтельствуютъ договоры Олега и Игоря съ греками. Князь русскій могъ посылать ежегодно въ Царьградъ столько кораблей съ послами и гостями, сколько хотѣлъ. Руси отводилось особое предмѣстье въ городѣ у церкви св. Мамы; она должна была входить въ городъ въ числѣ не болѣе 50 человѣкъ за одинъ разъ и притомъ безъ оружія; она получала отъ греческаго правительства въ теченіе лѣтняго полугодія „мѣсячину“, т. е. мѣсячное содержаніе и даже могла пользоваться столь любимыми ею банями; оклады давались прежде всего кіевлянамъ, потомъ купцамъ, пріѣхавшимъ изъ Чернигова, Смоленска, Переяслава, Любеча. Дабы не было злоупотребленій, пріѣхавшіе должны были предъявлять грамоту, въ которой прописывались ихъ имена, тѣмъ болѣе что торговля была безпошлинная (раньше послы показывали только золотыя печати, а гости—серебряныя); по договору Игоря, Русь не могла покупать предмета вывоза—паволокъ, т. е. шелковыхъ тканей, дороже извѣстной цѣны (50 золотниковъ). Возвращаясь домой, Русь получала отъ грековъ все, что ей нужно было въ пути—кормъ, якори, паруса. Съ Дунайской Болгаріей Русь торговала медомъ, воскомъ, мѣхами и невольниками; изъ Византіи туда шли золото, шелковыя ткани, вина, овощи, изъ Венгріи—серебро, кони. Чрезвычайно обширна была торговля Руси и съ мусульманскимъ востокомъ. Существовалъ водный путь и въ Хазарію, и въ Камскую Болгарію: Русь изъ Азовскаго моря поднималась по р. Дону до Саркела, затѣмъ шла волокомъ до р. Волги, и по ней или спускалась внизъ до Итиля, или поднималась вверхъ до г. Великихъ Болгаръ. По словамъ арабскаго писателя Ибнъ-Фоцлана, Русь, приплывъ въ столицу Болгарскаго царства, прежде всего

приносила жертву своимъ идоламъ, затѣмъ строила на берегу рѣки деревянные сараи и размѣщала въ нихъ привезенные съ собою товары—это были главнымъ образомъ мѣха и невольницы.

О развитіи торговой дѣятельности свидѣтельствуетъ и фактъ существованія *монеты* въ видѣ цѣлыхъ монетныхъ кладовъ. Въ кладахъ преобладаютъ арабскіе или самонидскіе диргемы (серебрянная монета), затѣмъ идутъ англосаксонскія монеты; попадаются и византійскія (золотые солиды). Что касается собственной, туземной монеты, то на этотъ счетъ существуютъ разныя мнѣнія. Была гипотеза (нынѣ оставленная) о существованіи кожаныхъ денегъ; указаніемъ на нихъ служатъ такія названія, какъ мортки, ногаты. Болѣе прочно стоитъ мнѣніе о монетахъ, относимыхъ къ Владиміру Св. и Ярославу Мудрому (Владимирово золото и Ярославово серебро); но ихъ найдено крайне ограниченное количество. Скорѣе всего уже въ это время могли появится гривны, т. е. серебряные слитки опредѣленнаго вѣса. Наконецъ, очень часто велась просто мѣновая торговля, не требовавшая монетныхъ единицъ.

Юридическій бытъ общества регулировался не столько писаннымъ закономъ, сколько нормами обычнаго права. Первыми нашими законодательными актами, относящимися еще къ языческому періоду, являются договоры съ греками; памятниками новой христіанской эпохи являются *русская правда* и *церковные уставы* Владиміра Св. и Ярослава Мудраго. Договоры съ греками представляютъ изъ себя наши первые международные трактаты, въ которыхъ нашло себѣ выраженіе и право русское, и право византійское. Такъ какъ Русь подолгу проживала въ Царьградѣ, а греки—въ Кіевѣ, то являлась необходимость урегулировать ихъ взаимныя отношенія въ области уголовнаго и гражданскаго права. Убійцу нужно было казнить на мѣстѣ преступленія, а въ случаѣ бѣгства, его имущество переходитъ къ родственникамъ убитаго; за нанесеніе раны уплачивался штрафъ въ 5 литръ серебра, а если виновный не имѣлъ такихъ денегъ, то брали у него все, что онъ имѣлъ—снимали даже съ него послѣдніе порты. За воровство уплачивалась тройная стоимость украденнаго; сопротивлявшагося вора можно было безнаказанно убить. Обѣ стороны обязались взаимно выдавать своихъ бѣглыхъ рабовъ и преступниковъ, наказывать воровъ и убійцъ, выкупать плѣнныхъ; по договору Игоря, за выкупленнаго плѣнника въ юношескомъ возрастѣ (или плѣнницу) уплачивалось 10 золотниковъ, за лицъ средняго возраста—8 за дѣтей и стариковъ—5. Былъ рядъ параграфовъ, регулировавшихъ международные отношенія Руси и Византіи. Если бы греческій корабль потерпѣлъ аварію, то Русь, когда бы она оказалась вблизи этого мѣста, обязана была оказать ему помощь и проводить до безопаснаго мѣста. Русскіе могли

безпрепятственно поступать на службу къ греческому царю. По договору Игоря, русскій князь взялъ на себя обязательство не позволять чернымъ болгарамъ нападать на Корсунскую область. Изъ этого ясно видно, что подлѣ Корсунской области были русскія поселенія, таковыми являлись, вѣроятно, города Тмутаракань и Корчевъ. Договоры были скрѣплены взаимною присягою: Олеговъ языческою клятвою со стороны Руси, а Игоревъ—и языческою, и христіанскою, ибо въ это время нѣкоторая часть Руси уже приняла крещеніе; языческая Русь клялась своими божествами, говоря, что если она нарушитъ клятву, то пусть ее не защитятъ ея собственные щиты, пусть будетъ изсѣчена своими мечами или погибнетъ отъ собственнаго оружія и будетъ рабами въ сей жизни и будущей; христіанская Русь присягала въ храмѣ св. Иліи, клялась Господомъ вседержителемъ и осуждала себя въ случаѣ нарушенія клятвы на погибель въ сей и будущей жизни. Договоры заключались на вѣки—пока солнце сіяетъ, но въ дѣйствительности нарушались и возобновлялись нѣсколько разъ. Русскую правду, какъ законодательный памятникъ, я разсмотрю при обозрѣніи областнаго періода, а на церковныхъ уставахъ остановлюсь послѣ разсмотрѣнія вопроса о принятіи христіанства.

Принятіе и распространеніе христіанства. Христіанство на Руси существовало еще раньше Владиміра: объ этомъ мы находимъ прямыя и достовѣрныя свидѣтельства въ самой лѣтописи. Правда, разсказъ лѣтописи о путешествіи апостола Андрея по Руси нужно признать совершенно легендарнымъ, но зато другія извѣстія вполнѣ достовѣрны. „Пріиде, говоритъ лѣтопись объ Андреѣ, въ устье Днѣпровское и оттолѣ поиде по Днѣпру горѣ и приде въ Словены, идѣже нынѣ Новгородъ; оттолѣ иде въ Варяги и приде въ Римъ“.—Это все равно, что ѣхать изъ Харькова въ Кіевъ черезъ Петербургъ. Очевидно, лѣтописецъ, подвигаемы благочестіемъ, хотѣлъ связать распространеніе на Руси христіанства съ проповѣдническою дѣятельностью Андрея; онъ хотѣлъ, чтобы и наше русское христіанство шло отъ апостола, который, придя въ горы Кіевскія, предсказалъ, что здѣсь возсіяетъ благодать Божія и воздвигнутся многіе храмы. Въ Новгородской землѣ, по той же лѣтописной легендѣ, апостолъ Андрей видѣлъ, будто бы, русскія бани, о которыхъ по томъ онъ отзывался такъ: „Дивно видѣхъ Словенскую землю, идучи мы сѣмо видѣхъ бани древяны, и пережьгуть е рамяно, совлокуть ся и будутъ нази, и облѣются квасомъ усніяньмъ, и возьмуть на ся прутье младое, бьются сами и того ся добьють, егда влезутъ ли живы, и облѣются водою студеною, тако оживутъ; и то творять по вся дни, не мучими ни кимъ же, но сами ся мучатъ, и творятъ не мовенье себѣ, а мученье“. Нужно полагать, что этотъ разсказъ былъ сочиненъ обитателемъ южно-русскаго края, незнакомымъ съ великорусскими

банями и что апостолъ Андрей, конечно, здѣсь не причемъ. Это такая же иронія южно-руссовъ надъ сѣверо-руссами, какъ лѣтописный разсказъ о „Писщаньцяхъ, иже волчьяго хвоста бѣгаютъ".

Гораздо болѣе правдоподобными являются нѣкоторыя отрывочныя данныя о христіанствѣ въ предѣлахъ такъ называемой Скиѳіи, т. е. на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря, откуда оно могло проникнуть и въ Кіевъ. Но мы не будемъ останавливаться на этихъ данныхъ и обратимся снова къ лѣтописи. Какой то кіевлянинъ Ольма построилъ, по разсказу лѣтописца, церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ были погребены Аскольдъ и Диръ. Нѣкоторые изъ этого дѣлаютъ предположеніе, что Аскольдъ и Диръ были христіанами. Но гораздо болѣе основательнымъ нужно признать не этотъ разсказъ о крещеніи Аскольда и Дира, а другой,—о крещеніи многихъ представителей русскаго племени, жившихъ въ ихъ время.—Это извѣстіе патріарха Фотія 865 года: „Не только этотъ народъ (т. е. болгары) промѣнялъ, говоритъ Фотій, нечестіе на вѣру Христову, но даже многократно многими прославленные за свою жестокость, всѣхъ оставляющіе за собой въ этомъ отношеніи—такъ наз. руссы, въ настоящее время и они промѣняли эллинское нечестивое ученіе, которое содержали прежде, на чистую и неподдѣльную вѣру христіанскую. И до такой степени разгорѣлось у нихъ желаніе и ревность вѣры, что они приняли епископа и пастыря". Быть можетъ, конечно, это извѣстіе относится не къ Кіевской, а къ Черноморско-Азовской Руси, по крайней мѣрѣ къ ней его естественнѣе отнести, но все-таки оно свидѣтельствуетъ о проникновеніи христіанства въ тѣ русскія области, которыя находились ближе къ Византіи. Отсюда, какъ мы уже выше сказали, христіанство могло проникнуть и въ Кіевъ; только въ томъ случаѣ, если признаемъ это, мы уяснимъ себѣ извѣстіе лѣтописи о значительномъ числѣ христіанъ въ Кіевѣ до Владиміра. Во время Игоря ихъ было уже такъ много, что они имѣли свой собственный храмъ пророка Иліи и клялись при заключеніи договоровъ съ греками по христіанскому обычаю. (Эта церковь называлась „сборною"; но это не значитъ какъ думали прежде, „соборная" въ настоящемъ значеніи этого слова, что бы свидѣтельствовало о существованіи другихъ церквей, а просто приходская). Еще болѣе долженъ былъ усилиться элементъ христіанскій при великой княгинѣ Ольгѣ. Она открыто исповѣдывала христіанскую религію. Это ясно видно изъ того, что она завѣщала похоронить себя по христіанскому обряду. По разсказу русской лѣтописи, Ольга поѣхала въ Царьградъ для принятія христіанства, что она и исполнила. Но Константинъ Багрянородный, описавшій подробно пріемъ Ольги, ни единымъ словомъ не говоритъ о принятіи ею здѣсь христіанства. По всей вѣроятности, Ольга сдѣлалась хри-

стіанкой, быть можетъ,—тайной,—еще въ Кіевѣ, а въ Царьградъ поѣхала, чтобы видѣть этотъ величественный городъ, византійскаго императора, православнаго патріарха и св. Софію. Мы не можемъ съ довѣріемъ относиться къ лѣтописному разсказу уже по одному тому, что въ немъ мы находимъ совсѣмъ невѣроятныя извѣстія. По разсказу русской лѣтописи, византійскій императоръ, прельстившись Ольгою, просилъ будто бы ея руки и сердца, а она предварительно изъявила желаніе креститься у него; когда таинство крещенія окончилось, то она отказала ему въ своей рукѣ, потому что по христіанскимъ обычаямъ воспріемный отецъ не могъ жениться на своей крестной дочери. Смущенный императоръ будто бы воскликнулъ: „Переклюкала ты меня еси, Ольга!“ Здѣсь императоръ выставленъ ужъ слишкомъ наивнымъ, незнающимъ основныхъ обычаевъ брака. Но и помимо того, византійскій императоръ не могъ увлечься красотою Ольги еще и потому, что онъ самъ былъ женатъ, а ей тогда было уже около 70 лѣтъ (вышла замужъ за Игоря въ 903 году во всякомъ случаѣ не ранѣе 12-15 лѣтъ отъ роду, а отправилась въ Царьградъ въ 955 году). Лѣтописецъ говоритъ, что Ольга получила большіе подарки, но этому противорѣчатъ его же собственныя извѣстія о неудовольствіи Ольги на императора, а также другія подлинныя свидѣтельства Константина Багрянороднаго, что первый разъ ей дали немного болѣе 40, а въ другой около 200 червонцевъ. Ольга, дѣйствительно, не осталась довольна пріемомъ: византійскій императоръ далъ ей ясно почувствовать, какая пропасть отдѣляетъ ее отъ особы императора. Съ Ольгой пріѣхали—ея племянникъ, свита, гости и священникъ. Это послѣднее обстоятельство опять таки указываетъ, что Ольга поѣхала въ Царьградъ уже христіанкой.

Вернувшись назадъ въ Кіевъ, на просьбу византійскаго императора исполнить свое обѣщаніе и прислать ему богатые дары Ольга отвѣтила: „Когда ты постоишь у меня въ Почайнѣ столько, сколько я стояла въ Константинополѣ, тогда тебѣ дамъ обѣщанное“. Сохранилось темное извѣстіе въ одной изъ западныхъ хроникъ, что къ императору Оттону явились послы отъ Елены, царицы руговъ, т. е. руссовъ, которая крестилась въ Константинополѣ, съ просьбой прислать епископа и священниковъ для обращенія Руси въ христіанство, но въ этомъ же самомъ извѣстіи говорится, что они это сдѣлали „ficte, ut post claruit“. (обманно, какъ потомъ обнаружилось).

Преемникъ и сынъ Ольги Святославъ, проникнутый всецѣло военными интересами, былъ далекъ отъ христіанской кротости и смиренія. Неудивительно, поэтому, что онъ оказался хранителемъ языческихъ традицій. На всѣ убѣжденія своей матери принять христіанство онъ отвѣчалъ упорнымъ отказомъ и мотивировалъ его боязнью

насмѣшекъ со стороны дружины. Но если убѣжденія Ольги не могли подѣйствовать на воинственнаго Святослава, который къ тому же почти не бывалъ при матери въ Кіевѣ, то, наоборотъ, они могли оказать дѣйствіе по отношенію ко внукамъ Ольги,—сыновьямъ ея сына—Ярополку и Владиміру. Недаромъ Якимовская лѣтопись считаетъ Ярополка представителемъ христіанской идеи. Такимъ образомъ, ко времени княженія Владиміра почва для христіанства была подготовлена и оно имѣло значительное число адептовъ въ Кіевѣ, а можетъ быть, и въ другихъ ближайшихъ къ нему городахъ.

О принятіи христіанства Владиміромъ въ лѣтописи сохранилась цѣлая повѣсть и, кромѣ того, мы имѣемъ еще другіе даже болѣе важные источники:—„Житія Владиміра", составленныя его современниками. Вотъ почему необходимо въ этомъ вопросѣ сопоставлять извѣстія лѣтописи съ другими данными, а это сопоставленіе приводитъ къ убѣжденію, что разсказъ лѣтописца заключаетъ въ себѣ кое-какія сомнительныя свидѣтельства. Лѣтописная повѣсть состоитъ изъ трехъ частей. Первая часть повѣсти говоритъ о приходѣ ко Владиміру въ Кіевъ болгарскихъ, нѣмецкихъ, хазарскихъ и греческихъ пословъ вторая—объ отправленіи самимъ Владиміромъ посольства къ этимъ народамъ, а третья—о взятіи Корсуня и крещеніи Владиміра.

Владиміру понравился магометанскій рай, но не понравилась необходимость обрѣзанія и запрещеніе пить вино—онъ будто бы сказалъ при этомъ знаменитую фразу: „Руси есть веселіе пити: не можемъ безъ того быти". Изъ Хазаріи пришли іудейскіе проповѣдники, но имъ онъ отказалъ, потому что Богъ, по ихъ же собственнымъ словамъ, разгнѣвался на нихъ и разсѣялъ ихъ по всей землѣ. Наиболѣе сильное впечатлѣніе на Владиміра произвелъ греческій философъ, въ особенности, когда развернулъ предъ нимъ картину страшнаго суда.

Обращаясь къ другимъ источникамъ (сочиненіе митрополита Илларіона „Слово о законѣ и благодать", мниха Іакова „Похвала великому князю Владиміру" и преподобнаго Нестора „Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ"), мы не находимъ въ нихъ извѣстія о приходѣ иноземныхъ проповѣдниковъ. Митрополитъ Илларіонъ, наоборотъ, ставитъ въ особую заслугу Владиміру то обстоятельство, что онъ принялъ новую вѣру, не бывъ никѣмъ подвинутъ на это, по собственной инниціативѣ. Мнихъ Іаковъ, широко распространяясь о мотивахъ, побудившихъ Владиміра принять христіанство, придаетъ наибольшее значеніе его желанію послѣдовать примѣру его бабки Ольги. Наконецъ, преподобный Несторъ объясняетъ принятіе христіанства Владиміромъ какимъ то сверхъестественнымъ откровеніемъ. Помимо этого въ житіи блаженнаго князя Владиміра, открытомъ и отпечатанномъ митропо-

литомъ Макаріемъ, также не оказывается извѣстія о посольствахъ ко Владиміру, между тѣмъ какъ всѣ другія данныя являются въ этомъ источникѣ почти тождественными съ лѣтописными. Это приводитъ насъ къ предположенію, что разсказъ лѣтописи позаимствованъ изъ житія Владиміра неизвѣстнаго автора,—только съ прибавкою извѣстія о посольствахъ. Если же въ болѣе древнемъ источникѣ объ этомъ не говорится, то и самое сообщеніе является сомнительнымъ. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ преданіемъ, созданнымъ, впрочемъ, на исторической основѣ. И хазары, представители еврейской религіи, и болгары представители религіи магометанской, и православные греки безъ всякаго сомнѣнія, бывали въ Кіевѣ и, конечно, знакомили кіевлянъ со своими религіями. Въ особенности этими религіями и ихъ представителями должны были интересоваться князья и бояре. Неудивительно, что на Руси, представлявшей изъ себя пограничье между Азіей и Европой, должна была происходить между представителями трехъ названныхъ выше вѣръ борьба: древняя Русь слишкомъ тѣсно связана была съ мусульманскимъ и еврейскимъ востокомъ, чтобы этотъ послѣдній не пожелалъ распространить своего вліянія и на религіозную сферу. Можно сказать, на глазахъ Руси хазарскіе каганы приняли іудейство, а болгарскіе владыки мусульманство. Но древняя Русь была ближе къ западу. Если въ Хазаріи христіанство имѣло значительное число адептовъ, но не было господствующею религіей, то на Руси, находившейся въ болѣе тѣсныхъ связяхъ съ православной Византіей, христіанство должно было получить значеніе государственной религіи. Русское язычество оказывалось несостоятельнымъ въ особенности въ глазахъ тѣхъ, кто ознакомился съ другими, болѣе развитыми религіями. Оно не давало отвѣта на два основные вопроса, которые должны были глубоко волновать и безпокоить русскихъ язычниковъ—каково было начало міра и каковъ будетъ его конецъ? Но если это такъ, то въ такомъ случаѣ едва ли основательна и вторая часть лѣтописнаго преданія: зачѣмъ было Владиміру посылать спеціально пословъ въ разныя страны для того, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, чья вѣра лучше, когда и безъ того часто, чуть ли не каждый годъ, онъ посылалъ пословъ и купцовъ въ Византію, Болгарію и т. д.?

Однихъ посылалъ Владиміръ, другіе ѣздили сами и, конечно, могли сообщить потомъ то, что лѣтопись влагаетъ въ уста русскихъ пословъ, вернувшихся изъ Константинополя. Наконецъ, третья часть лѣтописнаго преданія только механически связана съ вопросомъ о принятіи Владиміромъ христіанства. Она имѣетъ, очевидно, совершенно самостоятельное значеніе, свидѣтельствуетъ намъ о походѣ Владиміра на Корсунь (Херсонесъ), чего мы отрицать не можемъ, и

о женитьбѣ его на сестрѣ византійскихъ императоровъ, Василія и Константина—Аннѣ. Эта женитьба должна была представляться Владиміру очень соблазнительною: она льстила его варварскому самолюбію; наконецъ, быть можетъ, это же событіе, т. е. походъ на Корсунь, находится въ связи съ водвореніемъ на Руси православныхъ греческихъ священниковъ и даже самого митрополита Михаила. Отсюда же, по словамъ лѣтописи, Владиміръ вывезъ 4-хъ громадныхъ бронзовыхъ коней и двухъ мѣдныхъ истукановъ, которые были поставлены въ Кіевѣ; отсюда онъ взялъ также и церковные сосуды, иконы и т. п. Крестился Владиміръ, по разсказу лѣтописи, въ Корсуни и затѣмъ возвратился въ Кіевъ. Здѣсь чрезъ нѣкоторое время крестился и народъ. Не всѣ одинаково отнеслись къ новой религіи: одни приняли ее охотно, другіе относились къ ней индеферентно, третьи выразили упорство и протестъ. Гдѣ произошло крещеніе кіевлянъ, въ самомъ ли Днѣпровскомъ руслѣ или на Почайнѣ, какъ предполагаютъ нѣкоторые, сказать трудно. Изъ Кіева христіанство стало распространяться по всей Руси. Очень скоро въ Кіевѣ была открыта митрополія, а въ Черниговѣ, Ростовѣ, Владимірѣ и Бѣлгородѣ—епископіи.—Въ Новгородѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ сѣверо-восточнаго края новая религія встрѣтила сильную реакцію со стороны мѣстнаго населенія. По словамъ самой лѣтописи, въ Новгородѣ Путята воевода „крести мечемъ, а Добрыня огнемъ". И это понятно: въ предѣлахъ сѣверо-восточной Руси былъ силенъ финскій элементъ, совершенно отсутствовавшій на югѣ, а у финновъ сильнымъ вліяніемъ пользовались жрецы, носившіе здѣсь названіе волхвовъ. Вотъ съ этими то волхвами и приходилось потомъ вѣдаться русскимъ князьямъ, принявшимъ на себя охрану православной вѣры и ея представителей. Такъ было, напримѣръ, въ Бѣлозерской области.

Церковные уставы Владимира Св. и Ярослава Мудраго. Уставъ Владиміра Св. „о судѣхъ церковныхъ и десятинѣ" дошелъ до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ, въ томъ числѣ въ Кормчей XIII в. Карамзинъ проф. Суворовъ и Голубинскій считаютъ его подложнымъ, Бѣляевъ, Неволинъ и проф. Павловъ—достовѣрнымъ; главнымъ доказательствомъ его подложности признавалось то, что въ немъ Владиміръ Св. говоритъ о себѣ; „Что онъ принялъ крещеніе отъ патріарха Фотія" (а тотъ скончался въ IX в.); возбуждаетъ большое сомнѣніе и широкая сфера церковнаго суда. Противники доказываютъ, что Фотій здѣсь упомянутъ какъ столбъ православія и противникъ латинства; десятина подтверждается лѣтописью и др. позднѣйшими церковными уставами (Ростислава Смоленскаго, Святослава и Всеволода). Проф. Павловъ высказалъ особый взглядъ на происхожденіе этого памятника. По его мнѣнію, онъ произошелъ такъ, какъ и Русская Правда.

Онъ составился изъ личныхъ распоряженій князя Владиміра, къ которымъ потомъ были прибавлены и болѣе новыя. Такимъ образомъ, уставъ есть плодъ *частной* кодификаціи, которая закончилась только въ XIII в. Къ такому выводу проф. Павлова привелъ анализъ содержанія памятника. Намъ кажется, что такое рѣшеніе вопроса устраняетъ многія затрудненія, мѣшавшія прежде признать этотъ уставъ подлиннымъ.

Уставъ даетъ понятіе объ огромномъ значеніи церкви въ государствѣ и обществѣ. Ей съ одной стороны предоставлено было право суда по извѣстнымъ дѣламъ надо всѣмъ обществомъ (по дѣламъ религіознымъ, семейнымъ, нравственнымъ), а съ другой—по *всѣмъ* дѣламъ надъ особой категоріей лицъ, поставленныхъ подъ ея опеку; сюда входили—черное и бѣлое духовенство (послѣднее съ семьями), врачи, повивальныя бабки, просвирни, задушные люди, т. е. рабы, отпущенные на волю, бѣдные и увѣчные, призрѣваемые церковью. Уставъ Ярослава внесъ больше опредѣленности въ дѣло. Юрисдикціи церкви были подвѣдомственны 1) дѣла грѣховныя (но не преступныя), судившіяся однимъ епископомъ (чародѣяніе, браки близкихъ родственниковъ), 2) грѣховно-преступныя, судившіяся смѣшаннымъ судомъ свѣтскимъ и духовнымъ (умыканіе дѣвицъ, оскорбленіе женской чести), 3) преступныя дѣянія лицъ, находившихся въ церковной юрисдикціи; они судились церковнымъ судомъ, но въ особо важныхъ случаяхъ съ участіемъ свѣтской власти. Кромѣ обычныхъ денежныхъ штрафовъ, уставъ Ярослава налогалъ еще и нравственно исправительныя наказанія (эпитемію, арестъ при церковномъ домѣ). Въ старое юридическое сознаніе преступленія, какъ матеріальнаго ущерба, онъ вносилъ новыя понятія въ грѣхѣ. По выраженію проф. В. О. Ключевскаго, надъ порядкомъ матеріальныхъ интересовъ и отношеній, державшихся на старомъ юридическомъ обычаѣ, Ярославовъ уставъ строилъ новый высшій порядокъ интересовъ и отношеній нравственно религіозныхъ. Церковный судъ долженъ былъ служить проводникомъ въ русскомъ обществѣ новыхъ юридическихъ и нравственныхъ понятій, которыя составляли основу этихъ интересовъ и отношеній.

Просвѣщеніе. Христіанство принесено съ собою на Русь и первыя сѣмена образованія и письменности. Прежде всего появились переводы священнаго писанія на славянскій языкъ. Съ одной стороны византійская, а съ другой болгарская письменность явились источниками нашей словесности. Уже Владиміръ Св. сталъ собирать дѣтей „нарочитыя чади“, т. е. бояръ и отдавать ихъ въ науку греческимъ учителямъ. Дѣло шло здѣсь не о подготовкѣ къ священническому сану—ибо во 1-хъ священники нужны были немедленно, а во 2-хъ,

они не могли набираться изъ высшаго слоя тогдашняго общества,—а о распространенiи грамотности, конечно, на религiозной основѣ. Ярославъ Мудрый уже могъ „насѣять книжными словесы сердцавѣрныхъ людей“. Съ принятiемъ христiанства, явился кругъ духовныхъ потребностей, которыя можно было удовлетворять книгою. Вотъ почему Ярославъ собираетъ вокругъ себя переписчиковъ, списывающихъ книги, и полагаетъ начало первой русской библiотеки въ Кiевѣ. При немъ уже является первый русскiй писатель Илларiонъ, возвышенный Ярославомъ изъ священниковъ въ митрополиты. Онъ написалъ между прочимъ, „похвалу кагану нашему Владимиру“, которая заканчивается апоѳеозомъ Ярославу. Постройка величественныхъ храмовъ способствовала развитiю художественныхъ вкусовъ у русскаго народа.

Литература: 1) Лѣтопись по Лаврентьевскому и Ипатьевскому списку; 2) Голубинскiй, Исторiя русской церкви т. I; 3) В. О. Ключевскаго, Русская исторiя т. I; 4) Владимирскiй-Будановъ, Обзоръ исторiи русскаго права.

Областной перiодъ и его изученiе.

Естественно, что чѣмъ больше разработана извѣстная эпоха, тѣмъ болѣе возможности уловить ея общiй духъ. Неудивительно поэтому, что въ отношенiи до монгольскаго перiода, гдѣ фактическая разработка значительно подвинута впередъ, но гдѣ количество матерiала замѣтно не увеличивалось, разница-же была только въ группировкѣ и освѣщенiи его, мы видимъ больше обобщенiй, чѣмъ въ другихъ отдѣлахъ.

Является такимъ образомъ необходимость разобраться въ мнѣнiяхъ и взглядахъ, стоящихъ часто въ противорѣчiи другъ съ другомъ.

Разработка удѣльно-вѣчеваго перiода началась еще съ XVIII вѣка, но въ ней не было той исторической критики въ широкомъ смыслѣ этого слова, которая была создана Шлецеромъ.

Несравненно большею опредѣленностью отличается взглядъ Карамзина на удѣльный перiодъ. Карамзинъ явился выразителемъ и послѣдователемъ такъ-называемой *государственной теорiи*. Первые кiевскiе князья были, по его мнѣнiю, самодержцами: „славяне, говоритъ онъ, добровольно уничтожаютъ свое древнее народное правленiе и требуютъ государей отъ варяговъ, которые были ихъ непрiятелями“. Съ Рюрика уже устанавливается монархiя и продолжаетъ свое существованiе до Ярослава Мудраго. „Но съ Ярославомъ, говоритъ далѣе Карамзинъ, древняя Россiя погребла свое могущество и благоденствiе; наслѣдники не умѣли соединить частей въ цѣлое, и госу-

дарство, шагнувъ такъ-сказать отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ". Но признавая, что раздробленіе Россіи на множество областей разрушало монархію первыхъ кіевскихъ князей, Карамзинъ тѣмъ не менѣе и въ облстной удѣльный періодъ хочетъ видѣть государство, только со многими государями. Сначала Кіевъ, потомъ Владиміръ являются для него государственными центрами и къ нимъ онъ пріурочиваетъ всю исторію удѣльно-вѣчеваго періода, строго слѣдя за преемственностью великокняжеской власти.

Въ послѣднее время государственную теорію снова выдвинулъ пр. Самоквасовъ.

Но трудно доказать то, что стоитъ въ противорѣчіи съ фактическими данными. Не возможно игнорировать власти вѣча, которое придавало князю, какъ своему вождю, большую политичкскую силу и могущество. Съ другой стороны, нельзя видѣть ни у древнихъ князей, ни у древнихъ областей сознательной государственной идеи; власть древне-русскаго князя основывалась не на принципѣ, а на фактѣ. Византійскія государственныя идеи проникли и получили значеніе при посредствѣ церкви гораздо позже; не мало способствовало этому также и татарское иго, которое усилило великокняжескую власть, сдѣлавъ ее органомъ и орудіемъ ханской воли. Капитальная ошибка Карамзина состояла въ томъ, что современныя понятія о государствѣ онъ переносилъ въ сѣдую древность и порицалъ у древне-русскихъ князей всякое уклоненіе отъ его собственной излюбленной мысли, забывая совершенно объ условіяхъ тогдашней жизни.

Государственная теорія Карамзина слѣдила за преемственностью великокняжеской власти въ удѣльный періодъ, но не выставила основного принципа, руководившаго тогда взаимными отношеніями князей. Эту задачу пріняла на себя *теорія родового быта,* впервые научно обоснованная Эверсомъ. Послѣдователи этого направленія подмѣтили тотъ вѣрный фактъ, что въ княжескихъ отношеніяхъ играютъ значительную роль родовые счеты. Заслуга Эверса и его послѣдователей заключается въ томъ, что они открыли первичную общественную клѣточку, изъ которой потомъ органически развивались всѣ дальнѣйшія ступени жизни русскаго народа. Этой клѣточкой, по ихъ словамъ, является родъ, родовой бытъ народа, которой впослѣдствіи переносится на княжескую семью. Вопросъ о родовыхъ отношеніяхъ князей преимущественно разработанъ Соловьевымъ. Всѣ отношенія, устанавливающіяся между князьями, опредѣляются, по его мнѣнію, идеею родового старшинства: дяди въ этомъ случаѣ старше племянниковъ; великому князю наслѣдуетъ не сынъ его, а слѣдующій за нимъ братъ. Всякій разъ со смертью великаго князя остальные перемѣщаются на слѣдующую ступень; въ доказательство этого приводят-

ся между прочимъ слова Ярослава Всеволодовича Черниговскаго: „яко-же отъ прадѣдъ нашихъ лѣствицею кождо восхождаше на великое княженіе кіевское, сице и намъ, и вамъ лѣствичнымъ восхоженіемъ, кому аще Господь Богъ дастъ взыти“. Сыновья князей, не достигшихъ великокняжескаго стола, являются изгоями, они не имѣютъ участія въ общемъ наслѣдіи князей русской земли или въ лучшемъ случаѣ получаютъ отдѣльныя волости, въ родѣ Полоцка или Галича. Между тѣмъ въ сѣверовосточной Руси появляется и растетъ новое начало территоріальное, послужившее переходомъ къ государственному. Начало это Соловьевъ ставитъ въ связь съ новыми городами въ Ростово-Суздальской землѣ. Княжеская власть усилилась тамъ, потому что въ происшедшей борьбѣ верхъ взяли новые города, обязанные своимъ происхожденіемъ княжеской колонизаціи; это вмѣстѣ съ тѣмъ была побѣда княжеской власти. Съ возникновеніемъ и расширеніемъ территоріальнаго начала начинается борьба внутри его самого, въ которой одерживаютъ верхъ московскіе князья; тогда получаетъ господство идея государственности. Такъ представлялъ Соловьевъ послѣдовательный ходъ древне-русской исторіи. На первый планъ онъ выдвигаетъ, какъ мы видимъ, родовыя отношенія. „Владѣнія, города, области, по выраженію Соловьева, имѣютъ значеніе второстепенное, имѣютъ значеніе только въ той степени, въ какой соотвѣтствуютъ сторшинству князей, ихъ притязаніямъ на старшинство и потому князья безпрестанно мѣняютъ ихъ. Князь, у котораго во владѣніи обширная область на сѣверѣ, оставляетъ ее и бьется изо всѣхъ силъ за одинъ городъ на югѣ, потому что этотъ городъ приближаетъ его къ старшинству; однимъ словомъ, интересъ собственника вполнѣ подчиняется интересу родича“. Въ связи съ этимъ Соловьевъ отрицаетъ обособленное существованіе такихъ, напримѣръ, земель, какъ Сѣверская или Суздальская. Святославичи Черниговскіе являются у него князьями, ратующими за единство всего потомства Ярославова, за общность владѣнія всею русскою землею.

Оставляя въ сторонѣ соображенія Соловьева о родовомъ бытѣ народа, противъ которыхъ выставлены сильныя возраженія славянофилами и вообще приверженцами общиннаго быта, мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о родовыхъ отношеніяхъ князей въ удѣльно-вѣчевой періодъ. Нельзя всѣ событія удѣльно-вѣчевой эпохи объяснять родовыми счетами князей; были и другіе элементы, игравшіе важную роль въ тогдашней жизни, напримѣръ, географическое положеніе земель, симпатіи или антипатіи вѣча, ряды или договоры и т. д. Отрицать ихъ мы не имѣемъ никакой возможности, потому что они существовали на самомъ дѣлѣ и оказывали чрезвычайно сильное вліяніе на ходъ событій. Можно, конечно, спорить о степени компетент-

ности вѣча въ томъ или иномъ княжествѣ, можно не придавать ему такого значенія, какое приписываютъ ему славянофилы; но отрицать сильное вліяніе вѣчевого элемента на ходъ древне-русской жизни вообще мы не имѣемъ никакой возможности.

Г. Сергѣевичъ на основаніи всей совокупности фактовъ древне-русской жизни даетъ довольно полную характеристику вѣчевыхъ порядковъ (опредѣляетъ пространство и время, въ которыя дѣйствовалъ вѣчевой бытъ, устройство вѣчевыхъ собраній, предметы вѣдомства вѣча). Народъ и князь, по его словамъ, суть два одинаково существенные элемента древне-русскаго общественнаго быта: съ одной стороны народъ не можетъ жить безъ князя, съ другой—главную силу князя составляетъ тотъ-же народъ. Участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ проявляется подъ формою вѣча. Вѣче не создано княземъ; оно составляетъ первоначальную форму быта. Конечно, предѣлы вѣдомства вѣча не были вполнѣ точно обозначены: иногда власть вѣча и князя находились въ полномъ согласіи другъ съ другомъ, иногда-же вмѣсто его былъ антагонизмъ и борьба, въ которой родовое старшинство должно было смиряться передъ симпатіями вѣча; такихъ случаевъ было очень много.

Вообще можно сказать, что родовое старѣйшинство рѣдко когда соблюдалось: столы большею частью переходили или по завѣщанію или по призванію.

Что касается теоріи новыхъ городовъ и территоріальнаго начала, то она очень неясна и не вполнѣ убѣдительна; почему, напримѣръ, новые города по Роси, Стугнѣ и въ землѣ Рязанской не повели къ подобнымъ же результатамъ? Самъ Соловьевъ, какъ-бы понимая это, указываетъ еще на природу сѣверо-восточной Руси и видитъ въ ней причину развитія тамъ государственной идеи.

Такимъ образомъ, родовая школа, выдвигая одно начало, умаляетъ и даже вовсе игнорируетъ значеніе остальныхъ; держась искуственно созданной руководящей нити—великокняжеской власти, она путается во взаимныхъ столкновеніяхъ князей и совершенно упускаетъ изъ виду особенности жизни областной.

Проф. В. О. Ключевскій видитъ во 2-й пол. XI и въ XII в. господство *очереднаго* порядка княжескаго владѣнія областями, который въ XIII—XIV в.в. смѣнился *удѣльнымъ*. Очередной порядокъ состоялъ въ томъ, что русская земля дѣлилась между князьями въ порядкѣ или очереди ихъ генеалогическаго старшинства, при чемъ старшимъ князьямъ доставались лучшія земли. „Говоря короче, говоритъ онъ раздѣлъ основанъ былъ на согласованіи генеалогическаго отношенія князей съ экономическимъ значеніемъ городовыхъ областей... Князьяродичи не являются постоянными, неподвижными владѣльцами

областей, достававшихся имъ по раздѣлу: съ каждой перемѣной въ наличномъ составѣ княжеской семьи идетъ передвижка, младшіе родичи, слѣдовавшіе за умершимъ, передвигались изъ волости въ волость, съ младшаго стола на старшій Это передвиженіе слѣдовало извѣстной очереди, совершалось въ такомъ же порядкѣ старшинства князей, какъ былъ произведенъ первый раздѣлъ. Въ этой очереди выражалась мысль о нераздѣльности княжескаго владѣнія Русской землей: Ярославичи владѣли ею. не раздѣляясь, а передѣляясь, чередуясь по старшинству. Очередь, устанавливаемая отношеніемъ старшинства князей и выражавшая мысль о нераздѣльности княжескаго владѣнія, остается по понятіямъ князей основаніемъ владѣльческаго ихъ порядка въ XI и до конца XII вѣка. Въ продолженіе всего этого времени князья не переставали выражать мысль, что вся совокупность ихъ, весь родъ Ярослава долженъ владѣть наслѣдіемъ отцовъ и дѣдовъ нераздѣльно-поочередно. Это была цѣлая теорія, постепенно сложившаяся въ политическомъ сознаніи Ярославичей, съ помощію которой они старались оріентироваться въ путаницѣ своихъ перекрещивавшихся интересовъ и пытались исправлять практику своихъ отношеній, когда они черезчуръ осложнялись. Ярославичи не дѣлили достояніе отцовъ и дѣдовъ на постоянныя доли и не передавали доставшейся каждому доли своимъ сыновьямъ по завѣщанію. Они были подвижными владѣльцами, которые передвигались изъ волости въ волость по извѣстной очереди. Очередь эта опредѣлялась старшинствомъ лицъ и устанавливала постоянно колебавшееся, измѣнчивое соотношеніе наличнаго числа князей съ количествомъ княжескихъ волостей или владѣній. Всѣ наличные князья по степени старшинства составляли одну генеалогическую лѣстницу. Точно также вся Русская земля представляла лѣстницу областей по степени ихъ значенія и доходности. Порядокъ княжескаго владѣнія основывался на точномъ соотвѣтствіи ступеней обѣихъ этихъ лѣстницъ генеалогической и территоріальной, лѣстницы лицъ и лѣстницы областей. На верху лѣстницы лицъ стоялъ старшій изъ наличныхъ князей, великій князь кіевскій. Это старшинство давало ему, кромѣ обладанія лучшей волостью, извѣстныя права и преимущества надъ младшими родичами, которые „ходили въ его послушаніи". Онъ носилъ званіе *великаго,* т. е. старшаго князя, названнаго отца своей братіи. *Быть въ отца мѣсто*—эта юридическая фикція поддерживала политическое единство княжескаго рода при его естественномъ распаденіи, восполняя или исправляя естественный ходъ дѣлъ. Какъ скоро князь поднимался на одну ступень по лѣстницѣ старшинства, должны были подняться на соотвѣтственную высоту и его владѣтельныя права, а вмѣстѣ съ тѣлъ увеличиться и его правительственныя, оборонительныя обязанности, т. е. онъ переходилъ изъ менѣе доходной и менѣе

угрожаемой волости въ болѣе доходную и болѣе угрожаемую. Можно думать, что очередной порядокъ владѣнія былъ указанъ князьямъ этимъ своеобразнымъ сочетаніемъ стратегическаго положенія и экономическаго значенія областей при содѣйствіи нѣкоторыхъ другихъ условій.

Порядокъ владѣнія, построенный на такихъ основаніяхъ, Ярославичи до конца XII в. считали единственно правильнымъ и возможнымъ: они хотѣли править землей, какъ родовымъ своимъ достояніемъ. Но первымъ поколѣніямъ Ярославичей представлялись ясными и безспорными только эти общія основанія порядка, которыми опредѣлялись простѣйшія отношенія, возможныя въ тѣсномъ кругу близкихъ родичей. По мѣрѣ того какъ этотъ кругъ расширялся и вмѣстѣ съ тѣмъ отношенія родства усложнялись и запутывались, возникали вопросы, рѣшеніе которыхъ не легко было извлечь изъ этихъ общихъ основаній. Тогда началась казуальная разработка этихъ основаній въ подробностяхъ. Примѣненіе основаній къ отдѣльнымъ случаямъ вызывало споры между князьями. Главнымъ источникомъ этихъ споровъ былъ вопросъ о способѣ опредѣленія относительнаго старшинства князей, на которомъ основывалась очередь владѣнія. Но эту простую схему стало трудно прилагать къ дальнѣйшимъ поколѣніямъ Ярославова рода, когда онъ размножился и распался на нѣсколько параллельныхъ вѣтвей, когда въ княжеской средѣ появилось много сверстниковъ и трудно стало распознать, кто кого старше и насколько, кто кому какъ доводится. Во второй половинѣ XII в. трудно даже сосчитать по лѣтописи всѣхъ наличныхъ князей, и эти князья уже не близкіе родственники, а большею частью троюродные, четвероюродные и Богъ знаетъ, какіе братья и племянники. Отсюда чуть не при каждой перемѣнѣ въ наличномъ составѣ княжескаго рода и рождались споры 1) о порядкѣ старшинства и 2) объ очереди владѣнія. Князья не умѣли выработать способа точно опредѣлять старшинство, который разрѣшалъ бы всѣ спорные случаи въ ихъ генеалогическихъ отношеніяхъ. Это неумѣніе и вызвало къ дѣйствію рядъ условій, мѣшавшихъ мирному примѣненію очередного порядка владѣнія. Этими условіями были или послѣдствія, естественно вытекавшія изъ самаго этого порядка, либо препятствія, приходившія со стороны, но которыя не имѣли бы силы, если бы князья умѣли всегда мирно разрѣшать свои владѣльческія недоразумѣнія. Таковы.

I. *Ряды и усобицы князей.* Цѣлью тѣхъ и другихъ было возстановить дѣйствіе этого порядка, а не поставить на его мѣсто какой-либо новый. Но оба эти средства вносили въ порядокъ элементы, противные его природѣ, колебавшіе его, именно, съ одной стороны, условность соглашенія вопреки естественности отношеній кровнаго родства,

съ другой—случайность перевѣса матеріальной силы вопреки нравственному авторитету старшинства.

II. *Мысль объ отчинѣ.* Территоріальное значеніе отчины разрушало коренное основаніе очередного порядка, нераздѣльность родового владѣнія: подъ его дѣйствіемъ Русская земля распадалась на нѣсколько генеалогическихъ территорій, которыми князья владѣли уже по отчинному наслѣдству, а не по очереди старшинства.

III *Выдѣленіе князей-изгоевъ.* Князей, преждевременно сиротѣвшихъ, которые лишались отцовъ еще при жизни дѣдовъ, старшіе родичи выдѣляли изъ своей среды, давали имъ извѣстныя волости въ постоянное владѣніе и лишали ихъ участія въ общемъ родовомъ распорядкѣ, выкидывали изъ очереди. Эти князья-сироты становились отрѣзанными ломтями въ княжескомъ родѣ. Выдѣленіе князей-изгоевъ изъ владѣльческой очереди суживало кругъ лицъ и областей, которыя захватывалъ очередной порядокъ и вводило въ него складъ отношеній, ему чуждый и враждебный.

Перечисленныя условія, разстраивавшія очередной порядокъ владѣнія, вытекали изъ его же основаній и были средствами, къ которымъ прибѣгали князья для его поддержанія. Въ томъ и состояло внутреннее противорѣчіе этого порядка, что слѣдствія, вытекавшія изъ его же основаній и служившія средствами его поддержанія, вмѣстѣ съ тѣмъ разрушали самыя эти основанія. Это значитъ, что очередной порядокъ разрушалъ самъ себя, не выдерживалъ дѣйствія собственныхъ послѣдствій. Кромѣ того, эти условія разрушенія, вытекавшія изъ самаго порядка, вызывали къ дѣйствію стороннія силы, также его разстраивавшія.

I. *Личныя доблести,* которыми отличались нѣкоторые князья, создавали имъ большую популярность на Руси, при помощи которой эти князья сосредоточивали въ своихъ рукахъ области помимо родовой очереди.

II. Наконецъ, еще одна сторонняя сила вмѣшивалась во взаимные счеты князей и путала ихъ очередь во владѣніи. То были *главные города* областей. Княжескіе счеты и сопровождавшія ихъ усобицы больно задѣвали интересы этихъ городовъ. Среди постоянныхъ княжескихъ споровъ у городовъ завязывались свои династическія симпатіи, привязывавшія ихъ къ нѣкоторымъ князьямъ.

Считать ли очередной порядокъ только политическою теоріей князей, ихъ идеаломъ, или онъ былъ дѣйствительнымъ политическимъ порядкомъ и если былъ таковымъ, то въ какой силѣ и долго ли дѣйствовалъ? Онъ былъ и тѣмъ и другимъ: въ продолженіе болѣе чѣмъ полутора вѣка со смерти Ярослава онъ дѣйствовалъ всегда и никогда—всегда отчасти и никогда вполнѣ. До конца этого періода онъ не терялъ своей

+) Изяслав Мстиславич передал волны отцу, а тот сыну
++) В Киев был приглашен Влад. Мон. [illegible] самовольно с Святославичами
+++) Довольный стол., [illegible] Вл. Мон. Изясл. Мст. киевск. [illegible] добивался и враждовал с Юр. Долг. (не место к голове, а голова!...)
Из 50 князей Киевских до монголов 14 были призваны вечем
[illegible] чтобы [illegible] владели

силы, насколько его основанія были примѣнимы къ запутывавшимся княжескимъ отношеніямъ; но онъ никогда не получалъ такого развитія, такой практической разработки, которая бы давала ему возможность распутывать эти отношенія, устранять всякія столкновенія между князьями. Эти столкновенія, не разрѣшаясь имъ, заставляли отступать отъ него или искажать его, во всякомъ случаѣ разстраивали его. Потому дѣйствіе очередного порядка было процессомъ его саморазрушенія, состояло въ его борьбѣ съ собственными послѣдствіями, его разстривавшими". И такъ по мнѣнію В. О. Ключевскаго исторія княжескихъ отношеній XI—XII в. есть процессъ разрушенія очередного, т. е. родового порядка.

Очень много сдѣлалъ для уясненія дѣйствительной роли родового начала въ русской жизни Кавелинъ. Кавелинъ, собственно говоря, является эклектикомъ: въ древне-русской жизни, по его мнѣнію, оба элемента—родовой и семейной дѣйствовали совмѣстно. Вся исторія удѣльно-вѣчеваго періода „есть исторія родового начала, предоставленнаго самому себѣ, исторія его постепеннаго разложенія и упадка". Ярославъ первый задумалъ установить государственный порядокъ на родовомъ началѣ. Вся Русь должна была находиться въ общемъ владѣніи всего рода Ярославова. Но едва только стали обозначаться линіи, какъ уже онѣ начали забывать свое общее происхожденіе, стали преслѣдовать свои частныя особенныя цѣли; частный, болѣе кровный, семейственный союзъ исключалъ болѣе общій родовой: между ними идетъ борьба, которая заканчивается побѣдою семейнаго, вотчиннаго начала. Сначала князья—полуправители, полувотчинники живутъ между собою согласно, но потомъ (очень скоро) происходитъ борьба дядей съ племянниками—родового начала съ семейственнымъ; начинаются вообще безпрерывныя войны изъ-за удѣловъ. Устраиваются княжескіе съѣзды, но и они не въ состояніи поддержать падающаго родового начала. Во время и подъ вліяніемъ этихъ княжескихъ распрей развивается политическое значеніе общинъ, выражающееся въ расширеніи власти вѣча. Особенно усилилась новгородская община, такъ что она является типическимъ образцомъ русско-славянской общины съ ясно обозначенными формами быта.

Съ разграбленіемъ Кіева Андреемъ Боголюбскимъ, падаетъ прежній центръ Руси и вмѣстѣ съ нимъ и всякій признакъ политическаго единства. Потомство Ярослава распадается на нѣсколько вѣтвей, которыя теряютъ всякое сознаніе родового единства. Выступаетъ на первый планъ вотчинное начало: чѣмъ владѣли отцы и дѣды, тѣмъ желаютъ владѣть и ихъ потомки: княжескія вѣтви и фамиліи получаютъ осѣдлость; семья одержала верхъ надъ родомъ. Но и родовое начало сохранилось, только подъ другою формою: его нужно искать

1, 146(стр.) На съезде 1100 Витичев у Василька отняли его волость. Так. образом здесь действует договорное, личное, выборное и отчинное начала.

не въ цѣлой Руси, а въ отдѣльныхъ земляхъ, княжествахъ; въ каждомъ изъ нихъ повторяется то, что прежде можно было наблюдать въ цѣлой Руси; отдѣльныя вѣтви въ свою очередь размножаются; между ихъ членами господствуетъ принципъ родового старѣйшинства: является много великихъ князей. Далѣе князья уже получаютъ новый характеръ: они дѣлаются просто вотчинными владѣльцами, наслѣдственными господами отцовскихъ имѣній. Вѣче теперь мало-по-малу теряетъ свое государственное значеніе; прежде вольные дружинники дѣлаются великокняжескими слугами. Самое управленіе областей получаетъ другой характеръ—дѣлается болѣе домашнимъ, вотчиннымъ: прежде областями управляли дѣти княжескіе, теперь—воеводы, получающіе ихъ въ кормленіе. Таково мнѣніе Кавелина.

Но отчина есть просто столъ отца и можетъ обозначать собою всякую волость по отношенію къ дѣтямъ владѣвшаго ею князя, даже въ томъ случаѣ, если имъ не удалось овладѣть ею по смерти отца. Нельзя также согласиться съ тѣмъ, что вотчинное начало, осѣданіе князей по областямъ развилось у насъ со времени Андрея Боголюбскаго. Обособленіе областей произошло раньше, хотя и не одновременно. Вотчинный принципъ былъ уже поставленъ и принятъ на Любецкомъ съѣздѣ 1097 года. Тогда-же въ нѣкоторыхъ областяхъ „осѣдаютъ" отдѣльныя княжескія семьи: Святославичи въ землѣ Сѣверской; Ростиславичи въ землѣ Галицкой. Другія земли обособляются, получая себѣ отдѣльныя княжескія вѣтви, нѣсколько позже (Волынская, Ростово-Суздальская). Такой характеръ носило вотчинное начало до второй половины XIII вѣка и измѣнилось только подъ вліяніемъ татарскаго нашествія. Съ раздробленіемъ земель и княжествъ, съ размноженіемъ княжескихъ вѣтвей и обращеніемъ ихъ въ многовѣтвистые роды, владѣнія получаютъ до нѣкоторой степени частный характеръ. Таковы, напримѣръ, владѣнія князей Новосильскихъ, Воротынскихъ, Одоевскихъ, Мезецкихъ, Мосальскихъ—потомковъ Михаила Всеволодовича Черниговскаго, владѣнія, образовавшіяся на территоріи прежней земли вятичей. Княжества эти до такой степени измельчали, что обратились просто въ крупныя имѣнія и, конечно, не играли уже почти никакой политической роли.

Въ противоположность родовой теоріи выдвинута была *личная*, придающая громадное значеніе „произволу личности во всей ея случайности, свободѣ во всей ея необузданности". Подобныя воззрѣнія господствовали въ западной Европѣ въ XVII и XVIII в.в. вплоть до XIX вѣка, когда эти механическія теоріи замѣнились органическими; тогда-то и возникли ученія о естественномъ состояніи и общественномъ договорѣ. Въ естественномъ состояніи мы видимъ механическое, а не органическое соединеніе отдѣльныхъ лицъ съ полнымъ индиви-

дуальнымъ произволомъ; въ общественномъ договорѣ мы открываемъ также присутствіе личнаго начала. У насъ это ученіе въ приложеніи къ древне-русской исторіи проводится проф. В. И. Сергѣевичемъ.

Г. Сергѣевичъ, какъ мы уже сказали, всѣ явленія общественной жизни древней Руси объясняетъ договорами. „Взаимныя отношенія князей, какъ и всякихъ независимыхъ одинъ отъ другаго правителей, опредѣляются договорами. Исторія княжескихъ отношеній есть ничто иное, какъ исторія договоровъ... Право вступать въ договоры принадлежитъ каждому князю, не смотря ни на степень родства, соединяющую его съ другими князьями, ни на относительное значеніе управляемой имъ волости“. Обыкновеннымъ средствомъ для заключенія договоровъ служили княжескіе съѣзды, не имѣвшіе впрочемъ обязательнаго характера. Здѣсь, какъ и вообще въ княжескихъ отношеніяхъ, основаніемъ всего является свободная воля участниковъ. Въ отношеніяхъ князя къ народу г. Сергѣевичъ видитъ тоже договорное начало: въ моментъ призванія князь и народъ заключаютъ между собою *рядъ;* „въ теченіе самаго княженія могло возникнуть множество вопросовъ, подлежавшихъ обыкновенно рѣшенію вѣча и князя. По этимъ вопросамъ были необходимы новыя соглашенія“; являлись снова ряды. „Такимъ образомъ, князь и вѣче стояли другъ подлѣ друга, какъ двѣ неподчиненныя одна другой власти, для совокупнаго дѣйствія которыхъ было необходимо взаимное соглашеніе“. Вѣче тоже носитъ на себѣ характеръ личный, индивидуальный. „Народъ участвуетъ въ общественныхъ дѣлахъ не по призванію князя, который самъ призванъ вѣчемъ, а въ силу присущаго каждому „мужу“ права устраивать свои собственныя дѣла, изъ которыхъ еще не выдѣлились общественныя, какъ нѣчто особое, живущее своей самостоятельной жизнью. Присутствуя на вѣчѣ въ силу личнаго права, народъ является для обсужденія общественныхъ дѣлъ не чрезъ представителей, а поголовно; а съ другой стороны онъ не ограниченъ въ предметахъ своего разсужденія: онъ обсуждаетъ какіе хочетъ вопросы и самъ приводитъ въ исполненіе свои рѣшенія. Собраніе, каждый отдѣльный членъ котораго представляетъ только себя и говоритъ только во имя своихъ интересовъ, составляетъ *цѣлое* только въ случаяхъ соглашенія *всѣхъ*. Если этого соглашенія нѣтъ, оно распадается на части, между которыми возгорается война. Такимъ образомъ характеръ нашего вѣча опредѣляется двумя условіями: *слабостью* княжеской власти и всемогуществомъ личной свободы, столь обыкновеннымъ въ первоначальномъ обществѣ“.

И такъ главнѣйшіе элементы древне-русскаго общества—власть князя и вѣча г. Сергѣевичъ выводитъ изъ договорнаго начала. Какъ Соловьевъ всѣ взаимныя отношенія князей сводилъ къ родовому

принципу, такъ г. Сергѣевичъ сводитъ ихъ къ договорному. Признавая иногда фактъ добыванія волостей путемъ захвата, и г. Сергѣевичъ и въ этомъ случаѣ считаетъ необходимымъ договоръ, который одинъ только въ состояніи закрѣпитъ за тѣмъ или инымъ лицомъ ту или иную волость.

Такова сущность теоріи проф. Сергѣевича. Нужно сознаться, что и она выходитъ изъ реальнаго факта: *рядъ* дѣйствительно существовалъ въ удѣльный періодъ; но имѣлъ-ли онъ такой смыслъ, какой придаетъ ему г. Сергѣевичъ? Врядъ-ли.

Скорѣе можно согласиться съ тѣмъ объясненіемъ, которое даетъ ряду г. Леонтовичъ. По его мнѣнію, рядъ по первоначальному его смыслу, означалъ вообще *законъ, поконъ* или *уставъ,* т. е. обычай, норму или правило обычнаго права, державшагося въ народномъ сознаніи или изложеннаго письменно „въ рядахъ и докончаньяхъ". Случайность, фактическій характеръ отношеній едва-ли имѣли здѣсь мѣсто. Таковы договоры всѣхъ общинъ, а въ особенности Новгорода, съ князьями XIII-го и слѣдующихъ столѣтій. Ихъ нельзя считать чѣмъ-то новымъ, что измѣняло бытъ Новгорода и отношенія его къ князьямъ, вносило въ нихъ новыя начала, неизвѣстныя прежнему времени. „Такимъ образомъ, говоритъ г. Леонтовичъ, все говоритъ въ пользу того, что общественный бытъ древней Руси не слагался изъ какихъ-то безсвязныхъ, случайныхъ, лишенныхъ всякаго органическаго характера отношеній между различными общественными силами и элементами. Въ основѣ всего быта лежали народные обычаи, обычное право служило, если можно такъ выразиться, общею канвой, на которой развились „ряды и докончанья" князей и общинъ. Ряды и докончанья, въ существѣ дѣла, не имѣли самостоятельнаго и произвольнаго характера, были выраженіемъ не столько субъективной воли рядившихся сторонъ, сколько общей правды и пошлинъ, регулировавшихъ весь народный бытъ". Личность въ этомъ случаѣ не только не царила надъ общимъ, а скорѣе тонула въ немъ, потому то не всегда и проводится разница между частнымъ и общественнымъ.

Со времени татарскаго нашествія, договорный элементъ дѣйствительно усиливается и получаетъ въ большей степени формальный характеръ. Въ грамотахъ сильные князья формальнымъ договоромъ упрочиваютъ свою власть, слабые такимъ-же путемъ желаютъ себя оградить отъ притязаній сильныхъ. Отецъ умирая оставляетъ своимъ сыновьямъ духовное завѣщаніе, гдѣ опредѣляетъ точно волость каждаго, регулируетъ ихъ взаимныя отношенія и предусматриваетъ малѣйшія случайности. Такъ мало по-малу московскіе удѣльные князья обращаются въ московскихъ государей.

Но въ дотатарскій періодъ все это не имѣло такого характера:

тамъ царила народная правда, пошлина, которая съ одной стороны уничтожала случайный характеръ отношеній, а съ другой—не допускала тѣхъ формальныхъ рядовъ, которые мы видимъ въ началѣ государственнаго періода.

Главная ошибка г. Сергѣевича заключается въ томъ, что онъ излагаетъ вопросъ догматически, а не исторически и потому смѣшиваетъ эпохи. Между тѣмъ количество и достоинство собраннаго имъ матеріала дали-бы ему возможность прійти къ болѣе правдоподобнымъ заключеніямъ, если-бы онъ разграничилъ эпохи и обратилъ вниманіе и на другія основы тогдашняго быта. И такъ, личная школа принесла свою пользу, указавъ на значеніе личнаго начала въ удѣльный періодъ; но выводы ея слишкомъ односторонни; въ нихъ хорошо разработанъ юридическій характеръ отношеній, но мало обращено вниманія на бытовой.

Кавелинъ и г. Сергѣевичъ обратили вниманіе, какъ мы видимъ преимущественно, если не исключительно, на юридическую сторону быта. Оставался все таки мало выясненнымъ вопросъ объ этнографическихъ особенностяхъ племенъ въ связи съ образованіемъ на ихъ территоріи княжествъ.

Постановка и разработка этого вопроса принадлежитъ *этнографическо-областной школѣ.*

И прямыя свидѣтельства исторіи, и этнографическое изученіе современныхъ племенъ и народностей привели къ мысли, что въ древней Руси единство и цѣлость земли сочетались съ раздѣльностью и своеобразностью частей. Вотъ основная мысль школы. Мысль эта впервые была высказана кн. Щербатовымъ, а за тѣмъ Полевымъ, авторомъ „Исторія русскаго народа“. Полевой уже высказалъ то положеніе, которое въ наши дни было подробно развито Н. И. Костомаровымъ—что отдѣльныя славяно-русскія вѣтви были основаніемъ обособившихся потомъ княжествъ. Н. И. Костомаровъ изъ этнографическихъ особенностей племенъ создалъ цѣлое ученіе о федеративномъ началѣ древней Руси. Это федеративное начало вело, по словамъ Н. И. Костомарова, „къ образованію политическихъ обществъ, которыя, сохраняя каждое свою самобытность, не теряли между собою связи и единства, выражаемаго ихъ совокупностью“. Еще лѣтописецъ подмѣтилъ, что славяно-русскія племена „имяху обычаи и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо свой нравъ“. Это извѣстіе лѣтописи, подтверждается цѣлымъ рядомъ фактовъ и соображеній. И географическія условія мѣстностей, и историческія обстоятельства вели къ различію, особности племенъ. Не нужно также забывать, что чѣмъ неразвитѣе народная масса, тѣмъ уже ея понятіе о своенародности: все, сколько нибудь не похожее на свое, кажется чужимъ. Такимъ образомъ каждое племя представляло изъ себя этнографическую еди-

ницу; всѣ они находились другъ съ другомъ въ федеративной связи. Такова была до-княжеская Русь.

Но вотъ на сцену является семья Рюриковичей и вытѣсняетъ мѣстныхъ князьковъ. Во внутренней жизни народа отъ этого собственно ничто не перемѣнилось, хотя всетаки племена должны были чувствовать нѣкоторый гнетъ чуждой власти. Но и онъ совершенно исчезъ, когда въ областяхъ утвердились отдѣльныя княжескія линіи.

„Народные интересы, говоритъ Н. И Костомаровъ, сами собою стали пробиваться сквозь путаницу княжескихъ междоусобій, совершенно подчиняли своему направленію княжескія побужденія, и хотя сами измѣнили свой характеръ, но за то и характеры княжескихъ отношеній совершенно сообразовались съ ними. Правда нѣсколько болѣе мелкихъ народностей объединились, за то докончились, опредѣлились и укрѣпились большія, слитныя изъ меньшихъ".

Такихъ народностей Н. И. Костомаровъ насчитываетъ 6: 1) южно-русская, 2) сѣверская, 3) велико-русская, 4) бѣлорусская, 5) псковская, 6) новгородская. Прежде всего обособляется земля Новгородская: развивается понятіе о волости новгородской отдѣльно отъ прочихъ русскихъ волостей; выдвигаются на первый планъ мѣстные новгородскіе интересы. Вслѣдъ за тѣмъ обособляются Кривичи и образуютъ два княжества—Полоцкое и Смоленское, которыя въ свою очередь распадаются на массу мелкихъ; но эти послѣднія сохраняютъ все таки постоянное тяготѣніе другъ къ другу. Точно также выдѣляются Псковская, Волынская и др. земли.

Русь удѣльно-вѣчеваго періода представляла изъ себя такимъ образомъ рядъ областей, дробившихся на множество мелкихъ княжествъ, находившихся другъ съ другомъ въ тѣснѣйшей связи: дѣленіе могло продолжаться постоянно, но въ предѣлахъ данной этнографической группы: количество княжествъ въ Полоцкой землѣ могло увеличиваться до безконечности, но единица Полоцкой земли оставалась постоянно та-же. Каждая народность образуетъ землю съ стольнымъ городомъ во главѣ; къ этому главному городу тянутъ пригороды, къ пригородамъ—волости. Это-то сознаніе земельнаго единства и выражается словами: „Новгородская земля, Сѣверская земля". Всѣ эти земли тянули другъ къ другу и образовали вмѣстѣ Русскую землю. Единство ихъ основывалось на общности происхожденія, быта, языка, княжескаго дома и христіанской православной вѣры. Особенно сильнымъ объединяющимъ началомъ служили единый княжескій родъ и единая православная вѣра съ ея книжнымъ языкомъ, іерархіей и церковными законами. „Такъ Русь, говоритъ Н. И. Костомаровъ, стремилась къ федераціи, и федерація была формою, въ которую она начинала облекаться".

Несомнѣнно, что основная мысль о сочетаніи въ древней Руси единства и цѣлостности земли съ своеобразностью частей,—мысль вѣрная. Вѣрно также указаны условія, которыя вели къ единству и разнообразію частей. Не удачнымъ только представляется намъ терминъ „федеративный“ для обозначенія тогдашняго политическаго строя Россіи. Подъ федераціей обыкновенно разумѣютъ такой порядокъ вещей, при которомъ отдѣльныя единицы, составляющія федерацію, сознательно переуступаютъ часть своей власти въ пользу какого-нибудь центральнаго правительственнаго учрежденія (конгресса или сейма). Ничего подобнаго мы не можемъ отыскать въ древне-русской жизни. Да и тѣ условія (общность происхожденія, быта, языка, православной вѣры), на которыя ссылается Н. И. Костомаровъ, относятся къ области этнографіи. Если уже опредѣлять какимъ-нибудь терминомъ начала древне-русской жизни, то мы-бы предпочли терминъ „областность“, „областной“. Онъ только указываетъ намъ на самостоятельность земель, степень которой не всегда будетъ одинакова. Намъ кажется, что терминъ „областной“ болѣе удаченъ, чѣмъ принятый доселѣ „удѣльный“, и потому періодъ съ половины XI вѣка до половины XIII скорѣе можетъ быть обозначенъ какъ „областно-вѣчевой“, чѣмъ „удѣльно- вѣчевой“.

Идея областности, будучи примѣнена къ разработкѣ русской исторіи, оказала ей существенную пользу, значительно подвинула ее впередъ. Прежній способъ изученія и изложенія событій областно-вѣчеваго періода (Карамзина и Соловьева) оказался неудобнымъ ни для изслѣдователя, ни для читателя: попытка прилѣпить всѣ событія къ государственной идеѣ или идеѣ родоваго старѣйшинства оказалась неудачной. Исходя изъ того положенія, что каждое древне-русское княжество представляло извѣстныя особенности, нѣкоторые изслѣдователи занялись изученіемъ исторіи каждаго княжества отдѣльно. И этотъ новый способъ изслѣдованія принесъ блестящіе результаты: явился цѣлый рядъ областныхъ монографій, которыя значительно разсѣяли тотъ мракъ, которымъ была опутана наша древняя исторія. Тутъ, стоя въ зависимости отъ фактовъ, можно было избѣжать крайностей общихъ взглядовъ и теорій и, наоборотъ, придать имъ ихъ надлежащее значеніе и смыслъ. Такъ явилась исторія Новгорода и Пскова Н. И. Костомарова, Бѣляева, Никитскаго, исторія галицко-володимірскаго княжества—Зубрицкаго‘ Шаранѣвича, исторія ростовскаго княжества—Корсакова, рязанскаго—Иловайскаго, болоховской земли—Дашкевича и мн. др.

Наше высшее ученое учрежденіе—императорская академія наукъ признаетъ вполнѣ цѣлесообразной областную разработку древне-русской исторіи, ставя темами сочиненій для соисканія Уваровскихъ

премій пслѣдованіе отдѣльныхъ областей древней Руси.

Такой-же способъ изложенія событій удѣльнаго періода принятъ и во многихъ общихъ сочиненіяхъ по русской исторіи. Даже Погодинъ излагалъ событія удѣльно-вѣчевой эпохи по княжествамъ; также поступили и пр. Бестужевъ-Рюминъ и Иловайскій.

Литература: Ист. Гос. Рос. Карамзина; Соловьевъ, Истор. отнош. между русскими князьями Рюрикова дома; Сергѣевичъ, Вѣче и князь; Леонтовичъ, Задружно-Общин. характ. быта древней Руси (Ж. М. Н. П. 74 г. Августъ); Кавелинъ, Взглядъ на юр. бытъ древней Руси (Соб. соч. т. I); Костомаровъ, О федерат. нач. древней Руси (Ист. моногр. т. 1); Бестужевъ-Рюминъ, Русск. ист. т. I; Багалѣй, Удѣльный періодъ и его изученіе (Кіевск. стар. 1883 г. Февр. и отдѣльно); Самоквасовъ, Замѣтки по исторіи Рус. Гос. устройства и управл. (Ж. М. Н. П; 69. № 11-12); Тюринъ, Общественный бытъ и земскія отношенія въ Библіотекѣ для чтенія 1849 г. Ноябрь и 50 г. Январь и Февраль; Аксаковъ, О древнемъ бытѣ Славянъ собр. соч. т. I; Лешковъ, Русскій народъ и государство; Ключевскій, Русская исторія т. I.

Исторія Кіевской земли.

Особенностью политической исторіи Кіевской земли является то обстоятельство, что она не добилась для себя опредѣленной княжеской вѣтви, что удалось другимъ русскимъ княжествамъ. Это объясняется главнымъ образомъ центральнымъ значеніемъ Кіева, какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозно-культурномъ отношеніи.

Кіевъ долгое время служилъ притягательною силою для князей-искателей и потому являлся яблокомъ раздора между многочисленными претендентами. Вся исторія Кіева потому наполнена борьбою разныхъ князей, при чемъ въ борьбѣ этой принимаетъ живое участіе и Кіевское вѣче-отталкиваетъ однихъ и притягиваетъ другихъ. И это, конечно, совершенно понятно. Притязанія тѣхъ или иныхъ князей затрагиваютъ жизненные интересы Кіевскаго населенія. Конечно, нѣкоторыя столкновенія имѣли свои частныя причины, зависѣли отъ многоразличныхъ политическихъ комбинацій и отношеній Кіева какъ къ ближайшимъ, такъ и къ отдаленнѣйшимъ княжествамъ.

Замѣтно здѣсь и вліяніе родовыхъ счетовъ, хотя факты, сюда относящіеся, свидѣтельствуютъ скорѣе объ упадкѣ, чѣмъ о силѣ и ростѣ родового начала. Присутствіе родовыхъ счетовъ мы открываемъ, между прочимъ, въ борьбѣ дядей съ племянниками. Однимъ словомъ, анализъ политической исторіи Кіевскаго княжества открываетъ намъ тѣ самые элементы удѣльно-вѣчевого общественнаго уклада, о которыхъ намъ говорятъ Соловьевъ, Кавелинъ, Сергѣевичъ и

Ключевскій. Но мы открываемъ ихъ здѣсь въ общемъ совокупномъ движеніи и взаимной, такъ сказать, модификаціи.

Вотъ тому доказательства. Первымъ Кіевскимъ княземъ, по смерти Ярослава Мудраго, былъ Изяславъ. Но онъ долженъ былъ бѣжать изъ Кіева вслѣдствіе возмущенія, поднятаго противъ него кіевлянами. Изяславъ вмѣстѣ съ братьями потерпѣлъ пораженіе отъ половцевъ. Кіевляне требовали у князя оружія и хотѣли еще разъ попытать счастья въ битвѣ, но Изяславъ не далъ имъ оружія, и потому они изгнали его изъ Кіева, а на его мѣсто посадили освобожденнаго изъ тюрьмы Всеслава Полоцкаго. Изяславъ нашелъ помощь у польскаго короля. Сынъ Изяслава казнитъ кіевлянъ. Неудовольствіемъ кіевлянъ пользуется Святославъ и занимаетъ Кіевъ. Изяславъ на этотъ разъ обращается съ просьбою о помощи къ знаменитому папѣ Григорію VII и его противнику Генриху IV. Но все это было напрасно. Изяславъ овладѣлъ Кіевомъ только по смерти Святослава. Сыновья Святослава, за самовольное ихъ занятіе отцомъ Кіева, были устранены теперь отъ отцовскаго наслѣдія. Впрочемъ, они сдѣлали попытку добиться своего, выступили противъ старшихъ князей и во время происшедшей за тѣмъ битвы палъ Изяславъ. Такимъ образомъ, и въ этихъ переходахъ Кіевскаго великокняжескаго стола отъ одного князя къ другому мы видимъ и власть вѣча и вліяніе княжескихъ счетовъ и, наконецъ, дѣйствіе личной энергіи и предпріимчивости. То же самое мы замѣтимъ и въ дальнѣйшей исторіи Кіева. Всеволодъ старался завладѣть какъ можно большимъ числомъ сосѣднихъ волостей и этимъ возбудилъ, конечно, неудовольствіе князей другихъ линій. Самъ Всеволодъ не выдѣлялся особеннымъ умѣньемъ управлять Русскою землею, хотя и выдавался по своему образованію—зналъ пять языковъ, въ томъ числѣ, вѣроятно, греческій, норманскій, половецкій. Всеволодъ держался въ Кіевѣ главнымъ образомъ благодаря популярности сына своего, Владиміра Мономаха, который тогда уже сталъ выдѣлятся изъ среды другихъ князей необыкновенно энергическою дѣятельностью.

По смерти Всеволода кіевскимъ княземъ сдѣлался сынъ Изяслава Святополкъ, имѣвшій на этотъ столъ болѣе всѣхъ правъ по родовому старѣйшинству.

Владиміръ Мономахъ, не желая вступать въ борьбу съ нимъ, уступилъ ему Кіевъ. Это былъ слабый, безхарактерный, но коварный и корыстолюбивый князь, не любимый народомъ за покровительство соляной монополіи и евреямъ-ростовщикамъ. При немъ получила ожесточенный характеръ борьба младшихъ князей—изгоевъ съ старшими изъ-за вотчинъ. У Святославичей Черниговскихъ, какъ уже сказано, нѣсколько разъ старались отнять ихъ вотчину Черниговo-Сѣверскую землю.

Сыновья Влад.: Изяслав Пол., Свят. Тур., Ярослав Нов., Борис Ростов. и Мстислав Тмутарак.

Дѣло закончилось Любечскимъ съѣздомъ 1097 года, на которомъ порѣшили, чтобы каждый владѣлъ своей вотчиной: Святополкъ—Кіевомъ, принадлежавшимъ его отцу, Владиміръ Мономахъ—Переяславлемъ, Святославичи—Чернигово-Сѣверск. княжествомъ и т. д. Но едва окончилось это междоусобіе, какъ началось новое. Совершилось темное и мрачное дѣло—ослѣпленіе Василька. Давидъ Игоровичъ Волынскій захотѣлъ отнять удѣлъ (теребовльскій) у князя Василька и съ этою цѣлью ослѣпилъ его, получивъ въ свои руки Василька отъ Святополка. Потребовался новый княжескій съѣздъ въ Витичевѣ (въ Кіевской области) въ 1100 году. Этотъ съѣздъ наказалъ виновника ослѣпленія—Давида, но не отнесся справедливо и безпристрастно къ братьямъ Ростиславичамъ. Видную роль здѣсь игралъ Владиміръ Мономахъ.

По смерти Святополка кіевское вѣче ясно выразило свое неудовольствіе по поводу его управленія и вмѣстѣ съ тѣмъ свою симпатію Владиміру Мономаху. „Пойди, княже, Кыеву,—говорили ему послы,—„аще ли не пойдеши, то вѣси, яко много зла удвигается“. Владиміръ Мономахъ является однимъ изъ популярнѣйшихъ князей этой эпохи. Ему на нѣкоторое время удается поднять значеніе Кіевскаго князя среди остальныхъ князей. Мономахъ лучше другихъ понялъ обязанности кіевскаго князя; онъ чаще всѣхъ ходитъ на половцевъ; его удачные походы пріобрѣли ему славу „добраго страдальца за русскую землю“. Къ своимъ походамъ онъ умѣетъ привлечь чуть-ли не всѣхъ тогдашнихъ князей и въ томъ числѣ даже нерѣшительнаго Святополка. Не довольствуясь оборонительной войной, онъ предпринимаетъ рядъ наступательныхъ походовъ въ глубь Половецкой земли.

Кромѣ того, Мономахъ выполнилъ блистательно и другую функцію велико-княжеской власти:—„не сдаваться на тіуновъ, а самому давать судъ“. Прочтите его поученіе къ дѣтямъ и передъ вами рельефно выступитъ эта отличительная черта его внутренней дѣятельности.

Если мы примемъ все это во вниманіе, то для насъ станетъ ясна характеристика, которую даетъ ему лѣтописецъ: мы поймемъ, почему такъ много теряли въ сравненіи съ нимъ Ольговичи, которые дружили съ „погаными“ и наводили ихъ на землю русскую. Вообще, княженіе Мономаха въ Кіевѣ знаменуетъ собою высшую степень политическаго могущества Кіевской земли. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и цѣлый рядъ брачныхъ связей, которыя были заключены съ семьей Мономаха. Самъ Мономахъ, какъ извѣстно, былъ сынъ греческой царевны. Старшій сынъ его былъ женатъ на дочери шведскаго короля; дочь вышла за греческаго царевича Леона. Эти браки сви-

Сыновья Ярослава Мудрого: Изяславу—Киев, Чер., Святосл.—Чернигов, Всеволоду Переясл., Игорю Вл-Вол., Вячеслав—Смоленск.
Владимир Монах +1125 | Святослав
Давид

дѣтельствуютъ о политическихъ связяхъ кіевскихъ князей съ Западною Европою. Къ его времени относится цѣлый рядъ построекъ въ Кіевѣ. Данныя для характеристики Мономаха мы находимъ въ его поученіи. А всѣхъ путей моихъ, говоритъ Мономахъ, было 83 большихъ, а о меньшихъ и не упомню. 19 разъ заключалъ я миръ съ половецкими князьями, выпустилъ изъ оковъ болѣе сотни знатныхъ половцевъ, живыми взялъ въ руки 15 военачальниковъ. Другихъ избилъ около 200. А вотъ какъ я трудился на охотѣ, говоритъ далѣе Мономахъ: за лѣто, сидя въ Черниговѣ, кромѣ туровъ, загонялъ по сотнѣ разнаго дикаго звѣря, дикихъ лошадей держалъ своими руками въ пущахъ по 10 и 20; туры метали меня на рогахъ два раза, одинъ разъ олень, два раза лоси, вепрь сорвалъ у меня мечь съ бедра, медвѣдь прокусилъ у колѣна подкладу сѣдла, лютый звѣрь вскочилъ ко мнѣ на сѣдло и повалилъ со мною коня: но Богъ сохранилъ меня невредимымъ. Много разъ падалъ я съ коня, голову разбилъ себѣ дважды, руки и ноги ушибалъ себѣ въ юности, не щадя живота и головы своей.

Такова была военная и охотничья дѣятельность князя. Не менѣе вникалъ онъ и въ другія дѣла мирнаго общежитія. Что надобно было дѣлать отроку моему, то дѣлалъ я самъ. На войнѣ и на ловахъ ночью и днемъ лѣтомъ и зимою, не давая себѣ отдыха, не полагаясь ни на посадниковъ, ни на биричей все дѣлалъ самъ, что нужно. Весь нарядъ въ своемъ домѣ держалъ самъ: и въ ловчихъ—ловчій нарядъ и въ конюхахъ, и о соколахъ и о ястребяхъ тоже. Самъ присматривалъ и за церковнымъ нарядомъ и службами.— Не надѣйтесь на тіуна, обращается онъ къ дѣтямъ съ совѣтомъ, вѣрно характеризующимъ его собственную жизнь,—или отрока, чтобы не посмѣялся ни вамъ, ни дому вашему, ни обѣду вашему. На войну вышедъ, не надѣйтесь на воеводъ; сторожей наряжайте сами и, все, приготовивъ, ложитесь спать возлѣ воиновъ. Оружія вы не снимайте, чтобы врагъ не засталъ врасплохъ. Вставайте рано, воздерживайтесь отъ лжи, пьянства и блуда.

А вотъ для образчика картинка, рисующая намъ одинъ изъ многочисленныхъ походовъ Мономаха на половцевъ (1103 г.). Началъ Мономахъ приглашать князей на половцевъ, Святополкъ сообщилъ своей дружинѣ; неудобно идти весною, возражала дружина: мы погубимъ смердовъ и ихъ пожитки. Рѣшено было сообща подумать объ этомъ. Собрались всѣ у Долобскаго озера въ одномъ шатрѣ. Святополкъ сидѣлъ со своею дружиной, Мономахъ со своей. Всѣ молчали Владиміръ первый прервалъ молчаніе, обратившись къ Святополку съ такими словами: „Братъ! ты старшій: начни говорить, какъ промыслить о Русской землѣ“.—А Святополкъ отвѣчалъ: „нѣтъ начни

ты"! Мономахъ сказалъ: „что мнѣ говорить, когда и твоя и моя дружина возражаютъ мнѣ, будто я хочу погубить смердовъ. Удивительно мнѣ, братья, что вы жалѣете смердовъ и ихъ коней, а о томъ и не думаете, что выѣдетъ весною орать со своею лошадью смердъ и наскочитъ половчанинъ, ударитъ смерда стрѣлой и возьметъ его лошадь, а потомъ и жену и дѣтей и гумно зажжетъ, что же вы объ этомъ не подумаете? Или вамъ лошади жаль, а смерда не жаль"?

Никто не могъ опровергнуть Владимира. Походъ оказался чрезвычайно удачнымъ: русскіе взяли въ половецкихъ вѣсяхъ множество добычи, отбили много невольниковъ и со славою возвратились назадъ. Борьба съ половцами въ это время получила даже религіозный характеръ. Русскимъ, по словамъ лѣтописца, помогали невидимые свѣтлые юноши—ангелы, поражавшіе половцевъ. Это находится въ нѣкоторой связи съ западно-европейскими крестовыми походами: мы также имѣли своихъ невѣрныхъ—половцевъ.

О Мономахѣ, по всей вѣроятности, существовали такія же народныя пѣсни, какъ о Владимирѣ Святомъ. Слѣды ихъ сохранились даже въ лѣтописи. Мономахъ старался также упорядочить вопросъ о процентахъ, чѣмъ снискалъ себѣ еще болѣе расположенія кіевлянъ. Но справедливость требуетъ замѣтить, что были темныя стороны и въ дѣятельности Владимира Мономаха: онъ не пренебрегалъ никакими средствами для того, чтобы расширить владѣнія своего семейства. Преемниками Владимира Мономаха на кіевскомъ столѣ были два его сына—Мстиславъ и Ярополкъ, послѣдовательно занимавшіе Кіевъ. Мстиславъ съ честью поддерживалъ еще политику своего отца, но Ярополкъ отличался слабостью характера и не могъ нести знамени Мономаха.

Преемникомъ его былъ представитель черниговскаго рода Святославичей—Всеволодъ Ольговичъ. Его положеніе было довольно затруднительно: съ одной стороны, противъ него выступилъ энергическій внукъ Мономаха Изяславъ, а съ другой имъ были недовольны и собственные его родичи. Мѣсто Всеволода Ольговича долженъ былъ занять его братъ Игорь, которому и присягнули кіевляне по настоянію Всеволода, но эта клятва оказалась вынужденною, Игорь по смерти брата былъ разбитъ Изяславомъ, завязъ въ болотѣ и взятъ въ плѣнъ. Въ Кіевѣ усѣлся Изяславъ, прикрывающійся, впрочемъ, старшинствомъ слабаго и бездѣятельнаго дяди своего Вячеслава. Но несмотря на это, противъ него выступилъ сильный противникъ въ лицѣ его родного дяди суздальскаго князя Юрія Долгорукова.

Два раза Изъяславу приходилось уступить Кіевъ Юрію, который пользовался помощью галицкаго князя Володимирка.

Борьба Изяслава съ Юріемъ Долгорукимъ и Мстислава Изъясла-

вича съ Андреемъ Боголюбскимъ изъ-за Кіева извѣстна подъ именемъ борьбы дядей съ племянниками. Кіевъ переходилъ въ это время изъ рукъ въ руки; его достоинство и значеніе все болѣе и болѣе падали и смертельный ударъ, наконецъ, ему былъ нанесенъ Андреемъ Боголюбскимъ, который въ 1169 году взялъ его приступомъ и разграбилъ. Дальнѣйшая политическая исторія Кіева уже не представляетъ интереса—онъ переходитъ изъ однихъ рукъ въ другія; самая земля Кіевская дробится. Такъ дѣло продолжается до Монгольско-татарскаго нашествія

Политическое паденіе Кіева объясняется съ одной стороны географическими, а съ другой—политическими условіями: онъ находится слишкомъ близко отъ южной границы Русскаго государства и былъ открытъ для движенія кочевыхъ ордъ; съ другой стороны, по старинной традиціи онъ долго служилъ притягательнымъ центромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ яблокомъ раздора для множества князей—искателей. И вотъ въ то время, когда въ сосѣднихъ княжествахъ усѣлись тѣ или другія княжескія вѣтви, въ Кіевѣ не удалось даже утвердится Мономаховичамъ, несмотря на всѣ расположенія къ нимъ мѣстнаго населенія. Въ Кіевѣ, такимъ образомъ, повторилось то явленіе, которое мы наблюдаемъ въ Новгородѣ—частая, постоянная смѣна князей, но разница въ томъ, что въ Новгородѣ князья призывались вѣчемъ, которое указывало имъ путь отъ себя, а Кіевъ князья старались завоевать силою.

Впрочемъ, въ первое столѣтіе своей политической жизни (съ половины XI до половины XII вѣка) Кіевъ является важнымъ культурнымъ, религіознымъ и даже политическимъ центромъ. Кіевское княжество занимало плодородную область, изобилующую на сѣверѣ рѣками и лѣсами.

Рѣка Днѣпръ и ея притоки Десна о Припеть являются важнѣйшими торговыми путями. Центральное положеніе здѣсь занималъ Кіевъ, расположенный на правомъ гористомъ берегу Днѣпра, изрѣзанномъ водными потоками и долинами. Городъ раздѣлялся на двѣ части: Верхній—Старый и Нижній или Подолъ. Первый былъ средоточіемъ политической жизни: это была крѣпость-Акрополь, окруженная стѣнами съ знаменитыми золотыми воротами, здѣсь были: Софійскій соборъ, Михайловскій монастырь и Десятинная церковь. Подолъ же былъ расположенъ вдоль устья рѣки Почайны и представлялъ изъ себя промышленную и торговую часть города. Здѣсь была Кіевская пристань. Кіевъ славился своими храмами и первое мѣсто занималъ между ними Софійскій съ его знаменитыми фресками какъ по стѣнамъ храма, такъ и по лѣстницамъ, ведущимъ на хоры.

Золотыя ворота находились возлѣ монастыря св. Георгія и Ири-

ны и представлялъ изъ себя арку съ желѣзными позолоченными воротами. Надъ аркой высилась башня съ храмомъ Благовѣщенія. Кіевъ былъ очень населенъ. Дитморъ, епископъ Мурзебурскій, говоритъ, что въ началѣ XI вѣка въ Кіевѣ было громадное число жителей, 8 торжищъ и болѣе 400 храмовъ (конечно, цифры преувеличены). Въ XIII вѣкѣ въ Кіевѣ было, нужно полагать, не менѣе ста тысячъ жителей. Обитательницы Кіева славились, по словамъ одного польскаго хрониста, дивной красотой лица и стана. Важнѣйшей святыней Кіева была знаменитая Кіево-Печерская Лавра.

Кромѣ Кіева, довольно важную роль въ Кіевской землѣ играли его пригороды: Вышегородъ, Бѣлгородъ, Васильевъ. На южной границѣ Кіевскаго княжества вдоль по теченію рѣки Роси шла линія укрѣпленныхъ городковъ и острожковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Торгскаго удѣла, Поросья или Черноклобуцкихъ поселеній. Здѣсь замѣчательны города: Корсунь, Юрьевъ и Торческъ. Остатки этихъ укрѣпленій существуютъ до сихъ поръ и извѣстны подъ именемъ Змiева вала.

Къ Кіевскому княженію тянула и Древлянская земля, иначе Припетское Полѣсье, покрытое густыми вѣковыми лѣсами и обширными болотами. Здѣсь были города: Овручь, Туровъ, сдѣлавшійся потомъ средоточіемъ Туровскаго княжества, и Пинскъ.

Исторія Чернигово-Сѣверской земли.

Въ составъ Чернигово-Сѣверской земли вошли области сѣверянъ радимичей и вятичей, обнимающія бассейны рѣкъ: Десны, Сулы, Сожи и нижней Оки.

Впослѣдствіи здѣсь образовались: Черниговское княжество, Новгородъ-Сѣверское, Переяславское (послѣднее въ нынѣшней Полтавской губерніи). Въ началѣ сюда же примыкала и Муромо-Рязанская область, достигшая, впрочемъ, впослѣдствіи полной политической самостоятельности. Среди тѣхъ трехъ племенъ, на территоріи которыхъ образовались всѣ эти княжества, самая важная объединительная роль принадлежитъ сѣверянамъ, ядромъ которыхъ было Подесенье.

Въ культурномъ отношеніи сѣверяне, какъ это видѣли уже, стояли довольно высоко.

Въ половинѣ XI вѣка Чернигово-Сѣверская земля обособляется въ потомствѣ Святослава, сына Ярослава. Вначалѣ, впрочемъ, среди старшихъ князей, явилась попытка лишить Святославичей ихъ наслѣдственной вотчины, но благодаря энергіи и кротости Святославичей имъ удается сохранить свою Сѣверщину.

На Любечскомъ съѣздѣ, какъ извѣстно, права ихъ были призна-

ны. Утвердившись въ Черниговo-Сѣверской землѣ, потомки Святослава Черниговскаго нерѣдко потомъ предпринимали движеніе и на Кіевъ и, какъ показываетъ исторія Кіевскаго княжества, не безуспѣшно. Это подало поводъ С. М. Соловьеву видѣть въ Святославичахъ князей, ратующихъ за общность владѣнія всей Русской земли, всего потомства Владимира Святого.

Но это едва ли вѣрно, потому что Святославичи сами никогда не допускали постороннихъ князей въ свою землю, а въ Кіевъ они стремились потому же, почему туда являлись энергичные представители и другихъ родовъ,—потому что тамъ не удалось утвердиться ни одной княжеской вѣтви, а между тѣмъ Черниговъ былъ очень близокъ къ Кіеву: естественно, что изъ ближайшаго княжества и вышло болѣе значительное число претендентовъ. Къ этому впослѣдствіи присоединилась еще одна причина. Въ самой Черниговo-Сѣверской землѣ родъ Святослава разросся до такой степени, что владѣнія князей сильно измельчали, для нихъ, такимъ образомъ, явилась настоятельная необходимость искать волостей на сторонѣ,—то въ Кіевѣ, то въ Галицкой землѣ, то въ Новгородѣ Великомъ.

Черниговo-Сѣверское вѣче постоянно поддерживало свою излюбленную княжескую вѣтвь въ тѣхъ случаяхъ, когда она вела оборонительную войну, а въ случаѣ наступительной борьбы Святославичи должны были уже дѣйствовать на свой собственный страхъ и рискъ.

Христіанство въ Черниговo-Сѣверской землѣ распространилось раньше, чѣмъ гдѣ-либо, и отсюда же вышли и знаменитые подвижники Антоній и Ѳеодосій, и быть можетъ, Даніилъ Поломникъ.

Несчастному походу одного изъ сѣверскихъ князей, Игоря Святославича посвящено одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній древне-русской письменности—„Слово о полку Игоревѣ“. Правдоподобно, что авторъ его былъ уроженецъ Черниговской области. Мѣстная черниговo-сѣверская лѣтопись до насъ не дошла, но отрывки изъ нея, какъ кажется, сохранились и въ южныхъ и сѣверныхъ изборникахъ.

По обилію естественныхъ произведеній Черниговo-Сѣверская область была одна изъ богатѣйшихъ; на тучномъ черноземѣ процвѣтало земледѣліе: въ одномъ сельцѣ, принадлежащемъ Игорю-Ольговичу было 900 стоговъ жита; о богатствѣ звѣрей въ обширныхъ черниговскихъ лѣсахъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія въ своемъ завѣщаніи Владиміръ Мономахъ. Лѣтопись говоритъ, что на рѣкѣ Рохнѣ паслись княжескіе табуны въ 3000 кобылъ и 1000 коней, въ Путивлѣ однажды было взято множество скота, 500 берковцевъ меду, 80 (корчай) вина и 700 человѣкъ прислуги.

О развитіи торговой дѣятельности свидѣтельствуютъ серебрянные

слитки или такъ называемыя гривны особаго черниговскаго типа. Послѣ Монголо-татарскаго нашествія прежнія центры—Черниговъ и Новгородъ Сѣверскъ, потеряли свое значеніе и историческая жизнь перешла въ болѣе безопасное мѣсто на сѣверъ въ незначительное дотолѣ Брянское княжество. Съ такимъ характеромъ Черниговo-Сѣверская область просуществовала до половины XIV столѣтія, когда она перешла во власть Литвы (при Ольгердѣ).

Въ то время она раздробилась на множество мелкихъ княжествъ, которыя не имѣли почти никакого политическаго значенія.

Исторія Галицкаго княжества.

Галицкое княжество образовалось на территоріи древнихъ хорватовъ, усиленныхъ уличами и тиверцами.

Галицкое княжество расположено было по сѣверо-восточнымъ отрогамъ Карпатъ, орошалось рѣками: Днѣстромъ и Прутомъ и многочисленными ихъ притоками. Оно занимало крайній юго-западный уголъ древней Руси и находилось въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Польшей и Венгріей. Южная граница его обнимала нижнее теченіе Серета, Прута и Днѣстра и доходила до Черноморскаго побережья и до Дуная. Это—область уличей и тиверцевъ. Здѣсь находился особый удѣлъ—городъ Берладь, а на самомъ Дунаѣ лежалъ Галичъ (нынѣ Галацъ), куда стекались товары изъ Руси, Болгаріи, Византіи и Венгріи. Такимъ образомъ, первоначально колонизація распространилась на югъ, а позже она уже пошла на сѣверъ. Тогда важное значеніе пріобрѣли города Холмъ и Львовъ.

Все галицкое княжество по устройству поверхности дѣлится на двѣ части: западная часть, съ городомъ Перемышлемъ во главѣ, представляетъ изъ себя нагорную область, а восточная—по лѣвую сторону Днѣстра,—низменное, степное пространство (Понизье). Указанная мѣстность была сильно орошена и изобиловала произведеніями всѣхъ царствъ природы. Въ особенности она славилась знаменитыми и нынѣ соляными копями.

Богатство естественныхъ произведеній способствовало заселенію края и развитію торговой дѣятельности. Географическое положеніе имѣло важное вліяніе на его политическую судьбу.

Стоя на рубежѣ Русскаго міра, будучи окруженъ западно-европейскими государствами, Галичъ не могъ не войти съ ними въ самыя тѣсныя политическія, религіозныя и культурныя связи. Но не смотря на свою оторванность отъ Руси, населеніе древняго Галича вполнѣ сохранило свою русскую народность до настоящаго времени, хотя уже нѣсколько вѣковъ находится подъ иноземною властью (Ав-

стрія). Важную роль въ этомъ случаѣ съиграло устройство поверхности края, его горы, гдѣ до сихъ поръ сохранилось населеніе, совершенно напоминающее по языку и этнографическимъ особенностямъ малороссіянъ Подольской губерніи.

Политическая исторія Галича дѣлится на три періода: *первый періодъ*—Галичъ подъ управленіемъ Ростиславичей—до 1187 года; *второй*—Галичъ подъ управленіемъ Даніила Романовича и его преемниковъ и *третій*—Галичъ въ переходную эпоху, до окончательнаго перехода подъ власть Польши въ 1387 году.

На Любецкомъ съѣздѣ, какъ извѣстно, князья порѣшили, чтобы каждый держалъ свою вотчину. Такимъ образомъ, Володарю Ростиславичу достался Перемышль, а Васильку Теребовль.

Извѣстно событіе, послѣдовавшее за Любецкимъ съѣздомъ—ослѣпленіе Василька. Оно объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что Давидъ Игоровичъ, имѣвшій удѣлъ на Волыни, боялся своихъ энергическихъ сосѣдей—въ особенности Василька. Витичевскій съѣздъ не вполнѣ возстановилъ нарушенныя права братьевъ, но они выказали такую рѣшимость защищать свою вотчину, что старшіе князья должны были взять свое рѣшеніе назадъ. При преемникахъ Ростислава Галицкое княжество усилилось и начало играть важную роль въ судьбахъ всей Русской земли.

Помимо всего прочаго на развитіе политическаго могущества Галича вліяло то обстоятельство, что первыми его обладателями явились чрезвычайно талантливые князья. Таковъ былъ преемникъ Ростиславичей—Владимирко. Это чрезвычайно своеобразная личность, весьма способная, но совершенно непохожая на прямодушныхъ Ростиславичей. Для достиженія своихъ цѣлей онъ не брезгалъ никакими средствами; такъ, поцѣловавши однажды крестъ и пообѣщавши Изяславу возвратить отнятые у него города, онъ и не думалъ исполнять своего обѣщанія и даже сталъ подсмѣиваться надъ вѣрою въ силу крестнаго цѣлованія. Когда бояринъ Изяслава напомнилъ ему, что онъ цѣловалъ крестъ, то на это замѣтилъ: „сій ли крестецъ малый?“ Въ другой разъ въ тяжелыхъ обстоятельствахъ онъ притворился больнымъ, пустилъ въ ходъ подкупъ, и такимъ образомъ избавился отъ грозившей ему опасности.

Вся его жизнь была посвящена политической дѣятельности, и эта послѣдняя имѣла только одну цѣль—усиленіе Галицкаго княжества. Для достиженія этой цѣли онъ входитъ въ сношеніе съ болѣе отдаленными слабыми князьями (сначала черниговскими, а потомъ ростово-суздальскими) противъ болѣе близкихъ и болѣе сильныхъ кіевскихъ князей. Въ силу этого, Изяславу, несмотря на всю его энергію, не удалось окончательно одержать верхъ надъ своимъ про-

тивникомъ Юріемъ Долгорукимъ, ибо этому послѣднему помогалъ Владимирко.

Противъ венгровъ онъ нашелъ себѣ союзника въ лицѣ византійскаго императора. У себя дома онъ долженъ былъ вести борьбу съ Иваномъ Берладникомъ, владѣвшимъ удѣломъ Берладью на нижнемъ теченіи Днѣстра, Прута и Серета. Иванъ Берладникъ, повидимому, былъ очень популяренъ среди простого народа-земцевъ и съ этой стороны былъ опаснымъ противникомъ Владимирко. Такъ, однажды во время отсутствія Владимирка, граждане его стольнаго города Галича пригласили къ себѣ Ивана Берладника. Тотъ явился, но не могъ отстоять города отъ Владимирка.

Впослѣдствіи онъ лишился своего удѣла въ Галичинѣ и переходилъ изъ одного княжества въ другое съ дружиною своихъ берладниковъ. Преемникомъ Владимирка былъ сынъ его Ярославъ Осмомыслъ. Онъ самъ никогда не ходилъ на войну, а посылалъ своихъ воеводъ, заботился о расширеніи торговли, ремеслъ и образованія. Съ этой цѣлью онъ призывалъ иностранныхъ ремесленниковъ и строилъ новые города. И самъ онъ былъ очень образованъ: зналъ нѣсколько языковъ. Авторъ „Слова о полку Игоревѣ“ обращается со слѣдующимъ къ нему возваніемъ: „Галычкій Осмомысле Ярославе! высоко сѣдяши на своемъ златокованномъ столѣ, подперъ горы Угорскіи своими желѣзными пълки, заступивъ королеви путь, затворилъ Дунаю ворота, мечи бремены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная, грозы твоя по землямъ текутъ; отворяши Кіеву врата, стремлеши съ отня злата столи Салтана за землями“.

Но несмотря на могущество ему приходилось считаться съ усиливающимися все болѣе и болѣе боярами. Подавленный въ Галиціи земскій вѣчевой элементъ тщетно пытается выдвинуть Ивана Берладника и сдѣлать его представителемъ своихъ интересовъ. Ярославъ требовалъ выдачи его, а затѣмъ побѣдилъ и у себя въ Галицкомъ княжествѣ. Умеръ Берладникъ въ Ѳессалоникахъ. Теперь дружинный элементъ, съ устраненіемъ претендента земскихъ людей, еще болѣе поднялъ голову. Ярославъ былъ женатъ на дочери Юрія Долгорукаго, но жилъ съ нею не въ ладахъ и приблизилъ къ себѣ женщину изъ простого класса по имени Анастасію. Эта послѣдняя была сожжена на кострѣ, а князь по требованію бояръ снова долженъ былъ взять къ себѣ законную жену. Усиленіе дружиннаго элемента объясняется главнымъ образомъ малочисленностью княжеской семьи.

Въ то время, какъ въ другихъ княжествахъ по городамъ сидѣли князья родственники, въ Галичѣ ихъ мѣсто занимали бояре. Великій князь Ярославъ, умирая, завѣщалъ стольный городъ своему незаконному сыну (отъ Анастасіи), но это завѣщаніе скоро было на-

рушено. Впрочемъ и законный сынъ Ярослава не долго удержался въ Галичѣ. Происходитъ цѣлый рядъ столкновеній, выступаютъ на сцену сосѣди венгры и поляки и только въ концѣ концовъ сынъ Ярослава Владимиръ вернулъ свою вотчину. Но съ его смертью прекратилась линія Ростиславичей и этимъ воспользовался волынскій князь Романъ.

Галичъ, такимъ образомъ, соединился съ Волынью подъ властію одного князя и оба княжества черезъ это слились.

Неудивительно, что Романъ является наиболѣе могущественнымъ изъ князей своего времени: византійскій императоръ проситъ у него помощи противъ половцевъ, папа обѣщалъ ему королевскій вѣнецъ лѣтопись называетъ его самодержцемъ всей Руси.

Но и при немъ боярство галицкое боролось за свои политическія права, а послѣ его смерти наступаютъ смуты, закончившіяся только въ 1235 г. съ вокняженіемъ его знаменитаго сына Даніила Романовича.

Въ это время притязанія бояръ достигли наиболѣе значительныхъ размѣровъ. Случился фактъ единственный во всей русской исторіи: галицкіе бояре предали смертной казни Черниговскихъ князей, являвшихся сюда для занятія княжескихъ столовъ.

Одно время великокняжескій столъ занималъ бояринъ Володиславъ, чего опять-таки ни раньше, ни позже не было въ Русской землѣ.

Княженіе Даніила Романовича составляетъ цѣлую эпоху въ исторіи Галицкой земли. Между Даніиломъ и его братомъ Василькомъ существовало полное единодушіе. Пользуясь этимъ, Даніилъ раздвигаетъ предѣлы своего государства. Къ этому его тоже побуждаетъ постоянная мысль о борьбѣ съ татарами, завоевавшими въ это время Русь. Онъ гнѣвался на болховскихъ князей за то, что они добровольно покорились татарамъ и обязались платить имъ дань. На сѣверѣ онъ покорилъ Пинскія княжества. Его попытка сломить литовское могущество ни привела къ ожидаемымъ результатамъ. Правда, литовскій князь Миндовгъ долженъ былъ уступить его понѣманскіе города, но серьезныхъ пріобрѣтеній сдѣлано не было. На востокѣ Даніилъ вступаетъ въ борьбу съ мелкими болоховскими князьями Побужья и Приднѣпровья, которыхъ вскорѣ и покоряетъ; на юго-западѣ и западѣ рубежъ остался тотъ-же.

Изъ политическихъ событій въ княженіи Даніила на первомъ планѣ должно поставить отношеніе его къ татарамъ. Гроза татарскаго нашествія пронеслась и надъ Галичемъ, но не причинила здѣсь такихъ опустошеній, какъ въ остальной Сѣверо-восточной Руси. Татары какъ бы только устремлялись черезъ Галичъ въ государства западной Европы. Страна, конечно, подверглась нѣкоторому разоренію,

но не особенно значительному. Самая зависимость отъ татаръ не была столь значительна, какъ въ другихъ городахъ.

Внутренняя дѣятельность Даніила была направлена на заботы о заселеніи края, построеніе городовъ, развитіе ремеслъ, промысловъ, торговли. Опустошенія литовцевъ и въ особенности татаръ, правда, были очень чувствительны; но населеніе спаслось при этомъ въ горы, а затѣмъ, по миновaніи опасности, снова возвращалось въ свои жилища. Но независимо отъ этого стараго населенія Даніилъ призывалъ сюда и новое. Сюда стекались привлекаемые сравнительною безопасностью и другими выгодами поляки, нѣмцы, татары, черниговскіе бояры, рязанскіе князья. Въ связи съ этимъ стояло построеніе новыхъ городовъ. Лѣтопись говоритъ, что Даніилъ построилъ много городовъ, но намъ по имени извѣстны весьма не многіе. На первомъ планѣ нужно поставить Холмъ, о которомъ очень подробно разсказываетъ лѣтопись. Построенные города не были только военнымъ поселеніемъ, наоборотъ, въ нихъ процвѣтали ремесла и торговля. „Нача призывати (въ Холмъ), говоритъ лѣтопись, прихожи, Нѣмцы и Русь, иноязычники и ляхи; идяху день и во-день и у нощи и мастерѣ всяціи бѣжаху, изъ татаръ сѣдѣльницы и лучници, и тульници и кузнеци желѣзу, и мѣди, и серебру; и бѣ жизнь и наполниша дворы окрестъ города поля и села“. Явились и собственные мастера, мѣстные художники, въ родѣ напр. того Авдія, который украсилъ знаменитый храмъ, созданный Даніиломъ и просуществовавшій до XVII вѣка.

Культура тогдашней Галичины носила западно-европейскій характеръ. Съ западомъ, какъ мы видѣли, Галичъ имѣлъ постоянныя связи—политическія, церковныя и культурныя. Въ полякахъ и другихъ европейскихъ народахъ Галичане видѣли родственное себѣ населеніе: „время христіанамъ ополчатися на поганыхъ“, говоритъ Даніилъ, приглашая польскихъ князей противъ литовцевъ. Съ другой стороны, западъ зналъ Даніила лучше, чѣмъ другого какого-нибудь русскаго князя, ибо помимо всего прочаго онъ получилъ королевскую корону изъ рукъ римскаго первосвященника. Наконецъ, и галицкое боярство при Даніилѣ должно было смириться. Въ малолѣтство Даніила и Василька оно, можно сказать, держало въ своихъ рукахъ управленіе всею страной. Стремясь къ ограниченію княжеской власти, оно не поддерживало Даніила и Василька, имѣвшихъ законное право на Галицко-Волынское княжество, а старалось отдать столы такимъ претендентамъ, которые согласны были купить ихъ путемъ извѣстныхъ уступокъ въ пользу бояръ. Не удивительно, что, занявъ послѣ долгихъ усилій великокняжескій столъ, Даніилъ не потворствовалъ ихъ властолюбивымъ замысламъ и напоминалъ этимъ своего отца.

История Волынской земли.

Волынское княжество занимало области дулѣбовъ. Они были старыми жителями этого края и носили кромѣ того названіе бужанъ и волынянъ. Занимали они значительную часть территоріи нынѣшней Волынской губерніи и отчасти Люблинской, а также Галиціи. Терминъ „Волынская земля“ наиболѣе поздній. Собственно Волынь представляла изъ себя гористую мѣстность, образуемую отрогами Карпатъ, а Полѣсье заключаетъ въ себѣ низменное болотистое и лѣсистое пространство, рѣзко отличающееся отъ Волыни въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Въ сѣверной части своей это Полѣсье представляетъ изъ себя почти сплошную трясину. Во время половодья все оно превращается въ громадное озеро съ островками, городами и селеніями. Волынская область самымъ тѣснымъ образомъ связана съ Галицкою и въ политическомъ и въ географическомъ и даже въ этнографическомъ отношеніяхъ.

Давидъ Игоревичъ Волынскій, извѣстный виновникъ ослѣпленія Василька, желалъ объединить всю Волынскую землю подъ своей властью и присоединить къ своему княжеству городъ Теребовль, находящійся на территоріи волынянъ. Вотъ гдѣ собственно лежитъ основная пружина того событія, которое извѣстно подъ именемъ ослѣпленія Василька. Но всѣ усилія владиміро-волынскихъ князей разбились о стойкость и энергію теребовльскаго князя Василька и вообще Ростиславичей. Владиміро-Волынское княжество въ первое время своего историческаго существованія не играетъ особенно видной роли. Такъ дѣло продолжалось до самаго Романа, которому, какъ извѣстно, удалось объединить подъ своею властью Волынь и Галичъ и сдѣлаться самымъ могущественнымъ княземъ того времени.

Къ несчастью онъ умеръ, когда дѣти и наслѣдники его не достигли совершеннолѣтія. Этимъ, воспользовалось галицкое боярство для того, чтобы постоянно отстранять князей—наслѣдниковъ отъ великокняжескаго стола. Впрочемъ во Владиміро-Волынскомъ княжествѣ отношеніе къ этимъ Романовичамъ было совсѣмъ иное. На Волыни дружинно-боярское сословіе не получило того значенія, которымъ пользовалось оно въ Галичѣ и не задушило вѣчевого элемента. Этотъ послѣдній не разъ проявлялъ себя во время боярскихъ смутъ и борьбы различныхъ претендентовъ за Галичъ.

Въ то время, какъ галицкіе бояре постоянно отталкиваютъ Ростиславичей отъ великокняжескаго стола, волынскія городскія общины постоянно оказываютъ имъ поддержку и принимаютъ ихъ на княженіе. Наконецъ, послѣ продолжительной борьбы сынъ Романа

Василько усѣлся во Владимиро-Волынскомъ княжествѣ. При немъ и его сынѣ Волынская земля раздвинула свои сѣверныя границы на счетъ ятвяжской территоріи. Наступательное движеніе на ятвяговъ было начато еще при Романѣ, относительно котораго сложилась поговорка: „Романе худымъ живеше: литвою ореши".

Теперь оно продолжалось съ прежнимъ успѣхомъ. Владимиро-Волынское княжество теперь уже послѣ Василька не соединялось съ Галичемъ, а существовало самостоятельно. Оно раздѣлилось на нѣсколько болѣе мелкихъ удѣловъ, среди которыхъ первое мѣсто занимали Владимирскій и Луцкій. Кромѣ нихъ, мы можемъ назвать еще: Хомское, Бѣльское, Червеньское, Острожское и другія княжества.

Политическая самостоятельность Владимиро-Волынскаго княжества прекратилась въ половинѣ XIV в., когда оно перешло подъ власть Литвы.

Г) Исторія Болоховской земли.

Въ тѣсной связи съ Галицкой и Волынской землей находится загадочная въ нашей исторіи Болоховская земля. Самое мѣстоположеніе и границы этого княжества приходится опредѣлять гадательно Лѣтописецъ сообщаетъ намъ только имена нѣкоторыхъ болоховскихъ городовъ, но не опредѣляетъ точнымъ образомъ ихъ мѣстоположеніе Приходится поневолѣ обращаться къ современной пографической номенклатурѣ. Въ „Ист. Болховской земли" Дашкевичъ опредѣляетъ ея мѣстоположеніе такъ: онъ говоритъ, что она занимала верховье трехъ рѣкъ: Случи, Тетерева и Буга, или на современной картѣ: нѣсколько уѣздовъ Волынской и Кіевской губерній. Со всѣхъ сторонъ она была окружена галицкими или кіевскими владѣніями. Нѣкоторые полагаютъ, что населеніе ея было не русско-славянское, а инородческое. Но если бы жителями ея были половцы, хотя и обрусѣвшіе, они были бы поселены гдѣ-нибудь на окраинѣ, а не среди русскихъ земель; кромѣ того, они должны были-бы защищать предѣлы того княжества, на земляхъ котораго поселились.

Между тѣмъ они находятся въ постоянной дружбѣ съ татарами и враждѣ съ Даніиломъ Галицкимъ. Кромѣ того, они ничѣмъ не отличаются по своимъ занятіямъ отъ остального русскаго населенія: пашутъ землю, имѣютъ свои города (Деревичъ, Лубинъ, Кудинъ, Божскій, Дядьковъ и др.). Точно также расходятся изслѣдователи и по другому вопросу: кто были эти Болховскіе князья? Одни признаютъ ихъ потомками черниговo-сѣверскихъ Игоревичей, княжившихъ нѣкоторое время въ Галичѣ и затѣмъ оттуда изгнанныхъ,

другіе считаютъ ихъ непринадлежащими къ дому Владиміра Святого, а выборными туземными владыками.

Нужно сознаться, что второе мнѣніе имѣетъ за себя болѣе данныхъ, чѣмъ первое. Въ пользу перваго мнѣнія говоритъ только постоянный союзъ болоховскихъ князей съ черниговскими, а союзъ этотъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что болоховцы надѣялись найти для себя опору противъ притязаній Даніила у его постоянныхъ враговъ—Игоревичей. Приводятъ, правда, еще одно доказательство, что черниговскіе князья называли болоховскихъ своей братіей, но такой эпитетъ давали другъ другу и не родственные князья, и даже обращались съ этимъ эпитетомъ князья къ дружинникамъ. Съ другой стороны, лѣтопись никогда не называетъ болоховскихъ князей (и только ихъ однихъ) по именамъ и не ставитъ ихъ въ родство съ потомками Владиміра Святого. Обыкновенно они фигурируютъ въ лѣтописи подъ общимъ именемъ „князи болоховскіе".

Земля эта, повидимому, представляла изъ себя союзъ городскихъ общинъ, потому что центральнаго пункта мы въ ней не находимъ. Города Болохова, отъ котораго могла бы позаимствовать названіе вся окружающая его территорія, не было; въ каждомъ городѣ Болоховской земли сидѣлъ особый князь и такихъ князей было много. Иногда лѣтопись вовсе не упоминаетъ даже о князьяхъ, а приписываетъ то или другое дѣйствіе самымъ болоховскимъ городамъ. Это свидѣтельствуетъ, конечно, о значительномъ развитіи тамъ вѣчевого элемента.

Есть еще одна любопытная черта въ исторіи Болоховской земли—это ея отношенія къ татарамъ. Болоховская земля сразу признала свою зависимость отъ татаръ, обязалась доставлять имъ опредѣленную дань—извѣстное количество проса и пшеницы, и за это получила право устраивать по своему желанію внутреннія отношенія. Подобнымъ образомъ дѣйствій Болоховская земля сразу поставила себя во враждебныя отношенія къ галицкому князю.

Исторія Ростово-Суздальской земли.

Ростово-Суздальская земля возникла на финской территоріи. Центральное мѣсто здѣсь занималъ финскій народецъ меря, въ настоящее время совершенно исчезнувшій. Слѣдъ его сохранился только въ этнографическихъ особенностяхъ мѣстнаго великорусскаго населенія, которое и заселило этотъ край путемъ мирной поступательной колонизаціи.

Трудно указать на первоначальный моментъ образованія здѣсь великорусской народности, и, быть можетъ, правъ проф. Корсаковъ, относящій этотъ моментъ къ XII вѣку. Одно можно только утверждать

съ значительной долей вѣроятности, что здѣшнее славяно-русское население не представляетъ изъ себя такихъ автохтоновъ, какъ обитатели другихъ земель и княженій.

Это население образовалось путемъ выселенія энергичныхъ и предпріимчивыхъ колонистовъ изъ другихъ славяно-русскихъ княжествъ.

Колонизація въ землю мери двигалась съ трехъ сторонъ—изъ Новгорода, Смоленской области и земли вятичей. Колонизація изъ Новгорода шла при посредствѣ рѣки Волги, которая была главной артеріей Ростово-Суздальской земли. Выселялись сюда такъ называемые повольники, т. е. свободные Новгородскіе обыватели, искавшіе себѣ новыхъ земель и доходовъ.

Изъ земли вятичей колонизація шла при посредствѣ рѣки Оки. На способъ первоначальнаго заселенія указываетъ географическая номенклатура. И доселѣ сохранился рядъ такихъ названій населенныхъ мѣстъ, какъ Боръ, Дерки, Гарь, Выгаръ, Горѣлое, Погарье, Ожигино, Пенье. Очевидно, население пробиралось, выжигая лѣса и основывало тамъ новые поселки. То были: починки, селенія и выселки. Вновь зарождающійся поселокъ носилъ названіе починка. Починокъ обращался въ село, а изъ села выселялся въ свою очередь выселокъ, т. е. какъ бы новый починокъ. Разные виды колонизаціи дѣйствовали одновременно. То были—военнокняжеская, вольная народная, монастырская и промышленно-торговая колонизація.

Военно-княжеская колонизація получила значительное развитіе при Юріи Долгорукомъ, котораго нужно назвать истиннымъ основателемъ Ростово-Суздальскаго княжества. Его дѣятельность главнымъ образомъ состояла въ колонизаціи Ростово-Суздальской земли. Онъ строилъ города, которые являлись опорными пунктами для дальнѣйшаго распространенія славяно-русскаго элемента и не только дружиннаго, но и земскаго.

При немъ получили, между прочимъ, свое начало: Юрьевъ Польскій и Дмитровъ. При немъ-же впервые, какъ извѣстно, упоминается Москва. Здѣсь, по преданію, нѣкогда было помѣстье боярина Кучки, которому принадлежало много окрестныхъ селеній.

Юрій Долгорукій убилъ его за гордость, построилъ новый городъ Москву, а сыновей Кучки взялъ къ себѣ на службу.

Вопросъ о построеніи новыхъ городовъ при Юріи Долгорукомъ и Андреѣ Боголюбскомъ сильно интересовалъ ученыхъ изслѣдователей и, какъ извѣстно, подалъ поводъ С. М. Соловьеву высказать свою теорію „старыхъ и новыхъ городовъ“.

Не входя въ разсмотрѣніе этой теоріи (развитой впослѣдствіи Бѣляевымъ и Корсаковымъ), мы только замѣтимъ, что не слѣдуетъ

слишкомъ преувеличивать значенie того факта, который здѣсь имѣется въ виду.

Самовластie Андрея Боголюбскаго не было вызвано существованieмъ новыхъ городовъ, а только нашло въ нихъ для себя нѣкоторую опору, впрочемъ далеко недостаточную.

Преемникомъ Юрiя Долгорукаго былъ Андрей Боголюбскiй. Онъ начинаетъ собой новую эру въ исторiи Ростово-Суздальской земли. Его отецъ Юрiй Долгорукiй постоянно колебался между Суздалемъ и Кiевомъ, даже предпочиталъ Кiевъ, готовъ былъ промѣнять свою сѣверную вотчину на одинъ южный городъ—Переяславъ.

У Андрея Боголюбскаго мы не находимъ такого колебанiя; онъ рѣшительно предпочитаетъ сѣверъ; южный Кiевъ не притягиваетъ его къ себѣ. Завоевавши Кiевъ въ 1169 году, онъ предоставляетъ его одному изъ князей подручниковъ, чего никогда не сдѣлалъ-бы его отецъ. Здѣсь на сѣверѣ онъ чувствуетъ себя менѣе связаннымъ старинными земско-княжескими традицiями; онъ хочетъ окружить себя послушными подручными князьями и вѣрными дворянами, а не старыми думцами-боярами. При немъ формируется это новое служилое дворянство, состоящее изъ отроковъ-дворянъ, которыхъ онъ выдвигаетъ на мѣсто земскихъ бояръ. Замыслы Боголюбскаго клонились къ подчиненiю личной волѣ князя воли земли, воли земскаго боярства, воли дружины. Для того, чтобы быть подальше отъ старыхъ боярскихъ притязанiй, онъ переѣзжаетъ въ новый городъ Владимиръ на Клязьмѣ, но и тамъ онъ чувствуетъ себя не вполнѣ хорошо и больше всего предпочитаетъ село Боголюбово. Но онъ палъ подъ ударами своихъ противниковъ-бояръ.

Всѣ черты характера Андрея Боголюбскаго сводятся къ одной существенной его—самовластiю, о которомъ единогласно свидѣтельствуютъ какъ его друзья, такъ и недруги. Кiевскiй лѣтописецъ относится къ нему крайне недружелюбно, постоянно упрекаетъ его въ самовластiи и гордости, противопоставляетъ ему истиннаго героя Мстислава Удалого. Южно-русскiй лѣтописецъ не могъ сочувствовать той новизнѣ, которую вводилъ въ свои отношенiя къ младшимъ князьямъ Андрей Боголюбскiй. Извѣстна фраза его, сказанная смоленскимъ Ростиславичамъ: „если вы не слушаете меня, то нѣтъ вамъ мѣста въ Русской землѣ“ Наоборотъ, Суздальская лѣтопись выставляетъ его добрымъ, благочестивымъ княземъ и относится къ нему съ большимъ сочувствiемъ, хотя также указываетъ на его самовластiе. Но это самовластiе могло спокойно примиряться съ личною добротою, внѣшнимъ благочестiемъ, его желанiемъ строить храмы и т. д. Въ этомъ отношенiи Андрей Боголюбскiй совершенно напоминаетъ намъ послѣдующихъ московскихъ князей-собирателей, которыхъ также хвалили

лѣтописцы за то, что они были хорошими семьянинами, милостивыми къ нищимъ, щедрыми къ храмамъ Божіимъ.

Андрей Боголюбскій встрѣтилъ сильную оппозицію своимъ новымъ стремленіямъ. Противъ этихъ стремленій были и старые земскіе и старые дружинные бояре. Видную роль въ этой борьбѣ, которая продолжалась еще долго послѣ смерти Боголюбскаго, играли старые и новые города.

Эта борьба городовъ съ пригородами представляетъ изъ себя, можно сказать, общее явленіе въ древней Руси. Такъ было, напр., въ Новгородѣ, гдѣ пригороды Псковъ, Торжекъ и др. постоянно стремятся освободиться изъ подъ ферулы стараго города и получить самостоятельность.

Но въ Ростово-Суздальской землѣ борьба эта получила иной характеръ. Здѣсь младшіе города добиваются не самостоятельности, а господства, преобладанія надъ старшими. И этого преобладанія они достигли. Смертью Андрея Боголюбскаго рѣшились воспользоваться старые города и старые бояре и поэтому они отклонили какъ братьевъ Боголюбскаго, такъ и сыновей его, а выбрали племянниковъ Ростиславичей, надѣясь, конечно, на то, что эти послѣдніе будутъ ихъ слушаться во всемъ. Но жители города Владимира, обязанные во всемъ своимъ возвышеніемъ Андрею Боголюбскому, пригласили его брата Михаила, который теперь долженъ былъ защищаться противъ Ростиславичей. Первый разъ Михаилъ не усидѣлъ во Владимирѣ; второй разъ онъ побѣдилъ Ростиславичей, усѣлся во Владимирѣ, а брата Всеволода посадилъ въ Переяславлѣ.

По смерти его на великомъ княженіи Владимирскомъ сѣлъ Всеволодъ III, братъ Андрея Боголюбскаго, сынъ Юрія Долгорукаго, прозванный за свое многочисленное потомство „Большимъ гнѣздомъ“. Онъ смѣнилъ Ростиславича, сидѣвшаго въ Ростовѣ и вообще поступалъ съ князьями такъ, какъ и его братъ Андрей Боголюбскій; онъ давалъ волости Ростиславичамъ, распоряжался по своему желанію Кіевомъ, изъявлялъ притязанія на Рязань и Новгородъ.

Противника для себя онъ встрѣтилъ въ лицѣ знаменитаго Мстислава Удалого сына Мстислава Храбраго изъ рода смоленскихъ князей. Мстиславъ, подобно отцу своему, былъ истиннымъ представителемъ юга, свято хранившимъ старинныя традиціи лучшихъ южно-русскихъ князей—Владимира Мономаха и Мстислава. Вся его дѣятельность была направлена къ славѣ воинскихъ успѣховъ; онъ не запятналъ себя никакими стремленіями къ личнымъ пріобрѣтеніямъ волостей. Въ битвахъ онъ видѣлъ судъ Божій и всегда готовъ былъ выступить на защиту слабаго противъ сильнаго угнетателя. Вождю соотвѣтствовала дружина, которую онъ очень любилъ. Съ нею онъ пе-

реѣзжалъ изъ одного княжества въ другое, не любя спокойно сидѣть на одномъ мѣстѣ и являясь туда, гдѣ больше всего въ немъ нуждались. Такимъ образомъ, по характеру своему Мстиславъ Удалой представляетъ полную противоположность со Всеволодомъ III, который былъ прототипомъ будущихъ московскихъ князей-собирателей. Онъ былъ очень остороженъ: не любилъ рѣшительныхъ битвъ, которыми можно было много выиграть, но и много потерять; онъ готовъ былъ пойти даже на уступки въ сомнительныхъ случаяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отличался постоянствомъ въ достиженіи разъ поставленной цѣли, а цѣлью его стремленій было пріобрѣтеніе чужихъ удѣловъ, ослабленіе сосѣдей, подчиненіе ихъ своему господству и утвержденіе единовластія на Руси.

Такова политическая исторія Ростово-Суздальской земли до начала XIII вѣка. Вся послѣдующая исторія ея была довольно однообразна; чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и болѣе она раздроблялась. Прежде всѣхъ обособилось Ростовское княжество, за нимъ Переяславское, затѣмъ Суздальское. Суздальское княжество въ концѣ XIII вѣка выдѣлило изъ себя три удѣла: Городецкій, Нижегородскій и Московскій. Изъ Переяславскаго княжества въ концѣ XIII в. выдѣлилось Тверское.

Ростовское княжество въ свою очередь распалось съ теченіемъ времени на Ростовское въ собственномъ смыслѣ, Ярославское, Бѣлоозеро, Углече поле, Кострому и др. Но и этимъ дробленіе не закончилось. Въ свою очередь Ростовское княжество распалось на цѣлую массу уже совершенно мелкихъ, ничтожныхъ удѣловъ. Самъ городъ Ростовъ заключалъ въ себѣ какъ бы два отдѣльныхъ княжества—Сретенскую и Борисоглѣбскую сторону. Конечно, это раздробленіе зависѣло главнымъ образомъ отъ раздробленія княжеской семьи. Не даромъ-же Всеволода называли „Большимъ гнѣздомъ!“

Полоцкое княжество.

Полоцкое княжество заняло часть территоріи кривичей. Обособленіе полоцкаго княжества началось очень рано—еще при Владимирѣ Святомъ, взявшемъ себѣ въ жены дочь полоцкаго князя Рогвольда и предоставившаго полоцкій столъ сыну отъ Рогнѣды Изяславу. Съ тѣхъ поръ все время въ Полоцкѣ княжило потомство Изяслава, хотя кіевскіе князья одинъ разъ и успѣли перехватать полоцкихъ, заточить ихъ и на ихъ мѣсто посадить своихъ сыновей и посадниковъ. Впослѣдствіи княжескій родъ Изяслава значительно разроссядо, явилось соперничество его представителей изъ-за волостей. Князья должны были искать опоры въ сосѣднихъ областяхъ или у мѣстныхъ городскихъ общинъ и все это имѣло печальные результаты для мѣст-

ной княжеской фамиліи. Сосѣди если и оказывали помощь, то небезкорыстно и старались о распространеніи здѣсь своего вліянія. Городскія вѣча также усиливали свое значеніе. Не удивительно, поэтому, что одна часть Полоцкаго княжества тяготѣла къ Смоленску, а другая къ Литвѣ. Пользуясь борьбою княжеской и вѣчевой власти въ Полоцкѣ, литовцы мало по малу начинаютъ брать верхъ надъ полочанами и въ половинѣ XIII вѣка раньше всѣхъ русскихъ княжествъ Полоцкое вошло въ составъ Литовской Руси.

Смоленское княжество.

Географическое положеніе Смоленскаго княжества, основаннаго также въ области кривичей, представляло значительныя выгоды: въ его рукахъ находились-верховья трехъ важнѣйшихъ русскихъ рѣкъ— западной Двины, Волги и Днѣпра; кромѣ того оно было со всѣхъ сторонъ окружено русскими областями, слѣдовательно, не подвергалось значительнымъ внѣшнимъ опасностямъ. Сравнительное неплодородіе почвы выкупалось промышленнымъ и торговымъ духомъ населенія, а прекрасные водные пути въ сосѣднія княжества еще болѣе развили торговую предпріимчивость народа.

Неудивительно, что въ немъ было много городовъ и оно было густо заселено. До половины XII в. оно переходило отъ однихъ князей къ другимъ, но съ половины XII в. тамъ утвердилась мѣстная княжеская вѣтвь—Смоленскіе Ростиславичи.

Ростиславъ является истиннымъ основателемъ могущества своего княжества. Онъ устроилъ особую епископію для Смоленской земли и въ пользу ея опредѣлилъ, на основаніи особой уставной грамоты 1150 г. десятину со всѣхъ своихъ княжескихъ волостей. Эта грамота имѣетъ для насъ очень важное значеніе, раскрывая передъ нами систему княжескихъ налоговъ. Нѣкоторые изъ этихъ налоговъ заранѣе точно опредѣлялись; размѣръ другихъ, наоборотъ, не могъ быть точно обозначенъ—напр., таможенныя и торговыя пошлины. Способы собиранія даней были различны: иногда они собирались непосредственно княжескими чиновниками, иногда отдавались на откупъ частнымъ лицамъ, а иногда самой общинѣ, которая дѣлала и разверстку ихъ между своими членами. Каждый уплачивалъ налоги сообразно со своими доходами. Объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ выраженіе грамоты: „А въ тѣхъ погостахъ платитъ каждый свою дань по силѣ, кто что можетъ“. Количество церковной десятины превышало 300 гривенъ. Но и смоленскіе Ростиславичи съ теченіемъ времени размножились и по необходимости стали искать себѣ волостей на сторонѣ, главнымъ образомъ въ Кіевской землѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что Смоленское кня-

жество было окружено сильными русскими владѣніями и вслѣдствіе этого не могло расширять своихъ владѣній на ихъ счетъ. Неудивительно поэтому, что не засидѣлись въ Смоленской области ни знаменитые торопецкіе князья Мстиславъ Удалой и его отецъ Мстиславъ Храбрый. Что касается до князей, сидѣвшихъ въ своихъ смоленскихъ вотчинахъ, то имъ приходилось постоянно вести борьбу съ мѣстными вѣчами. Вѣче, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ извѣстій, получило здѣсь значительное развитіе. Смоленское княжество было густо населено, какъ это видно между прочимъ, изъ вышеприведенной уставной грамоты. Стольнымъ городомъ Смоленской области былъ Смоленскъ. Въ немъ было нѣсколько каменныхъ церквей, построенныхъ Владиміромъ Мономахомъ, его внукомъ Ростиславомъ и его потомками. У иноземныхъ купцовъ былъ здѣсь собственный храмъ нѣмецкой Богородицы. Тутъ было также множество лавокъ, какъ мѣстныхъ, такъ и иноземныхъ купцовъ. Важныя свѣдѣнія о торговой дѣятельности Смоленска даетъ торговый договоръ князя Мстислава съ Ригой и Готландомъ. Нѣмецкіе товары перевозились сначала по западной Двинѣ, а потомъ особая артель волочанъ поставляла ихъ сухимъ путемъ въ Смоленскъ. Пріѣзжая въ Смоленскъ, нѣмецкіе купцы относили подарки княгинѣ, а старостѣ давали рукавицы". О населенности Смоленска даетъ представленіе слѣдующій фактъ: въ 1230 году во время моровой язвы въ 4-хъ городскихъ скудельницахъ было похоронено болѣе 30,000 человѣкъ. Однако, не смотря на свое богатство, Смоленское княжество по политическимъ причинамъ, вслѣдствіе постояннаго дробленія и не возможности расширить свои границы на счетъ сосѣдей, все болѣе и болѣе слабѣло, теряло свои волости и въ самомъ концѣ XIV стол. перешло подъ власть Литвы.

Муромо-Рязанское княжество.

Первымъ самостоятельнымъ княземъ Муромо-Рязанской земли былъ младшій сынъ черниговскаго Святослава Ярославъ. Онъ игралъ въ своей волости едва-ли не такую же роль, какъ Юрій Долгорукій въ Ростово-Суздальской и Ростиславъ въ Смоленской. Муромо-Рязанское княжество постоянно потомъ находилось во власти его потомковъ.

Природа Муромо-Рязанской области въ значительной степени напоминаетъ природу Ростово-Суздальской земли. Это была лѣсистая страна, славившаяся своими знаменитыми Муромскими лѣсами. Первоначально на территоріи Муромо-Рязанской земли, занимавшей среднее теченіе Волги, обитали финскіе народы: мурома, мордва и черемисы. Такимъ образомъ, княжество это возникло подобно Ростово-

Суздальскому, путемъ славяно-русской колонизаціи, которая повидимому шла главнымъ образомъ изъ земли вятичей и Приднѣпровья. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ между прочимъ тотъ фактъ, что Муромо-Рязанское княжество, подобно Переяславскому и Кіевскому, находилось на пограничьѣ русской земли, въ прямомъ непосредственномъ сосѣдствѣ съ половецкою степью. Такимъ образомъ, присутствіе значительнаго финскаго элемента въ самомъ княжествѣ съ одной стороны и сосѣдство съ кочевниками половцами—съ другой стороны должны были отразиться на нравахъ финскаго населенія. И Муромо-Рязанскіе князья, и населеніе ихъ областей отличалось воинственностью, грубостью и жестокостью.

Монгольское нашествіе тяжело обрушилось на Муромо-Рязанское княжество. Значительная часть его городовъ была разрушена и съ того времени запустѣла. Попытки рязанскихъ князей отстоять свою независимость отъ Москвы не привели ни къ чему.

На исторіи Новгородскаго и Псковскаго княжествъ мы остановимся впослѣдствіи, ибо расцвѣтъ ихъ относится къ слѣдующему монгольскому періоду нашей исторіи.

Литература. Областныя лѣтописи въ старомъ изданіи Археографической комиссіи. „Полн. собр. рус. лѣтописей" т. I-й (Лаврентьевскій списокъ), т. II-й (Ипатскій и Густынскій) и также отчасти V-VI (Софійская), VII (начало Воскресенской), IX (начало Никоновской), XV (Тверская лѣтопись). Новое изданіе той же комиссіи: Лѣт. по Лавр., Ипатскому списку. Татищевъ, Исторія Россійская; Иловайскій, Исторія Россіи (т. I.); Грушевскій, Исторія Украины; Его же, Исторія Кіевской земли; Бѣляевъ, Разсказы изъ русской исторіи кн. 4 (Полоцкъ); Корсаковъ, Меря и Ростовское княжество; Голубовскій, Исторія Смоленскаго княжества; Иловайскій, Исторія Рязанскаго княжества; Смирновъ, Судьбы червонной и Галицкой Руси; Шараневичъ, Исторія Галицко-Владимирской Руси; Зубрицкій, Исторія древняго Галицко-русскаго княжества; Дашкевичъ, Княженіе Даніила Галицкаго; Его же, Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи; Его же, Новѣйшіе домыслы о болоховцахъ; Андріяшевъ, Исторія Волынскаго княжества; Молчановскій, Очерки исторіи Подольской земли; Голубовскій, Исторія Сѣверской земли; Багалѣй, Исторія Сѣверской земли; Лянскоронскій, Исторія Переяславскаго княжества.

Внутренній быть въ областной періодъ (съ пол. XI до пол. XIII в.).

Князь. Въ предшествующій кіевскій періодъ былъ одинъ князь, которому принадлежала вся тогдашняя Русь. Со смертью же Ярослава княжескій родъ разростается, является цѣлая масса отдѣльныхъ вѣт-

вей княжескаго рода. Русская земля принадлежитъ всему потомству Ярослава Мудраго. Такому утвержденію не будетъ противорѣчить и то обстоятельство, что въ Болоховской землѣ и въ землѣ вятичей повидимому были свои туземные князья не изъ дома Владимира Святого. Говоря же вообще, Русь областно-вѣчевого періода представляла неотъемлемое достояніе рода Ярослава, говоримъ рода потому, что семья княжеская очень скоро обратилась въ обширный родъ. Это подало поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ утверждать, что всѣ взаимныя отношенія князей и областей въ древней Руси сводятся къ родовымъ счетамъ. Въ дѣйствительности же принципъ родового старѣйшинства дѣйствовалъ съ полною силою только въ первое время областно-вѣчевого періода при сыновьяхъ и отчасти внукахъ Ярослава Мудраго. Но уже на Любецкомъ съѣздѣ 1097 г. былъ поставленъ совершенно новый принципъ—вотчинный областной.

Кромѣ того, взаимныя отношенія князей въ значительной степени опредѣляются договорами, которые охватываютъ всѣ степени родства, какъ самаго близкаго, такъ и самаго дальняго; лѣтопись указываетъ на договоры между родными братьями, между дядями и племянниками, между двоюродными братьями и, наконецъ, самыми отдаленными родственниками. Эти договоры начинаются въ самое первое время послѣ Ярослава Мудраго. Извѣстны, напр., два договора Юрія Долгорукаго съ его племянникомъ Изяславомъ. По одному изъ нихъ, Изяславъ уступилъ Кіевъ въ пользу Юрія Долгорукаго, по другому, Юрій Долгорукій уступилъ его Изяславу. Примѣровъ договоровъ между отдаленными родственниками было еще больше, ими наполнена исторія междукняжескихъ отношеній. Для того, чтобы заключить договоръ и закрѣпить его требовались, конечно, извѣстнаго рода мѣры; въ числѣ ихъ главнѣйшею нужно признать княжескіе сеймы. Княжескіе сеймы начинаются очень рано и существуютъ во весь областной періодъ. Извѣстенъ, напримѣръ, княжескій сеймъ 1183 г. по поводу похода на половцевъ. Не всѣ съѣзды оканчивались всеобщимъ соглашеніемъ. Вообще съѣзды не носили обязательнаго принудительнаго характера. Участвовать на нихъ могли только желающіе; самое рѣшеніе, принятое съѣздомъ, было обязательно только для тѣхъ, кто его принялъ. Княжескіе сеймы являлись главнымъ средствомъ для заключенія политическихъ договоровъ, которые играли такую важную роль въ междукняжескихъ отношеніяхъ. Но обезпечить эти союзы могло только крестное цѣлованіе; иногда, впрочемъ, въ случаѣ неисполненія даннаго рѣшенія опредѣлялось наказаніе; но оно должно было быть обусловлено заранѣе, да и то очень рѣдко приводилось въ исполненіе. Лишь только условія, положенныя въ основаніе даннаго политическаго договора, дѣлались не нужными,

договоръ уничтожался, что сопровождалось извѣстными формальностями. Договоры играли очень важную роль при добываніи столовъ. Это добываніе столовъ носило разнообразный характеръ; иногда оно являлось въ видѣ свободнаго занятія никѣмъ не занятаго стола. Такъ, напр., мы видимъ, что по смерти Владиміра Давидовича Черниговскаго кіевскій князь рекомендуетъ его родному брату Изяславу Давидовичу поѣхать какъ можно скорѣе въ Черниговъ и занять черниговскій столъ прежде, чѣмъ предупредитъ его противникъ. Но чаще приходилось силою захватывать себѣ столъ. Весь областной періодъ наполненъ подобными захватами. Для этого нужно было удалить, во что бы ни стало, прежняго князя. Мѣрами въ этомъ случаѣ не стѣснялись. Полоцкихъ князей заточили въ Грецію, а Олега Черниговскаго на островъ Родосъ и т. д. Но чаще всего, конечно, прибѣгали къ военнымъ дѣйствіямъ. Иногда, впрочемъ, имѣла мѣсто и добровольная уступка. Всеволодъ Ольговичъ, завоевавъ кіевскій столъ, уступилъ нѣкоторые удѣлы своимъ противникамъ для того, чтобы задобрить ихъ и удержать за собою остальные. Но рядомъ съ простымъ захватомъ существуетъ еще одинъ способъ добыванія столовъ, неимѣющій, впрочемъ, такого обширнаго примѣненія, какъ первый. Я говорю о принципѣ наслѣдованія по духовнымъ завѣщаніямъ князей. Князья, желавшіе чтобы извѣстная область досталась ихъ дѣтямъ, дѣлали съ этой цѣлью духовныя завѣщанія. Но они не всегда имѣли обязательную силу и потому скрѣплялись договорами со своею же братіей и городами. Извѣстно, что кіевскій князь Всеволодъ Ольговичъ умирая сдѣлалъ духовное завѣщаніе въ пользу своего брата Игоря; причемъ, не полагаясь на силу его, онъ заключилъ договоръ какъ съ Изяславомъ, такъ и съ кіевскимъ вѣчемъ; но и эта мѣра оказалась недѣйствительной, потому что Игорю не удалось наслѣдовать послѣ брата. Рядомъ съ этимъ господствомъ договорнаго начала видимъ, какъ мало-по-малу растетъ и выдвигается другое начало вотчинное, которое играетъ гораздо болѣе важную роль, чѣмъ ему приписываютъ. Мы видимъ, что послѣ Любецкаго съѣзда Русь представляетъ изъ себя цѣлый рядъ отдѣльныхъ вотчинъ, областей или княжествъ. Во главѣ каждаго изъ этихъ княжествъ стоитъ извѣстная княжеская вѣтвь. По отношенію къ этой княжеской вѣтви область является вотчиной. Вотъ въ этихъ-то областяхъ вотчинный принципъ дѣйствовалъ съ полной силой. Въ Черниговo-Сѣверской землѣ княжитъ исключительно вѣтвь Святославичей, ни одинъ кусокъ Черниговo-Сѣверской земли не отходитъ подъ власть чужой княжеской вѣтви. Тоже самое должно сказать относительно Суздальской, Смоленской, Полоцкой, Муромской, Рязанской, Волыно-Галицкой земли. Изложенная нами исторія отдѣльныхъ княжествъ

вполнѣ подтверждаетъ эту мысль. Правда, Кіевъ является какъ-бы исключеніемъ, но это объясняется особенными обстоятельствами. И Кіевъ, подобно другимъ областямъ, стремился замкнуться въ себѣ, ограничить всѣ счеты излюбленной княжеской вѣтвью, каковою является семья Мономаха, тѣмъ не менѣе въ силу своего центральнаго положенія онъ не могъ осуществить своихъ желаній, и сдѣлался яблокомъ раздора между князьями сосѣднихъ областей. Какъ бы то ни было, только Кіевъ не составилъ вотчины, всѣ-же остальныя области были вотчинами разныхъ княжескихъ линій. Наконецъ, четвертымъ существенно важнымъ элементомъ въ княжескихъ отношеніяхъ является вѣчевое, земское начало. На ряду съ родовымъ старѣйшинствомъ, вотчиной и договоромъ оно играетъ очень видную роль: очень часто князья занимаютъ столы только вслѣдствіе расположенія и поддержки, которыя имъ оказываетъ населеніе той или иной области. Такъ называемое право призванія князей не принадлежитъ исключительно Новгороду и Пскову, какъ предполагали нѣкоторые изслѣдователи, имъ пользуются въ большей или меньшей степени всѣ области. Принято думать, что въ древнемъ Галичѣ вѣчевой элементъ былъ совершенно задавленъ боярствомъ, но тѣ же галичане въ отсутствіи своего князя Владиміра призывали на княженіе его противника Ивана Ростиславича Берладника. По смерти Ярослава Осмомысла, галицкіе мужи вопреки завѣщанію князя, изгнавъ Олега, посадили на великокняжескомъ столѣ Владиміра. То же самое дѣлаютъ смоляне въ 1175 г., изгнавъ сына Романа Ярополка и посадивъ его дядю Мстислава Ростиславича. Кіевляне пользуются довольно часто своимъ правомъ призванія. Такъ, напр., они призываютъ къ себѣ знаменитаго Владиміра Мономаха и затѣмъ оказываютъ постоянную поддержку его потомкамъ и отталкиваютъ отъ себя другихъ князей соискателей (въ особенности Ольговичей). Черниговское вѣче постоянно помогало въ затруднительныхъ обстоятельствахъ своимъ князьямъ Ольговичамъ; благодаря этой помощи Ольгу Святославичу удалось въ концѣ концовъ изгнать изъ Чернигова Всеволода и Владиміра Мономаха. Въ свою очередь и князья вообще, дорожа народнымъ расположеніемъ, исполняли часто его волю. Владиміръ Мономахъ для рѣшенія своего спора съ Олегомъ Святославомъ собираетъ совѣтъ изъ высшаго духовенства, дружины и горожанъ. Внукъ Мономаха Изяславъ не могъ упросить кіевлянъ пойти походомъ на Юрія Долгорукаго и отправился только со своей дружиной. Владиміро-Суздальскій князь, Всеволодъ Юрьевичъ говоритъ Мстиславу Ростиславичу: „тебя ростовцы привели и бояре, а меня съ братомъ Богъ и владимірцы, а Суздаль буди намъ обче—да кого восхотятъ, то буди имъ князь“. Черниговское вѣче говоритъ своему князю Всеволоду

Ольговичу, рѣшившемуся отъ преслѣдованія своего противника Ярополка спасаться бѣгствомъ къ половцамъ: „ты надѣешься бѣжать въ половцы, а волость свою погубиши, то къ чему ся опять воротишь? Луче того остань высокоумія своего, и просиши мира: мы бо вѣдаемъ милосердіе Ярополче“... и Всеволодъ принужденъ былъ послушаться ихъ благоразумнаго совѣта. Вообще нужно сказать, что расположеніе народа имѣло громадное значеніе для всякаго князя: оно помогало ему добиться извѣстнаго стола и закрѣпить его за собою на болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени; оно оказывало ему поддержку въ случаѣ завоевательныхъ попытокъ другихъ претендентовъ. Этимъ объясняется, почему иные князья по два и по три раза занимаютъ одинъ и тотъ-же столъ; не будучи въ состояніи отражать какого-нибудь претендента и удержать своего любимаго князя, вѣче употребяетъ новыя усилія, которыя и увѣнчиваются успѣхомъ; такъ было, напримѣръ, въ дѣлѣ Изяслава Мстиславича и его дяди Юрія Долгорукаго. Если между княземъ и вѣчемъ не было единенія, то князь могъ удержаться только силою на столѣ, и положеніе его вообще было очень шатко, всякій претендентъ былъ для него очень опасенъ, потому что собственно княжеская дружина никогда не бывала очень значительна. Но эта опасность еще болѣе увеличивалась, когда его противникомъ являлся князь, пользующійся расположеніемъ даннаго вѣча. Въ такихъ случаяхъ дѣло оканчивалось обыкновенно изгнаніемъ нелюбимаго князя и разграбленіемъ его дружинниковъ. Такимъ образомъ, естественно, что даже князья, занявшіе извѣстный столъ, помимо или даже противъ желанія вѣча, входятъ съ этимъ послѣднимъ въ извѣстный „рядъ“, т. е. договоръ, и всячески стараются добиться его расположенія. Такъ, напр., поступалъ Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій: занявши кіевскій столъ, онъ началъ устраивать пиры для кіевлянъ и вообще употреблять разныя мѣры, чтобы найти себѣ доброжелателей среди кіевскаго населенія. Послѣ всего сказаннаго для насъ нѣсколько уяснилась роль вѣча въ вопросѣ о добываніи князьями тѣхъ или иныхъ столовъ; въ однихъ княжествахъ такая дѣятельность вѣча проявлялась только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, въ другихъ (напр., въ Новгородѣ) она носила болѣе постоянный характеръ. Объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что вообще въ древней Руси не были строго опредѣлены ни функціи вѣча, ни функціи княжеской власти.

Что касается обязанностей князя, то это будетъ защита отъ враговъ, судъ и отчасти законодательство. Кромѣ опасностей отъ своей братіи—князей, каждое русское княжество имѣло своихъ внѣшнихъ враговъ: на сѣверѣ были такими врагами нѣмцы, литовцы, шведы, Камскіе болгары, на югѣ—половцы. Населеніе очень часто страда-

ло, какъ отъ русскихъ ратей, такъ и отъ внѣшнихъ враговъ. Не удивительно, что наибольшимъ уваженіемъ пользовался такой князь, который наилучше защищалъ свою землю отъ непріятелей. Наиболѣе замѣчательными изъ такихъ князей были: на югѣ—добрый страдалецъ за Русскую землю Владиміръ Мономахъ, на сѣверѣ, въ Новгородѣ,—Мстиславъ Удалой. Въ своемъ завѣщаніи дѣтямъ Мономахъ представилъ намъ идеалъ русскаго князя, который главнымъ занятіемъ своимъ считаетъ войну и охоту. Лѣтопись наиболѣе важною заслугою Мономаха признаетъ то, что онъ „бысть страшенъ врагамъ". Совсѣмъ иначе относился народъ къ не предпріимчивымъ князьямъ, плохо исполнявшимъ свою роль защитниковъ земли. Таковъ былъ второй сынъ Ярослава Мудраго Изяславъ и его сынъ Святополкъ II, къ которымъ народъ относился съ явнымъ нерасположеніемъ.

Другою важною обязанностью князя былъ судъ и управленіе. Населеніе предпочитало, чтобы судъ творилъ лично самъ князь; такой же совѣтъ подаетъ и Мономахъ въ своемъ завѣщаніи, но часто этого невозможно было достигнуть, и представителями княжескаго управленія и суда были посадники и тіуны. Эти то лица и позволяли себѣ разныя притѣсненія и обиды и возбуждали противъ себя справедливыя нареканія и жалобы. Лѣтопись сохранила намъ цѣлый рядъ жалобъ на тіуновъ Всеволода Ярославича, Святополка II и Всеволода Ольговича. Въ моленіи Даніила Заточника читаемъ: „не имѣй себѣ двора близь княжа двора; не держи села близь княжа села: тіунъ бо его яко огнь трепетицею накладенъ, а рядовичи его яко искры; аще отъ огня устережишися, но отъ искры не можешь устерещися жженія портъ". Все это подавало поводъ или домогаться личнаго княжескаго суда (какъ это было въ Кіевѣ) или же (какъ это было въ Новгородѣ) выработать институтъ народныхъ судей въ родѣ нашихъ присяжныхъ. Наконецъ, князья имѣютъ и законодательную власть: такъ, сыновья Ярослава—Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ вмѣстѣ съ своими мужами дополнили „Русскую правду" Ярослава; Владиміръ Мономахъ издалъ законъ о процентахъ; Святославъ и Всеволодъ Новгородскіе—церковные уставы и т. д. Судя по нѣкоторымъ отрывочнымъ указаніямъ лѣтописи, можно думать, что въ составленіи этихъ законовъ принимали участіе и представители отъ народа, тѣмъ болѣе, что матеріаломъ ихъ является, главнымъ образомъ, обычное право.

За исполненіе своихъ обязанностей князья пользовались значительными доходами съ населенія. Главнѣйшія категоріи доходовъ были слѣдующія: дани съ волостей. Дань эта, повидимому, носила опредѣленный размѣръ. Заранѣе было опредѣлено, сколько съ какой области нужно было взять даней. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уставъ

Ростислава Смоленскаго, гдѣ, напр., мы читаемъ: „въ Торопчи дани 400 гривенъ, а епископу съ того взяти сорокъ гривенъ" и пр. Было нѣсколько видовъ дани, собираемой съ покоренныхъ, не русскихъ племенъ: такія дани, напр., собирали съ своихъ югорскихъ, заволоцкихъ и печерскихъ владѣній новгородцы.

Судебные доходы. Сюда принадлежали: виры, продажи, судебные уроки, пересудъ, ротное, уроки, желѣзное. Это были или штрафы за совершенныя преступленія (виры и продажи), или плата за совершеніе суда (всѣ остальные). Вира платилась за убійство, и maximum ея былъ опредѣленъ въ восемьдесятъ гривенъ кунъ; продажа назначалась за оскорбленіе личности или нарушенія права собственности и maximum ея равнялся 12 гр. кунъ; всѣ остальные виды доходовъ являлись въ качествѣ судебныхъ пошлинъ за производство суда, за приводъ къ клятвѣ и за испытаніе желѣзомъ. Размѣръ этихъ доходовъ обозначенъ въ Русской правдѣ. Торговыя пошлины взимались съ провозныхъ и продаваемыхъ товаровъ. Онѣ носили нѣсколько названій и отличались значительнымъ разнообразіемъ. Сюда, напр., можно причислить—гостинное, взимавшееся съ гостей, т. е. пріѣзжихъ купцовъ, за право складывать товары въ городѣ; торговое—за продажу товара; мыто и перевозъ—внутренніе таможенные налоги; вѣсъ и перемѣръ товаровъ на казенныхъ вѣсахъ и казенными мѣрами; писъ, т. е. плата за записываніе привезенныхъ товаровъ и, наконецъ, пятно за клейменіе продаваемыхъ лошадей.

Доходы съ имѣній. Эти доходы бывали подчасъ очень значительны. У князей были села, гдѣ велось значительное хозяйство; лѣтопись сообщаетъ намъ нѣсколько фактовъ о такой частной поземельной собственности князей. Таковы, напр., были владѣнія Игоря и Святослава Ольговичей, опустошенныя и ограбленныя Изяславомъ и его союзниками; Князь волынскій Владиміръ Васильковичъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи заявляетъ о куплѣ въ собственность одного сельца. Значительный доходъ получали также князья съ разныхъ угодій, промысловъ и торговли; извѣстно, напр., что Даніилъ Романовичъ взялъ на себя доходы съ каломыйской соли, а Владиміръ Васильковичъ волынскій посылалъ для продажи хлѣбъ въ Ятвяжскую землю.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о домашней жизни князей. При рожденіи князь получалъ два имени одно христіанское другое славянское или княжеское; черезъ два года или три года происходили постриги: ребенку подстригали волосы и садили на коня; воспитаніемъ занимались кормильцы. Когда ребенокъ подросталъ и дѣлался мальчикомъ 12, 13 л., ему родичи подыскивали невѣсту и женили; необходимою принадлежностью женитьбы былъ свадебный пиръ, на который съѣзжалось множество дружинниковъ и князей

изъ сосѣднихъ областей. За невѣстою давали приданое—города или села. Жены брались у сосѣднихъ народовъ (шведовъ, поляковъ, чеховъ, венгровъ, грековъ, половцевъ) или у своей братіи князей, или, наконецъ, у бояръ. Время препровожденія князя состояло въ войнѣ, судѣ. Обыкновеннѣйшими развлеченіями и удовольствіями являлись пиры, на которыхъ любили выпить и потому пользовались всякимъ случаемъ для устройства пира—свадьбою, крестинами, имянинами, постригами; князья угощали другъ друга, и иногда духовенство и гражданъ; граждане въ свою очередь иногда угощали князей. Похороны происходили очень скоро послѣ смерти (на другой день); передъ гробомъ вели коня и несли знамя, процессію сопровождали въ трауръ родственники и дружина. За упокой души раздавали щедрую милостыню духовенству и нищимъ.

Вѣче. Города являлись центрами своей области, ихъ политическое значеніе выражалось въ формѣ вѣча. Лѣтопись не сохранила намъ всѣхъ фактовъ о дѣятельности вѣча; тѣмъ не менѣе дошедшія до насъ данныя позволяютъ сдѣлать заключеніе, что вѣчевое начало дѣйствовало почти на всемъ пространствѣ древней Руси; оно было присуще не только главнымъ древне-русскимъ городамъ, но и пригородамъ. Можно сказать, что оно было исконною формою русской жизни, ибо, начавшись въ незапамятныя времена, оно дѣйствовало вплоть до развитія самодержавія. Монгольское нашествіе имѣло сильное вліяніе на характеръ вѣчевой власти; съ появленіемъ монголовъ, вѣче почти потеряло свое право на призваніе князя, ибо это право теперь перешло къ хану. Что касается Новгорода и Пскова, то здѣсь, какъ извѣстно, вѣчевая жизнь продолжается до самаго конца ихъ политическаго существованія. Право участія въ вѣчѣ принадлежало всему свободному населенію. Въ лѣтописи, напр., мы находимъ указанія на участіе въ вѣчѣ бояръ, купцовъ и черныхъ людей. Въ Новгородѣ черные люди иногда собирали самостоятельное вѣче. Способъ рѣшенія вѣчевыхъ дѣлъ обусловливался его характеромъ; требовалось или единодушное рѣшеніе, или такое громадное большинство, противъ котораго ничего не могло сдѣлать меньшинство. Если этого не было, тогда наступала борьба большинства съ меньшинствомъ. Такая борьба или должна была окончиться побѣдой одной изъ сторонъ, или же взаимнымъ соглашеніемъ; постановлялось извѣстное рѣшеніе, которое признавалось уже обязательнымъ. Точно такимъ же неопредѣленнымъ характеромъ отличалось количество присутствующихъ на вѣчѣ лицъ; иногда оно было болѣе значительно, иногда менѣе. Результатомъ этого было то, что рѣшеніе одного состава вѣча перемѣнялось другимъ. Точно такимъ же неопредѣленнымъ характеромъ отличается и порядокъ созванія вѣча, мѣсто его и т. д. Право созванія вѣча принадлежало

7. Компетенция веча: [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] внутрен. упр. вече мало касалось — предоставляло князю, но [illegible], так Новг. в. избирало посадников, епископов; Киевск. в. потребовало у Игоря смены судей, Святосл. обещал киевл. тиуна по их воле. В. незаконодательной вообще. Главная задача в. контроль над деятельностью князя и тиунов.

какъ князю, такъ и каждому гражданину, но для этого нужно было, чтобы данное дѣло представляло интересъ и привлекало гражданъ, потому что присутствіе на вѣчѣ не было обязанностью, а правомъ. Главнымъ правомъ вѣча является призваніе князя; имъ пользовалось не только новгородское вѣче, но и всѣ другія, хотя, конечно, въ меньшей степени. Такъ, кіевляне по смерти Святополка призвали къ себѣ на княженіе Владимира Мономаха, вопреки постановленію, принятому на Любецкомъ съѣздѣ. Другіе факты мы проводили уже раньше. Новгородцы этимъ правомъ пользовались постоянно и обставляли его извѣстными юридическими формальностями, которыя не имѣли мѣста ни на какомъ другомъ вѣчѣ. Во всѣхъ городахъ одновременно съ призваніемъ князя заключался съ нимъ договоръ. Количество дошедшихъ до насъ договоровъ крайне ограничено. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ весьма характерны. Таковъ, напримѣръ, договоръ бывшаго смоленскаго князя Ростислава съ кіевлянами. Ростиславъ, какъ извѣстно, былъ приглашенъ на Кіевское княженіе и долженъ былъ заключить рядъ съ кіевлянами, по которому обязался имѣть своего дядю Вячеслава, вмѣсто отца. Когда этотъ послѣдній умеръ, Ростиславъ явился въ Кіевъ и хотѣлъ отправиться въ походъ противъ черниговскихъ князей; но здѣсь его собственная дружина говорила ему: „се Богъ поялъ стрыя твоего Вячеслава, а ты ся еси еще съ людьми Киевѣ не утвердилъ; а поѣди лѣплѣ въ Киевъ, же съ людьми утвердиши ся да, аче стрый придетъ на тя Дюрги, пакѣ ты ся съ людьми утвердилъ будешь, годно ты ся съ нимъ умирити—умириши ся паки-ли рать зачнешь съ нимъ“. Такимъ образомъ, изъ этихъ словъ мы видимъ необходимость договора для Ростислава съ кіевлянами. Другимъ правомъ вѣча является право объявленія войны и заключенія мира; князья часто прибѣгаютъ къ вѣчу, что-бы получить отъ него помощь противъ того или иного врага. Мы знаемъ, что князь самъ не располагалъ значительными военными силами и нуждался въ помощи гражданъ. Очень часто вѣче отказывало князю въ его просьбѣ. Что касается до взаимныхъ отношеній вѣча главнаго города и пригорода, то объ этомъ мы имѣемъ одно важное извѣстіе лѣтописи: „на чемъ же старѣйшие городы сдумаютъ, на томъ пригороды станутъ“. Но такія отношенія не оставались неизмѣнными; съ теченіемъ времени они нѣсколько видоизмѣнились; пригороды въ разныхъ областяхъ стараются достигнуть полной самостоятельности; ведется упорная борьба, которая обезсилила обѣ стороны, но въ концѣ концовъ кончилась въ пользу пригородовъ. Извѣстно, напр., что полной внутренней автономіи достигли: новгородскій пригородъ Псковъ, Вятка, Владиміръ на Клязьмѣ и др. Эта борьба была вызвана желаніемъ управляться собственнымъ вѣчемъ. Жителямъ пригорода нуж-

3. Вечевые собр. [illegible] на [illegible] народ. собраний Рима или в ~~[illegible]~~ греческ. собраниях, описанных в гомеровск. поэмах; в обычаях древних германц. можно найти буквальную аналогию с древнерус. областями. Вечевые собрания свойственны свойственно всем народам на известной ступени [illegible] развития. У некоторых народов вече обратилось в госуд. учреждение (в Греции в народ. собрание, в сред.-в. Англии в представит. учреждений, в Герм. в избират. [illegible]). На Руси этого не случилось. Почему? см 185 стр.

но было являться въ главные города въ качествѣ вѣчниковъ. Но подобнаго рода порядокъ былъ очень не удобенъ для пригорода, потому что жители его, въ силу отдаленности отъ главнаго города, не имѣли возможности туда часто являться.

Княжеская дума. Княжеская Дума въ противоположность вѣчу представляла изъ себя учрежденіе, дѣйствовавшее безпрерывно и въ домонгольскій и въ московскій періодъ нашей исторіи и это потому, что оно не ограничивало княжеской власти, и, наоборотъ, было полезно и даже необходимо для нея. Какъ бы мы не преуменьшали значенія княжеской Думы, хотя бы даже отрицали за нею характеръ учрежденія, а видѣли только въ ней акты совѣщанія князя съ отдѣльными лицами—все же остается внѣ сомнѣнія фактъ, что не было князей, у которыхъ не было думцевъ, а, слѣдовательно, и Думы. Членами Думы были только старшіе дружинники-бояре, голосъ которыхъ имѣлъ наиболѣе вѣса въ глазахъ князя. Герой Слова о полку Игоревѣ Игорь послѣ своего пораженія воскликнулъ: „гдѣ бояре думающеи?“ Святославъ Ольговичъ, узнавъ объ убіеніи родного брата Игоря, созываетъ на совѣтъ старѣйшую дружину. Юрій Долгорукій послушалъ бояръ, совѣтовавшихъ ему не передавать Кіева брату Вячеславу. Правда, нѣкоторые князья призывали къ себѣ на совѣтъ не старшихъ, а и младшихъ дружинниковъ, но на это смотрѣли какъ на нарушеніе обычая, приводящее къ непріятнымъ послѣдствіямъ для самого князя. Такъ, Всеволодъ Ярославичъ подъ старость началъ любить совѣты „юныхъ“ дружинниковъ и тѣмъ вызвалъ негодованіе старшихъ. „Плохо приходится тому городу, говоритъ лѣтописецъ, въ которомъ князь юнъ и любитъ пить вино съ гуслярами и молодыми совѣтниками“. Число думцевъ было невелико (5, 6, 7)—въ составъ Думы входили только тѣ бояре, которые были въ моментъ совѣщанія при князѣ и которыхъ онъ желалъ привлечь къ этому совѣщанію. Совѣщанія эти представляли изъ себя обычное постоянное и важное занятіе князя и открывали собою порядокъ его дня. Владимиръ Мономахъ совѣтуетъ дѣтямъ, вставши до восхода солнца и помолившись Богу, „сѣсть и думать съ дружиною“. Совѣты думцевъ оказывали большое вліяніе на князя, хотя онъ и не обязанъ былъ имъ подчиняться. Думцы теперь болѣе свободно высказывали свои сужденія, дѣлали „встрѣчу“, князю, т. е. противорѣчили ему, чѣмъ въ послѣдующій московскій періодъ. Лѣтопись оставила намъ нѣсколько свидѣтельствъ о препирательствахъ бояръ-думцевъ съ княземъ. Нерѣдко разногласіе наблюдалось и среди самихъ думцевъ. Иногда князь оставался при своемъ мнѣніи, шедшемъ въ разрѣзъ съ думскимъ, иногда его убѣждали доводы совѣтниковъ. Были и такіе князья, которые обыкновенно дѣлали то, что имъ совѣтовали думцы—

Значеніе вѣча усиливается в послед. чет. XI в. Главныя причины прекращенія вѣча в сѣв.-вост. Руси — нашествіе татаръ, они ставили князей и их контролирующими; сѣв.-в. Русь земледѣльческая, а вѣче созданіе городск. элем. Зап. Русь въ пол. XIII в подвергается захвату литовск. князей, а с пол. 15 присоединяется к Литвѣ: вѣче [illegible] лишается своего назнач. [illegible]

и тогда все зависѣло отъ состава ихъ совѣтниковъ. Тогдашній публицистъ Даніилъ Заточникъ говоритъ: „князь не самъ впадаетъ въ злыя дѣла, но его наводятъ на нихъ Думцы. Съ добрымъ совѣтникомъ князь додумается и до высокаго стола, а съ лихимъ лишится и малаго“. Дума была такъ тѣсно связана съ княземъ, что вовсе не имѣла самостоятельныхъ функцій, а ея компетенція была слита съ княжеской. Совѣты бояръ не ограничивали княжеской власти, но являлись практическимъ удобствомъ для обѣихъ сторонъ, даже необходимостью. Старшая дружина дорогобужскаго князя Владимира отказалась участвовать съ нимъ въ походѣ, потому что онъ заранѣе не посовѣтовался съ нею объ этомъ. Мысль о необходимости для князя совѣщаться съ дружиною ясно выразили дружинники кіевскаго князя Мстислава Изяславича, засвидѣтельствовавъ, что онъ не могъ безъ ихъ вѣдома не только захватить въ плѣнъ двухъ князей, но даже и подумать объ этомъ.

Составъ Общества: *Дружина*. Въ изучаемый нами періодъ въ значительной степени измѣнился составъ дружины. Мы знаемъ, какую важную роль въ прежнее время играли иноземные наемники (особенно норманскіе) въ русской дружинѣ. И теперь, правда, попадаются иноземцы, но только спорадически; смѣшаннымъ же характеромъ отличаются преимущественно дружины бродниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ другою отличительною чертою въ жизни дружины является ея постоянныя передвиженія съ одного мѣста на другое. Прежняя единая Русь раздробилась на цѣлый рядъ областей, въ каждой изъ нихъ явилась теперь отдѣльная княжеская семья; количество князей чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе увеличивалось; сообразно съ этимъ увеличилось и количество дружинъ, ибо у каждаго князя была своя дружина. Вслѣдъ за князьями двигались и ихъ дружины. Такое передвиженіе имѣло мѣсто особенно въ тѣхъ областяхъ, гдѣ не удалось усѣсться одной какой нибудь княжеской вѣтви, какъ это было, напр., въ Кіевской землѣ; здѣсь князья мѣнялись довольно часто и потому дружины ихъ не могли получить осѣдлости. Не удивительно, что кіевскіе дружинники не могли получить важнаго земскаго значенія въ качествѣ крупныхъ землевладѣльцевъ и наслѣдственныхъ чиновниковъ. Въ другихъ мѣстахъ значеніе дружины ослаблялось многочисленностью княжеской семьи, въ силу этого даже въ незначительныхъ пригородахъ въ качествѣ управителей сидѣли представители княжескаго семейства, а не бояре намѣстники. Такъ было, напр., въ Сѣверской землѣ, гдѣ даже такой незначительный пунктъ, какъ Вщижъ имѣлъ въ одно время самостоятельнаго князя. Наконецъ, въ иныхъ областяхъ обстоятельства благопріятствовали развитію значенія дружиннаго сословія. Такъ было въ Галицкомъ княжествѣ; во главѣ его стояли Ростисла-

вичи, не изъявлявшіе никакихъ притязаній на сосѣднія волости и заботившіеся о процвѣтаніи своей собственной; семья Ростиславичей никогда не была многочисленна, такъ что старшіе дружинники по необходимости занимали должности правителей городовъ и волостей, благодаря этому они могли стать въ непосредственныя отношенія къ населенію и прочно среди него обосноваться. Наступившая вслѣдъ затѣмъ эпоха смутъ вслѣдствіе прекращенія потомства Ростиславичей и малолѣтства Романовичей еще болѣе усилила ихъ значеніе, такъ что княжеской власти не удалось уже окончательно сломить ихъ господства, и они составили изъ себя какъ бы сенатъ при князѣ. Но на первомъ планѣ для дружинника стояли все таки отношенія къ князю, а не къ области. Вся дѣятельность дружины, вообще говоря, направлена была въ пользу княжескихъ интересовъ; дружина состоитъ на службѣ у князя; отъ него только она и могла ожидать разныхъ благъ. Съ другой стороны, и князь жилъ, что называется, душа въ душу съ дружиною, думалъ съ нею обо всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и не жалѣлъ никакихъ средствъ для улучшенія ея положенія. Дружина отказываетъ въ помощи Владиміру Мстиславичу, потому что онъ самъ задумалъ предпріятіе и ничего не сообщилъ ей объ этомъ. Лѣтописецъ вкладываетъ въ уста нѣмецкому посольству, которому Святославъ показывалъ свои богатства, такія слова, „се ни во что же есть, се бо лежитъ мертво; сего сутъ кмѣты лучьше бо доищутъ и больша сего“. Въ моленіи Даніила Заточника читаемъ: „князь щедръ отецъ есть всѣмъ, слузи бо мнози отца и матери лишаются и къ нему прибѣгаютъ“. Дружина дѣлилась на старшую и младшую, это различіе признавалось законодательствомъ. За старшаго дружинника платилось виры 80, а за младшаго 40 гривенъ. Старшіе дружинники являются преимущественно княжескими совѣтниками, думцами (вспомнимъ судъ въ Увѣтичахъ, участіе въ редакціи Русской правды); они же предводительствуютъ ратью при младшихъ князьяхъ, являются опекунами малолѣтнихъ сиротъ князей. Они же занимали должности тысяцкихъ, дворскихъ, посадниковъ, тіуновъ. Должность тысяцкаго была самая важная; онъ былъ посредникомъ между княземъ и народомъ; главнѣйшею обязанностью его было предводительство земскимъ ополченіемъ; но безъ тысяцкаго не могли быть рѣшены и главнѣшія гражданскія дѣла, напр., изданіе новыхъ узаконеній. Дворскій, наоборотъ, завѣдывалъ княжескою дружиной. Посадники были представителями княжеской власти въ тѣхъ городахъ, гдѣ не было князей; на ихъ обязанности лежало управленіе, сборъ дани, судъ, защита отъ враговъ и предводительство ратью; слѣдовательно, они въ предѣлахъ своей территоріи имѣли княжескую власть. Наконецъ, изъ старшихъ дружинниковъ должны были назначатся и тіуны, завѣдывавшіе су-

домъ и замѣнявшие въ этомъ отношенiи князей. Младшая дружина, иначе отроки, дѣтскiе, пасынки, гридь, только иногда призывалась на совѣщанiе и занимала низшiе разряды должностей (стольниковъ, мечниковъ). Доходы дружинниковъ состояли изъ жалованья и суммъ, полученныхъ отъ управленiя волостей, суда, отъ помѣстiй. Но количество взимаемыхъ доходовъ было заранѣе обозначено: въ качествѣ управителей волостей дружинники получали отъ населенiя опредѣленную сумму; размѣръ судебныхъ пошлинъ былъ опять таки ясно опредѣленъ закономъ (Русской правдой). Неопредѣленный характеръ носила только военная добыча.

Земщина. Все остально енаселенiе древней Руси можетъ быть раздѣлено на 3 группы: 1) свободныхъ, 2) зависимыхъ и 3), наконецъ, рабовъ. Каждая изъ этихъ группъ подраздѣляется въ свою очередь на нѣсколько другихъ. Свободные люди дѣлятся на 3 вида: 1) бояръ, 2) купцовъ, 3) черныхъ людей. Земскихъ бояръ нужно отличать отъ бояръ дружинниковъ; бояре, какъ показываетъ самое названiе,—лучшiе люди въ древнерусскомъ обществѣ, т. е. лица болѣе знатные или болѣе почетные. Но среди боярства не было наслѣдственности; напр., мы знаемъ, что въ Новгородѣ дѣти бояръ не представляли изъ себя бояръ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Точно также было и въ другихъ областяхъ. Правда, юридическiе памятники того времени дѣлаютъ нѣкоторое различiе между боярами и другими классами древнерусскаго общества; по Русской правдѣ, напримѣръ, наслѣдство боярина, если у него нѣтъ сыновей, переходитъ къ дочерямъ, между тѣмъ какъ послѣ смерда наслѣдникомъ является князь. Но это не будетъ все-таки столь значительная разница въ соцiальномъ положенiи, что бы мы могли сдѣлать заключенiе о строгой замкнутости боярскаго сословiя. Второй категорiей являются купцы, или иначе, среднiе люди, въ отличiе отъ большихъ людей или бояръ. Источники знаютъ два вида купцовъ—мѣстныхъ и иноземныхъ, иначе—гостей; послѣднiе пользовались большимъ почетомъ и преимуществами. Занятiе торговлею не было исключительною принадлежностью однихъ купцовъ; торговлей занимались также князь, бояре, дружинники и даже черные люди. Съ другой стороны, купцы участвуютъ въ войнахъ и посольствахъ. Въ третiй разрядъ черныхъ людей входятъ какъ жители городовъ, такъ и жители селенiй. Въ городахъ сюда принадлежатъ главнымъ образомъ разнаго рода ремесленники; въ селенiяхъ—такъ назыв. смерды. Изъ краткаго лѣтописнаго извѣстiя о походѣ Мономаха на половцевъ видно, что они имѣли свое собственное хозяйство, землю, гумно, лошадь и т. д., были, слѣдовательно, свободными земледѣльцами.

Таковы главнѣйшiя категорiи свободныхъ лицъ. Не свободные, зависимые люди, назывались закупнями или наймитами. Положенiе

ихъ, по Русской правдѣ, представляется намъ въ такомъ видѣ: они пользуются личной свободой и имущественной правоспособностью. Если, напр., закупень испортитъ борону или плугъ своего хозяина, то подвергается за это опредѣленному взысканію. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пользуется правомъ иска противъ своего хозяина; если этотъ послѣдній пытается продать его кому другому или обратить въ раба, онъ имѣетъ право идти съ жалобой къ князю и получаетъ свободу. Съ другой стороны, закупень является намъ, по той же Русской, правдѣ лицомъ зависимымъ; если, напр., онъ попадается въ воровствѣ, то штрафъ за него вноситъ господинъ, но за то и самъ онъ обращается послѣ этого въ холопа; господинъ имѣетъ право бить своего закупня, хотя впрочемъ только за дѣло. Такое сочетаніе свободы и зависимости объясняется качествомъ состоянія закупней. Они являются въ качествѣ должниковъ своего господина и принимаютъ за это на себя извѣстныя обязанности; но лишь только долгъ будетъ выплаченъ, всѣ обязанности прекращаются и закупень обращается въ свободнаго человѣка.

Наконецъ, на послѣдней ступени соціальной лѣстницы нужно поставить рабовъ или холоповъ. Положеніе рабовъ въ древней Руси было очень тяжело. Если рабъ что-нибудь и пріобрѣталъ, то оно шло въ пользу его господина; слѣдовательно, онъ не пользовался никакими имущественными правами. Онъ не несъ также отвѣтственности за свои преступленія. За преступленія, совершенныя рабомъ, долженъ былъ уплачивать господинъ; самъ онъ, слѣдовательно, не признается юридически правоспособнымъ членомъ общества, а вещью, составляющею полную неотъемлемую собственность господина. Причины, ведшія къ рабству, были слѣдующія: 1) бракъ безъ договора съ рабой, 2) тіунство безъ договора, 3) бѣгство закупня, 4) купля и 5), наконецъ, война. Несомнѣнно, что эта послѣдняя причина играла едва ли не самую важную роль въ первое время, но впослѣдствіи на первомъ мѣстѣ стояла купля. Защитникомъ рабовъ была церковь, вліяніе которой было довольно значительно. Съ принятіемъ христіанства распространился въ обществѣ взглядъ, что отпущеніе рабовъ на волю—дѣло весьма богоугодное. Такихъ отпущенниковъ церковь брала подъ свое покровительство, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ дошедшіе до насъ церковные уставы.

Горожане и селяне. Вотъ на какіе главные три класса можно раздѣлить древне-русское общество. Впрочемъ, рядомъ съ этимъ существовало еще дѣленіе другого рода—по мѣстожительству—на горожанъ и селянъ. Обыкновенно каждый болѣе или менѣе обширный городъ состоялъ изъ двухъ частей: дѣтинца и острога. Въ дѣтинцѣ помѣщались общественныя городскія постройки, т. е. соборъ, княжескій те-

ремъ и дворы дружинниковъ и духовныхъ. Здѣсь жилъ князь и его дружина. Наоборотъ, внѣшній градъ, или острогъ, заключалъ въ себѣ уже собственно жилища гражданъ въ точномъ смыслѣ этого слова, т. е. ремесленниковъ и купцовъ. Какъ дѣтинецъ, такъ и острогъ были окружены стѣнами, рвами, наполненными водою и очень часто цѣлой системой валовъ; стѣны обыкновенно бывали деревянныя. Всякій городъ имѣлъ въ это время двоякій характеръ: военно-административный и промышленно-торговый. Иные города отличались промышленнымъ характеромъ въ большей степени, другіе въ меньшей. Особеннымъ характеромъ отличались города, находившіеся по окраинамъ русской земли, въ Черниговскомъ, Переяславскомъ и Кіевскомъ княжествахъ. Эти города были населены различнаго рода людьми: и русскими военными дружинами, и черноклобуками, и обрусѣвшими половцами. Они были построены съ чисто военными цѣлями для защиты противъ кочевниковъ. Въ смыслѣ административномъ города являются центрами всего прилегающаго къ нимъ округа или волости. Одни изъ нихъ—главные—распространяли свое вліяніе на болѣе обширную территорію, другіе—второстепенные, иначе пригороды—на гораздо меньшую.

Что касается до селеній, то они имѣли свой опредѣленный центръ—такъ называемые погосты. Погосты въ древней Руси были тѣмъ, чѣмъ въ настоящее время является волость, т. е. административнымъ центромъ окружающихъ селеній. Окружающія селенія, входившія въ составъ погоста, могли носить разнообразный характеръ. Одни изъ нихъ могли принадлежать князьямъ, другіе монастырямъ и т. д., но всѣ они тянули „по землѣ и водѣ“ къ погостамъ. На подобный строй древне-русскихъ поселеній указываютъ намъ и юридическіе памятники того времени, главнымъ образомъ Русская Правда. Русская Правда даетъ намъ характеристику тогдашней административной общины, которая носила названіе верви. Вервь обязана была круговой порукой для платежа такъ называемой дикой виры.

Законодательство. „Русская Правда“ была открыта извѣстнымъ историкомъ Татищевымъ еще въ первой половинѣ XVIII вѣка. Татищевъ снабдилъ ее примѣчаніями и передалъ въ Академію наукъ. Первымъ издателемъ этого памятника былъ извѣстный критикъ Шлецеръ, который выпустилъ ее въ свѣтъ въ 1767 году. Послѣ этого было открыто еще множество списковъ и редакцій Русской правды. Наиболѣе важнымъ изъ послѣдующихъ изданій нужно признать сводное изданіе по четыремъ спискамъ разныхъ редакцій, сдѣланное Н. Калачевымъ (въ 1847 г.); наиболѣе же удобнымъ въ практическомъ отношеніи нужно признать изданіе этого памятника въ извѣстной „Христоматіи по исторіи русскаго права“ проф. Владимир-

скаго—Буданова. Есть изданіе проф. В. И. Сергѣевича. Каково происхожденіе Русской Правды? На нѣкоторыхъ спискахъ въ заголовкѣ имѣется такая надпись: „уставъ великаго князя Ярослава Владимерича о судѣхъ". Въ лѣтописи говорится, что Ярославъ побѣдилъ брата своего Святополка, наградилъ своихъ новгородскихъ воиновъ и отпустилъ ихъ домой, „далъ имъ правду и уставъ, списалъ грамоту, рече: по сему ходите и держите, яко же списахъ вамъ" (Соф. Врем.). Эти два мѣста подали поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ считать Русскую Правду законодательнымъ памятникомъ самого Ярослава и видѣть въ ней ту самую льготную Новгородску грамоту, о которой говоритъ лѣтописецъ. Но это невѣрно. Русская правда не была такой льготной грамотой; она представляетъ изъ себя законодательный сборникъ или, правильнѣе говоря, цѣлый рядъ сборниковъ и притомъ, повидимому, не оффиціальнаго, а частнаго характера. Всѣ многочисленные списки этого памятника дѣлятся на три редакціи: краткую, пространную и сокращенную изъ пространной. Существенное значеніе имѣютъ, впрочемъ, только первыя двѣ редакціи.

Русская Правда составлялась, наростала, такъ сказать, постепенно въ продолженіе XI, XII и XIII вѣковъ; при этомъ въ составѣ ея ясно различаются: 1) Правда самого Ярослава, 2) Правда сыновей его, 3) Правда XII и XIII в.в.

1. Правда самого Ярослава Мудраго состоитъ только изъ 17 §§. По своему содержанію эти параграфы дѣлятся на три отдѣла.

a) Къ первому отдѣлу принадлежитъ одинъ первый параграфъ, трактующій объ убійствѣ.

b) Ко второму—восемь слѣдующихъ, говорящихъ объ оскорбленіи личности.

c) Къ третьему—восемь послѣднихъ, имѣющихъ въ виду нарушенія правъ собственности.

2. Обращаемся къ составу Русской Правды Ярославичей. Она уже гораздо обширнѣе, но подобно предыдущей также можетъ быть раздѣлена на три отдѣла.

a) Въ первомъ, состоящемъ изъ одинадцати статей, говорится о преступленіяхъ противъ личности.

b) Во второмъ, состоящемъ изъ тринадцати статей, мы находимъ постановленія о нарушеніи правъ собственности.

c) Въ третьемъ, состоящемъ изъ двухъ статей, говорится о судѣ и судебныхъ пошлинахъ. Она начинается такъ. „Правда оуставлена Роуськои земли, егда ея совокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣга Микифоръ Кыяниъ, Чюдинъ, Микула". Нужно, впрочемъ, замѣтить, что здѣсь находится одинъ параграфъ (пред-

послѣдній), о которомъ въ самомъ текстѣ сказано: „то ти оурокъ Ярославль“, т. е. уставъ Ярослава Мудраго.

Первою особенностью Русской Правды сыновей Ярослава Мудраго является то, что они, по выраженію одного изъ параграфовъ, „отложиша оубіеніе за голову, но кунами ся выкупати; а иное все, якоже Ярославъ судилъ“ (послѣднее не совсѣмъ точно). И дѣйствительно, изъ перваго параграфа Правды Ярославичей видно, что за убійство огнищанина уплачивалась вира въ 80 гривенъ. Не касаясь подробностей содержанія перваго отдѣла Правды Ярославичей, мы только замѣтимъ важнѣйшія особенности этого юридическаго памятника. Кромѣ указаннаго выше полнаго уничтоженія мести, мы здѣсь должны отмѣтить еще то обстоятельство, что памятникъ этотъ принимаетъ во вниманіе мотивъ преступленія („въ обиду“).—Во второмъ отдѣленіи нужно замѣтить разницу, которая существуетъ между воровствомъ одного человѣка и цѣлой шайки.

3. Русская Правда XII и XIII вѣковъ. Русская Правда Ярославичей представляла изъ себя не замѣну, а дополненіе къ Правдѣ Ярослава Мудраго, которая, какъ мы видѣли, продолжала дѣйствовать въ Русской землѣ. Пространная Правда XII и XIII вѣковъ представляетъ изъ себя, въ противоположность предыдущей, болѣе или менѣе систематическій сводъ постановленій какъ Ярослава Мудраго, такъ его сыновей и послѣдующихъ XII и XIII вѣковъ. Мы остановимся только на важнѣйшихъ составныхъ частяхъ этой пространной Русской Правды.

а) Преступленія противъ жизни. Здѣсь мы находимъ указанія на тѣ случаи, когда виру платилъ не виновникъ, а община, къ которой онъ принадлежалъ, другими словами, мы находимъ здѣсь опредѣленіе понятія о дикой вирѣ.

Дикая вира платилась вервью, т. е. общиной, въ томъ случаѣ, когда убійцы не было на лицо, или же община не желала его выдать, или когда убійство совершалось явно на пиру. (Въ такомъ случаѣ платила вервь). Головничество, т. е. плату родственникамъ за голову убитаго, виновный уплачиваетъ самъ. Гораздо болѣе тяжелое наказаніе полагалось разбойнику, убивавшему съ цѣлью ограбить имущество убитаго. За разбойника вервь не платила, наоборотъ—выдавала его самого вмѣстѣ съ женой и дѣтьми „на потокъ и разграбленіе“.

Наконецъ, существовалъ еще одинъ видъ виры—такъ называемой поклепной. Поклепною вирою называлась такая, которая налагалась на лицо, подозрѣваемое въ преступленіи, но не схваченное вовремя его совершенія. Въ такомъ случаѣ для доказательства требовались свидѣтели, и притомъ можно было „искать на виновномъ“ только до тѣхъ поръ, пока трупъ еще не разложился и можно было въ немъ узнать извѣстное лицо.

b) Оскорбленіе личности. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что уже не ограничиваются констатированіемъ факта преступленія, а стараются опредѣлить и мотивы его. Если, напримѣръ окажется, что жалобщикъ, явившійся окровавленнымъ, т. е. потерпѣвшимъ побои и насиліе, самъ первый началъ драку, то штрафа въ вознагражденіе онъ не получаетъ.

c) Нарушеніе правъ собственности. Здѣсь особенно подробно говорится о сводѣ, указываются границы свода, что, конечно, было необходимо опредѣлить. Въ одномъ городѣ можно было вести сводъ до конца, но если онъ выходитъ за предѣлы города, то долженъ былъ заканчиваться—въ третьемъ населенномъ пунктѣ (городѣ или деревнѣ).

d) Постановленія о займахъ и процентахъ. Давать деньги въ заемъ поставлено было при свидѣтеляхъ. Проценты существовали мѣсячные, третные и годовые. Мѣсячные можно было платить только за небольшой промежутокъ времени; если же долгъ растягивался до года, то въ такомъ случаѣ мѣсячные проценты замѣнялись третными. Но постановленія о рѣзахъ подвергались все таки измѣненіямъ. При Святополкѣ, какъ извѣстно, произошелъ мятежъ, обрушившійся главнымъ образомъ на евреевъ ростовщиковъ. Владиміръ Мономахъ, вступившій на велико-княжескій Кіевскій столъ, долженъ былъ урегулировать этотъ финансовый вопросъ. И дѣйствительно, онъ издалъ особый уставъ о рѣзахъ, т. е. процентахъ, сильно ограничившій могущество ростовщиковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было обращено вниманіе и на тѣхъ лицъ, которые за долги поступили во временную зависимость отъ своихъ заимодавцевъ. Это были такъ называемые серебряные и ролейные закупы: первые получали ссуду деньгами, а вторые—въ видѣ сельско-хозяйственнаго обзаведенія.

e) Законы о наслѣдствѣ. Русская Правда отличаетъ наслѣдованіе у боярина отъ наслѣдованія смерда, т. е. простого человѣка. Послѣ боярина его наслѣдство, которое носитъ техническое названіе задница, въ случаѣ отсутствія мужескаго потомства, переходитъ къ дочерямъ, а послѣ смерда въ такомъ же случаѣ, оно идетъ въ пользу князя. Такая разница, быть можетъ, объясняется тѣмъ обстоятесьствомъ, что бояре владѣли личной поземельной собственностью, а смерды общинною, т. е. въ извѣстной мѣрѣ—государственною.

Изъ другихъ постановленій отмѣтимъ слѣдующія: жена имѣетъ опредѣленную долю въ наслѣдствѣ мужа; сестра при братьяхъ не наслѣдница; незаконорожденные дѣти отъ рабыни наслѣдствомъ не пользуются, но за то получаютъ личную свободу. Мать своимъ приданымъ распоряжается по собственному желанію.

f) Законы объ опекѣ. Опекуншей малолѣтнихъ дѣтей послѣ смерти отца должна быть мать; если она выходитъ замужъ, то опекуномъ можетъ сдѣлаться или ея второй мужъ, или родственники перваго. Опекунъ получаетъ извѣстный доходъ за свою обязанность. Эти постановленія Русской Правды отличаются отъ западно-европейскихъ и ихъ римскаго первоисточника значительной властью, предоставленной вдовѣ.

g) Законы о холопствѣ. Русская Правда точно указываетъ причины, которыя приводятъ къ холопству. Ихъ было три: продажа себя на торгу, тіунство безъ ряда (т. е. договора частнаго лица) и такая же женитьба безъ ряда (на рабѣ). Наоборотъ, женитьба на рабѣ съ предварительнымъ уговоромъ дѣлала и рабу свободной. За передержательство бѣглыхъ холоповъ назначались штрафы, потому что на холоповъ законодательство смотрѣло, какъ на собственность ихъ владѣльцевъ. Но этотъ самый взглядъ приводилъ къ матеріальной отвѣтственности господина за экономическія и финансовыя обязательства его холопа.

Экономическій бытъ. *Промыслы*. Переходимъ теперь къ экономическому быту и начнемъ свое обозрѣніе съ добывающей промышленности. Въ изучаемый нами періодъ всѣ отрасли добывающей промышленности (земледѣліе, скотоводство, звѣроловство, бортничество) существовали совмѣстно. Трудно рѣшить вопросъ объ относительномъ преобладаніи одной надъ другой: для рѣшенія этого вопроса у насъ нѣтъ достаточнаго количества данныхъ; можно только замѣтить, что въ этомъ случаѣ играли большую роль мѣстныя условія; земледѣліе было распространено въ большей или меньшей степени во всѣхъ княжествахъ. Села были у князей, княгинь, земскихъ бояръ и дружинниковъ, монастырей и церквей. Подсѣчное хозяйство было очень распространено, на это указываютъ попадающіяся въ источникахъ выраженія „роздерти“, „росчисти“, „роскосы“, „гари“; очевидно, часто приходилось расчищать и выжигать лѣсъ, поднимать цѣлину; въ пользу этого также свидѣтельствуетъ масса такихъ выраженій какъ: „селища“, „дворища“, „деревнища“, „починки“, „новоселки“ и т. д.; занимаясь земледѣліемъ, народъ не засиживался долго на одномъ мѣстѣ: бросалъ прежнія селенія—такъ образовались селища, переходилъ на новые—такъ образовались починки, новоселки. Неудивительно, что распаханныя земли, называвшіяся тогда притеребами, цѣнились дороже цѣлины. Земледѣльческія орудія были тѣ же, что и теперь: плугъ, рало (соха), борона, серпъ. Вятичи, какъ мы знаемъ, платили дань по шелягу отъ рала; борона упоминается въ Русской Правдѣ; серпъ былъ найденъ при раскопѣ Черниговскихъ кургановъ; хлѣбъ складывали въ стоги въ гумнѣ.

Давидовичи въ сельцѣ Мельтековѣ сожгли гумно въ 900 стоговъ хлѣба. Въ уставѣ Владимира упоминается объ овинѣ; Слово о полку Игоревѣ говоритъ о молотьбѣ на току и вѣяніи зерна; хранили его въ гумнѣ или ямѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Русская Правда; мололи его на ручныхъ жерновахъ и рѣже на водяныхъ мельницахъ. Разводились всѣ нынѣ существующіе сорта (хлѣба); нѣтъ упоминаній только объ одной гречихѣ, но и то, можетъ быть, тутъ виновата случайность; есть упоминаніе и о масличныхъ растеніяхъ—льнѣ и коноплѣ; гораздо меньше должны были быть распространены огородничество и садоводство. Въ огородахъ засѣвались капуста, рѣпа, макъ, тыква, бобы, чеснокъ, лукъ, хмѣль; объ этомъ свидѣтельствуютъ „Житіе Ѳеодосія" и др. источники. О садахъ мы имѣемъ самыя неопредѣленныя свѣдѣнія; по всей вѣроятности и садоводство, и огородничество не составляли промысла; добываемые продукты шли для домашняго употребленія. Звѣроловство и птицеловство составляли довольно важную отрасль промышленности. Какъ въ южной, такъ и въ сѣверной Руси было множество дикихъ звѣрей и птицъ; въ сѣверныхъ лѣсахъ преобладали, пушные звѣри. Ростиславъ смоленскій одарилъ Святослава черниговскаго соболями, горностаями, черными кунами, песцами, бѣлами зубами, рыбьими зубами; особымъ богатствомъ дорогихъ пушныхъ звѣрей—соболей, куницъ, славились отдаленныя новгородскія волости—Югра и Самоядь. Бобръ обиталъ едва-ли не на всемъ пространствѣ древней Руси. Владиміръ Мономахъ (въ своемъ поученіи) говоритъ, что въ Сѣверской землѣ водились медвѣди, волки, дикіе кони, дикіе быки, олени, лоси. Изъ исчезнувшихъ теперь совершенно породъ тогда были дикіе кони и туры или зубры. Владиміръ Мономахъ сообщаетъ, что онъ своими руками вязалъ по 10 и 20 дикихъ коней; Святославъ Ольговичъ подарилъ Ростиславу пардуса въ 1159 г. Для ловли звѣрей и птицъ употребляли сѣти, перевѣсы, соколовъ и ястребовъ и, наконецъ, собакъ. Владиміръ Мономахъ говоритъ, что онъ содержалъ нарядъ въ ловчихъ, въ соколахъ и ястребахъ. Охотой занимались прежде всего князья и притомъ не только для пріятнаго препровожденія времени, но и для извлеченія отсюда доходовъ. Волынскій князь Владиміръ во время своей болѣзни разослалъ на охоту своихъ слугъ. Для звѣроловства и птицеловства князья съ самаго давняго времени имѣли особенныя мѣста. Новгородцы въ своихъ договорныхъ грамотахъ строго опредѣляютъ мѣста, назначенныя для княжеской охоты; впослѣдствіи времени (напримѣръ, у московскихъ князей) были цѣлыя селенія, населенныя бобровниками и другими ловчими. Съ жителей въ пользу князей шелъ налогъ, носившій названіе „ловчаго"; такую, напримѣръ, дань наложилъ Мстиславъ на жителей города

Берестья за ихъ „коромолу“. Очевидно, слѣдовательно, что и населеніе занималось звѣринымъ промысломъ. Недаромъ законодательство этого періода (Русская Правда) назначаетъ опредѣленный штрафъ за порчу перевѣса, за воровство пса, сокола, ястреба, сѣти. Да иначе и быть не могло при томъ изобиліи звѣрей и птицъ, которое засвидѣтельствовано источниками. Рыболовство также играло важную роль, хотя, повидимому, здѣсь именно должны были играть важную роль мѣстныя условія. Въ иныхъ мѣстахъ этотъ промыселъ былъ, какъ видно, организованъ на широкихъ основаніяхъ, такъ, напримѣръ, въ южной части галицкихъ владѣній, прилегавшихъ къ Черному морю, и въ сѣверныхъ новгородскихъ областяхъ, прилегавшихъ къ Бѣлому морю; и въ одномъ, и въ другомъ случаѣ были организованы особые рыболовные ватаги или артели. Въ другихъ мѣстахъ рыбныя ловли являлись въ качествѣ угодій при земляхъ и, конечно, не имѣли такого большого значенія, какъ въ предыдущихъ. Наибольшее количество рыбныхъ ловель должно, естественно, принадлежать монастырямъ, для которыхъ рыба служила главной пищей. Точно такимъ же характеромъ отличалось и бортничество. Вмѣсто нашихъ ульевъ въ то время были борты, т. е. пустыя пространства, выдолбленныя въ деревѣ для помѣщенія пчелъ. И воскъ и медъ имѣли большой сбытъ, какъ внутри государства, такъ и заграницу. На Руси въ большомъ ходу было приготовлять изъ меда извѣстный напитокъ, а воскъ шелъ на потребу церкви и заграницу, У князей были особыя медуши, гдѣ сохранялся медъ; въ второстепенномъ городѣ Новгоро-Сѣверскаго княжества—Путивлѣ хранилось 500 берковцевъ, т. е. 5000 пуд. меду. Русская Правда старается утвердить права владѣльцевъ бортныхъ деревьевъ и налагаетъ штрафы за уничтоженіе знамени (т. е. клейма) или за порубку бортнаго дерева. На процвѣтаніе бортничества кромѣ того указываетъ медовая дань, шедшая въ пользу князя. Гораздо менѣе было развито скотоводство. Нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія указываютъ на недостаточное количество коней. Не удивительно, что за конокрадство назначалось очень тяжкое наказаніе. По той же самой причинѣ русскіе добывали скотъ (куплею и грабежомъ) у своихъ сосѣдей—степняковъ (половцевъ). Наконецъ, послѣднимъ видомъ разсматриваемой нами промышленности было добываніе соли. Какъ видно изъ Печерскаго Патерика и лѣтописи, южная Русь довольствовалась галицкой солью; въ Кіевѣ въ одно время (при Святополкѣ) была спекуляція на соль, тогда на помощь населенію пришелъ Печерскій монастырь. На сѣверѣ соль получалась изъ бѣломорскихъ варницъ, какъ видно изъ уставной грамоты Святослава Ольговича.

Ремесла. Изъ ремеслъ въ это время слѣдуетъ отмѣтить плотничье. Это ремесло прежде всего должно было получить широкое примѣненіе

въ отношеніи къ постройкѣ жилищъ и церквей, которыя по большей части были деревянныя; мастера вообще цѣнились дорого, въ Русской правдѣ за нихъ положена большая вира, чѣмъ за простого человѣка. Въ частности плотники носили нѣсколько названій, сообразно съ разными отдѣльными видами плотничьяго ремесла,—мостники, городники, древодѣлы, лучевники, бондари и др.

О постройкахъ того времени намъ даютъ понятіе остатки старинныхъ церквей—св. Софіи въ Кіевѣ, Новгородѣ, Спасо-Преображенскій соборъ въ Черниговѣ и т. д. Тѣ-же мастера занимались и кладкою каменныхъ стѣнъ. Нѣкоторые князья въ особенности прославились своими каменными постройками, таковъ былъ Андрей Боголюбскій; недаромъ ростовцы и суздальцы говорили относительно владимирцовъ; „то суть наші холопі каменьшицы".

Глиняная посуда должна была быть въ большомъ употребленіи. Въ матеріалѣ недостатка быть не могло; что же касается самаго производства, то оно было извѣстно въ самыя отдаленныя времена. Во всѣхъ курганахъ языческаго періода попадаются глиняные сосуды. Иные изъ нихъ сдѣланы очень грубо, но за то другіе отличаются довольно хорошей отдѣлкой и украшены орнаментомъ. Ремесло это занимало, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, много рукъ: въ Новгородѣ, напримѣръ, былъ гончарный конецъ. Кузнечное ремесло должно было имѣть нѣкоторое распространеніе, хотя о немъ мы имѣемъ только самыя скудныя указанія; на это указываетъ существованіе въ хозяйственномъ быту того времени довольно значительнаго количества желѣзныхъ вещей (сѣкиры, ножи, мотыки, котлы, вѣсы, гири, серпы, рала, пилы, долота, замки, мечи съ саблями, копья, рогатины, брони и т. д.

Искусство. Кромѣ ремеслъ, необходимыхъ для домашняго обихода, въ то время на Руси существовало еще нѣсколько другихъ, которыя носили техническое названіе художества и представляли нѣчто среднее между ремесломъ и искусствомъ. Кіевская домонгольская Русь сдѣлала шаги и въ этомъ отношеніи. Лѣтопись сохранила цѣлый рядъ именъ русскихъ людей того времени, которые являлись въ качествѣ ремесленниковъ и художниковъ. Конечно, это только случайныя упоминанія, въ дѣйствительности такихъ лицъ было гораздо больше; но, конечно, съ тѣмъ большимъ уваженіемъ мы должны отнестись къ этимъ піонерамъ нашей культуры. Таковъ былъ Петръ строитель каменнаго храма въ новгородскомъ монастырѣ, художникъ Милонѣгъ—христіанское имя его также Петръ—по порученію Кіевскаго князя Рюрика Ростиславича построилъ каменную стѣну при Выдубецкомъ монастырѣ. Рюрикъ говоритъ лѣтопись, „изобрѣте подобну дѣлу и художника въ своихъ си пріятелехъ, именемъ Милонѣгъ, Петръ же по крещенію".

Упоминается мастеръ Коровъ Яковлевичъ, который построилъ церковь въ Новгородѣ; упоминается мужъ хитръ Алекса, который строилъ укрѣпленія Каменца; упоминаются нѣкоторые русскіе строители въ великой Золотой Ордѣ, имена которыхъ остались намъ неизвѣстными, но о нихъ упоминаетъ Рубруквиссъ; извѣстенъ хитрецъ ваятель, Авдій, украсившій рѣзьбою двери храма въ городѣ Холмѣ; золотыхъ дѣлъ мастеръ Лазаръ Богша, который соорудилъ крестъ для княгини полоцкой Евфросиніи; затѣмъ Кузьма полоцкій, сдѣлавшій тронъ для хана Золотой Орды, по извѣстіямъ путешественника Пляно Карпини. Знаемъ мы серебрянника Нѣжина и щитника Гаврила; оба были новгородцы. Что касается до художниковъ—живописцевъ, то и въ этой чрезвычайно важной области искусства мы имѣемъ упоминанія объ одномъ монахѣ Олимпіѣ, который былъ ученикомъ цареградскихъ мастеровъ, расписавшихъ великій храмъ Успенія въ Лаврѣ, а въ сѣверной Россіи, въ великомъ Новгородѣ упоминается Гречинъ Петровичъ, который расписалъ одну церковь въ Новгородѣ. Прозвище Петровичъ указываетъ на его южно-славянское происхожденіе: вѣроятно, онъ явился къ намъ подъ именемъ грека и былъ, несомнѣнно, двигателемъ культуры. Такимъ образомъ, слѣдовательно, мы видимъ цѣлый рядъ русскихъ художниковъ—архитекторовъ, ваятелей, живописцевъ. Но эти художники могли выучится своему искусству только у иностранцевъ—грековъ.

Несомнѣнно, что на Руси получили широкое распространеніе такъ наз. корсунскія издѣлія, т. е. издѣлія, которыя производились въ Корсуни, колоніи тогдашней Византіи и на которомъ лежала печать византійскаго христіанскаго искусства. Говоря о византійскомъ искусствѣ того времени и о томъ, каково было вліяніе его на русское искусство, мы не должны упускать изъ виду одного общаго положенія, которое въ настоящее время стало общепринятымъ. Это положеніе заключается въ томъ, что Византія усвоила себѣ два элемента въ искусствѣ. Она воспользовалась остатками древне-греческаго и римскаго искусства, усвоила ихъ въ видѣ пережитковъ стараго времени, но эти элементы были обновлены подъ вліяніемъ искусства восточнаго. Византія, какъ извѣстно, соприкасалась нерѣдко съ народами востока, въ томъ числѣ и съ персами. Это восточное своеобразное искусство—арабское и персидское, наложило печать и на искусство византійское. Съ другой стороны древняя Русь, въ области искусства пользовалась съ одной стороны тѣмъ основаніемъ, которое путемъ преемственнымъ перешло къ ней еще отъ стараго времени, а именно, отъ сарматской эпохи, а съ другой стороны, она путемъ соприкосновенія съ Византіей опять встрѣтилась съ восточными образцами, но уже претворенными византійскимъ искусствомъ. Такимъ образомъ, слѣдовательно,

для Руси въ византійскомъ искусствѣ не было тѣхъ чуждыхъ и непонятныхъ особенностей. Русь находилась еще въ большей связи съ востокомъ. На долю Руси выпала задача перетворить въ своемъ искусствѣ два элемента: западный и восточный. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній намъ будетъ понятно, почему мы на Руси видимъ цѣлый рядъ памятниковъ искусства, разнаго рода издѣлій съ высоко развитой техникой. Я разумѣю прежде всего искусство такъ наз. эмалированія. Оно встрѣчалось на Руси въ видѣ очень рѣдкихъ исключеній въ предшествующую эпоху, но теперь эти эмалированные предметы получаютъ всеобщее распространеніе. При этомъ техника различаетъ два пріема: пріемъ такъ наз. выемчатой эмали, для которой оставлялись гнѣзда, а потомъ въ эти гнѣзда вкладывалась перегородчатая эмаль. Другимъ видомъ того же искусства нужно признать такъ наз. сканное или филигранное искусство. Сканное—происходитъ отъ глагола сучить. Это сканное дѣло въ простѣйшемъ видѣ существовало и раньше, но въ XII вѣкѣ оно получило особое развитіе; можно указать на цѣлый рядъ памятниковъ, но я ограничусь однимъ болѣе замѣчательнымъ, это—знаменитая шапка Мономаха. Эта шапка Мономаха по новѣйшимъ изслѣдованіямъ академика Кондакова являетъ изъ себя памятникъ византійскаго искусства XII вѣка. Эта Мономахова шапка состоитъ изъ креста на верху, верхней накладки и нѣсколькихъ выпуклыхъ пластинокъ, на которыхъ мы и находимъ филигранныя или сканныя изображенія. Внизу она опушена мѣхомъ. Этотъ мѣхъ, конечно, очень поздняго происхожденія. На югѣ мы находимъ и цѣлый рядъ памятниковъ, несомнѣнно, византійскаго происхожденія. Главнымъ образомъ эти памятники относятся къ Кіево-Софійскому собору, т. е. къ тому храму, который былъ построенъ во времена Ярослава Мудраго, и гдѣ мы видимъ древнюю мозаичную и фресковую живопись. Мозаичная живопись производилась на штукатуркѣ такимъ образомъ: накладывался извѣстный родъ цвѣтныхъ кубиковъ, посредствомъ которыхъ и получался рисунокъ. Такимъ образомъ получалось чрезвычайно прочное изображеніе. Что касается фресокъ, то эти послѣднія, наоборотъ, уже являются сравнительно весьма непрочными. Тамъ роспись дѣлалась красками. Всѣ важнѣйшія изображенія Кіево-Софійскаго собора относятся къ тому или иному роду живописи. Изъ мозаикъ слѣдуетъ отмѣтить мозаичный образъ Богоматери, который по особенностямъ своего стиля и рисунка долженъ занять первое мѣсто среди всѣхъ остальныхъ изображеній. Среди фресокъ Кіево-Софійскаго собора на первомъ мѣстѣ нужно поставить тѣ, которыя находятся на лѣстницѣ, ведущей на хоры Кіево-Софійскаго собора. Эта загадочная живопись занимала очень многихъ изслѣдователей. Въ прежнее время нѣкоторыя изъ этихъ изображеній объяснялись

въ качествѣ сценъ древне-русскаго быта. Но въ настоящее время, благодаря изслѣдованіямъ покойнаго проф. Егора Кузьмича Рѣдина и проф. Айналова, установилась иное объясненіе. Это—сцены изъ византійскаго быта, изъ цирковой жизни. Здѣсь изображены скоморохи, гусельники и т. п.

Торговля Теперь намъ слѣдуетъ обратиться къ торговлѣ. Торговля въ это время была внутренняя и внѣшняя. Первая велась прежде всего въ городахъ. Съ этою цѣлью устраивались торги или иначе рынки. Иногда въ болѣе значительныхъ центрахъ, напр., Новгородѣ, строились и лавки, т. е. гостинный дворъ. Предметами торговли въ это время были—скотъ, хлѣбъ, разнаго рода утварь, посуда, одежда и т. д. Однимъ словомъ,—предметы первой необходимости.

Конечно, была значительная разница между различными областями по отношенію къ торговой дѣятельности. Въ иныхъ областяхъ классъ торговыхъ людей былъ гораздо болѣе значительный, чѣмъ въ другихъ. Къ такимъ областямъ принадлежали прежде всего Новгородъ и Псковъ, затѣмъ Смоленскъ и отчасти Полоцкъ. Если мы обратимъ вниманіе на природу всѣхъ этихъ областей, то увидимъ, что онѣ, отличаясь крайне скудной почвой и довольно холоднымъ климатомъ, не могли производить въ достаточномъ количествѣ всего необходимаго для пропитанія. Мы сдѣлаемъ краткую характеристику торговой дѣятельности въ разныхъ областяхъ древней Руси насколько это возможно будетъ по дошедшимъ до насъ отрывочнымъ даннымъ. Кіевъ еще издревле отличался значительной торговой дѣятельностью. Едва-ли кіевскую торговлю въ то время не нужно поставить на первомъ планѣ. Такая же торговая дѣятельность замѣчается въ Кіевской области и во все послѣдующее время вплоть до татарскаго нашествія. Что касается до торговли въ сосѣдней Галицкой области, то она не прекратилась даже послѣ татарскаго нашествія. Въ Галиціи велась торговля преимущественно солью, которая добывалась тамъ въ изобиліи. Лѣтопись подъ 1164 годомъ передаетъ, что по случаю разлива Днѣстра „потопи человѣкъ болѣе 300, иже бяху вышли съ солію изъ Удечева". Въ меньшей степени, повидимому, занималась торговлей сосѣдняя Черниговo-Сѣверская земля, но и относительно ея мы находимъ подъ 1224 г. извѣстіе, что Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій обратился на вѣчѣ къ новгородцамъ съ приглашеніемъ ихъ пріѣзжать для торговыхъ цѣлей въ Черниговъ; изъ житія преподобнаго Ѳеодосія мы узнаемъ, что изъ Курска, крайняго пункта Сѣверской области, ходили цѣлые обозы съ товарами въ Кіевъ. Съ однимъ обозомъ, какъ мы знаемъ, пріѣхалъ и Ѳеодосій. Въ Новомъ торгѣ постоянно жили новгородскіе и такъ называемые низовскіе купцы, т. е. купцы изъ Суздальской области и различныхъ приволж-

скихъ городовъ. Главными предметами торга были хлѣбъ и соль. Эта послѣдняя получалась новгородцами на собственныхъ ихъ соляныхъ варницахъ. Въ Суздалѣ и Переяславлѣ ведется также значительная торговля; по извѣстіямъ лѣтописи, князь Ярославъ захватилъ въ Переяславлѣ 150 новгородскихъ купцовъ и 150 смоленскихъ купцовъ. Наконецъ, послѣдними торговыми пунктами нужно признать новгородскія волости—Печеру, Югру, Заволочье. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, повторяю, производилась значительная внутренняя торговля.

Что касается до внѣшней торговли, то она въ этотъ періодъ была также очень значительна. Кіевъ по прежнему ведетъ торговлю съ Византіей. Объ этомъ мы имѣемъ нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія. Изъ нихъ мы знаемъ, что складочнымъ торговымъ пунктомъ былъ на югѣ городъ Олешье (нынѣшній Алешки). Въ 1184 г. князь Давидъ захватилъ купцовъ, торговавшихъ съ Греціей въ Олешьи. Эти купцы названы въ лѣтописи Грьцы; но подъ этимъ названіемъ нужно разумѣть не грековъ, а русскихъ купцовъ, торговавшихъ въ Греціи. Въ лѣтописи мы находимъ указаніе на три главнѣйшіе пути, которые вели изъ Поднѣпровья на югъ въ Черное и Азовское побережье Относительно этихъ путей существуетъ нѣкоторое разногласіе. Нужно думать, что соляной путь велъ къ Геническимъ и Бердянскимъ озерамъ въ Калміусъ; изъ Калміуса волокомъ въ Волчью воду, притокъ Самары, а оттуда въ Днѣпръ; при устьи Дона находился городъ Тана; затѣмъ въ самомъ Крыму Судакъ или Сурожъ, куда по извѣстію Рубруквиса, Русь пріѣзжала на повозкахъ. Что касается до пріемовъ и способовъ торговли, то они были самые разнообразные. Иногда она носила характеръ обмѣна безъ помощи денежныхъ знаковъ; такъ было, напр., въ разныхъ отдаленныхъ областяхъ въ родѣ Печеры, Югры. Наоборотъ, въ торговлѣ съ нѣмцами мы видимъ не только денежные знаки, но даже и кредитъ. По постановленію Русской Правды полагались извѣстныя формальности при займахъ; если заемъ производился обыкновенными людьми, при немъ должны были присутствовать свидѣтели; купцы могли производить заемъ безъ свидѣтелей; но препятствій для кредита было всетаки очень много. Прежде всего такимъ препятствіемъ являлось отсутствіе значительнаго количества капиталовъ. Капиталы сосредоточивались, собственно говоря, въ рукахъ князя гостей и отчасти церкви. Очень вредно было также то недовѣріе, которое существовало между купцами и продавцами. Большимъ препятствіемъ являлись войны, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, при которыхъ не считались съ торговыми интересами и была большая вѣроятность лишиться капитала. Неудивительно, что проценты были очень велики. Духовныя лица обращаются съ проповѣдью и совѣтуютъ не брать большихъ процентовъ; при этомъ указывается и на за-

конные проценты; этотъ законный процентъ простирается до 15-20%. Затѣмъ, другимъ препятствіемъ торговой дѣятельности должна была служить значительная торговая пошлина; это такъ называемое мыто и цѣлый рядъ другихъ налоговъ, носившихъ болѣе частныя названія: побережное, мостовище, перевозъ, явленное, гостинное, тамга, помѣрное, вѣсчее, писчее, пятно. Все это будутъ разные виды торговыхъ пошлинъ. Совокупность пошлинъ, которыя нужно было уплачивать, была весьма значительна, сами пошлины были сравнительно не велики, тѣмъ не менѣе въ общемъ получалась довольно изрядная сумма. Напр., прежде чѣмъ привезти товаръ на рынокъ для продажи, нужно было уплачивать такъ называемый перевозъ, т. е. давать извѣстную сумму за перевозъ черезъ мостъ, побережное за остановку судна на берегу, мостовище, т. е. пошлину за переѣздъ черезъ мостъ; затѣмъ, при въѣздѣ съ товаромъ въ городъ нужно было уплачивать „явленное“, гостинное за право помѣщенія товара; только послѣ этого начинался цѣлый рядъ поборовъ при самой продажѣ товаровъ; тогда назначалась такъ называемая тамга, т. е. непосредственная пошлина за продажу товара. Сообразно съ качествомъ товара пошлина называлась помѣрной, если товаръ нужно было мѣрить, или вѣсчимъ, если его нужно было вѣсить, или писчимъ, когда его нужно было продавать по штукамъ. Вредное вліяніе всѣхъ этихъ пошлинъ для торговли было очень велико. Онѣ ложились тяжелымъ бременемъ на товары. Если припомнимъ, что нужно было проходить весьма значительныя пространства и, слѣдовательно, уплатить весьма значительную сумму, тогда поймемъ, почему торговая дѣятельность въ Руси въ изучаемый нами періодъ не достигла еще большого развитія; слишкомъ много было препятствій и задержекъ. Но этимъ дѣло далеко не оканчивалось: былъ еще цѣлый рядъ препятствій и задержекъ торговой дѣятельности, которыя лежали въ самой природѣ страны. Каждое изъ 4-хъ временъ года имѣло свои невыгоды; напр., въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были покрыты лѣсами: болотами, товары нужно было везти исключительно почти зимой, когда не было грязи; но торговля зимой имѣла свои невыгоды, морозы уничтожали караваны, люди замерзали. Если торговля велась лѣтомъ по рѣкамъ, то при значительныхъ наводненіяхъ мосты часто сносило водой; на переѣзды употреблялось много времени; для того, чтобы обозу купцовъ переѣхать изъ Курска въ Кіевъ, нужно было три недѣли, т. е. въ день можно было проѣзжать всего около 23 верстъ. Много мѣшали торговлѣ различнаго рода физическія бѣдствія. Лѣтопись въ этомъ отношеніи представляетъ цѣлую массу чрезвычайно важныхъ фактовъ; это были такія бѣдствія, о которыхъ мы теперь не можемъ составить никакого представленія; неурожаи очень часто

вели къ положительному голоду; подвоза хлѣбныхъ припасовъ изъ другихъ мѣстъ трудно было ожидать; населеніе вымирало цѣлыми сотнями, тысячами; иногда такіе неурожаи посѣщали едва-ли не всю Русь. Сюда же нужно присоединить повальныя бозѣзни. Не менѣе важную роль въ этомъ дѣлѣ играли внутреннія войны и внѣшнія. О первыхъ даетъ представленіе значительное количество княжескихъ междоусобій, о вторыхъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ нападеній разнаго рода кочевниковъ, начиная съ печенѣговъ и кончая татарами. Сюда, наконецъ, должно присоединить неудовлетворительное состояніе судовъ. Все это вело къ тому, что торговая дѣятельность обставлена была непреодолимыми препятствіями. Мы можемъ удивляться тому, что всетаки она не прекратилась совершенно, а, даже постепенно развивалась; это только лишній разъ насъ убѣждаетъ въ томъ насколько живуча русская натура.

Церковь и монастыри. Теперь намъ можно обратиться къ религіозному, нравственному и умственному состоянію русскаго общества. Христіанство втеченіе XI—XIII ст. распространяется въ тѣ области, гдѣ раньше его не было,—въ области Новгородскую, Суздальскую, Муромо-Рязанскую, землю Вятичей и т. д. Организація русской церкви представляется теперь въ такомъ видѣ: во главѣ русской церкви стояли большей частью греки митрополиты, которые, какъ и прежде, утверждались константинопольскимъ патріархомъ. Соборомъ русскихъ епископовъ были только избраны Илларіонъ и Климентъ Смолятичъ. Зависимость русскаго митрополита отъ царьградскаго патріарха не была, впрочемъ, очень значительна. Царьградскому патріарху принадлежало право утвержденія митрополитовъ, право верховнаго суда, что же касается до дѣятельности самого митрополита, то она носитъ прежній характеръ. Митрополитъ по прежнему заботится о всей русской церкви, онъ собираетъ соборы изъ епископовъ по тѣмъ вопросамъ, которые волновали тогдашнее общество. Что касается до епископовъ, то количество ихъ въ то время увеличивается и достигаетъ почтенной цифры 15. Нужно замѣтить, что каждая изъ политическихъ единицъ того времени (т. е. княжество) стремилась получить особаго епископа. Такое стремленіе идетъ параллельно съ желаніемъ достигъ политической автономіи. Иногда епископы вступаютъ въ борьбу съ митрополитомъ; таковъ былъ суздальскій епископъ Ѳеодоръ, который стремился къ полной независимости отъ кіевскаго митрополита. Нужно замѣтить, что Андрей Боголюбскій, хотя и желалъ для своей области особаго митрополита, но не могъ поддержать Ѳеодора и спасти его отъ мщенія кіевскаго митрополита. Ѳеодоръ долженъ былъ отправиться въ Кіевъ и здѣсь митрополитъ предалъ его тяжкой казни: у него былъ вырѣзанъ языкъ и отсѣчена рука. Что касается

надо значенія епископа, то въ этомъ дѣлѣ значительную роль играли деньги. По крайней мѣрѣ изъ посланія Симона къ Поликарпу видно, что одна княгиня рѣшилась не пожалѣть 1000 гривенъ, чтобы доставить епископскую кафедру своему любимцу Поликарпу. Что касается до матеріальнаго благосостоянія церквей, то оно въ это время достигаетъ значительныхъ размѣровъ; это мы видимъ изъ нѣкоторыхъ памятниковъ церковнаго законодательства. Ихъ до насъ дошло четыре, именно: три новгородскихъ устава и одна уставная грамота смоленскаго князя Ростислава. Изъ этихъ памятниковъ видно, что церковное благосостояніе было вполнѣ обезпечено; церковь получала $^1/_{10}$ отъ княжескихъ доходовъ и имѣла значительное количество населенныхъ имѣній. Что касается до нравственнаго значенія церкви, но оно было также значительно. Представители ея дѣйствительно проповѣдуютъ идеи христіанскаго мира и любви. Но дѣло въ томъ, что имъ нерѣдко не доставало духовнаго образованія. Для того, чтобы дать представленіе объ этомъ укажу на произведеніе новгородскаго архіепископа Василія, гдѣ онъ дастъ наставленіе тверскому епископу относительно земного рая. Произведеніе это представляетъ смѣсь христіанскихъ воззрѣній, основанныхъ на свидѣтельствѣ церкви, и тѣхъ обычныхъ представленій и апокрифическихъ сказаній, которые ходили въ тогдашнемъ обществѣ. Такимъ образомъ, если у такого представителя церкви, какъ архіепископъ, былъ цѣлый рядъ воззрѣній, далеко не согласныхъ съ ученіемъ церкви, то можно себѣ представить, какова была проповѣдь у низшихъ представителей церкви, которые не имѣли никакого образованія. Въ числѣ вопросовъ, волновавшихъ тогдашнее русское духовенство, были слѣдующіе: можно ли носить теплую одежду изъ шкуръ животныхъ, не употребляемыхъ въ пищу? можно ли служить въ одеждѣ, въ которую вшитъ женскій платокъ? можно ли толкать яйцами въ зубы до обѣдни въ Свѣтлое Христово Воскресеніе?

Для того, чтобы покончить съ вопросами о значеніи церкви, мы скажемъ нѣсколько словъ о характерѣ и значеніи древнерусскаго монашества. Человѣкъ по тогдашнимъ понятіямъ не представлялъ гармоническаго сочетанія духа и тѣла: наоборотъ, въ немъ тѣло постоянно враждуетъ съ духомъ; оно лютый врагъ этого послѣдняго; слѣдовательно, нужно было устранить пожеланія тѣла, исключить изъ своей жизни семейныя начала. Тѣло вообще стремится къ удовольствіямъ, которыя находятся въ мірѣ; нужно избѣжать ихъ, т. е. уйти изъ міра. И вотъ лучшіе люди своего времени, люди, для которыхъ не чужды были вопросы и о духѣ, и о жизни, уходятъ въ монастыри, но мало-по-малу эта самая жизнь, отъ которой они хотѣли уйти въ монастырь захватываетъ ихъ тамъ,—монастыри начинаютъ вліять на жизнь

мірскихъ людей; эти послѣдніе въ свою очередь вліяютъ на жизнь монаховъ; происходитъ взаимодѣйствіе, иногда очень полезное для одной и другой стороны. Иногда, какъ это было въ Печерскомъ монастырѣ, монахи раздавали во время голода изъ своихъ складовъ хлѣбъ, занимались леченіемъ мірянъ, т. е. заботились о той „презрѣнной“ плоти, съ которою они должны были воевать. Уходя въ лѣса и дебри, чтобы спастись отъ мірянъ, они привлекаютъ этихъ послѣднихъ; къ отшельнику являются другіе лица, ищущіе спасенія; возникаетъ монастырь, а возлѣ него селеніе; монастыри такимъ образомъ являются первыми піонерами славяно-русской колонизаціи; такую роль они играютъ преимущественно въ сѣверо-восточной Руси. Впослѣдствіи они пріобрѣтаютъ большое количество земельной собственности и угодій.

Важнѣйшей святыней Кіева была знаменитая Кіево-Печерская Лавра. Первоначальнымъ основателемъ этой обители былъ обыватель города Любеча (Черниговской области) преподобный Антоній- Онъ явился въ Кіевъ для того, чтобы предаться здѣсь отшельнической жизни. Здѣсь на окраинѣ города, онъ нашелъ небольшую пещеру, гдѣ и поселился. Слава о его иноческой жизни распространилась въ окресности и къ нему стали стекаться подвижники для постриженія. Мало по малу помѣщенія иноковъ расширились, и Антоній, который болѣе всего заботился объ уединеніи, поставилъ игуменомъ новаго монастыря Варлаама (изъ боярскаго рода). Но истиннымъ устройствомъ обители былъ преподобный Ѳеодосій. Онъ былъ родомъ изъ г. Курска. Съ обозомъ купцовъ онъ прибылъ въ Кіевъ, убѣжавъ отъ матери, не желавшей допустить его принять монашество. Онъ былъ избранъ игуменомъ Кіево-Печерскаго монастыря. Главная заслуга его заключалась въ томъ, что онъ ввелъ строгій студійскій уставъ, добытый имъ на Аѳонѣ. Этотъ уставъ самымъ точнымъ образомъ регулировалъ жизнь и взаимныя отношенія монаховъ и отличался большою суровостью.

На первыхъ порахъ монастырь довольствовался незначительными подаяніями разныхъ благочестивыхъ людей и работами своихъ послушниковъ. Но съ теченіемъ времени пожертвованія увеличивались. Богатые люди стали дѣлать щедрые вклады, даря и движимыя и недвижимыя имущества. Таковъ былъ, напр., Шимонъ, внесшій около 50 гривенъ золота. Князь подарилъ монастырю сосѣднюю гору и на ней возникли новыя кельи. Кіевскіе князья, начиная съ Изъяслава, относились неодинаково къ святой обители, но мало по малу она завоевала и ихъ расположеніе. Сюда являлись князья искать совѣта и указанія относительно политическихъ дѣлъ, походовъ на половцевъ и т. п.

Въ монастырѣ явился цѣлый рядъ подвижниковъ, прославившихъ себя подвигами суроваго благочестія. Ихъ дѣянія, ихъ благочестивая жизнь не остались неизвѣстными народу; создался цѣлый рядъ житій, которыя составили потомъ знаменитый Кіево-Печерскій Патерикъ, имѣвшій много редакцій и списковъ.

Житія эти читались не въ одномъ Кіевѣ и Кіевской области, а во всей русской землѣ. Слава о подвигахъ Антонія, Өеодосія, Нестора, Никона, Исаакія затворника и многихъ-многихъ другихъ распространилась по всѣмъ уголкамъ нашего обширнаго отечества, и благочестивое пилигримство въ Лавру началось уже тогда. Но этимъ не ограничилось значеніе Лавры Если мы обратимъ вниманіе на біографіи тогдашнихъ русскихъ епископовъ и вообще высшихъ представителей іерархіи, то увидимъ, что значительная часть ихъ подвизалась раньше въ Кіево-Печерской Лаврѣ, и потомъ постоянно поддерживали нравственную связь съ этой послѣдней. Среди этихъ лицъ многіе ярко блистали въ тогдашней Руси своею образованностью и литературною славою. Таковъ былъ Өеодосій, Несторъ и другіе.

Состояніе просвѣщенія. Наше просвѣщеніе началось съ принятія христіанства, Владиміръ Святой имѣлъ намѣреніе привить къ Руси византійскую культуру. Съ распространеніемъ христіанства явился цѣлый кругъ духовныхъ потребностей, которыя нужно было удовлетворять; книга (на первыхъ порахъ исключительно духовная) сдѣлалась настоятельно необходимой. Неудивительно, что Ярославъ собираетъ вокругъ себя переписчиковъ, которые списываютъ книги; не довольствуясь этимъ онъ занимается переводомъ съ греческаго языка на славянскій; по буквальному тексту лѣтописи, этимъ дѣломъ онъ занимался самъ но, конечно, это дѣлали его помощники—сотрудники. Ярославъ былъ образованный человѣкъ и любилъ читать книги. Въ послѣдующее время среди княжескаго семейства лѣтописи указываютъ намъ рядъ личностей, заботившихся о просвѣщеніи. Святославъ Черниговскій, какъ видно изъ предисловія къ посвященному ему „Изборнику“, имѣлъ цѣлую библіотеку. Родной братъ его Всеволодъ Ярославичъ, какъ видно изъ поученія его сына Мономаха, зналъ пять языковъ. Самъ Мономахъ былъ, очевидно, также свѣдущій въ литературѣ человѣкъ. Князь инокъ, Никола Святоша, (Святославъ Давидовичъ) передалъ свои книги въ Печерскій монастырь. Татищевъ приводитъ много фактовъ о просвѣтительной дѣятельности князей—Святослава Ростиславича, Святослава Юрьевича, Романа Ростиславича Смоленскаго, Михаила Юрьевича, Ярослава Галицкаго. О Константинѣ Всеволодовичѣ мы имѣемъ извѣстія лѣтописей и извѣстія Татищева, которыя вполнѣ подтверждаютъ другъ друга. Такимъ образомъ, внѣ всякаго сомнѣнія стоитъ образованность нѣкоторыхъ представителей княжеской власти.

Другимъ образованнымъ классомъ являлось духовенство (черное и бѣлое) въ особенности высшее. Оно выставило изъ своей среды многихъ замѣчательныхъ дѣятелей на почвѣ литературной, которымъ былъ извѣстенъ въ совершенствѣ источникъ тогдашней мудрости—византійская письменность. Что касается до населенія, то ему была доступна, по всей вѣроятности, только грамотность да и то въ незначительной степени; въ лучшемъ положенін, конечно, находился высшій классъ населенія, стоявшій близко къ князьямъ и высшему духовенству. Наоборотъ, сельскимъ жителямъ даже и простая грамотность была недоступна: это вполнѣ подтверждается характеромъ и состояніемъ тогдашнихъ средствъ къ просвѣщенію. Проводникомъ грамотности и образованія являлась въ то время книга и школа. Книги стоили очень дорого и не могли имѣть широкаго распространенія, пріобрѣтать ихъ въ собственность могли только очень богатые люди; пользоваться же временно—только лица, стоящіе близко къ княжескимъ или церковнымъ или монастырскимъ книгохранилищамъ. Небольшой молитвенникъ стоилъ тогда 8 гривенъ кунъ, что равняется 80 руб. Количество названій книгъ, вращавшихся въ древней Руси, было довольно значительно, но количество экземпляровъ всякаго даннаго сочиненія было очень ограничено; часто книга циркулировала только въ одномъ экземплярѣ; исключеніе представляютъ только наиболѣе любимыя сочиненія, имѣвшія множество списковъ. Но кромѣ книгъ нужны были училища и учителя. Объ учителяхъ мы находимъ нѣкоторыя упоминанія. Въ „житіи Θеодосія" разсказывается, что благочестивый Θеодосій былъ отданъ къ одному изъ учителей въ Курскѣ. Курскъ былъ въ то время незначительнымъ окраиннымъ городомъ и тамъ нашелся уже учитель; очевидно, что въ другихъ городахъ были такъ же лица, занимавшіеся преподаваніемъ грамоты. Учителями были приведенные Владиміромъ Святымъ греки и ихъ потомки славяне, а также и русское духовенство; явились такимъ образомъ школы какъ частныхъ лицъ, такъ и духовенства; но эти школы носили частный, а не правительственный характеръ; правильно организованныхъ казенныхъ училищъ не было. По крайней мѣрѣ о нихъ мы не находимъ никакихъ указаній; даже въ церковныхъ уставахъ въ числѣ лицъ, подвѣдомственныхъ церкви, не упоминаются учителя, между тѣмъ какъ говорится о лекарѣ, задушныхъ людяхъ и т. д. Такимъ образомъ древне-русское просвѣщеніе коснулось исключительно высшихъ слоевъ тогдашняго общества; масса же только могла внимать устному поученію въ церкви, да иногда познакомиться съ книжною повѣстью, зашедшею случайно въ народный эпосъ. Послѣ этихъ краткихъ замѣчаній объ характерѣ просвѣщенія мы можемъ обратиться къ болѣе подробной характеристикѣ древне-русской пись-

менности. Главнымъ, если не единнственнымъ, источникомъ нашей литературы была Византія. Западъ въ этомъ отношеніи не игралъ почти никакой роли. Объясняется это тѣмъ, что христіанство на Руси было принесено изъ Византіи; вмѣстѣ съ нимъ пришла и литература. Эта византійская литература по своему внутреннему содержанію могла удовлетворять тогдашняго русскаго человѣка, ибо отличалась значительнымъ разнообразіемъ: на ряду съ богословскими сочиненіями здѣсь были историческія и художественно-литературныя; какъ наслѣдіе прошлаго остались нѣкоторыя произведенія классическаго и восточнаго міра византійская письменность восприяла и усвоила съ одной стороны многія поэтическія произведенія романскихъ и германскихъ народовъ, а съ другой стороны, восточныхъ. Всего этого было болѣе чѣмъ достаточно для удовлетворенія немногосложныхъ на первыхъ порахъ духовныхъ потребностей русскаго общества. Конечно, достоинство этой умственной пищи было относительно. Только Кирѣевскій и вообще славянофилы выставляли превосходство византійскаго просвѣщенія передъ западно-европейскимъ. Какъ бы то ни было, византійская литература усваивалась на Руси сравнительно легко и между прочимъ потому, что усвоеніе происходило при посредствѣ болгарской и сербской письменности. Эта послѣдняя выросла на византійской основѣ, а по близости и родственности своего языка съ литературнымъ славянскимъ языкомъ могла быть непосредственно перенесена на русскую территорію; здѣсь только сглаживались нѣкоторыя особенности рѣчи и литературное произведеніе въ такомъ видѣ находило себѣ многочисленныхъ читателей въ русскомъ обществѣ. Многія изъ такихъ произведеній только и сохранились въ русской редакціи. Въ сербской и болгарской литературахъ переводы съ греческаго существовали уже давно; начало имъ было положено славянскими первоучителями, Кирилломъ и Меѳодіемъ, которые перевели значительную часть библіи и богослужебныхъ книгъ; время Симеона было расцвѣтомъ болгарскаго просвѣщенія; тогда количество переводовъ увеличилось весьма значительно; тѣсная связь Болгаріи и Византіи и въ послѣдующее время способствовала вліянію византійской письменности на болгарскую. Такимъ образомъ, переводная, вообще заимствованная изъ Византіи, письменность имѣла два источника: иногда греческія сочиненія приносились на Русь самими греками и здѣсь уже переводились на древне-славянскій языкъ, или же переходили къ намъ изъ Болгаріи уже въ готовыхъ переводахъ на древне-болгарскій языкъ, почти совершенно понятный и русскому книжнику. Вся эта заимствованная литература можетъ быть подведена подъ слѣдующія главныя категоріи: 1) отдѣлъ богословскій, куда вошла прежде всего библія, за-

тѣмъ нѣсколько сочиненій догматическаго и толковательнаго характера; 2) отдѣлъ историческій, гдѣ на первомъ планѣ стояли палея, т. е. священная исторія ветхаго и отчасти новаго завѣта съ апокрифическими свѣдѣніями, хронографъ Георгія Амартола, содержащій церковную и гражданскую исторію, хронографъ Малалы съ повѣстями объ Александрѣ Македонскомъ и взятіи Трои 3) отдѣлъ нравоучительный, куда относятся церковныя поученія и житія святыхъ; это былъ самый богатый отдѣлъ, было переведено болѣе 200 словъ Іоанна Златоустаго, множество словъ Ефрема Сирина, Ѳеодора Студита и т. д.; изъ сборниковъ житій особенно много сохранилось прологовъ, т. е. сокращенныхъ житій. Изъ всѣхъ этихъ отдѣловъ наибольшимъ распространеніемъ, очевидно, долженъ былъ пользоваться третій, потому что житія и церковныя проповѣди были наиболѣе доступны для пониманія; что же касается до житій, то они привлекали къ себѣ также и интересомъ своего сюжета и потому были самымъ любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ. Подъ вліяніемъ этой переводной литературы и параллельно съ нею возникла своя собственная. Не смотря на свой подражательный характеръ она имѣетъ и свои національныя особенности, которыя у иного писателя проявляются съ большею, у иного съ меньшею силою. Наибольшаго развитія и здѣсь достигаютъ историческій и нравоучительный отдѣлы.

На сѣверѣ является первый русскій проповѣдникъ, новгородскій епископъ Лука Жидята, написавшій „Поученіе къ братіи", т. е. къ паствѣ. Его продолжателемъ былъ извѣстный игуменъ Печерскаго монастыря Ѳеодосій; ему принадлежитъ и нѣсколько поученій, обращенныхъ къ монахамъ и два къ народу. Его проповѣди отличаются удобопонятностью и простотою содержанія. Это не построенныя по готовымъ рамкамъ рѣчи о теоретическихъ вопросахъ, а безъискусственныя приноровленныя къ тогдашнимъ условіямъ и потребностямъ русской жизни бесѣды, карающія недостатки современнаго общества и указывающія пути къ ихъ исправленію. Совсѣмъ инымъ характеромъ отличаются поученія третьяго писателя—Кирилла Туровскаго. Это—русскій Златоустъ; онъ въ совершенствѣ изучилъ риторику греческихъ проповѣдниковъ; правда, онъ ихъ рабски не копируетъ, но вполнѣ усвояетъ ихъ манеру: у него мы находимъ тѣ же аллегоріи, тотъ же драматизмъ въ изложеніи, тѣ же тропы, фигуры, что и въ рѣчахъ Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго. Но выдаваясь изъ ряда вонъ по своимъ ораторскимъ достоинствамъ, проповѣди Кирилла Туровскаго не отличались въ такой же мѣрѣ и своими внутренними достоинствами; форма въ нихъ взяла верхъ надъ содержаніемъ и потому они не производили глубокаго впечатлѣнія на современниковъ; самъ проповѣдникъ сознается, что его приходили

слушать не многіе; да иначе и быть не могло, потому что восхищаться ими могли только тѣ, которымъ были доступны красоты риторики. Особое мѣсто занимаетъ моленіе Даніила Заточника. Почти въ одно время съ проповѣдью возникаютъ у насъ и первыя историческія сочиненія въ видѣ отдѣльныхъ сказаній; эти сказанія, впрочемъ, носятъ на себѣ также характеръ панегирика и поученія. Таковы сочиненія мниха Іакова и преподобнаго Нестора. Первому принадлежатъ: „память и похвала князю русскому Володимиру" и „сказаніе страстей и похвала объ убіеніи святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба". Они доставляютъ нѣкоторыя существенно важныя историческія подробности о первыхъ кіевскихъ князьяхъ, хотя эти историческія подробности перемѣшаны съ похвалою имъ, имѣющею только литературное достоинство, впрочемъ, и это послѣднее, вообще говоря, неособенно значительно. Преподобному Нестору принадлежатъ: „чтеніе о житіи и о погубленіи блаженную страстотерпцу Бориса и Глѣба" и „житіе преподобнаго Θеодосія". Оба эти произведенія по формѣ своей подходятъ подъ разрядъ тѣхъ литературныхъ произведеній, которыя извѣстны подъ именемъ житій; очевидно, преподобный Несторъ имѣлъ въ рукахъ переводные греческіе прологи (т. е. краткія житія) и вполнѣ усвоилъ себѣ способъ ихъ составленія. Житіе въ Византіи представляло изъ себя болѣе нравоучительное, чѣмъ историческое сочиненіе: на первомъ планѣ стоялъ поучительный элементъ; вся жизнь святаго, начиная съ рожденія до самой смерти, должна служить примѣромъ благочестія и святости; съ самаго рожденія отрокъ долженъ былъ обнаружить наклонность къ благочестію и аскетизму; въ виду того, что не всегда были извѣстны факты дѣйствительной жизни святыхъ, авторамъ приходилось отдѣлываться общими фразами: „человѣкъ нѣкій", „въ городѣ нѣкоемъ", „во время нѣкое"—вотъ постоянныя выраженія житій. Такимъ образомъ, дѣйствительная исторія въ житіяхъ отодвинулась на задній планъ. Житіе Бориса и Глѣба преподобнаго Нестора написано по указанному нами шаблону, что ясно открывается изъ сравненія его со сказаніемъ мниха Іакова; житіе же преподобнаго Θеодосія заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе живыхъ историческихъ чертъ, потому что написано по разсказамъ современниковъ и очевидцевъ. Житія, очевидно, охотно читались публикой, потому что вскорѣ появляется сказаніе о Печерской обители и о ея первыхъ подвижникахъ; сказаніе это помѣщено въ лѣтописи и принадлежитъ перу перваго лѣтописца. Въ началѣ XIII в. къ этому сказанію прибавлено было еще два сборника житій—епископа владимирскаго Симона и черноризца Печерскаго монастыря Поликарпа и вышелъ первый русскій патерикъ печерскій.

Вмѣстѣ съ отдѣльными сказаніями начались лѣтописныя краткія замѣтки. Изъ краткихъ замѣтокъ и отдѣльныхъ сказаній составился первый лѣтописный сводъ—„повѣсть временныхъ лѣтъ“. Въ ней авторъ обнаруживаетъ знакомство съ византійскими хронографами, даже заимствуетъ отчасти у нихъ нѣкоторыя извѣстія; но вліяніе этихъ хронографовъ, всетаки, говоря вообще, было не велико. Даже форма греческаго хронографа не вполнѣ подходитъ къ русской лѣтописи: эта послѣдняя представляетъ въ буквальномъ смыслѣ погодную запись событій безъ всякой внутренней связи, между тѣмъ какъ греческія хроники дѣлаютъ уже нѣкоторую попытку систематизаціи, потому что излагаютъ событіе не по годамъ, а по царствованіямъ. Тоже самое нужно сказать и о содержаніи: русская лѣтопись является дѣйствительнымъ выраженіемъ русской исторической жизни; этому до нѣкоторой степени способствовало то обстоятельство, что она написана не на латинскомъ, а на славянскомъ языкѣ. Съ теченіемъ времени лѣтописное дѣло развивается и расширяется; съ распаденіемъ Руси на рядъ областей появляются областныя лѣтописи, имѣющія свои мѣстныя особенности; новгородскій циклъ лѣтописей значительно отличается отъ суздальскаго, этотъ послѣдній отъ южнаго кіевскаго и волыно-галицкаго. Литературная обработка въ южныхъ лѣтописяхъ достигаетъ замѣчательной степени развитія. Но еще болѣе самобытнымъ національнымъ является и по формѣ и по содержанію „Слово о полку Игоревѣ“. Въ то время какъ относительно всякаго русскаго писателя изучаемой нами эпохи мы можемъ указать непосредственные источники его позаимствованій, сдѣлать по отношенію къ автору „Слова“ очень трудно; въ переводной тогдашней литературѣ мы не можемъ указать произведенія, которое наложило бы свою печать на „слово“. Въ этомъ произведеніи художественно литературная обработка достигла высокой степени совершенства.

Литература. Областныя лѣтописи (смотр. предъид. главу); Хрестоматія по исторіи русск. права Владимирскаго—Буданова; Хрестоматія по русской исторіи Аристова; Погодинъ, Древняя русск. исторія; Соловьевъ, Ист. Россіи; Бестужева-Рюминъ, Русская исторія, т. 1-й; Иловайскій, Исторія Россіи; Лашнюковъ, Пособіе къ изученію русской исторіи критическимъ методомъ; Хлѣбниковъ, Общество и государство въ домонгольскій періодъ; Бѣляевъ, Лекціи по исторіи русскаго законодательства; Владимирскій—Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права; Калачевъ, Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской правды; Мрочекъ—Дроздовскій, Имслѣд. о Русской правдѣ; Сергѣевичъ, Вѣче и князь; Исторія русской церкви Макарія и Голубинскаго; Исторія русской словестности Парфирьева; Аристовъ, Промышленность древней Руси.

Причины ослабленія южной Приднѣпровской Руси и усиленія сѣверо-восточной—Суздальской.

Центръ политической жизни уже во 2-й половинѣ XII в. переносится изъ Кіева на сѣверо-востокъ, въ Ростово-Суздальскую область. Спрашивается, гдѣ же лежитъ коренная причина этого ослабленія южной, приднѣпровской Руси и перенесенія центра политической жизни въ сѣверо-восточную Русь? Эта причина заключается въ географическомъ положеніи древне-русскаго центра, т. е. Кіева, и въ той великой, но тяжелой исторической миссіи, которая выпала на долю южной Руси въ защитѣ ея границъ отъ постоянныхъ нападеній половцевъ. Южная Русь стояла какъ бы на стражѣ Западной Европы, отражая кочевниковъ изъ Азіи, и въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ истратила массу силъ на это дѣло. Южно-русскія степи представляютъ изъ себя какъ бы самой природой созданныя убѣжища для кочевниковъ. Постоянной естественной границы между русскою землею и половецкой степью не существовало и не могло существовать. Слѣдовательно, южная Русь должна была напрягать всѣ свои силы на защиту своихъ окраинъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ всей Руси, отъ нападенія кочевниковъ. Но въ этой борьбѣ Европы съ Азіей все преимущество было на сторонѣ кочевыхъ народовъ. Въ южно-русскихъ степяхъ искони кочевали кочевые народы Азіи; намъ извѣстно, что уже Кіевская Русь дожна была вести упорнѣйшую борьбу съ печенѣгами и торками.

Теперь, съ половины XI до пол. XIII в., въ южно-русскихъ степяхъ господствуютъ половцы. Половцы принадлежали къ большой отрасли тюркскихъ народовъ, т. е. той группѣ, къ какой относились и печенѣги, и торки, и татары, и турки. Это былъ кочевой народъ средней Азіи, отличавшійся отъ своихъ предшественниковъ большей воинственностью;—пришедшій на смѣну имъ сразу занявшій всю южно-русскую степь и очутившійся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ южною Русью.

Бытъ половцевъ въ общихъ чертахъ былъ таковъ: они жили отдѣльными племенами, колѣнами и родами. Они были прекрасными степными наѣздниками. Никакая непріятельская конница не могла соперничать съ ними въ чистомъ полѣ, въ открытой степи, которую они изучили въ совершенствѣ. У нихъ мало-помалу выработался военный строй, приспособленный къ природѣ степей. Въ случаѣ надобности они устраивали подвижныя укрѣпленія, ставили вокругъ телѣги, покрытыя кожами, и отбивали всѣ приступы съ этой импровизированной крѣпости. Этотъ обычай, какъ извѣстно, усвоили себѣ впослѣдствіи малороссійскіе казаки. Оружіе ихъ состояло изъ лука, стрѣлъ, сабли, аркана иногда копья. Жизнь въ степи развивала въ

нихъ замѣчательное зрѣніе, а постоянно упражненіе еще болѣе усиливало ихъ мѣткость. Ихъ ничто не останавливало, они не нуждались въ мостахъ, перевозахъ, которые оказывались необходимыми для русскихъ войскъ. Они просто переправлялись черезъ рѣки на своихъ коняхъ, какъ это дѣлали впослѣдствіи татары. Постоянно живя въ степяхъ, они прекрасно изучили всѣ степныя рѣчки и знали всѣ перевозы и перелазы. Главнымъ богатствомъ ихъ былъ мелкій рогатый скотъ и крупный, лошади и верблюды. Зимой они кочевали у самаго берега Азовскаго моря, гдѣ климатъ былъ теплѣе. Это были ихъ зимовища, а лѣтомъ они подвигались на сѣверъ, поближе къ русскимъ границамъ—это были ихъ лѣтовища. Земледѣліемъ они не занимались, если только не считать проса, которое они употребляли въ большомъ количествѣ въ пищу и которое, быть можетъ, сами же и сѣяли. Пили въ большомъ количествѣ кумысъ, онъ опьянялъ ихъ; въ то время они играли на своихъ незатѣйливыхъ музыкальныхъ инструментахъ и пѣли пѣсни, гдѣ прославлялись старые ханы, вродѣ Шаруканя, Боняка, Кончака и др. Были у нихъ и пѣвцы народныхъ пѣсенъ, таковъ былъ, напримѣръ, гудецъ Орь, о которомъ русская лѣтопись говоритъ, что онъ долженъ былъ отправиться къ одному изъ половецкихъ хановъ на Кавказъ, куда этого хана загналъ Владимиръ, „и пѣть ему пѣснь половецкую и дать понюхать траву *евшанъ*, чтобы онъ вернулся опять къ народу“. По словамъ путешественника Рубруквиса, половцы насыпали надъ своими покойниками курганы и на нихъ ставили каменныя бабы съ чашами у пояса. Половцы были язычниками, но очень рано христіанскіе миссіонеры обратили на нихъ свое вниманіе, и нѣкоторые изъ нихъ приняли христіанство. Они стали теперь носить христіанскія имена—Глѣбъ, Юрій и проч. Это свидѣтельствуетъ, конечно, уже о русскомъ вліяніи на половцевъ и относится къ болѣе позднему времени. Близкое сосѣдство тюрковъ съ Русью не могло не оказать значительнаго вліянія на ея бытъ. Въ особенности это относится къ Руси южной, и нужно сказать, что это вліяніе было отрицательное. Въ теченіе двухъ столѣтій, съ половины XI до полов. XIII в., половцы производили постоянныя нападенія на южную Русь; они являлись обыкновенно внезапно, какъ потомъ татары, заботясь только о томъ, чтобы произвести побольше разрушенія, чтобы захватить побольше добычи. Лѣтопись сохранила намъ только незначительное число фактовъ о ихъ набѣгахъ, но и она отмѣтила ихъ около 50. Больше всего страдало отъ этихъ набѣговъ Переяславское княжество, какъ самое южное (19 набѣговъ), затѣмъ идетъ Поросье (12 наб.), Черниговово-Сѣверское (7) и т. д. Независимо отъ этого, сами князья русскіе во время своихъ междоусобій призывали половцевъ въ качествѣ союз-

никовъ. Неудивительно такимъ образомъ, что Русь и безъ того бѣдная населеніемъ, теряла его еще больше отъ этихъ нашествій. Каково было положеніе русскихъ плѣнниковъ, которыхъ половцы вели къ себѣ въ степь, показываетъ слѣдующее мѣсто лѣтописи; „мучимы зимою, говоритъ лѣтописецъ, и оцѣпляеми у алъчбѣ и въ жаждѣ въ бѣдѣ поблѣдѣвше лици и почернивши тѣлесы; незнаемою страною, языкомъ испаленымъ, нази ходяще и босы, ногы имуще избодены терньемъ. Со слезами отвѣщеваху другъ другу глаголюще „азъ бѣхъ сего города", а другии—„азъ сего села" и тако съвопрошахуся со слезами, родъ свой повѣдающе, очи взводяще на небеса къ Вышнему, вѣдущему тайная. И градѣ вси опустѣша і перецдѣмъ поля, идѣже пасома быша стада, конѣ, овцѣ и волове, се все тщe нынѣ видимъ, нивы порожьше стоятъ, звѣремъ жилища быша". Не зная, когда появился врагъ, не будучи въ состояніи во время отразить его, южно-русскіе князья старались отрѣзать по крайней мѣрѣ половцамъ обратный путь изъ Руси. При этомъ они отбивали и награбленную добычу и плѣнниковъ, но случалось это не часто; чаще приходилось выкупать христіанскихъ „полоняниковъ" изъ половецкаго плѣна, при чемъ размѣръ выкупа опредѣлялся общественнымъ положеніемъ плѣнника. Въ своемъ стремленіи защитить пограничное населеніе отъ дикихъ половцевъ русскіе князья охотно должны были согласиться на принятіе въ свою службу мирныхъ тюрковъ, главнымъ образомъ торковъ, берендеевъ и ковцувъ, носившихъ общее названіе Черныхъ Клобуковъ Къ нимъ могли присоединиться и половцы. Такъ образовались тѣ Черно-Клобуцкія поселенія, которыя сдѣлались передовымъ оплотомъ Руси противъ половцевъ на южной границѣ Кіевскаго и Черниговскаго княжествъ. Эти Черные Клобуки находились въ близкомъ отношеніи съ русскими и подъ вліяніемъ этихъ послѣднихъ измѣнили кое въ чемъ свой бытъ, но всетаки не отстали отъ привычекъ, свойственныхъ кочевникамъ. Они были полезны въ томъ отношеніи, что могли отражать половцевъ на коняхъ, ибо сами они были прекрасными наѣздниками; они участвовали и въ наступательныхъ походахъ русскихъ князей на половцевъ. Южная Русь и южно-русскіе князья вели двоякую борьбу съ половцами: оборонительную, характеръ которой намъ въ общихъ чертахъ извѣстенъ, и наступательную. Въ этой послѣдней особенно прославился „добрый страдалецъ за русскую землю" Владиміръ Мономахъ. Ходили противъ половцевъ и другіе князья, нерѣдко со славой и добычей возвращались назадъ, заслуживали похвалы лѣтописцевъ, но, вообще говоря, эти разрозненные отдѣльные походы князей не могли имѣть важныхъ результатовъ; трудно было гоняться за кочевниками въ степи; что можно было взять съ нихъ при кочевомъ ихъ бытѣ, при отсутствіи городовъ и земледѣльческой культуры, не говоримъ уже о томъ, что смѣлымъ русскимъ князьямъ приходилось иногда сильно платиться за свою неустрашимость. Таковъ

былъ несчастный походъ знаменитаго героя „слово о полку Игоревѣ"— Игоря Святославича. Такимъ образомъ оставалась только южной Руси оборонительная борьба съ половцами, и эту задачу она исполняла въ теченіи 3 вѣковъ, хотя силы ея въ этой борьбѣ ослабѣли и центръ государственной жизни въ концѣ концовъ долженъ былъ перейти на сѣверо-востокъ, какъ въ болѣе мирный край, гдѣ вмѣсто воинственныхъ тюрковъ жило слабое финское племя и куда теперь начинаетъ двигаться даже южно-русское населеніе. Военными столкновеніями не ограничивались впрочемъ взаимныя отношенія Руси и тюрковъ—были и мирныя связи: русскія князья женились на половчанкахъ, половецкіе князья принимали христіанство; Черные Клобуки постоянно участвовали въ политическихъ дѣлахъ и въ половецкій языкъ вошли русскія слова; особенно важное значеніе въ этнографическомъ отношеніи имѣли браки; однимъ словомъ, тюркскій элементъ имѣлъ значительное вліяніе на происхожденіе, антропологическія и этнографическія особенности южно-русской народности.

Итакъ, мы считаемъ, что эти половецкіе набѣги, со всей совокупностью вызываемыхъ ими послѣдствій—экономическихъ и политическихъ, и являются основными факторами, вызвавшими ослабленія южной Руси. Значеніе другихъ факторовъ представляется уже второстепеннымъ, ибо они дѣйствовали не только въ южной, но и сѣверо-восточной Руси (таково, напр., рабовладѣніе, выдвигаемое проф. В. О. Ключевскимъ). Что касается отлива населенія въ XII в. изъ южной Руси въ сѣверо-восточную, то о немъ во 1-хъ, мы можемъ судить только по даннымъ географической номенклатуры, которая въ настоящемъ случаѣ не поддается хронологическимъ прурочeніямъ, а, во 2-хъ, въ колонизаціи Ростово-Суздальской земли должны были играть не такія отдаленныя области, какъ Кіевская, а сосѣднія, напр., земля вятичей.

Въ то время, когда южная Русь жила при господствѣ вѣчевого уклада, въ сѣверо-восточной Руси начинаютъ развиваться прямо противоположныя начала и представителями этихъ началъ являются: Юрій Долгорукій, Андрей Боголюбскій и Всеволодъ Большое Гнѣздо. Основнымъ фактомъ нужно признать разгромъ Кіева въ 1169 году. Это былъ такой ударъ, который можно сравнить съ нашествіемъ на Кіевъ Батыя, это было взятіе, какъ выражается лѣтопись, города на щитъ. Затѣмъ, далѣе, другимъ фактомъ огромной важности является то, что Андрей Боголюбскій не усѣлся въ этомъ городѣ, вообще, принебрегъ южной Русью, слѣдовательно, отказался отъ всѣхъ генеалогическихъ разсчетовъ и традицій и построилъ свою власть на другомъ принципѣ. Прежде Кіевъ былъ политическимъ центромъ, куда стремились помыслы всѣхъ русскихъ князей; теперь

Кіевъ теряетъ въ этомъ смыслѣ свое значеніе. Съ этого времени великій князь не остается жить въ Кіевѣ, а избираетъ себѣ другое мѣсто жительства. Андрей Боголюбскій сдѣлался великимъ княземъ, не желая быть княземъ кіевскимъ. Въ то же самое время рѣзко измѣняются и его отношенія къ младшимъ князьямъ. Во первыхъ, здѣсь мы встрѣчаемъ новый терминъ князей подручниковъ. Прежде были младшіе и старшіе князья. Младшія князья должны были уважать великаго, какъ заступающаго мѣсто ихъ отца. Это уваженіе въ отношеніи къ старшинству замѣняется теперь болѣе опредѣленнымъ отношеніемъ владыки къ подручнику. Кромѣ того, Андрей Боголюбскій начинаетъ вести борьбу съ вѣчемъ и старшею дружиною, на которыя въ Кіевской Руси опирались князья. Вѣчевой элементъ въ Ростово-Суздальской землѣ былъ представ ленъ друмя старинными городами: Ростовомъ и Суздалемъ. И вотъ мы видимъ борьбу Андрея Боголюбскаго, именно, съ этими старинными городами. Ему не нравились эти города такъ же, какъ и Кіевъ; почему? Потому что въ нихъ еще сильны были старыя кіевскія традиціи—вѣчевыя, съ одной стороны, и боярско-дружинныя, съ другой. Вотъ истинная причина того, почему Андрей Боголюбскій переноситъ свою резиденцію изъ Ростова и Суздаля въ незначительный дотолѣ городокъ Владимиръ на Клязьмѣ, который ему самому былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ. Онъ ведетъ теперь борьбу со старыми боярами, не желая ихъ имѣть у себя на службѣ, онъ окружаетъ себя представителями младшей дружины. Чѣмъ это вызывается? Это опять таки вызывается желаніемъ не считаться съ той политической силой, какую представлялъ изъ себя этотъ классъ людей. Но тѣ силы, противъ которыхъ онъ такъ рѣзко и прямо выступилъ, все-таки пользовались тогда еще въ Ростово-Суздальской землѣ большимъ значеніемъ. Вотъ причина, почему Андрей Боголюбскій такъ трагически погибъ—сталъ жертвою своихъ новыхъ стремленій. Но эти попытки все же свидѣтельствуютъ о возрастаніи княжеской власти. Стремленіе къ усиленію власти должно было на что—либо опираться: одной борьбы со старинной тенденціей было недостаточно. Почему Андрей Боголюбскій оказывается такимъ сильнымъ и могущественнымъ, почему его преемникъ Всеволодъ Большое Гнѣздо, по словамъ автора „слово о полку Игоревѣ", явился такимъ могучимъ княземъ, что могъ уже весь Донъ вычерпать шеломомъ? Основная причина этого заключается въ томъ, что эти Ростово-Суздальскіе князья были сами же и колонизаторами своихъ земель, княжествъ и областей. Въ то время, какъ въ южной Руси князья приходятъ къ готовому народонаселенію,—въ предѣлахъ сѣверо-восточной Руси, первоначально заселенныхъ финскими народцами, князья должны были принять на себя колонизаторскую роль. Здѣсь все находилось въ тѣснѣйшей связи съ